

УДК 931/939
ББК 63.3(5)
Г94

Гумилев Л.Н.

Г94 История народа хунну / Сост. и общ. ред. А.И.Куркчи: В 2-х книгах. Кн. 1. — М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. — 448 с.: ил. — (Серия «Сочинения Л.Н.Гумилева»; Вып. 9).

ISBN 5-87583-066-2

Работы известного русского историка и географа Л.Н.Гумилева, объединенные общим названием «История народа хунну», состоят из нескольких самостоятельных книг ученого, исследовавшего историю кочевого народа хунну. Первая из них — книга «Хунну», посвященная становлению и гибели великого государства кочевников, была опубликована в 1960 г. и осталась классической монографией, составившей целую эпоху в хуннологии. Книга «Хунны в Китае», изданная в 1974 г., является логическим продолжением монографии и посвящена взаимоотношениям кочевников и оседлого населения Китая. Завершает сквозную историю народа хунну работа «Гунны в Азии и Европе». Начиная с III в. н.э. в Европе за хунну утвердилось имя «гуннов», история которых описана в многочисленных трудах европейских летописцев.

Книги дополнены рядом статей Л.Н.Гумилева, а также постоянным приложением — «Диалогом источников».

Г 931000000

ББК 63.3(5)

© Институт ДИ-ДИК, 1997

© А.И.Куркчи. Составление, подготовка и общая редакция Собрания сочинений, 1997

© Ю.К.Курбагов. Обложка. Общий макет издания, 1997

221679
ISBN 5-87583-066-2

С.И.Руденко
Г.Е.Грумм-Гржимайло
Р.Ю.Виппер
Н.Н.Крадин
И.П.Засецкая
Б.В.Лунин
В.А.Кореняко
П.Н.Савицкий

в книге Л.Н.Гумилева
"История народа хунну"

Содержание

<i>Вступление</i>	19
ХУННУ	
Глава I. <i>Во мгле веков</i>	26
В древнейшем Китае. Зарождение хуннов. Природа восточных степей. Жуны и хунны. Победа Чжоу и ее последствия.	
Глава II. <i>Изгнанники в степи</i>	37
Предыстория хуннов. Становление хуннов. Открытие Сибири. Продвижение хуннов на север. Соседи древних хуннов.	
Глава III. <i>На берегах «песчаного моря»</i>	55
Первое вторжение хуннов в Китай. Борьба жунов и китайцев. Культура плиточных могил. О языке хуннов.	
Глава IV. <i>Великая стена</i>	63
Война хуннов с княжеством Чжао. Построение Великой стены. Война хуннов с государством Цинь. Падение государства Цинь. О древнекитайской методике исторического повествования.	
Глава V. <i>Свистящие стрелы</i>	76
Шаньюй Модэ и возникновение державы Хунну. Первая война Хунну и Хань. Кочевые тибетцы-кяны. Усуни. Устройство державы Хунну. Общественный строй хуннов.	
Глава VI. <i>Господство над народами</i>	96
Западная граница. Внутренняя политика. Война с Китаем за свободу торговли. Восточная граница.	

Северная граница. Общественно-экономическая жизнь
в державе Хунну. Религия хуннов.

- Глава VII. *Взлет дракона* 111
Возобновление хунно-китайской войны. Потери хуннов. Борьба Вэй Цина с хуннами. Успехи китайского оружия. Открытие Европы. Западный край. У-ди и его задачи.
- Глава VIII. *«Небесные кони»* 132
Китайское продвижение на запад. Ушилу-шаньюй. Первый поход в Давань. Второй поход в Давань. Осада Гуйшана. Тяготы войны.
- Глава IX. *Бой насмерть* 142
Неудавшийся заговор. Капитуляция Ли Лина. Новшество в порядке престолонаследия Хунну. Яньжаньское побоище.
- Глава X. *Кризис державы Хунну* 152
Борьба за престол. Хуннское общество накануне упадка. Старо-хуннская партия. Война с Китаем. Усунь. Поражение хуннов. Борьба партий в Хунну. Кризис.
- Глава XI. *Брат на брата* 165
Переворот Чжуанькюй-яньчи. Междоусобная война. Раздел Усуни и война с Кангюем. Подчинение Хунну Китаю. Хунны в Средней Азии. Таласская битва. Поздние динлины.
- Глава XII. *Возвращенная свобода* 184
Ханьская политика в оценках современников. Хунны под протекторатом Китая. Захват власти Ван Маном и его реформы. Отложение Хунну от Китая. Ноин-ула. Смена династии. Восстание «краснобровых» и гибель Ван Мана. Восстановление династии Хань.
- Глава XIII. *Раскол* 204
Успехи хуннов. Борьба внутри хуннской державы. Разделение державы. Ослабление Хунну. Восстание кянов. События в Западном крае. Эволюция южного Хунну. Становление орды — военной демократии.
- Глава XIV. *Разорванное кольцо* 220
Перед гибелью. Разгром Северного Хунну. Победы Бянь Чао. Потрясения в Южном Хунну. Покорение кянов. Возрождение Северного Хунну. Восстание кянов. Утрата Западного края Китаем.

Глава XV. <i>Последний удар</i>	239
Таншихай. Четыре ветви хуннского народа. Хунны и гунны.	
Словарь этнонимов	251
Синхроническая таблица	256
Список сокращений	282
Генеалогические таблицы	283
<i>Троецарствие в Китае</i>	287
Приложение	
С.И.Руденко. К вопросу об историческом синтезе (По поводу одной дискуссии)	309

БЕЛОКУРАЯ РАСА

<i>Л.Н.Гумилев</i> . Динлинская проблема	319
<i>Г.Е.Грум-Гржимайло</i> . Белокурая раса в Средней Азии	340

ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ

Цзинь-шу	363
<i>Р.Ю.Виппер</i> . Последний век империи	392
<i>Н.Н.Крадин</i> . Современные проблемы хуннологии	416
<i>Коротко об авторах</i>	445
<i>Первая публикация текстов Л.Н.Гумилева</i>	446

Предисловие

В 1960 году вышла книга Л.Н.Гумилева «Хунну». Название и подзаголовок ее «Срединная Азия в древние времена» сразу привлекли внимание обозначением новой русской геополитической яви. Книга приобрела необычайную известность, ее читали, цитировали, увлеклись сюжетами древнего кочевого Востока. Книга оказалась чрезвычайно актуальной: история загнанного в тупик народа, о котором многие десятилетия не писалось ничего, кроме оскорбительных обвинений в «варварстве», вдруг стала новейшей историей, или, точнее, частью истории советских народов, о которых тоже мало что было известно. Древняя история многонациональной страны в 1960 году еще никого не волновала, кроме археологов, историков. Новинкой выглядело и понятие: *Срединная Азия*. Какая — Средняя, Центральная или еще более обширная страна? О Евразии тогда уже — еще — не говорили, да и не было нужды в каком-то объединительном термине родства.

Казалось, что впереди, наконец, появится настоящая историография, освещающая жизнь народов — не только, например, победоносно самоосвобождающихся народов Африки — а 1960 год стал годом ООН, борьбы народов Африки за свое национально-международное признание. Казалось, что определилась и дорога немолодого, но известного доктора наук Л.Н.Гумилева как одного из лучших, благородных и бескорыстных исследователей Востока, Азии.

«Хунну» была первой книгой Л.Н.Гумилева после лагерей и всех тяжелейших послелагерных лет, в пучине которых ученый жил, собирал материалы по истории кочевых

народов и публиковал редко статьи. В 1974 году вышла следующая книга Л.Н.Гумилева о народе хунну — «Хунны в Китае». За это время мир изменился. Историк-исследователь приобрел мировую известность. Дискомфорт советской науки усилился, историческая наука впадала в летаргию и не в состоянии была найти координаты нового мира, не только современного, но, главным образом, старого, древнего азиатского и прочих миров.

Интерес к истории возрос многократно, читатель зачастую знал больше, чем историческая кафедра. Начинаясь идеологическая война за право наследия, на сцену подлинной истории выходили народы Евразии, которые вовсе не хотели считаться с репильностью той роли, которую им отводили ученые. Все стало иным. Книга «Хунны в Китае» в Издательстве восточной литературы была подвергнута жесточайшему контролю и «выправлению» — прежде всего со стороны идеологии кочевниковедения. Покореженной, искромсанным текстом и «исправленными» картами она увидела свет. Л.Н.Гумилев не раз хотел восстановить рукопись, но так и не успел этого сделать. Следующая, 3-я часть истории хунну осталась опубликованной лишь в виде статьи в журнале «Вопросы истории».

Л.Н.Гумилев начал изучать кочевников вообще и хунну в частности с 1930 года. Ныне итог его 50-летнего изучения 2000-летней истории народа хунну покоится на прочном фундаменте событийной хронологии. Взяв в качестве примера всю историю хуннов, Л.Н.Гумилев применил к ней свое новое понимание исторического генезиса народов, обозначил новую точку отсчета ритма этноистории и в конце концов создал новую парадигму исследования этногенеза — теорию пассионарности.

В цикле книг и статей о хунну и гуннах — так утвердилось написание хунну в Европе — Л.Н.Гумилев восстановил историческое достоинство народа — не в терминах «лучший» и «худший», к чему склонялась обычно историография, а в исторической беспристрастности. Ученый потратил жизнь на изучение четырех народов: хунну, хазар, тюрок и монголов, а хунну находились среди самых закрытых тем исследования просто потому, что их судьбу рассматривали всегда на фоне чужой истории, истории Китая. Кроме того, никогда не сопоставлялась событийная связь напряженной жизни кочевых обществ с хронологией всей Срединной Азии, Евразии.

В науке истории существуют два равноправных типа исследований, которые либо приводят к открытиям, либо нет. Л.Н.Гумилев в прямом смысле открыл, прежде всего для русского жителя, страну Хазарию — путем археологических

экспедиций на Волгу и раскопок на местности остатков тюрко-срединного мира. Благодаря второму типу — интеллектуальному обобщению накопленного исторического материала, ставшего эмпирическим обобщением, он открыл, описал и сделал доступной и явной историю страны и народа хунну. Два типа исследований, два подхода не помешали ученому создать целостную историю развития Срединной Азии, которая в его лице сейчас, когда на ее просторах обосновалось большое число независимых государств, приобрела своего хрониста, своего историографа — основателя новой научной традиции, и нет народа, который не углядел бы своей части исторического наследия в биографии хунну. История хунну — начальная часть истории многочисленных этносов, населяющих нынешнюю Внутреннюю Евразию, ту Центральную или Высокую Азию, которая до недавнего времени упорно являлась фактической границей русско-европейской ойкумены.

В России было издано несколько исторических сочинений о прошлом хунну, и все же ни в России, ни в ориенталистике Франции, Германии не отнеслись к теме жизнестойкости одного небольшого народа, обосновавшегося в пределах современной Монголии, как к эпопее героического или национального противостояния внешним врагам. Именно хунну, представ на мировой арене как военно-патриархальное государство-народ, впервые определили собой существование особой геоисторической целостности, особой цивилизации, находившейся в оппозиции как Древнему Китаю, так и ираноязычному Турану и далее Западу. Хунну и их соседи, находившиеся в подчинении или в соседской тягбе и вражде, вошли в историю, составляя самостоятельный регион развития культуры, искусства, религии, экономики и политики. Эта самостоятельность началась очень рано и отразилась, по нашей терминологии, в первобытных петроглифах, рисунках на камне, в грандиозных росписях в пещерах, на скалах, в скульптуре.

Смысл работ Л.Н.Гумилева по хуннологии состоит в том, что, развив на примере хунну концепцию этногенеза одного народа от рождения и до смерти, он в последствии в работе «Этногенез и биосфера Земли» отработал модель этнической истории кочевых и оседлых народов. Ученый искал и нашел механизм сопротивления этноса в окружающей среде. Чтобы выстоять в своем желании опередить соседей, которые куют ему гибель, хунну на очередном витке своей истории породили особый институт этно-культурного равновесия с природой, что придало им силы для 500-летней войны с Китаем.

Тогда же к могуществу степи проявил интерес Дальний

Запад, древние греки. Они были первыми, кто проникся беспокойством пространства, кто испытал волнение перед территорией ужаса — кентаврами, конными всадниками, перемещавшимися со скоростью ветра. Китаецентрический взгляд на кочевников понятен: он статичен, недаром против них построена Китайская стена. Европейский искус, древнегреческий прежде всего, вырос из огромного любопытства к новизне и переменам. Царские грифы где-то в Сибири стерегли золото, гиперборей жили в снегах, исседоны подпирали золотоносные горы, одноглазые аримаспы на золотооблаченных конях покоряли равнины. Кто они были? Античный странник и поэт Аристей из Проконесса увидел дикий мир равнодушных людей азиатской Скифии и описал их. Время — VI век до н.э. «Берегись остроколющих, безгласных псов Зевса, грифов и одноглазой конной рати аримаспов, которые живут у златоносного Плутонова потока», — так написал Эсхил в «Прикованном Прометее» в 475 году до н.э. Все отметили фантастически необузданный мир конной Азии: Скифии или Хуннии — Геродот, Клавдий Птолемей, Плиний. Дальнейшее — археологическое открытие хунну последовало в XX веке. Блестяще написанная Л.Н.Гумилевым история народа от рождения в горах Ноин-Ула и до гибели в Европе — последняя по итогам попытка определить значение мира хунно-скифии, мира хуннов, заменивших в III—IV вв. н.э. собой исторический ареал скифов.

Итак, на рубеже IX—VIII вв. до н.э. в Центральной Азии между Китаем и Каспием, возник комплекс этносов, вознесенных к жизни, по терминологии Л.Н.Гумилева, пассионарным толчком, и на арене истории возникли хунну, динлины, дунху и другие. Динлины — жители современной Минусинской впадины, высокорослые европеоиды, наследовавшие Тагарскую архео-культуру, дунху — предки монголов и сяньбийцев, и другие народы, ставшие известными под именем усунь. Первые 500 лет история этого суперэтноса не описана, о ней нет письменных данных. Ко II веку до н.э. завершается фаза этногенетического подъема. Конец фазы известен по трагическому исходу. Накануне II в. н.э. был прерван этногенез, фаза подъема сменилась надломом. Уже в 93 г. н.э. близкородственные сяньбийцы расправились с ослабевшими хунну, разгромили их в степях их родины, и четыре ветви некогда могущественного народа хунну разошлись на четыре стороны света. Одна ушла в Казахстан, в Семиречье, другая с боями прорвалась в Китай и там исчезла, третья слилась с покорителями сяньбийцами, четвертая в 155 году н.э. оказалась в низовьях Волги. Дальнейшее — это уже история гуннов европейских хроник. И

она тоже прослежена Л.Н.Гумилевым, и им же рассмотрена регенерация пришедшего в упадок этноса, который в III—V в. н.э. определял историю средневековой Европы. Аттила возглавляет метисный этнос, состоящий из остатков воинов хунну, сарматов, поднятых из скифо-аральских пустынь волной следующего витка этногенеза, из новых этносов угро-финского региона. История загасила последнюю вспышку этногенеза хунну, он завершился на северных берегах Волги, где сегодня живет древнейший народ чуваша.

Такова вкратце этногенетическая канва всех сочинений Л.Н.Гумилева, посвященных хунну и вошедших в эту книгу.

Подготовленное нами издание «История народа хунну» состоит из 2-х томов.

В первый том вошли текст книги «Хунну» и статьи Л.Н.Гумилева, непосредственно связанные с ней. Рукой ученого в личном экземпляре книги «Хунну» вписано: «продолжение — в статье «Троецарствие в Китае». Нами учитываются исправления, которые автор внес в текст и в хронологию событий.

Важнейшим в судьбе книги было ее обсуждение в Ленинграде, в Географическом обществе, подготовленное профессором С.И.Руденко. Публикация этого материала дает представление о резонансе, вызванном книгой и ее блестяще изложенным материалом.

Г.В.Вернадский, живший в Америке, сразу же опубликовал рецензию, в которой высоко оценил достоинства «Хунну» и талант исследователя. Между ним и П.Н.Савицким, жившим в Праге, завязалась по поводу книги оживленная переписка, фрагменты которой П.Н.Савицкий цитировал в своих письмах Л.Н.Гумилеву в Ленинград. Эта переписка будет опубликована в одном из следующих томов.

Мы помещаем в особом разделе статью Л.Н.Гумилева «Динлинская проблема», имеющую отношение к генезису хунну и сяньби (монголов), и к формированию облика искусства и образцов заимствования в культуре хунну, которым предстояло противостоять обаянию китайской культуры и воспринять тот могущественный изобразительный стиль Скифо-Сибири или скифоевразийского культурного комплекса, раскопки которого убеждают, что хунну занимали свою нишу в искусстве кочевого континента от Дуная и до Желтого моря.

Первый том завершается «Диалогом источников», где мы публикуем китайский трактат о кочевниках «Цзинь-шу» в переводе известного китаиста В.С.Таскина. Материал профессора Р.Ю.Вилпера посвящен исторической оценке гуннов и кочевников в Европе. Н.Н.Крадин, историк-хуннолог из Владивостока, представил Фонду «Мир Л.Н.Гуми-

Вступление

О существовании народа хунну стало известно из китайских источников. Его наименование оказалось гораздо более долговечным, чем сам народ. Оно широко известно, несмотря на то что носители его погибли полторы тысячи лет назад, тогда как названия многих соседних современных хуннам народов знают сейчас только историки-специалисты. Хунны оставили глубокий след в мировой истории. Двинувшись из Азии на запад, они нашли приют в Приуралье у угров. Слившись с ними, они образовали новый народ, который в Европе стал известен под названием гуннов. До сих пор нередко слово «гунн» звучит как синоним свирепого дикаря. И это не случайно, ибо хунны на протяжении тысячи лет выступали не только как созидатели, но часто и как разрушители. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*¹.

Однако наша задача не в том, чтобы хвалить или порицать давно исчезнувшие племена. Мы хотим разобраться, каким образом немногочисленный кочевой народ создал такую форму организации и культуру, которые позволили ему сохранять самостоятельность и самобытность на протяжении многих столетий, пока он не потерпел окончательное поражение и не подвергся полному истреблению. В чем была сила этого народа и почему она иссякла? Кем были хунны для соседей и что оставили они потомкам? Найдя ответ на поставленные вопросы, мы тем самым правильно определим значение хуннов в истории человечества.

Научный интерес к хуннам, к их истории и этнографическим особенностям впервые возник в Китае. Основателем «хуннологии» можно считать гениального автора «Исторических записок» Сыма Цяня, жившего во II в. до н.э. Он не только составил летопись войны, которую империя Хань вела с хуннами, но и поставил вопрос: почему всюду победоносное китайское оружие не могло сломить кочевых варваров? На это он предлагал остроумный для своего времени ответ: географическое положение, климат и рельеф Китая и Срединной Азии настолько различны, что китайцы не могут жить в хуннских степях, так же как хунны не могут жить в Китае, и потому покорение страны иного ландшафта и населения, имеющего непохожий быт, невозможно².

Рациональным зерном анализа Сыма Цяня были поиски объективных факторов исторического процесса, но действительность показала несостоятельность географического метода: в I в. до н.э. хунны ослабели, и империя Хань на полвека стала гегемоном в Срединной Азии.

Продолжателем Сыма Цяня был талантливый историк конфуцианского направления Бань Гу, написавший «Историю Старшей династии Хань», но он не закончил своего труда, так как оказался среди друзей одного опального вельможи и поэтому был заточен в тюрьму, где и умер в 92 г. н.э.

Бань Гу рассматривал проблемы покорения хуннов с точки зрения целесообразности и полагал, что включение в состав империи чуждого по культуре народа может быть вредно для Китая. Он считал хуннов настолько далекими от китайской культуры, что не допускал мысли о возможной ассимиляции, и подробно обосновывал необходимость укрепления китайской границы с хуннами даже в мирное время³. Возможно, что позиция историка продиктована тем, что он писал свое сочинение в разгар хунно-китайской войны.

Третья книга, содержащая интересующие нас сведения, — «История Младшей династии Хань» — написана уже в V в. н.э. южнокитайским ученым чиновником Фань Хуа. В качестве материала он использовал не дошедшие до нас труды, которые он, по собственному выражению, «обдумывал здраво»⁴. Его сочинение суше и беднее предыдущих, однако благодаря ему Фань Хуа добился высокого положения. Позднее он принял участие в антигосударственном заговоре и был казнен.

Три указанных исторических труда составляют фундамент истории восточноазиатских хуннов. Что же касается западных гунов, названных так в отличие от своих восточных предков⁵, то первое место принадлежит труду Аммиана Марцеллина⁶, давшего красочное описание этого народа.

Подобно китайским историкам, Аммиан Марцеллин — «солдат и грек» — обратил внимание на несходство гунов со всеми прочими известными ему народами, в том числе и кочевными аланами. Безусловно, его описание односторонне⁷, проникнуто ненавистью к пришельцам, но для исследователя важны данные, совпадающие у него с наблюдениями китайских авторов. Именно они дают возможность восстановить облик древнего народа.

Названными авторами исчерпывается первый период «хуннологии», так как история европейских гунов не входит в рамки намеченной нами темы ни хронологически, ни территориально.

Второй период «хуннологии» начался с XVIII в., когда этой проблемой стали заниматься французы.

В XVIII в. французские миссионеры заинтересовались не только Китаем, где протекала их деятельность, но и северными народами. Гобиль, де Майя и другие, прекрасно владея китайским и маньчжурским языками, составили остроумные переводные компиляции, ознакомившие Европу с историей восточных кочевников. Этими трудами воспользовался профессор Сорбонны Дегинь; он сопоставил китайские данные с византийскими и издал свою капитальную работу о восточных народах⁸. Ныне эта книга устарела.

Сведения ближневосточных источников собрал и обработал Вивьен де Сен-Мартен⁹. Продолжателями дела, начатого французской школой XVIII в., были ученые XIX в. — Абель Ремюш, оставивший огромное количество частных исследований, и Клапрот, создавший историко-географический атлас «Tableaux historiques de l'Asie», бывший в свое время весьма ценным обобщением. Новый расцвет исторической науки, посвященной центральноазиатским проблемам, наступил во Франции в конце XIX — начале XX в. Это был кульминационный пункт европейского востоковедения. Общие и частные труды Эдуарда Шаванна, Поля Пельо, Анри Кордье и Рене Груссе осветили множество вопросов и дали возможность приступить ко второму, после Дегиня, обобщению накопленного материала. Из ис-

Хунну

следований немецких ученых надо назвать монументальные работы де Грота¹⁰ и Франке¹¹; сведения, сообщаемые ими, в подавляющем большинстве повторяют то, что имеется во французских и русских исследованиях. Что же касается Фридриха Хирта¹², то его работы о хуннах не выдержали испытания временем и потеряли всякую ценность.

Труды английских и американских ученых занимают в истории науки особое место. Книга Паркера «Thousand years of the Tartare» (Shanghai, 1895) написана живо, но лишена ссылочного аппарата, что не дает читателю возможности проверить подчас неожиданные заявления автора. Безусловно ценным вкладом в науку являются монографии Ауреля Стейна, посвященные описанию оазисов бассейна реки Тарим, а также хронологические изыскания Теггарта. Отнюдь небезынтересно исследование О.Латтимора, хотя оно только слегка задевает нашу тему. Но все эти работы для «хуннологии» — лишь вспомогательные, непосредственно же хуннам посвящены книга Мак-Говерна¹³ и статьи Отто Мэнчен-Хелфена¹⁴. Мак-Говерн находится в плену у китайской историографии, воспринятой им некритически. По сути дела, он хорошим английским языком популярно излагает содержание китайских династических хроник. Книга его, ценная как полная сводка источников, использована мною как параллельный перевод китайского текста.

Отто Мэнчен-Хелфен ставит под сомнение достижения русской науки, отрицает преемственность европейских гуннов от азиатских хуннов. Однако его аргументация опровергается при детальном разборе и сопоставлении фактов, и его работы имеют лишь негативное значение.

Итак, многие ученые приняли участие в исследовании интересующего нас вопроса, но первое место в изучении древней истории Срединной Азии уже 100 лет принадлежит русской науке.

Первым русским ученым, поднявшим изучение Центральной Азии на ступень выше современной ему европейской науки, был Н.Я.Бичурин, в монашестве Иакинф. Великолепное знание китайского языка и потрясающая работоспособность позволили ему осуществить перевод почти всех китайских сочинений, относящихся к древней истории Срединной Азии. Его труды, изданные во второй четверти XIX в., до сих пор служат краеугольным камнем для кочевниковедения вообще и истории хуннов, в частности. Не меньшее значение имеют его ра-

боты по исторической географии Китая и сопредельных стран. Эти работы не были напечатаны в свое время и начали издаваться только в советский период.

Опубликование Бичуриным китайских источников открыло блестящую эпоху русского востоковедения, хотя некоторые его взгляды и соображения и не подтвердились полностью (например, его мнение, что хунны были монголы).

К обобщению западных и восточных материалов первым приступил В.В.Григорьев, не только арабист и иранист, но и блестящий знаток греко-римской историографии. Используя переводы Н.Я.Бичурина для сравнения с ближневосточными источниками, он построил сводную работу «Китайский, или Восточный, Туркестан», бывшую в его время исчерпывающим исследованием и вплоть до сего дня не потерявшую ценность.

Но не только кабинетные ученые отдали труды и силы изучению азиатской древности. Не меньшие заслуги выпали на долю отдельных путешественников и Географического общества в целом. Н.М.Пржевальский открыл и описал страны, до тех пор известные только понаслышке. Его ученики П.К.Козлов и В.И.Роборовский завершили замыслы своего учителя и не только посетили, но и описали природу тех стран, где когда-то возник, жил и исчез хуннский народ. За ними последовали М.В.Певцов, братья М.Е. и Г.Е.Грумм-Гржимайло, Г.Н.Потанин, В.А.Обручев и в наше время Э.М.Мурзаев. В ярких и красочных экспедиционных отчетах и дневниках перед читателем встают картины бескрайних степей, горных хребтов, с которых бегут чистые ручьи, раскаленных каменистых и песчаных пустынь, снежных буранов и нежного цветения азиатских весен. Страницы, посвященные охоте, знакомят нас с видами тех же зверей, на которых в древности охотились хунны, а открытие археологических памятников позволяет соприкоснуться непосредственно с материальной культурой далеких времен. Не меньшее значение имеют также их этнографические наблюдения, которые дали материал для классификации не только современных, но и исчезнувших в глубокой древности народов.

В 1896 г. Н.А.Аристов опубликовал в журнале «Живая старина» небольшое по объему, но до предела насыщенное исследование «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей», в котором видное место уделено древним народам. Продолжателем его дела был знаменитый путешественник Г.Е.Грумм-Гржимайло, посвятивший истории Центральной

Хунну

Азии целый ряд сочинений, из которых наиболее значительное — «Западная Монголия и Урянхайский край». В этом замечательном исследовании подводятся итог всем работам русских и европейских историков и географов и критически разбираются все гипотезы и точки зрения, существовавшие в его время. Для историков Срединной Азии эта работа Г.Е.Грумм-Гржимайло стала настольной книгой. Но не все вопросы истории Внутренней Азии были в поле зрения Грумм-Гржимайло, который интересовался преимущественно исторической географией, палеоэтнографией и некоторыми вопросами хронологии. Этот пробел восполнен небольшой, но исключительно ценной книгой К.А.Иностранцева «Хунну и гунны». Содержание этой работы определено ее подзаголовком: «Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов». Можно с уверенностью сказать, что ни одна из существующих концепций не укрылась от взора автора и его детального разбора. Книги Г.Е.Грумм-Гржимайло и К.А.Иностранцева вместе содержат quintessenciu всей предшествующей науки о хуннах.

Шагом назад была книга А.Н.Бернштама «Очерк истории гуннов». В ней нет последовательного изложения событий и изменений в хуннском обществе, а выводы автора, будучи подвергнуты критике, не выдержали ее¹⁵. Однако эта частная неудача меркнет при сравнении с успехами археологии. Нет необходимости останавливаться на отдельных открытиях и работах, хотя именно они заставили нас полностью отказаться от предвзятой точки зрения, рисовавшей нам древних кочевников грубыми дикарями. Этим вопросам посвящено специальное исследование С.И.Руденко «Материальная культура хуннов». Достаточно указать на монументальную работу С.В.Киселева «Древняя история Южной Сибири», посвященную богатейшей культуре Саяно-Алтая, и на исследование А.П.Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья». Только благодаря этим трудам оказалось возможным проследить историю хуннского народа, установить северную границу его распространения и тем самым уяснить его историческую роль. Он был соперником не только империи Хань в районах, прилегающих к Великой китайской стене, как до сих пор представлялось, но и других племен и народов. История хуннов перестала быть придатком истории Китая¹⁶.

Настоящая работа ставит целью выяснение того места, которое хунны занимали во всемирной истории как создатели самостоятельной, хотя и недоразвившейся культуры. В этом аспекте рассматриваются их отношения к китайскому народу и императорам династии Хань; нас интересуют их разнообразные взаимоотношения с кочевыми степными племенами и их запредельные связи, о которых нет прямых указаний в источниках, но которые выясняются из сопоставления имеющихся материалов. Как во всякой сводной работе, в этой книге используются достижения передовой науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Премена меняются, и мы меняемся с ними (лат. — *Ред.*).
- ² *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М. — Л., 1950. С. 51, 55, 57. Сыма Цянь, сын придворного астролога Сыма Тяня, служил при дворе императора У-ди в конце II — начале I в. до н.э. Составил книгу «Шицзи» — «Исторические записки», ставшую образцом для дальнейших исторических сочинений. Прозван в Китае, подобно Геродоту, «отцом истории».
- ³ Там же. С. 93—96.
- ⁴ Там же. С. 18.
- ⁵ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
- ⁶ *Аммиан Марцеллин.* История III. Кн. XXXI. Киев, 1908.
- ⁷ Ср. описание гуннского двора у Приска Панийского. Приск встречал потомков азиатских хуннов, а Аммиан Марцеллин описывал их уже в смешении с уграми и другими восточноевропейскими народами — «Сказания Приска Панийского» (Ученые записки Российской академии наук. Кн. VII. Вып. I. Спб., 1861).
- ⁸ *Dequignes J.* Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartas occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'à present. P., 1756—1758.
- ⁹ *Saint-Martin V.* Les Huns blancs ou Ephtalites des historiens bysantins. P., 1849. — Критику выводов Вивьена де Сент-Мартена см.: *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. (ВДИ. 1959. № 1).
- ¹⁰ *S.S.M. de Groot.* Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin—Leipzig, 1921.
- ¹¹ *Franke Otto.* Geschichte des chinesischen Reiches. Berlin, 1930.
- ¹² *Hirth Fridrich.* Über Wolga — Hunnen und Hiung-nu. München, 1900. — Критику этой работы см. в кн.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. С. 126—131.
- ¹³ *McGovern W.* The early empires of Central Asia. L., 1939.
- ¹⁴ *Maenchen-Helfen O.* The Huns and the Hsiung-nu (Byzantion. Vol. XXII, 1945); The legend of origine of the Huns (Byzantion. Vol. XVII, 1945).
- ¹⁵ См.: Советская археология. Т. XVII. 1963. С. 320—326.
- ¹⁶ Настоящая книга посвящена исключительно азиатским хуннам, а историю их восточноевропейской ветви читатель найдет в кн.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1960, а также: *Altheim Franz.* Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959.

I. Во мгле веков

В ДРЕВНЕЙШЕМ КИТАЕ

В древности территория Китая была мало похожа на современную. Ее покрывали девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливавшимися в половодье, обширные озера, непроходимые солонцы, и только на плоскогорьях расстилались луга и степи.

На востоке между низовьями Хуанхэ (Желтой реки) и Янцзы тянулась цепь зыбучих почв. Современная провинция Хэбэй была огромной дельтой, носившей название «Девятиречье». Дальше от морского берега простирались широкие озера и болота, а реки И и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы. «Буйная растительность одевала весь бассейн реки Вэйхэ; там росли величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах жили тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы, кабаны; вечно выли шакалы и волки»¹.

Борьба с реками испокон веков занимала большое место в жизни китайского народа. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как они вздувались и выходили из берегов. Разлившись, реки теряли скорость течения и откладывали наносы. Одна часть древних насельников Северного Китая ушла от бушевавших вод в горы, где поддерживала свою жизнь охотой, другая же часть вступила в решительную борьбу со стихией рек — это были предки китайцев. Трудоло-

Питые китайские земледельцы с глубокой древности стали сооружать дамбы, чтобы спасти свою жизнь и свои поля от наводнений. «На территории Китая издавна жили племена с различной культурой, имевшие различных предков. На землях, где они обитали, каждое племя в борьбе с силами природы развивало свою собственную культуру»². Эти племена нередко боролись друг с другом. Согласно китайской исторической традиции, уже первая из китайских династий, полубогородная Ся, вступила в борьбу с другими племенами, населявшими территорию Китая в III тысячелетии до н.э. Эти племена назывались жуны и ди. Они населяли лесистые горы, тогда как предкам китайцев достались низины. Севернее, в сухих степях, жили племена хунь-юй. Из легенд известно, что в 2600 г. до н.э. «Желтый император» предпринял против них поход. Но главными противниками Ся были не они, а жуны и ди. В китайском фольклоре сохранились отголоски борьбы «черноголовых» предков китайцев с «рыжеволосыми дьяволами»³. Китайцы выиграли тысячелетнюю войну. Они оттеснили «варваров» в горы, степи и даже южные джунгли, но, как мы увидим ниже, эта победа не была окончательной. Несмотря на успехи, царство Ся владело лишь областью Хэнань и юго-западной частью Шаньси; именно здесь было сосредоточено ядро будущего китайского народа.

В 1764 г.⁴ до н.э. в Китае в результате переворота вместо династии Ся утвердилась династия Шан, при которой сложились основы древнекитайской цивилизации и оформился древнекитайский народ⁵.

Шан-Инь — это первая вполне историческая династия Китая. С нею связано возникновение первого китайского государства. Многочисленные раскопки восстанавливают картину ее культуры, но политическая история по-прежнему темна. Ясно, что Шан было уже настоящее рабовладельческое государство с наследственной властью и аристократией. Важнейшим культурным достижением этой эпохи было изобретение иероглифической письменности, которое сыграло чрезвычайно важную роль в дальнейшей истории Китая. Развивалась торговля не только с лежащими к северу от Хуанхэ Хэбэем, торговые связи доходили через северо-восток Китая до Байкала и берегов Ангары. Конечно, туда попадали только товары, а не сами китайцы, которые обычно производили обмен с помощью племен-посредников. В Сибирь отправляли металл: олово, бронзу, а из Сиби-

Хунну

ри — зеленый и белый нефрит, драгоценные меха и, возможно, рабов⁶. Так складывался дальневосточный очаг культуры.

ЗАРОЖДЕНИЕ ХУННОВ

В XVIII в. до н.э. в Северном Китае произошли два события, имевшие огромные последствия. В 1797 г. китайский вельможа Гун-лю попал в опалу и бежал на запад к жунам. За ним последовали, видимо, немало сторонников, ибо здесь он смог построить для себя городок и властвовать самостоятельно, отделившись от китайского царства Ся. По сообщению источников, Гун-лю «претворился в западного жуна»⁷. Однако за 300 с лишком лет совместной жизни эмигранты-китайцы все-таки окончательно не слились с жунами, и в 1327 г. их потомки с князем Шань-фу во главе, гонимые жунами, вернулись на родину и поселились в северном Шэньси (у горы Цишань)⁸. Из этого вновь сложившегося племени произошла династия Чжоу⁹. Еще будучи небольшим княжеством, Чжоу воевало против жунов, и в 1140—1130 гг. до н.э. князь Чан «прогнал жун-и от рек Гин и Ло» (в провинции Ганьсу) на север¹⁰.

Жуны некоторое время были данниками Чжоу, но приблизительно в X в. до н.э. «степные повинности прекратились и началась упорная война». Жуны стремились вернуть себе потерянные земли; разделение Китая на множество княжеств способствовало их продвижению.

А в это самое время в степи, примыкавшей к южной окраине Гоби, складывался новый народ — хунны. Издавна там кочевали племена хяньюнь и хуньюй. Ни те ни другие не были хуннами¹¹. В ту эпоху хуннов еще не было. Но после того, как была низвергнута династия Ся, сын последнего царя Цзе-куя, умершего в изгнании, — Шун Вэй — с семейством и подданными ушел в северные степи¹². Шун Вэй, по китайской исторической традиции, считается предком хуннов. Согласно этой традиции, хунны возникли из смешения китайских эмигрантов и степных кочевых племен. Несомненно, что эти легендарные сведения лишь очень приблизительно отражают историческую действительность. Однако было бы неправильно отрицать в них рациональное зерно. Хотя и делались попытки отвергнуть существование периода Ся на том основании, что в записях эпохи Шан нет упоминаний о предшествующей династии, но самые скептические исследователи китайской древности, как,

например, Го Можо, а также Латтимор, признавая легендарность рассказов о Ся, считают, что эта династия была¹³, что в древности «Ся» значило «Китай»¹⁴ и что границы ее совпадают с границами неолитической культуры черной керамики¹⁵. Далее, Латтимор отмечает огромное различие между культурами Си и Шан и предполагает даже частичную синхронность их существования¹⁶. Таким образом, можно допустить, что произошло столкновение двух племен и одно из них победило. Еще более вероятно, что в результате поражения часть побежденных бежала за пределы родной страны, захваченной врагом, и нашла приют у соседних племен.

Но кто же были эти загадочные племена хяньюнь и хуньюй, с которыми смешались соратники Шун Вэя? Окраину Гоби в древности китайцы называли «песчаной страной Шасай»¹⁷ и считали родиной динлинов. По данным антропологии, здесь в это время метизировались европеоидный короткоголовый тип с монголоидным узколицым, т.е. китайским¹⁸. Монголоидный широколицый тип был распространен в то время на север от Гоби.

Мы вправе сделать заключение, что хяньюнь и хуньюй были потомками аборигенов Северного Китая, оттесненных «черноголовыми» предками китайцев в степь еще в III тысячелетии до н.э. С этими племенами смешались китайцы, пришедшие с Шун Вэем, и образовался первый прахуннский этнический субстрат, который стал хуннским лишь в последующую эпоху, когда прахунны пересекли песчаные пустыни. Тогда на равнинах Халхи произошло новое скрещивание, в результате чего появились исторические хунны. До тех пор они назывались ху, т.е. степные кочевники. Итак, хунны были первым народом, победившим пустыни. А для этого надо было обладать мужеством и упорством.

ПРИРОДА ВОСТОЧНЫХ СТЕПЕЙ

Срединная Азия окружена горами со всех сторон. С северо-запада мощный хребет Саяно-Алтая отделяет ее от холодной и влажной лесной Сибири. Полоса пустыни (Гоби), как море, делит Срединную Азию пополам, и недаром китайцы назвали эту пустыню Ханьхай-море. Пржевальский описывает Гоби так: «Но целым неделям сряду перед глазами путника являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие [зи-

Хунну

мою] желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые, изборожденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногой антилопы»¹⁹. Кроме антилоп, Гоби — обиталище диких верблюдов, живших там еще в XIX в., и огромного количества грызунов. Для древних китайцев эта пустыня казалась непроходимой.

На юго-востоке граница Срединной Азии — хребет Иньшань (меридиональное продолжение Большого Хингана) и примыкающие к нему горы Ляоси. На склонах этих гор некогда росли густые леса, полные дичи, рогатой и пернатой. С севера Иньшань граничит со степью.

К западу от излучины Хуанхэ расстилается пустыня Алашань. Пржевальский пишет: «На многие десятки, даже сотни километров мы видим здесь голые, сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом. В них нет ни капли воды; не видно ни зверя, ни птицы, и мертвое запустение наполняет ужасом душу забредшего сюда человека»²⁰. С юга пустыню замыкает высокая горная система хребтов Наньшань. На западе лежит богатый оазис Дуньхуан, и от него начинается караванный путь на Хамийский оазис. Путь этот исключительно тяжел. Яркое описание его дал Пржевальский: «По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленной почвой висит мутная, словно дымом наполненная атмосфера. Часто пробегают горячие вихри и далеко уносят столбы крутящейся пыли. Впереди и по сторонам путника играют миражи. Жара днем невыносимая. Солнце жжет с восхода до заката. Оголенная почва нагревалась до 63°, а в тени было не меньше 35°. Ночью также не было прохлады, но двигаться по этому пути можно было лишь ночью и ранним утром»²¹. Алашаньскую пустыню китайцы называли «заливом» или «бухтой Песчаного моря» (Гоби). Это песчаное море веками было непроходимой преградой между Востоком и Западом. Но эта преграда не испугала хуннов.

жуны и хунны

События этого первого периода истории хуннов, как и второго (с 1200 по 214 г. до н.э.), не нашли достаточного отражения в китайской историографии. И понятно почему. Горные жуны были промежуточным звеном между степями и цивилизован-

ным Китаем. Они держали в своих руках широкую полосу предгорий от оазиса Хами на западе²² до Хингана на востоке. Многочисленные племена их «рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться»²³. Вполне вероятно, что степняки-хунны иногда принимали участие в походах своих соседей и только таким образом китайцы узнавали об их существовании. Поэтому сведения о хуннах древнего периода отрывочны. Последнее же вызвало возникновение разных гипотез, отождествлявших хуннов то с хяньюнь и хуньюй²⁴, то с самими шаньжунами²⁵, причем забывалось, что хунны были степняки, а не горцы.

В связи со всем сказанным вскрывается загадочный этноним жун. Из-за описки или неточного выражения Сыма Цяня были попытки отождествить жунов с хуннами²⁶, но мы видим, что всюду в источниках жуны выступают совместно с ди²⁷, так что их, может быть, правильно Бичурин трактует в своем переводе как единый народ — жун-ди. Больше того, есть легенда, согласно которой чиди и цюань-жуны были одного происхождения²⁸. Жуны и ди, по-видимому, так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые роды ди западными жунами²⁹. Самое восточное племя их, обитавшее на склонах Хингана и Иньшаня, носило название шаньжун, или горные жуны. Будучи отрезаны от основной массы своего народа, горные жуны слились частью с восточными монголами — дунху³⁰, частью — с хуннами. Не менее интенсивно сливались они с китайцами³¹, а на западе — с тибетцами. В последнем случае они превращались в доньине существующий народ — тангутов. Таким образом, существование особой расы в Китае перестает быть загадкой: тангуты в древности имели значительно большее распространение, чем теперь, когда они сохранились как небольшой этнический островок около озера Кукунор.

Приведенная точка зрения расходится с той, которую высказывают европейские и американские историки. В частности, Мак-Говерн считает жунов и ди хуннами³², удивляясь лишь, что демографические особенности тех и других не совпадают. Подробный и обстоятельный разбор этой темы дан у Латтимора³³, который приходит к выводу, что жуны и ди обитали внутри Китая и были оседлые горцы, а не степные кочевники, т.е. отнюдь не хунны, но о расовой их принадлежности он не говорит ничего.

Хунну

Совершенно игнорирует жунскую проблему Н.Н.Чебоксаров³⁴, не замечая, что это лишает его возможности правильно решить вопрос об этногенезе китайцев. Достаточную определенность вносит цитата из «Цзинь шу» (гл. 97), в которой указано, что хунны на западе граничат с шестью жунскими племенами³⁵, т.е. ясно подчеркнуто различие этих народов.

Однако все авторы затрудняются определить отличие жунов и ди от китайцев внутри Китая и от хуннов вне его, тогда как из анализа исторических событий ясно, что это отличие было очевидно для современников. Тут полностью решает вопрос так называемая «динлинская» теория Грумм-Гржимайло. Это было расовое отличие, которое древнекитайские авторы еще не могли или не считали нужным подчеркнуть³⁶.

ПОБЕДА ЧЖОУ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Княжество Чжоу было расположено на территории современной провинции Шэньси и имело среди своих подданных немало воинственных жунов и привыкших к пограничным схваткам китайцев. В то самое время, когда ахейцы разоряли Троию, а хунны пересекали Гоби, чжоуский царь Вэнь-ван «силами белокурых [и черноволосых] варваров совершал завоевания между морем и тибетским нагорьем»³⁷. Своему сыну он оставил множество воинов, которые «имели сердца тигров и волков», и завещал покорить державу Шан-Инь³⁸.

Сын его У-ван начал войну и дошел до реки Хуанхэ, но был отбит. Два года спустя, в 1027 г. до н.э.³⁹, он повторил поход и на этот раз удачно: держава Шан-Инь пала. Много побежденных было обращено в рабство и пожаловано чжоуским военачальникам и чиновникам, причем жаловали целыми родами. Множество рабов было взято из числа восточных (и) и южных (мань) соседей державы Шан-Инь. Чжоуский царь овладел всем междуречьем и обоими берегами великих рек Хуанхэ и Янцзы.

По поводу падения династии Шан существуют три абсолютно не совпадающих мнения. В европейской науке принято считать, что шанское царство было разрушено нашествием чжоуских племен, вторгшихся с запада в долину Хуанхэ. Феодалная китайская историография полагала, что Шан была выродившейся династией и переворот 1066 г. до н.э., приведший к власти династию Чжоу, был шагом по пути прогресса. Наконец

Го Можо, считая эту точку зрения тенденциозной апологией шенлиньшаньского захвата власти чжоусцами, подчеркивает, что переворот привел лишь к раздроблению и упадку Китая⁴⁰. Чжоу состояло из 1855 самостоятельных княжеств-уделов, признававших господство царя лишь номинально.

Эту эпоху некоторые историки считают началом китайского феодализма⁴¹.

Раздел страны на множество княжеств не отвечал нуждам населения; разве могли мелкие князья организовывать работы по мелиорации и укреплению берегов рек? Хозяйство, естественно, пришло в упадок.

Изменилась и идеология: «чжоусцы, затемнив представление о Шан-ди, высшем боге-мироправителе, внесли в обновленную религию натурализм и культ героев»⁴² и уничтожили существовавшие человеческие жертвоприношения⁴³. Произошло этническое смешение, в результате которого у китайцев тогда стали встречаться высокие носы и пышные бороды⁴⁴.

Талантливый и трудолюбивый китайский народ упорно стремился к порядку и покою, а этого невозможно было достичь при политической раздробленности. Правительство царя было бессильно против нее. Но с течением времени отдельные княжества стали укрупняться за счет своих соседей. В период Чуньюй («Весны и Осени», 722—480 гг.) осталось всего 124 больших княжества, а в следующий период Чжаньго («Брани царств», или «Воюющих царств», 403—221 гг.) осталось только семь крупных и три маленьких княжества. Эта эпоха нашла отражение в географическом трактате «Юйгун», представляющем раздел классической книги «Шаншу». Написание его относится предположительно к периоду «Весны и Осени», когда уже существовали связи северокитайских государств с территорией современной провинции Сычуань; в последней велись разработки железных руд, о чем в «Юйгуне» есть упоминания⁴⁵.

В «Юйгуне» Китай подразделяется на девять районов, расположенных между средним течением Хуанхэ и Янцзы и на побережье к югу от устья Янцзы, включая Гуандун. На юге автор «Юйгуна» знает Аннам, но западные области: Тибет, Цинхай, Сиан, Ганьсу, Юньнань и Гуйчжоу — ему неизвестны. «Сильные и храбрые варвары, — как их называет автор «Юйгуна», — укрытые горами, лесами и пустынями», отделили восточный центр культуры от западного средиземноморского и южного индийского надолго и прочно.

Но кто же были «варвары», отделявшие Восток от Запада? Ими не могли быть хунны, жившие в это время гораздо севернее, в стороне от караванных путей.

Некоторый свет на этот запутанный вопрос проливают западные античные источники, в частности Птолемей⁴⁶. Птолемей на территории современного Китая помещает два разных народа: синов и серов. Сины помещены южнее серов и названа их столица — Тина, лежащая в глубине от порта Каттигары.

Карта Птолемея столь приблизительна, если не сказать фантастична, что идентификация географических названий крайне затруднительна. Однако для нас существенно другое: сины, несомненно, подлинны китайцы Цинь и не отождествляются с серами, поставлявшими шелк-серикум в Парфию и Римскую империю. Серы упоминаются раньше, чем сины, и в другой связи. Так, греко-бактрийский царь Эвтидем около 200 г. до н.э. расширил свои владения на востоке «до владений фаунов и серов»⁴⁷. Впоследствии, когда установилась торговля шелком по великому караванному пути, название «серы» применялось к поставщикам шелка в бассейне Тарима, а не к самим китайцам⁴⁸.

Следующее, еще более важное сообщение о серах, которое Томсон расценивает как «нелепое»⁴⁹, основано на рассказе цейлонских послов. Согласно их словам, серы — рослые рыжеволосые и голубоглазые люди, живущие за «Эмодом», т.е. за Гималаями. Это сведение отвергает как невероятное Юль⁵⁰, но совершенно напрасно, ибо Псевдо-Арриан (Перикл Эритрейского моря, §39, 49, 64) упоминает пути из страны серов в Бактрию и оттуда к индийским гаваням⁵¹. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что цейлонцы встречали серов. Территория «Серики», согласно сводке, сделанной Томсоном, простирается от Кашгара до Северного Китая, к северу от «баутов», т.е. тибетцев-богов⁵². Это территория, занятая племенами ди, которых мы имеем право отождествить с серами как по территориальному, так и по физическому признакам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грум-Гржимайло Г.Е. Можно ли считать китайцев автохтонами бассейнов среднего и нижнего течений Желтой реки? («Известия Государственного географического Общества», 1933. Отдельный оттиск). С. 29—30.

² Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 36.

- Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Гл. II. 1926.
- ¹⁰ По нашим расчетам, эта дата изменена на 1586 г. (см.: «Очерки истории Востока». Л., 1956. С. 229) или на 1562 г. (?) (см.: *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая... С. 45). О степени легендарности сведений см. также: *Lattimore O. Inner Asian frontier of China*. New York, 1940.
- ¹¹ *Фань-лань*. Древняя история Китая... С. 38—66.
- ¹² *Савицкий А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. С. 202.
- ¹³ *Борискин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 40.
- ¹⁴ *Борискин Н.Я.* Собрание сведений... Т. III. М.; Л., 1953. С. 67.
- ¹⁵ *Борискин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 41.
- Там же.
- ¹⁶ *Савицкий А.П.* Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 80, где опровергнуты противоположные мнения Шаванна и Сиратори.
- ¹⁷ *Борискин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 40.
- ¹⁸ *Савицкий А.П.* *Lattimore O. Inner Asian...* P. 286.
- ¹⁹ Там же. С. 300; *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая... С. 135.
- ²⁰ *Lattimore O. Inner Asian...* P. 302. Фань Вэнь-лань считает, что эпохе Ся соответствовала лушанская культура (см.: *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая... С. 43—44).
- ²¹ *Lattimore O. Inner Asian...* P. 300.
- ²² *Савицкий А.П.* Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 11.
- ²³ *Савицкий А.П.* Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 82.
- ²⁴ *Савицкий А.П.* Берг Д.С. Путешествия Н.М.Пржевальского. М.; Л., 1952. С. 13.
- ²⁵ Там же. С. 20.
- ²⁶ Там же. С. 45—46.
- ²⁷ *Борискин Н.Я.* Собрание сведений... Т. III. С. 57.
- ²⁸ *Борискин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 43.
- ²⁹ Там же. С. 39.
- ³⁰ *Савицкий А.П.* Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 85; Chavannes Ed, *Les monuments historiques des Sst-ma Th'ien*. P., 1899. P. 31; Wylie. *History of the Hittites and their relations with China* (Journal of the Anthropol. Institute of Gr. Britain and Ireland. 1874. №9). P. 401.
- ³¹ *Борискин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 39. Ср.: «Цзиньшу», гл. 97, в которой указана граница между хуннами (сюнну) и шестью жунскими племенами (*Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 219. Опубликованный текст).
- ³² Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 45.
- ³³ Там же. С. 15.
- ³⁴ Там же. С. 45.
- ³⁵ Там же. С. 85.
- ³⁶ Там же. С. 45—46. — Ссылка на ст.: *Васильев В.П.* Об отношениях китайского языка к среднеазиатским (Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Сентябрь); *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая... С. 136.
- ³⁷ *Льюис У.* *The early empires of Central Asia*. L., 1939. P. 87, etc.
- ³⁸ *Lattimore O. Inner Asian...* P. 340—349.

Хунну

- ³⁴ Чебоксаров Н.Н. К вопросу о происхождении китайцев // Советская этнография. 1947. №1. С. 30—70.
- ³⁵ См.: Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. С. 219. (Опубликованный текст «Цзинь шу»).
- ³⁶ См.: Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. №1.
- ³⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 69.
- ³⁸ Там же. С. 16.
- ³⁹ По исправленной хронологии — в 1066 (см.: *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая... С. 72).
- ⁴⁰ Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.
- ⁴¹ *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая... С. 69; см.: Tökei F. Sur le terme pong-fou dans le Che-king (Acta Orientalia. 1955. Vol. V). P. 123—141.
- ⁴² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 35; De Harles. Les religions de la Chine (Le Muséon. 1891. Vol. X).
- ⁴³ *Фань Вэнь-дань*. Древняя история Китая... С. 100.
- ⁴⁴ Грумм-Гржимайло указывает, что многие китайские императоры имели орлиный профиль и пышную бороду. Справедливо. В «Троецарствии» описаны многие герои точно так же, а один из них, рыжебородый Сунь Цюань, даже носил прозвище «голубоглазый отрок» (Ло Гуань-чжун) (см.: «Троецарствие». Т. I. М., 1954. С. 369).
- ⁴⁵ См.: Зайчиков В.Т. Важнейшие географические труды древнего Китая // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1955. №3.
- ⁴⁶ Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953. С. 437—439.
- ⁴⁷ Там же. С. 253. Фауны-кяны — тибетские племена, кочевавшие в бассейне Яркенд-дарьи (см.: Maenchen-Helfen O. Pseudohuns // Central Asiatic journal. Vol. I. №2. P. 102—103; Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1950. P. 84—85; Гумилев Л.Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана // Краткие сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1959. № 16.
- ⁴⁸ Гумилев Л.Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана; см. также: Soothill. China and West. L., 1925; Yule-Cordier. Cathay and Way Thither. L., 1915.
- ⁴⁹ Томсон Дж.О. История древней географии. С. 427.
- ⁵⁰ Yule-Cordier. Cathay... P. 200.
- ⁵¹ Томсон Дж.О. История древней географии. С. 428.
- ⁵² Там же. С. 431.

II Начальники в степи

История хуннов

В истории древнейшего периода истории хуннов неожиданное приобретает вопрос о древнем населении Сибири и Китая. Как будет показано ниже, хунны впервые упоминаются в китайской истории под 1764 г. до н.э. Следующие упоминания о них идут под 822 и 304 гг. до н.э. Почти полтора тысячелетия истории хуннов остаются в глубокой тени. Чтобы приступить к освещению этого периода, мы должны обратиться к археологии Сибири.

В II тысячелетии до н.э. в Южной Сибири археологи обнаружили две синхронные самостоятельные культуры: глазковскую на востоке и андроновскую на западе. «На территории современной Сибири обитала группа родственных друг другу племен, которые могли быть скорее всего предками современных эвенков или юкагиров. Культура их... была чрезвычайно близка к культуре обитателей верховьев Амура и Северной Монголии, а также Монголии, вплоть до Великой китайской степи и Ордоса. Не исключено, следовательно, что вся эта обширная область была заселена родственными друг другу племенами охотников и рыболовов неолита и ранней бронзы, вероятно, говорившими на родственных друг другу языках»¹. Позднее с южной частью этих племен — носителей глазковской культуры — столкнулись и перемешались некоторые предки хуннов². Западную половину Южной

Сибири и Казахстан до Урала занимала с 1700 по 1200 г. до н.э. андроновская культура. Носители ее, принадлежавшие в белой расе, в XVIII в. до н.э. овладели Минусинской котловиной и чуть-чуть не сомкнулись с глазковцами на Енисее³. Андроновцы были земледельцами и оседлыми скотоводами⁴; из металлов они знали бронзу, в их могилах сохранились многочисленные изящно орнаментированные глиняные сосуды. Андроновская культура связана с западом. «Неоднократно отмечалось большое сходство андроновских памятников со срубными нижеволжских, донских и донецких степей»⁵. Но не андроновцы и не глазковцы играли первую роль в Южной Сибири во II тысячелетии до н.э.

Выше мы уже говорили о динлинах, обитавших в «песчаной стране Шасай», т.е. на окраине Гоби⁶. Они же населяли Саяно-Алтайское нагорье, Минусинскую котловину и Туву. Тип их «характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза»⁷. Эти выводы, построенные на основании письменных источников, нашли себе подтверждение и в археологии. Саяно-Алтай был родиной афанасьевской культуры, датирующейся приблизительно с 2000 г. до н.э. Антропологически афанасьевцы составляют особую расу. Они имели «резко выступающий нос, сравнительно низкое лицо, низкие глазницы, широкий лоб — все эти признаки говорят о принадлежности их к европейскому стволу. От современных европейцев афанасьевцы отличаются, однако, значительно более широким лицом. В этом отношении они сходны с верхне-палеолитическими черепами Западной Европы, т.е. с кроманьонским типом в широком смысле этого термина»⁸.

Наследниками афанасьевцев были племена тагарской культуры, дожившей до III в. до н.э.⁹. Это заставляет думать, что афанасьевцы-динлины пронесли свою культуру через века, несмотря на нашествия иноплеменников.

Около 1200 г. в Минусинских степях андроновскую культуру вытеснила новая, карасукская, принесенная переселенцами с юга из Северного Китая¹⁰, с берегов Желтой реки. Впервые в Западную Сибирь проникает китайский стиль. Это не просто заимствование. Вместе с новой культурой в могильниках появляется новый расовый тип — смесь монголоидов с европеоида-

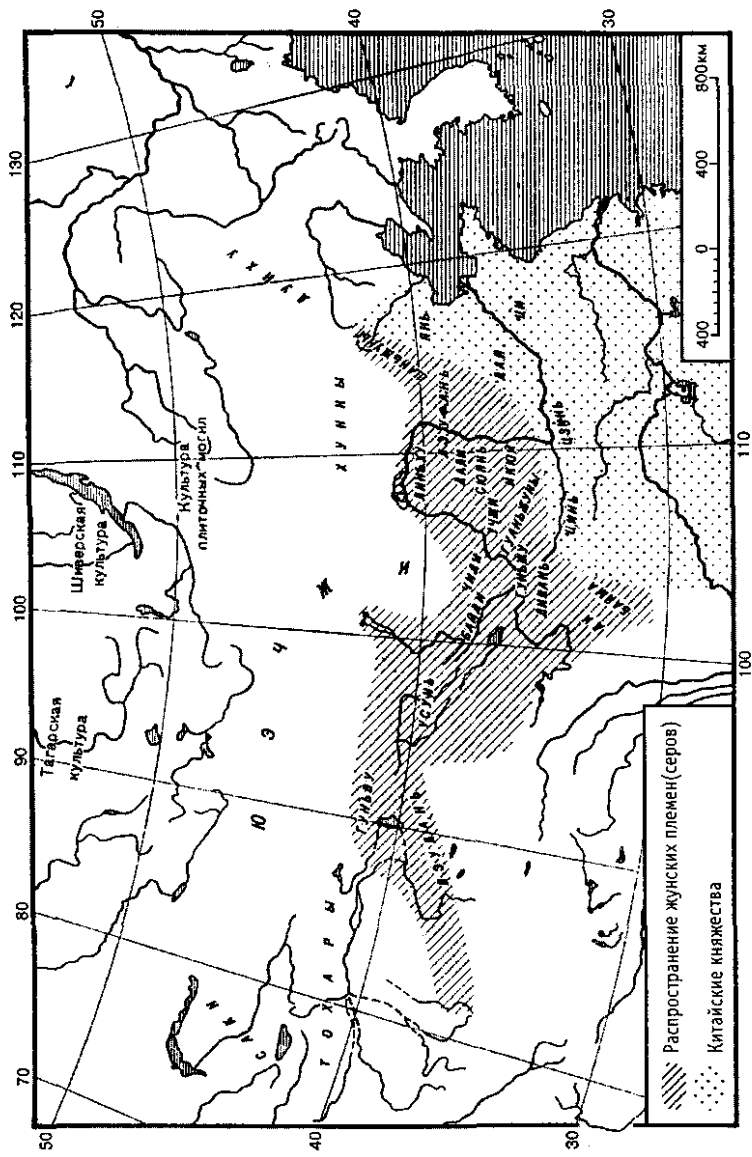
ми, причём европеоиды брахикранны, а монголоиды узколицы и принадлежат к «дальневосточной расе азиатского ствола»¹¹. Такая раса сложилась в Северном Китае в эпоху Яншао. Внешние представители ее напоминают современных узбеков, которые тоже являются продуктом смешения европеоидного и монголоидного компонентов. На месте они перемешались в свою очередь, но для нас особенно важно отметить, что «в Южную Сибирь переселился уже смешанный народ. К узколицым южным монголоидам примешан европеоидный брахикранный тип, происхождение коего неясно, так же как и место его в систематике»¹².

Напрашивается сопоставление этого загадочного брахикранного европеоидного элемента, пришедшего из Китая, с ди. Но наличие европеоидного элемента разных типов в Сибири и Китае заставляет решать вопрос так: ди и динлины — народы европеоидского расового ствола, но различных расовых типов; сходные, но не идентичные¹³.

Г.Е.Грумм-Гржимайло, отождествлявший ди и динлинов, отмечал: «Длинноголовая раса, населявшая Южную Сибирь в неолитическую эпоху, едва ли имела какую-либо генетическую связь с племенами ди, т.е. динлинами (?), жившими, как мы знаем, с незапамятных времен в бассейне Желтой реки. Скорее в ней можно видеть расу, остатки которой и до настоящего времени сохранились на дальнем востоке Азии (айны. — Л.Г.)»¹⁴. Но динлинами китайцы считали именно эту длинноголовую расу, а Саянские горы называли «Динлин»¹⁵. Динлины исчезли с исторической арены в середине II в. н.э., а дили — степная группа ди — вступили в нее в IV в. И надо полагать, что енисейские кыргызы были связаны именно с аборигенами Сибири, динлинами, а не с пришлыми с юга ди. Южная ветвь динлинов, перемещавшаяся к югу от Саянских гор, перемешалась с предками хуннов, и не случайно китайцы внешним отличительным признаком хуннов считали высокие носы. Когда Ши Минь приказал перебить всех хуннов до единого, в 350 г. «погибло много китайцев с возвышенными носами»¹⁶.

Итак, динлины были тем народом, с которым смешались пришедшие с юга предки хуннов.

Китайская история сохранила описание жизни ху, предков хуннов¹⁷, в доисторический период их жизни. Это тем более интересно, что в этом описании ху мало похоже на историчес-

Распространение племен в Средней Азии около VII в. до н.э.

ких хуннов по социальному строю, но близки к ним по бытовым черточкам.

В древности, по-видимому, никакого государственного устройства у хуннов не было. Отдельные семьи кочевали по степи со стадами, состоявшими из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и в меньшей степени верблюдов и ослов.

Кочевой быт отнюдь не предполагал беспорядочного блуждания по степи. Кочевники передвигались весной на летовку, расположенную в горах, где пышная растительность альпийских лугов манила к себе людей и скот, а осенью спускались на ровные малоснежные степи, в которых скот всю зиму добывал себе подножный корм. Места летовок и зимовок у кочевников строго распределялись и составляли собственность рода или семьи. Так было и у хуннов.

Однако необходимо отметить, что Сыма Цянь¹⁸, быть может, отнес в глубокую древность некоторые черты хуннского быта, привычные для него настолько, что он не представлял, чтобы могло быть иначе. Думается, что он преувеличил роль кочевого скотоводства в экономике ху, но отрицать полностью скотоводство у степняков Внутренней Монголии эпохи неолита было бы несомнительно. Вопрос лишь в том, до какой степени это скотоводство было кочевым.

Наиболее важны для характеристики этого периода истории хуннов следующие замечания: «Могущие владеть луком все поступают в латную (?) конницу... каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги... Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками последних. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают... Обыкновенно называют друг друга именами; прозвищ и проименований (родовых. — Л.Г.) не имеют»¹⁹.

Все это свидетельствует о каком-то ослаблении родовых связей, о господстве физической силы над обычаем и традициями. Особенно важно, что в эпоху родового строя источник отмечает отсутствие родовых прозваний, тогда как для поздней исторической эпохи он ясно констатирует полное торжество родовой взаимотношений (см. ниже). Можно предположить, что вышеприведенные замечания относятся к какому-то периоду, когда предков хуннов связывала не общность происхождения, а общность исторической судьбы.

Но ослабление родовых связей должно было иметь свои причины тем более потому, что наряду с указанными явления-

ми мы наблюдаем институты и обычаи, бесспорно относящиеся к родовому строю. Например, формой брака была не парная семья, а многоженство, причем жены переходили в число прочего имущества по наследству: мачехи к сыну, невестки к брату, что характерно для патриархально-родового строя. Было бы неверно рассматривать это только как приниженное положение женщины; часто форма брака гарантировала женщину от нищеты в случае вдовства, так как новый муж обязан был предоставить ей место у очага и долю в пище и не мог бросить ее на произвол судьбы. Все вместе указывает на какой-то прерванный исторический процесс, протекавший скорее всего еще тогда, когда хунны жили внутри Китая.

Сверим изложенное с данными археологии.

Шведской экспедицией 1927—1937 гг. во Внутренней Монголии открыта культура неолита, причем поздний этап ее датируется «временем около 2000 г., если не позже»²⁰. Эта культура резко отличается от неолита Северного Китая, с «которым она имела только известный контакт»²¹.

Вывод напрашивается сам. Неолитическая культура принадлежала тем степным охотничьим племенам, к которым бежали из Китая сначала разбитые ди, а потом их низвергнутые победители — сторонники династии Ся. Подтверждается указанный вывод тем, что «повсюду обнаруживается много инфильтраций северокитайской неолитической культуры». Попытка реконструкции быта неолитического населения приводит к заключению, что это были охотники, рыболовы и собиратели, жившие в постоянных поселениях вдоль рек и озер.

Итак, древние ху, принявшие в свою среду две волны изгнанников из Китая, по согласным указаниям нарративных и вещественных источников, были народом весьма примитивным, лишенным государственной организации и еще не имевшим даже потребности в ней. Заслуга их перед культурой лишь в том, что, освоив кочевое скотоводство, они сумели перебраться через пустыню — песчаное море Гоби, т.е. открыли Сибирь, как их современники-финикийцы, научившись плавать по морю, открыли Европу. Оба открытия были важны для судеб истории, и трудно сказать, какое из них более значительно. Так как археология подтверждает, насколько ей под силу, данные китайских хроник, мы должны со вниманием отнестись и к той их части, которая по самой своей природе не может найти археологических подтверждений, т.е. к описанию брачных обыча-

ви и исподличительного отношения к старшим. Данные хроник говорят об отсутствии семейных традиций, а к этому может привести лишь резкое ухудшение условий жизни, когда все главное обречено на гибель. Бедность, постигшая предков хуннов, была такова, что все силы уходили на поддержание физического существования, и традиции умирали вместе со стариками.

СТАНОВЛЕНИЕ ХУННОВ

Нам ничего не известно о войнах между кочевниками ху и государством Шан-Инь. Однако археологический материал указывает на тесное общение Китая и степняков в эту эпоху. Не исключена возможность, что крупных столкновений между ними не было, так как, с одной стороны, «варвары» еще были слабо организованы, а с другой — и у тех и у других был общий враг — растущая мощь княжества Чжоу.

Для степных народов, не меньше чем для самого Китая, торжество чжоуского вана оказалось событием, определившим их историю. Еще до восстания княжество Чжоу было заслоном Китая против северных племен. Около 1158 г. Вэнь-ван напал на хяньюней и «устрасил их»²². У-ван, постоянно сражаясь, покорил северных «варваров», т.е. жунов, и, видимо, так стеснил степных ху, что они сочли за благо удалиться от китайской границы, а путь был только один — на север.

Необходимо отметить, что хунны XII в. до н.э. весьма значительно отличаются от своих предков. Дегинь, опираясь на Сыма Цяня, считает, что «около 1200 г. до н.э. мы должны помещать создание хуннского царства»²³. Эту дату принимает и Кордье²⁴. В это время хунны населяли степи от Хэбэя до озера Баркуль и уже делали набеги на Китай. Описание их быта и порядков показывает на значительный прогресс. «Они не имеют домов и не обрабатывают землю, а живут в шатрах... Они уважают старших и в установленное время года собираются, чтобы упорядочивать свои дела»²⁵. Поэтому отнюдь не удивительно, что, переправившись через пустыню, они получили перевес над разрозненными носителями глазковской и андроновской культур.

Вторая дата хуннской предыстории, нащупанная археологами, — приблизительно 1200 г. до н.э. Около этой даты, как уже отмечалось, совершился первый переход южных кочевников через пустыню Гоби; с того времени пустыня стала проходимой, и хунны освоили оба ее края²⁶.

Прежде всего возникает вопрос, почему именно в этот период переход через «песчаное море» оказался возможным. По-видимому, хуннское кочевое скотоводство развилось уже настолько, что хунны в поисках пастбищ двинулись на север, причем это же самое скотоводческое хозяйство обеспечило их достаточной тягловой силой. Наскальная писаница запечатлела тот «корабль», на котором предки хуннов перебрались через «песчаное море». Это крытая кибитка на колесах, запряженная волами, ибо для лошадей она слишком тяжела и неуклюжа²⁷. Изложенное предположение будет верно, но недостаточно. Нельзя также пройти мимо перемены климата на рубеже II тысячелетия до н.э. и связанных с ним изменений в распределении ландшафтов. Возможно, что именно в это время начался процесс похолодания и небольшого увлажнения климата, закончившийся к середине I тысячелетия до н.э. Засушливый ксеротермический период стал заменяться субатлантическим влажным, и соответственно должны были сдвинуться границы пустыни Гоби. В тот период должно было увеличиться и число озер, тянувшихся поясом от нижнего Поволжья, через Казахстан и Монголию, до Хингана (сухость климата и озерность — взаимосвязанные географические явления)²⁸. Вместе с этим «таежное море» начало наступление на юг. Лесостепи превратились в дремучие чащи, и это подорвало экономическую базу обитателей Сибири. Обстоятельства сложились в пользу южных кочевников, которые сумели ими воспользоваться. Письменные источники не сохранили следов тысячелетней борьбы за степь, но к III в. до н.э. хунны уже были хозяевами всех степных пространств от пустыни Гоби до сибирской тайги. На берегах Енисея и Абакана рядом с бревенчатой избой появилась круглая юрта кочевника. Вместе с культурным произошло и расовое смешение: в эту эпоху, именуемую карсукской, в погребениях начинает появляться монголоидный, узколиций северокитайский тип²⁹ и европеоидный брахикранный южного происхождения.

Но если хунны повлияли на аборигенов Южной Сибири, то

последние не в меньшей мере повлияли на них. «Жизнь неолитических рыбаков конца каменного и начала бронзового века на Ангаре и верхней Лене вовсе не была такой мирной и тихой жизнью, какой ее изображали раньше... Постоянные межродовые и межплеменные войны обычны, как известно, в условиях родового быта»³⁰. «Целью войн было приобретение рабов для того, чтобы избавить себя и жен от тяжелых хозяйственных забот и добывание «богатства». Однако «богатство» имело совсем другой смысл, который вкладываем в этот термин мы. Эти «ценности», по существу, не имели никакого значения в повседневной жизни. Они были предметом гордости владельцев, но хранились в амбарах, как мертвое сокровище... Это были обработанные куски нефрита, морские раковины, перламутр и т.п. вещи, блеском радовавшие глаз, но не приносившие реальной пользы»³¹. Культурные связи древних обитателей Прибайкалья тянутся к Южной Маньчжурии и Северо-Восточному Китаю³². В археологии прослеживается обмен главным образом украшениями из нефрита (диски, кольца, полудиски), бусами, морскими раковинами и, что особенно важно, металлическим сырьем. На основании новых данных археологии можно заключить, что во II тысячелетии до н.э. существовал самостоятельный культурный комплекс на территории от Ангары до Усури. Собранные А. П. Окладниковым археологические материалы, характеризующие жизнь байкальских племен во II тысячелетии и в начале I тысячелетия до н.э., рисуют картину патриархально-родового строя с существованием рабства, причем рабы, добываемые путем пленения и покупки, использовались для трудоемких и неприятных работ, а также для кровавых жертвоприношений³³. Судя по вышеприведенному описанию, хунны были примитивнее аборигенов Халхи и, следовательно, должны были воспринять многое из их культуры. Действительно, в III в. до н.э. мы наблюдаем у хуннов патриархально-родовой строй и бытовое рабство, подобное тому, которое предположил Окладников для племен глазковской культуры.

Хотя история хуннов с 1200 до 214 г. до н.э. (за малыми исключениями) не освещена письменными источниками, но за 1000 лет должно было произойти немало событий, и мы не имеем права опустить этот период, не сказав о нем ни слова. Правда, здесь будут только предположения и соображения, основанные на аналогиях, но они могут пролить некоторый свет если не на историю, то на этнографию хуннов.

Археологическими исследованиями установлено, что по всей Южной Сибири в бронзовый век существовал обычай соумирания жены или наложницы и захоронения ее в могиле мужа³⁴. Но, кроме того, обнаружены также и мужчины, принесенные в жертву³⁵. Это можно трактовать как обычай «туом», очень древний обряд вызывания духа войны путем пролития крови. Этот обычай существовал у нижнеленских племен, и память о нем сохранилась поныне³⁶.

Однако мы имеем значительно более близкие аналогии. У киданей существовал обычай — во время войны по пути во вражескую страну приносить в качестве «искупительной жертвы» духам предков какого-либо преступника, расстреливая его «тысячью стрел». Точно так же и по окончании войны они приносили духам в жертву одного из врагов, на этот раз как «благодарственную жертву»³⁷. Аналогичный обычай во II в. до н.э. зафиксирован у хуннов³⁸. Тут связь несомненна, так как кидани были, по-видимому, юго-восточной ветвью носителей глазковской культуры, а хунны с 1200 г. до н.э. поддерживали с глазковцами тесные связи, тогда как нижнеленские племена, принадлежащие к циркумполярным культурам, были отделены от южного Прибайкалья «таежным морем» и связь с ними хуннов проблематична.

Таким образом, можно сказать, что жертвы приносились не богу войны Ильбису³⁹, а духам предков, очевидно, очень кровавым.

Особенно важен следующий вывод А.П.Окладникова: в глазковское время произошло «появление нового похоронного обряда, обусловленного идеей о существовании подземного мира, в который ведет река мертвых, и замена старой обрядности, имевшей в основе иные представления о судьбе покойников в загробном мире»⁴⁰.

Эта смена мировоззрения сопоставляется с переходом от матриархата к патриархальному родовому строю. Она радикально меняет все жизнепонимание и прежде всего отражается на культе предков: «По воззрениям этого времени возвращение мертвых приносит несчастья и беды живым, тогда как ранее оно считалось неизбежным и желанным звеном круговорота жизни и смерти»⁴¹. С этой точки зрения понятны «искупительные» и «благодарственные» жертвы духам предков как воздаяние за невмешательство в земные дела.

В связи с этим мировоззрением возникает дуалистическая

система: небо — отец — добро и земля — мать — смерть, и отсюда вытекает солярный культ, выразившийся в изготовлении дисков и колец из белого нефрита. А.П.Окладников предполагает, что культ солнца в Прибайкалье заменил существовавший ранее культ зверя.

Наконец последним интереснейшим наблюдением и выводом А.П.Окладникова является интерпретация двух захоронений глазковского времени как шаманских⁴². Однако надо признать, что шаманизм, т.е. близкое, даже сексуальное, общение с духами отнюдь не соответствует описанному выше мировоззрению, и если признать, что описанные погребения действительно шаманские, то правильнее сделать вывод, что они позднейшего происхождения, т.е. датировать их после 1200 г. до н.э. и сопоставить с южным шаманизмом, уже существовавшим в Китае и пришедшим в Сибирь, очевидно, вместе с хуннами. Такое предположение не противоречит ни общей концепции А.П.Окладникова, ни собранному им материалу, ибо он сам сопоставляет костяные ложки из погребения, обнаруженного около деревни Аносово, с бронзовыми ложками из Ордоса⁴³. Предположение, что шаманизм возник в Сибири самостоятельно на базе развития более древних верований, не только не доказано, но, по-видимому, и не может быть доказано; наоборот, культурные связи Сибири и Дальнего Востока прослеживаются с бронзового века.

Описание культуры и общественного строя рыболовецких племен Прибайкалья имеет для нашей темы второстепенное, но существенное значение. Хунны тысячу лет впитывали в себя и перерабатывали эту культуру, и самостоятельный облик хуннской культуры, столь отличный от китайского и даже противоположный ему, есть следствие этого факта. Почти все отмеченные обряды мы встретим с некоторыми изменениями в державе Хунну во II в. до н.э. Поэтому исследования и выводы А.П.Окладникова приобретают особую ценность: они выясняют второй исток того творческого своеобразия, которое нашло свое воплощение в создании державы Хунну и кочевой культуры.

ПРОДВИЖЕНИЕ ХУННОВ НА СЕВЕР

А.П.Окладников выделил в особый этап шиверскую культуру, возникшую от соприкосновения древних хуннов с древними гунгусами. От предшествующего глазковского этапа она отли-

чается бурным развитием металлической техники и появлением «удивительной близости к особенностям примитивных топоров кельтов и архаического Китая иньской (или шанской) династии»⁴⁴. Наконечники копий также повторяют иньские, а кинжалы и ножи принадлежат к архаическим вариантам карасукских плоских кинжалов.

Учитывая прослеженный нами ход событий, мы можем с уверенностью датировать эту культуру началом I тысячелетия до н.э. Ведь хунны были врагами Чжоу и, следовательно, друзьями Шан-Инь⁴⁵. Будучи выбиты из Китая У-ваном в самом конце XII в., они перенесли заимствованные у китайцев навыки и формы в Сибирь; таким образом, для Сибири вещи, сходные с аньянскими, должны датироваться эпохой, непосредственно следующей за гибелью царства Шан-Инь. Но это не следует распространять на область идеологии, так как разница в быте и хозяйственном укладе у кочевников и китайцев исключала прямое заимствование.

Итак, мы вправе констатировать, что шиверский этап прибайкальской культуры и карасукская культура не только синхронны, но и возникли по одной и той же причине. Однако судьба их была различна.

Западный отряд хуннов, переваливший за Саяны, оказался окруженным воинственными динлинами и изолированным от основной массы своих соплеменников. Как бы ни шла борьба, но победила динлины⁴⁶.

Тагарская культура мощно перекрыла карасукскую, местная традиция восторжествовала над пришлой. По новейшим измерениям, карасукские черепа напоминают больше всего черепа узбеков и таджиков (сообщено В.П.Алексеевым), а это значит, что, как и в Средней Азии, монголоидный компонент был поглощен европеоидным.

Карасукская культура была распространена гораздо шире, чем антропологический тип ее носителей⁴⁷. Она широко взаимодействовала с предшествовавшей андроновской культурой и оставила след на последующей тагарской. Это позволяет допустить, что внедрившиеся с юга пришельцы быстро установили с аборигенами мирные отношения и, оплодотворив их культуру своей, растворились в их массе.

Не то было на востоке. Близкие по крови к хуннам и менее организованные прибайкальские племена подчинились им, и к III в. до н.э. вся Центральная Монголия и степное Забайкалье

составили основную территорию хуннов. Борьба за степные просторы заняла, видимо, около 300 лет, и в Китае все это время про хуннов не было слышно. В эти 300 лет формировался новый народ, смешиваясь с аборигенами и совершенствуя свою культуру (например, технику бронзы). А в Китае за это же время династия Чжоу разложилась и пришла в упадок. Но, кроме китайцев, у хуннов было еще немало других соседей.

СОСЕДИ ДРЕВНИХ ХУННОВ

Жуны занимали территорию, весьма однородную по ландшафту и монолитную: на северо-западе они населяли оазис Хами⁴⁸, где граничили с индоевропейскими чешисцами, обитавшими в Турфане; на юго-западе они владели берегами озера Лобнор и Черчен-Дарьи, примыкая к Хотану и горам Алтынтага, где кочевали тибетцы — жокянь (или эрркян); жунам принадлежало также плоскогорье Цайдам, а родственные им племена ди жили в северной Сычуани. Но главная масса жунских племен группировалась в Северном Китае. В провинции Хэбэй жили племена: бэйжун (они же шаньжун), цзяши (ответвление племени чиди), сяньлюй, фэй и гу (ответвления племени байди), учжун. Общее их название было — бэйди. На западе жили племена, получившие общее название жунди. Они обитали среди китайского населения, не смешиваясь с ним, в провинциях: Шэньси — дажуны, лижуны, цюаньжуны; Ганьсу — сяожуны; Хэнани и Шаньси — маожуны, байди, чиди, цяньцзюжуны, луши, люсюй и дочэнь⁴⁹. К жунскому племени принадлежали кочевые племена лэуфань и баянь. Лэуфань вначале помещались в Шаньси (в области современной Тайюань)⁵⁰, но потом мы застаем их в Орлосе. Очевидно, именно их имел в виду Птоломей, рассказывая о народе серов, живущих по соседству с синами — китайцами.

Самое восточное из жунских племен — шаньжуны жили в южном Хингане, соседствуя с дунху и хуннами. Местопребывание хуннов в древности точно определено в «Цзиньшу», гл. 97⁵¹. Хуннская земля на юге соединялась с уделами Янь и Чжао (современные провинции Хэбэй и Шаньси), на севере достигала Шамо, на востоке примыкала к северным и, а на западе доходила до шести жунских племен, т.е. древние границы распространения хуннов совпадали с современными границами Внутренней Монголии без Барги. Впоследствии они сузились, так

как степи к востоку от Хингана заселили дунху, точнее хоры, народ монгольской расы. Необходимо отметить, что северо-китайский тип весьма разнится от монгольского. Китайцы узколицы, худощавы, стройны, а монголы широкоскулы, низкорослы, коренасты. В степи мы наблюдаем оба типа: чистых монголов китайцы называли дунху, т.е. восточные ху, а среди ху-хуннов преобладал китайский узколицый тип с примесью динлинских черт, например высоких носов⁵². Разумеется, хунны и дунху-хоры на протяжении веков смешивались, и это смешение определило в значительной степени характер хуннов: динлинская неукротимость сочеталась с китайской любовью к системе и с монгольской выносливостью.

К северу от хуннов обитали динлины. Они населяли оба склона Саянского хребта от Енисея до Селенги. На Енисее помешались кыргызы (по-китайски — «цигу») — народ, возникший от смешения динлинов с неизвестным племенем гяньгунь, а на запад от них, на северном склоне Алтая, жили кипчаки (по-китайски — «кюеше»), по внешнему виду похожие на динлинов и, вероятно, родственные им.

Начиная с V в. до н.э. в китайских хрониках появляется упоминание о юэчжах, кочевом народе, жившем в Хэси, т.е. в степях к западу от Ордоса. Территория их определяется «от Дунь-хуана на север, от Великой стены при Ордосе — на северо-запад до Хами»⁵³. Однако эта территория не могла быть родиной многочисленного юэчжийского народа, так как в эту же эпоху китайская география помещает сюда усуней и чиди-уйгуров. До V в. о юэчжах китайцы не пишут, чего не могло быть, если бы те занимали столь близкую к Китаю область. Отсюда вытекает, что юэчжи овладели Хэси в V в. до н.э., имея уже вполне освоенную базу для наступления; такой базой могла быть только Джунгария, ибо Центральная Монголия была уже занята хуннами, а западная — кипчаками и гяньгунями⁵⁴.

Переходим к последнему и наиболее загадочному белокурому народу — северным бома. Бома населяли северные склоны Саяно-Алтая⁵⁵. Известно о них следующее: «Они ведут кочевой образ жизни; предпочитают селиться среди гор, поросших хвойным лесом, пашут лошадьми; все их лошади пегие, откуда и название страны — Бома (пегая лошадь).

К северу их земли простираются до моря. Они ведут частые войны с хагасами, которых очень напоминают лицом; но языки у них разные, и они не понимают друг друга. Дома строят из

деревя. Покровом деревянного сруба служит древесная кора. Они делятся на мелкие кланы и не имеют общего начальни-
ка⁵⁶. В переводе Н.Я.Бичурина находим некоторые отличия: так, например, масть лошадей — саврасая, верхом борма не ездили, а держали лошадей только из-за молока, войско борма исчислено в 30 000 человек⁵⁷.

Итак, это был народ по сибирским масштабам крупный. К счастью, мы имеем подлинные названия его в китайской передале: бице-бике и олочже⁵⁸. Отсюда становится понятно, что борма — просто кличка, и сопоставление сибирских борма с ганасуйскими необосновано, тем более что они пишутся разными иероглифами⁵⁹. Этнонимы их совпадают с бикинами, древним племенем, упомянутым Рашид ад-Дином, и алакчинами, о которых Абулгази пишет, что «у них все лошади пеги, а очаги золотые». Страну Алакчин он помещает на Ангаре⁶⁰. Таким образом, мы не можем причислять борма ни к дили, ни к динлинам.

Локализовав алакчинов, обратимся к антропологии Прибайкалья. Там в неолитическую эпоху, вероятно, очень затянувшуюся, намечаются три типа: 1) эскимоидный — на среднем течении Ангары, где нет европеоидной примеси; 2) палеосибирский — на верхнем течении Ангары и Лены и 3) европеоидный, просочившийся из Саяно-Алтая и смешавшийся с аборигенами. Область распространения этого типа в Прибайкалье ограничивается южными его районами, прилегающими к островам степей или черноземных почв, цепочка которых тянется от Минусинского края до Канской степи примерно вдоль линии нынешней железной дороги⁶¹. Сходную картину мы наблюдаем и в Красноярском крае⁶².

Итак, наличие северных борма, вернее, алакчинов и бикинов подтверждается. Этническое различие их с динлинами при расхождении не должно нас ни удивлять, ни поражать. Распространены они были, вероятно, очень широко: от Алтая до Байкала, рассеянными группами, как многие другие сибирские племена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Окладников А.Л.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. С. 8.

² Там же. С. 9—10.

³ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

⁴ *Грязнов М.П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане

- // Советская археология. 1952. Т. XVI.
- ⁵ Киселев С.В. Древняя история... С. 100.
- ⁶ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 11.
- ⁷ Там же. С. 34—35.
- ⁸ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 65.
- ⁹ Киселев С.В. Древняя история... С. 301; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 128.
- ¹⁰ Киселев С.В. Древняя история... С. 114—116.
- ¹¹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.
- ¹² Там же.
- ¹³ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. №1.
- ¹⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 43.
- ¹⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 107.
- ¹⁶ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 15.
- ¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.
- ¹⁸ См. сноску 2 к Вступлению.
- ¹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.
- ²⁰ Окладников А.П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. №4. С. 173.
- ²¹ Там же. С. 172.
- ²² McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 91.
- ²³ Deguignes Y. Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux avant et depuis, J.C. jusqu'à present. Vol. I. P., 1758. P. 216.
- ²⁴ Cordier H. Histoire générale de la Chine. Vol. I. P., 1920. P. 205.
- ²⁵ Цит. по кн.: Cordier H. Histoire générale de la Chine. Vol. I. P. 205.
- ²⁶ См.: Киселев С.В. Древняя история... С. 147.
- ²⁷ Там же. С. 161.
- ²⁸ Мурзаев Э. Северо-восточный Китай. М., 1955. С. 83, 113.
- ²⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.
- ³⁰ Окладников А.П. Неолит... С. 261.
- ³¹ Там же. С. 244, 247.
- ³² Там же. Глава IV.
- ³³ Там же. С. 231 и сл.
- ³⁴ Окладников А.П. Неолит... С. 233, 237; Киселев С.В. Древняя история... С. 24, 113; Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 68, 69.
- ³⁵ Окладников А.П. Неолит... С. 259.
- ³⁶ Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены (Сборник МАЭ. 1949. №11). С. 82, рассказ 9.
- ³⁷ Plath J.H. Geschichte des östlichen Asiens. Göttingen, 1830. S. 105; ср.: Окладников А.П. Неолит... С. 261.
- ³⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 76.
- ³⁹ Окладников А.П. Неолит... С. 259.
- ⁴⁰ Там же. С. 328.
- ⁴¹ Там же. С. 334.
- ⁴² Там же. С. 339 и сл.
- ⁴³ Там же. С. 347.

- ¹⁰ *Скандликов А. П.* Шиверский культурно-исторический этап (рукопись).
- ¹¹ Весьма примечательно, что хунны сохранили традиции шанского искусства до V в. н.э. и донесли их до Западной Европы. На Каталлаунском поле найдена ручка бронзового жертвенного сосуда гуннского происхождения. Аналогичные находки были сделаны в Венгрии, Силезии, на юге России, в Горном Алтае у Телецкого озера, в Монголии и Ордосе. Датируются они эпохой Старшей Хань, III—I в. до н.э., но стиль их восходит к стилю эпохи Шан-Инь, когда подобные сосуды назывались «ю» [см.: *Takáts Z.* Catalaunischen Hunnenfund und sein ostasiatischen Verbindungen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* T. V. Budapest, 1955. S. 143—173.
- ¹² *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1950. №2. С. 46.
- ¹³ *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби // МИА. Т. 48. 1956. С. 38—41.
- ¹⁴ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. III. С. 57.
- ¹⁵ *Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая... С. 137—138.
- ¹⁶ *Chavannes Ed.* Les memoires historiques de Sse-ma Ts'ien. P., 1899. P. 71, 89.
- ¹⁷ См.: *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 219.
- ¹⁸ *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 15.
- ¹⁹ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. III. С. 57.
- ²⁰ Историю вопроса см.: *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 91—94. Территория, на которой жили юэчжи, восстанавливается на основе сопоставления таким образом. В эпоху, предшествовавшую хуннскому завоеванию степной Азии, к Алтаю примыкали два государства: с запада Кангюй и с востока Юэчжи. Кангюй, вопреки мнению С. П. Толстова, находился в Восточном Казахстане, и мало данных за то, чтобы степняки обладали горными долинами Алтая. Область юэчжей, по китайским сведениям, лежала между Алашанем и Хами, но южную, плодородную часть этой территории занимали усунь, покоренные юэчжами около IV в. до н.э. Попытка понять китайские сведения буквально, т.е. поместить два больших народа на одной пустынной территории, не дала результатов. Необходимо допустить, что эта область была завоевана юэчжами с запада, а так как область оазисов была населена тохарами, а территория Монголии — хуннами, то остается только Джунгария, примыкающая к Алтаю и Тяньшаню. Отсюда юэчжи были вытеснены хуннами в 165 г. до н.э. За отождествление пазырыкцев с юэчжами говорят следующие данные:
- 1) Китайские вещи, например зеркало из княжества Цинь, тесно связанного с юэчжами.
 - 2) Юэчжи брили голову; останки, найденные в Пазырыке, свидетельствуют о том же.
 - 3) Резкий характерный профиль на пазырыкских изображениях, являющийся эстетическим каноном, совпадает с профилем на кушанских монетах.
 - 4) Предполагаемая датировка V—III вв. до н.э. совпадает с расцветом юэчжей, тогда как Кангюй существовал еще 500 лет, а в циньское время с Китаем не сносился, и циньское зеркало с другими вещами попасть на Алтай могло опять-таки только через юэчжей.
 - 5) Много больших каменных курганов пазырыкского типа расположено в восточных районах, ландшафтом связанных с Монголией и Джунгарией, а

Хунну

не с Карагандинской степью и не с Барабой; сходство же пазырыкских вещей со скифскими объясняется просто тем, что оба эти народа имели сношения и обменивались культурными ценностями, причем посредниками были родственные скифам аланы.

Литература о юэчжах огромна. Из новых работ, см.: *Pelliot P.* Les coutchènes et les tokhariens // *Journal asiatique.* 1934; *Haloun G.* Zur Üe-tsi Frage // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* 1937; *Умняков И.И.* Тохарская проблема // ВДИ. 1940. С.П.Толстов сопоставил юэчжей с массагетами, опираясь на звучание имен в предположительной реконструкции (см.: *Древний Хорезм.* М., 1948). Эта гипотеза принята не всеми учеными.

⁵⁵ *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия... С. 51, 59.

⁵⁶ *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (tuos) occidentaux // *Сборник трудов Орхонской экспедиции.* Т. VI. СПб., 1903. С. 29, прим. 4.

⁵⁷ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 350.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия... С. 13.

⁶⁰ Там же. С. 353—354.

⁶¹ *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. С. 58—61.

⁶² Там же. С. 62.

III. На берегах «песчаного моря»

ПЕРВОЕ ВТОРЖЕНИЕ ХУННОВ В КИТАЙ

Кончался IX век. В Китае чжоуские ваны уже теряли свою мощь, и ван Сюань стал опасаться недовольства своих подданных, склонных к мятежу.

В это время впервые показали себя миру хунны, которых китайская поэзия окрестила «небесными гордецами», а грубая проза — «злыми невольниками».

Первое поэтическое известие о хуннах, уже обновленных, сформировавшихся и потому грозных, относится к 822 г. до н.э. В одной из од «Книги песен» описывается вторжение хуннов¹ в Китай:

В шестой месяц², какое смятение!
Боевые колесницы стоят наготове,
В каждую запряжено четыре статных коня,
Они снаряжены, как это обычно делается.
Хунну яростно вторглись,
Поэтому мы должны были спешно выступить;
Чтобы освободить столицу,
Царь³ приказал выступить в поход.
Мы победили Хунну,
Проявив великую храбрость...
Хунну плохо рассчитали,
Заняв Цяо и Ху,
Захватив Хао и Фэнь⁴,
Дойдя до северной части реки Цзинь.

Хунну

Наши знамена, украшенные изображениями птиц,
Развевались своими белыми складками.

Десять военных колесниц мчались впереди...

Мы победили Хунну.

Это пример для десяти тысяч (т.е. многих) стран⁵.

Данные слишком скудны, чтобы оценить поход хуннов по достоинству. Не совсем ясно, был ли это просто удачный грабительский набег или серьезная война, рассчитанная на захват территории. Первое вероятнее, но и в этом случае, видимо, действовали большие и организованные массы. Для отражения противника потребовалась мобилизация, и все-таки война была нелегкой.

Тем более странно, что после этого хунны опять не упоминаются около 500 лет. Очевидно, их оттеснили на север жуны⁶.

БОРЬБА ЖУНОВ И КИТАЙЦЕВ

Власть чжоуских ванов держалась «на острие копья». Это положение не могло длиться бесконечно. В 842 г. до н.э. население столицы восстало против Ли-вана и штурмовало дворец. Ли-ван бежал. Власть взяли в свои руки сановники Чжоу-гун и Чжао-гун, которые пошли навстречу требованиям восставшего народа. Эпоха их регентства (842—827) получила характерное название «Всеобщее согласие» (Гунхэ). Этой ценой была спасена династия, но мощь ее не восстановилась, несмотря на удачное отражение хуннов и победоносную войну с царством Сюй на юго-востоке Китая.

Пока феодальных и удельных владений в Китае было много, размер их был очень мал. Поэтому ван (царь) имел бесспорное преимущество перед любым из своих князей. Но когда владения укрупнились, пропорционально выросла сила отдельных князей, и ванам пришлось с ними считаться. Однако это не всегда было так: нередко личные интересы и страсти вмешивались в политические расчеты и опрокидывали их. Так, например, Ю-ван, влюбившись в красавицу Бао-сы, стал пренебрегать своей законной супругой, дочерью князя Шэня. Последний вступился за оскорбленную дочь; возник конфликт между феодалами, причем обиженный вельможа попросил помощи у соседних племен «варваров». Тут и начались контрнаступление жуны и ди. В 771 г. гуаньжуны вмешались в феодальную войну и вторглись в Китай. Ю-ван пал в битве, и гуаньжу-

ны осели на китайских землях. Они заняли область между реками Гун и Вэй «и продолжали утеснять Серединное Государство». Шин-ван из дома Чжоу, не сумев отбиться от наседавшего удела, ушел на восток в Лоян, но гуаньжунов отразил князь Сян Ван в 40 г. до н.э. С этого времени начинается фактический распад княжества Чжоу.

Несколько позднее активизировались на востоке шаньжуны. В 706 г. они прорвались сквозь княжество Янь и княжество Ци и разбили князя Ци под стенами его столицы. Только через 44 года Хуань-гун, князь удела Ци, выгнал их из пределов Китая⁸. Однако распри по-прежнему мешали китайцам объединять свои силы, и в 644 г. жуны разорили удел Цзинь, князь которого был главою имперского союза. В 642 г. они пришли на помощь своему бывшему врагу — мятежному князю удела Ци, и произвели опустошительный набег на удел Вэй.

Но наибольших успехов жуны достигли в 636 г. до н.э. Великий князь Сян-ван из политических соображений женился на княжне из жунов. Однако молодая княгиня стала участницей заговора против него одной из придворных клик. Они привели своих соплеменников, а ее друзья отворили им ворота столицы, и великому князю пришлось бежать. Четыре года грабили жуны богатейший Китай, пока Вэнь-гун, князь удела Цзинь, добился согласия имперского сейма на вручение ему полномочий на изгнание жунов и восстановление порядка. Только в 632 г. он изгнал их из столицы и казнил изменника, узурпатора — князя удела Дай. Тогда же циньский Му-гун (659—621) уничтожил 12 владений жунов на западе и вернул Китаю земли Чжоу.

Однако жуны не были разбиты, и борьба продолжалась до 569 г., когда они заключили мир с уделом Цзинь⁹. В V в. перевес склонился на сторону китайцев. Чжао-ван, князь удела Цинь, завоевал царство икюйских жунов в Шэньси и восточном Ганьсу. Ву Лин, князь Чжао, покорил в Ордосе лэуфань и шиьху, а Цинь Кай, полководец княжества Янь, «внезапным нападением разгромил Дун-ху»¹⁰.

Каким образом окончательная победа досталась китайцам, убедительно показано ими самими. Жуны занимали огромную территорию и делились на множество больших и малых племен. «Все сии поколения рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться»¹¹. До тех пор, пока в самом Китае царил феодальная раздробленность, жуны

Хунну

могли иметь частные успехи, но как только владения укрупнились и князья стали царями, централизованная сила победила храбрых жунов. Каменные замки оказались более надежными убежищами, чем горные ущелья. Икюйские жуны попробовали было подражать китайцам и построили ряд крепостей. Но китайцы уже владели осадной техникой и без труда взяли их замки. Кроме того, мы не знаем, каковы были отношения между жунами и хуннами. Вряд ли они были друзьями. А если так, то положение жунов должно было быть трагично: зажатые между Китаем и Великой степью, они не имели тыла, а горные долины, где они пытались укрыться от наступавшего врага, оказались ловушками, не имевшими выхода, не убежищем, а местом гибели.

В результате пятивековой борьбы жуны были разделены на две части: основная была оттеснена на запад, к горному озеру Кукунор, а другая — на восток, в горы Хингана, где и растворилась среди восточных ху¹², затаив вражду против китайцев. В результате в III в. до н.э. сложился племенной союз дунху, захвативший гегемонию в восточной части Великой степи. В это же время вновь ожили и вернулись к активной исторической жизни народы западной части Степи.

В 250 г. до н.э. парфяне, возглавив иранское освободительное движение, выгнали из Мидии завоевателей македонян, а родственные им сарматы завоевали Скифию, т.е. причерноморские степи¹³.

Как будто каким-то мощным толчком были приведены в движение степные народы в середине III в. до н.э.

КУЛЬТУРА ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ

В то время когда китайцы и жуны уничтожали друг друга в истребибельных войнах, в степях Центральной Монголии и Южного Забайкалья сложилась оригинальная культура, которой предстояло большая будущность. Это так называемая «культура плиточных могил», а по сути дела — ранний этап самостоятельной хуннской культуры. Она исследована Г.И.Боровкой¹⁴ и Г.П.Сосновским¹⁵, но законченное описание ее принадлежит А.П.Окладникову¹⁶. Эти могилы, вытянутые цепочками с юга на север, содержат великолепные изделия из бронзы. Описание их я опускаю, так как оно имеется в работах указанных авторов, и, опираясь на характеристику культуры плиточных могил,

онную А.П.Окладниковым, попробую перейти к интерпрета-

ции по дошедшим до нас материалам, основным занятием
и, оставивших плиточные могилы, было скотоводство; к
же они в совершенстве владели техникой литейного дела.
В могилах обнаружены раковины-каури из Индийского океана,
цилиндрические бусы из пиррофиллита, фрагменты сосу-
шкоподов китайских форм. Это указывает на широту куль-
турных связей, которые простирались от Китая до Алтая, Ми-
нусинской котловины и Средней Азии. Однако еще незаметно
следов классового расслоения: «расположение могил указывает
на прочность общинно-родовых связей»¹⁷. Это не значит, ко-
нечно, что не было богатых или бедных семей, но и те и другие
находились в рамках патриархального рода. Патриархальный
род — это строй аристократический. Заслуженные воины, ста-
ршейшины и вожди составляют его верхушку, и их могилы долж-
ны иметь отличие от могил рядовых их соплеменников. Тако-
выми являются «оленные камни», т.е. плиты, украшенные
изображениями оленей, солнечного диска и оружия. На изго-
товление их затрачивался труд настолько большой, что он был
непоносим одной семье покойника. Очевидно, это было обще-
ственным делом¹⁸. Антропологический тип на протяжении
всего I тысячелетия до н.э. не менялся; именно в эту эпоху
складывался и сложился характерный палеосибирский тип,
справедливо приписываемый хуннам¹⁹.

В чем же различие культуры плиточных могил²⁰ и последую-
щей, непосредственно примыкающей к ней хуннской культу-
ры? Во-первых, хунны широко использовали железо, которое в
плиточных могилах встречается редко. Этот факт получает
крайне простое объяснение. Первоначально степняки получали
железо с юга от тибетцев-кянов²¹. Сомкнулись они с ними око-
ло 205 г. до н.э.²², и только тогда железо потекло в Степь широ-
ким потоком. Во-вторых, у хуннов мы обнаруживаем царские
могилы. И это понятно, так как лишь в 209 г. до н.э. произош-
ла консолидация родов и была установлена твердая централь-
ная власть, а до этого хунны были просто конфедерацией ро-
дов. Значит, появление царских могил — не что иное, как этап
истории одного народа. Все прочие черты совпадают, и, следо-
вательно, вышеприведенная характеристика относится к ранне-
хуннскому обществу, точнее, к становлению его в IX—IV вв. до
н.э. В IV в. хунны усилились настолько, что перешли обратно

Хунну

на южную сторону Гоби²³, и китайцы, только что одержав победу над бэйди, были вынуждены защищаться от нового врага, учитывая его особую стратегию и непривычную тактику. Памятники этого столкновения — Великая китайская стена и плиточные могилы во Внутренней Монголии²⁴.

О ЯЗЫКЕ ХУННОВ

Вопросу о языке, на котором говорили хунны, посвящена большая литература, ныне в значительной степени потерявшая значение²⁵. Сиратори доказывал, что известные нам хуннские слова — тюркские и единственная хуннская фраза, дошедшая до нас, — тюркская²⁶. Исследования финских ученых поставили вопрос о хуннском языке в несколько иную плоскость: Кастрен²⁷ и Рамстедт²⁸ высказали мнение, что хуннский язык был общим для предков тюрков и монголов. Пельо отметил, что он включает в себя элементы еще более древнего слоя²⁹. Лигети оставляет вопрос о хуннском языке открытым, ссылаясь на то, что хуннское слово, обозначающее «сапоги», известное нам в китайской транскрипции, звучит «сагдак» и не имеет аналогий ни в тюркских, ни в монгольском языках. Приведенное им сопоставление с кетским словом «сегди» не удовлетворяет самого автора³⁰.

Однако это слово имеет прямое отношение к старорусскому слову «сагайдак», т.е. колчан со стрелами и луком. Оно тюрко-монгольского происхождения и было в употреблении в XVI—XVII вв. Связь его с хуннским словом «сагдак» совершенно очевидна, так как хунны затыкали за голенища стрелы, которые не помещались в колчане³¹, как впоследствии делали русские, затыкая туда ножи. Итак, слово «сагдак» восходит, возможно, к той же тюрко-монгольской языковой стихии, которая в I тысячелетии до н.э. была еще, очевидно, слабо дифференцирована; но возможно также, что общность известных нам хуннских и монгольских слов объясняется культурным обменом между народами, которых тесно связывала историческая судьба. Несмотря на приведенные соображения, можно думать, что сомнение в тюркоязычии хуннов несостоятельно, так как имеется прямое указание источника на близость языков хуннского и телеского³², т.е. уйгурского, о принадлежности которого не может быть двух мнений. Сам Лигети указывает, что сомнения в тюркоязычии хуннов основаны на анализе специальных «культурных

III. На берегах «песчаного моря»

... которые очень часто оказываются заимствованными, в том числе удивительного, так как общение хуннов с соседями было продолжительным и интенсивным.

ЗНАЧЕНИЯ

... ии шиши не сюнну, а сюньюнь, очевидно, из-за архаичности языка.

... шиши из династии Чжоу.

... шиши царства Джоу.

... шиши И.И. История древнего Востока. М., 1953. С. 655.

... шиши «хунну» появилось в Китае в эпоху Чжаньго (IV—III вв. до н.э.)

... шиши Юн. Оборонительные войны против хуннов в эпоху Хань. Шанхай, 1955 (Реферативный сборник. 1956. №15. С. 95).

... шиши И.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42.

... шиши И.Я. говорил, что, если бы не эта победа, «нам, пожалуй, пришлось бы жить непричесанными, застегивать одежду налево и испытывать временное господство» (см.: *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. Т. I. М., 1958. С. 120).

... шиши И.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 43—44.

... шиши же. С. 45.

... шиши же. С. 43.

... шиши И. Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1927. С. 85.

... шиши С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 321.

... шиши И.И. Археологическое обследование среднего течения реки Толы в северной Монголии. Т. II. Л., 1927.

... шиши И.И. Ранние кочевники Забайкалья (КСИИМК. Т. VIII. М.; Л., 1958. С. 428, 437); Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I. Л., 1941.

... шиши И.И. Древнее население Сибири и его культура. (Рукопись).

... шиши же.

... шиши же.

... шиши И.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121.

... шиши И.Ф. родство культуры плиточных могил с раннехуннской оспаривает И.И. Гохман, который основывает противоположное мнение на изучении

... шиши И.И. черепов из плиточных могил IV—II вв. до н.э. (*Гохман И.И.* Антропологические материалы плиточных могил Забайкалья // Сборник МАЭ.

... шиши И.И. VIII. М.; Л., 1958. С. 428, 437). Исследованные И.И. Гохманом черепа

... шиши И.И. монголоидны и не имеют европеоидной примеси, характерной для хуннов. Однако автор не учитывает, что хунны, как и любой большой народ,

... шиши И.И. не были расово монолитны. Небольшое количество исследованного краеведческого материала не позволяет судить обо всем расовом составе

... шиши И.И. населения, оставившего плиточные могилы, а территория, на которой они

... шиши И.И. распространены, уже в III в. до н.э. была хуннской. Скорее можно предположить, что этот монголоидный тип был одним из компонентов хунн-

Хунну

ского народа, окончательно сложившегося на севере, а не на юге от Гоби. Изменение погребального обряда, имевшее место во II в. до н.э., связано не с переселением нового народа, а с изменением культа, так как хуннская культура в это время переживала период бурного развития, оборвавшегося во II в. н.э. Наличие же плиточных могил к югу от Гоби показывает, что этот обряд захоронения связан не с локальными особенностями одного племени, а является следом культурного единства многоплеменного этнического образования в Средней Азии I тысячелетия до н.э.

²¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 172.

²² Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

²³ В 317 г. хунны в союзе с пятью китайскими княжествами выступили против Цинь, но были отбиты (*Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая... С. 235).

²⁴ Окладников А.П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. №4. С. 163.

²⁵ См.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926.

²⁶ *Shiratori K.* Über die Sprache der Hiungnu und der Tanghu — Stämme. St. Pö., 1902; Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de S.-Petersburg». V. Serie. Bd. XVI. № 2 (Отдельный оттиск).

²⁷ *Castrén M.A.* Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Pö., 1857. S. 35—36.

²⁸ *M.G.S. Ramstedt.* Über der Ursprung der türkischen Sprache. Helsinki, 1937. S. 81—91.

²⁹ *Pelliot P.* L'édition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei (T'oung Pao. Vol. XXVI). P. 167.

³⁰ *Ligeti L.* Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // Acta Orientalia. 1950. S. 141—149.

³¹ В колчане помещалось всего 30 стрел (см.: *Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909).

³² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 214.

IV. Великая стена

СВЯТАЯ КУПНОВ С КНЯЖЕСТВОМ ЧЖАО

Победа, которую предки китайцев одержали над окружающими со всех сторон враждебными племенами (жунди, кянов, ма-ю и пр.), далась им очень нелегко и стоила недешево. Но после того, как внутри китайских земель были уничтожены жундские княжества и подчинены племена, граничившие непосредственно с царствами, образовавшимися в результате укрупнения феодальных княжеств, китайцы чувствовали себя на этой земле, как на острове, окруженном враждебной стихией. Об этом весьма красочно повествует стихотворение Цюй Юаня «Призывание души»¹. Изложенная там географическая концепция заслуживает внимания.

Восточной стороне не доверяйся,
Там великаны хищные живут
И душами питаются людскими;
Там десять солнц всплывают в небесах
И расплавляют руды и каменья,
Но люди там привычны ко всему...

Любопытно, что о море нет ни слова. В эпоху Цюй Юаня исключительные юэ — «хищные великаны» — еще держались в Цзян-нини и доставляли китайцам больше неприятностей, чем неосвоенное для плавания море. О юге сказано следующее:

И в южной стороне не оставайся!
Узорами там покрывают лбы,

Хунну

Там человечину приносят в жертву
И стряпают похлебку из костей.
Там ядовитых змей несметно много,
Там мчатся стаи великанов-лис;
Удавы в той стране девятиглавы.
Вся эта нечисть там кишмя кишит,
Чтоб пожирать людей себе на радость.

Эта мрачная картина кое в чем находит подтверждение. Ле Гуан-чжун также сообщает, что у южных маней-лесовиков практиковались человеческие жертвоприношения². Фантастическая зоология остается на совести Цюй Юаня. Но это все пустяки по сравнению с западом:

Про вредоносность запада послушай:
Повсюду там зыбучие пески,
Вращаясь, в бездну льются громовую.
Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!
А если чудом избежишь несчастья,
Там все равно пустыня ждет тебя,
Где каждый муравей слону подобен,
А осы толще бочек и черны.
Там ни один из злаков не родится
И жители, как скот, жуют бурьян,
И та земля людей, как пекло, жарит...
Воды захочешь — где ее найти?
И помощь ниоткуда не приходит.
Пустыне необъятной нет конца..

Тут описана не пустыня Такла-Макан, как можно было бы подумать: в III в. до н.э. китайцы так далеко не проникали. Это всего-навсего сухая степь в предгорьях Наньшаня и по реке Эдзин-Голу. Описание степного вихря вполне реалистично. О севере сказано:

На севере не вздумай оставаться:
Там громоздятся льды превыше гор,
Метели там на сотни ли несутся...

Еще мрачнее описание зенита и надира. Поэтому желание отгородиться от такого «страшного мира» вполне естественно. Но пограничные племена не давали китайцам забыть о себе. летописи наполнены рассказами о нападениях жунов. С VII по III в. до н.э. между ними шла упорная борьба с переменным успехом³. И только в 214 г. до н.э. войска объединенного Китая окончательно подавили сопротивление жунов.

Наша напад жунами принесла северокитайским княжествам больше вреда, чем пользы, поставив их в непосредственную близость со степными хуннами; последние оказались гораздо более свирепыми и опасными врагами. Уже в 307 г. Ву Лин, князь из дома Чжао, разгромив племена линьху и лэу, принужден был построить пограничную крепость Яй-шань и оборонительную стену у подошвы хребта Иньшань, в южной территории хуннов. Его примеру последовал полководец Цинь Кай в княжестве Янь, который воздвиг оборонительную линию, прикрывающую Ляоси и Ляодун от набегов хуннов. Однако эти частные мероприятия не останавливали хуннских набегов; к тому же выяснилось, что лучше терпеть неизбежные потери от грабежа со стороны соседей, чем строить дорогостоящие сооружения, не приносящие ожидаемого эффекта. Поэтому князья предпочли организовать легкую конницу для отражения хуннских набегов, и впоследствии этот план борьбы расценивался как лучший из всех примененных⁵.

В III в. до н.э. хуннские нападения на Китай усилились. Ли Му (Цинь) сообщает, что Ли Му, полководец княжества Чжао (Шаньси), отражал постоянные набег хуннов⁶. Он занимал выгодную позицию: «Как только хунны вторгнутся в пределы владения и начнут грабить, немедленно уходите в лагерь и спрячьтесь, — предупреждал он своих воинов. — Всех, кто берет брать пленных, буду казнить!» При такой тактике он не нес потерь, но вызывал естественное недовольство своего вана, который предложил ему либо изменить тактику, либо уйти в отставку. Ли Му выбрал второе, но воеводолюбивый ван, принявший бой с противником, понес такие потери, что лишился возможности оборонять границу. Снова был назначен Ли Му с огромными полномочиями. Тактика хуннов началась в молниеносных набегах маленькими отрядами. Эти отряды рыскали по всем пограничным районам, но не имели отпор со стороны расположенных там китайских гарнизонов. Чтобы обезопасить себя от них, хунны стали увеличивать численность отрядов, а этого только и хотел Ли Му. Он опасаясь того, что шаньюй «во главе неисчислимых полчищ» направил на его обученное войско. Силы Ли Му определились в 1000 колесниц, 13000 всадников, 50000 «воинов ста золотых»⁷, 100000 лучников, особо обученных им самим. Эти цифры не надо понимать буквально. Две первые близки к действитель-

ности, а две последние — синонимы множества, но ясно, что главной силой Ли Му были лучники. Он построил войско «наподобие крыльев», т.е. охватил фланги противника. Очевидно, «неисчислимые полчища» хуннов численно уступали китайской армии. Полуокружением Ли Му заставил врага отказаться от маневрирования и принять бой, в котором хунны понесли большие потери и были разбиты. Было уничтожено племя даньянь, разгромлено дунху и сдалось племя линьху. Из указанного видно, что хунны уже стояли во главе племенного объединения, но это поражение лишило их гегемонии в Степи, и позднее она перешла к их восточным соседям — дунху.

Но княжество Чжао недолго наслаждалось лаврами своих побед. В 226 г. до н.э. оно было покорено царством Цинь, через пять лет объединившим весь Китай.

ПОСТРОЕНИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ

В древности княжество Цинь было пограничным уделом, боровшимся с жунами. После подчинения 12 жунских племен княжество включило их в свой удел и в значительной мере усвоило их обычаи. Присоединив же к себе княжество Бо (в Шэньси), основанное беглецами из царства Шан-Инь, Цинь восприняло не чжоускую, а шанскую линию китайской культуры. Оба эти обстоятельства настолько отличали Цинь от остальных княжеств, что те считали Цинь жунским владением и не всегда соглашались на его участие в общекитайских съездах и союзах⁸. Однако победы на юге и западе, отдавшие в руки циньских князей огромную территорию с воинственным населением, сделали Цинь наиболее сильным княжеством Китая.

На севере Цинь установило связи с кочевыми юэчжами. От циньских князей юэчжи получали великолепные ткани и зеркала, сохранившиеся до нашего времени в горноалтайских курганах⁹, а циньцы заимствовали у юэчжей конный строй, упразднив громоздкие неповоротливые колесницы¹⁰. Небезынтересно также отметить, что, по-видимому, через юэчжей в Иране и Индии узнали о существовании китайского государства на востоке, которое с тех пор до наших дней именуется у индийцев и иранцев «Чин» или «Мачин» (Великое Цинь)¹¹.

Военная реформа весьма усилила боевую мощь династии Цинь и облегчила ей победы над царствами Восточного Китая. Создателем мощи царства Цинь был сановник Шан Ян, кото-

прошел ряд реформ, упразднивших общинное землевладение, обессиливших старинные аристократические роды и превративших Цинь в централизованное государство, осуществив объединение Китая. Восточные китайцы сопротивлялись этому. Около 200 лет длилась война. Эта эпоха и получила в китайской историографии название «Брань царств». Цинь-дипломатия искусно ссорила восточных ванов между собой, а циньская армия наносила им жестокие поражения. Наконец князь Ин Чжэн завершил покорение восточных царств и получил титул общекайтайской династии Цинь — Цинь Ши-хуанди. Не ограничившись этим, он совершил поход на юг и заставил южных юэ признать верховную власть империи. Затем покорил Си-ван Ордос, а хунны отогнаны от Иньшаня. Располагая огромными средствами, Ши-хуанди решил обезопасить северную границу и предпринял сооружение Великой стены, отделившей Китай от евразийских степей. Уже существовавшие разрозненные стены было решено соединить в единую сплошную цепь укреплений. Работы велись днем и ночью; когда не хватало людей, на строительство отправили военнопленных и осужденных преступников. Условия работы были исключительно тяжелы, и много трупов похоронили в насыпи стены. Но вот строительство закончилось. Стена протянулась на 4 тыс. км. Высота ее достигала 10 м, и на каждые 60—100 м высились сторожевые башни. Но когда работы были закончены, оказалось, что всех вооруженных сил не хватит, чтобы организовать эффективную оборону на границе. В самом деле, если на каждую башню поставить небольшой отряд, то неприятель уничтожит его раньше, чем соседи успеют собраться и оказать помощь. Если же расставить пореже отряды, то образуются промежутки, через которые легко и незаметно проникнет в глубь страны. Крепость без отрядов — не крепость. Многие китайские вельможи отрицательно отнеслись к постройке стены. В 11 г. н.э. Ян Ю в своем трактате писал: «Цинь Ши-хуанди, не перенося и малейшего сопротивления, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10 000 ли. Доставка съестных припасов производилась даже морем. Но только кончилось укрепление границы, центральное государство совершенно истощилось, и Дом Цинь потерял престол»¹². Действительно, стена не остановила хуннских набегов, и династия Хань вернулась к системе маневренной войны.

Хунну

Однако постройку Великой стены нельзя считать бессмыслицей. Если бы у Китая хватило средств на содержание постоянных гарнизонов на стене, то коннице хуннов было бы затруднительно ее форсировать. Но не только цели обороны преследовало циньское правительство, возводя стену. В докладе чиновника Хоу Ина указывается, что пограничные племена, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать за границу, говоря, что «у хуннов весело жить»¹³. Через стену же, даже неохраямую, нельзя было перетащить лошадей, без которых передвижение в азиатских просторах было невозможно. Это же обстоятельство препятствовало набегам небольших отрядов кочевников, стесняя их в выборе путей для нападения на оседлые области Китая. Для охраны стены использовали иногда преступников, заменяя им наказание военной службой на границе, но это были ненадежные войска, склонные к дезертирству. Иногда вокруг стены селили крестьян, которым вменялась в обязанность охрана границы, но из этого также ничего не получалось, так как крестьяне не имели военной выучки. В конце концов охрану предоставили пограничным кочевым племенам — потомкам жунов и остаткам племени ху. Несмотря на то, что эти пограничники сами были не прочь пограбить или изменить и перейти на сторону хуннов, они все-таки были более надежной пограничной стражей.

ВОЙНА ХУННОВ С ГОСУДАРСТВОМ ЦИНЬ

После разобранного выше краткого сообщения о хуннах китайская история не упоминает о них до конца III в. до н.э. Можно лишь догадываться, что в этот период хунны потеряли большую часть своих позиций на западе, где юэчжи в победоносном наступлении дошли до Алашаня, и на востоке, где гегемонию захватили древние монголы — дунху. Зависимость хуннов от дунху выражалась, по-видимому, лишь в уплате дани, так как у хуннов были собственные вожди, которые вели самостоятельную внешнюю политику. Дунху, собственно говоря, не было государством, а скорее союзом племен, где управление осуществлялось выдвинувшимися из массы старейшинами или вождями, не отличавшимися от своих соплеменников ни богатством, ни положением. Хунны же в это время уже имели шаньюя, который был, как можно думать, не абсолютным монархом, но

шим, даже пожизненным, вождем. Поэтому вхождение в сферу влияния дунху можно объяснить лишь тем, что под этим терпели серьезные неудачи, может быть, в юэчжах или саянскими динлинами и поэтому были вынуждены оказать должное сопротивление своим восточным соседям. Не исключена возможность, что на положение повлияли и внутренние социальные изменения, о которых сказано ниже.

Внешняя политика Китая также весьма неблагоприятно отозвалась на империю. В 214 г. Цинь Ши-хуанди отправил на север полководца Мэн Тяня со 100-тысячным войском¹⁴. Мэн Тянь завоевал и построил по берегам Желтой реки 44 городка и оставил там колонии из сосланных преступников. Пограничные горы и долины использованы как крепости: пологие скалы, превращенные в неприступные, ограничивали возможность перехода кочевников в долины. И наконец войска Мэн Тяня перешли Желтую реку и заняли предгорья Иньшаня. Хунны потеряли лучшие пастбища в горах, «привольные лесом и травой, изобилующие птицей и зверем», где они могли заготавливать луки и стрелы и откупаться от легкой совершать набеги¹⁵, и ордосские степи, населенные кочевыми племенами лэуфань и баянь, которые были под властью. Незадачливый хуннский шаньюй Тумань вместе со своим народом откочевал в Халху, спасаясь от копий кочевников в просторах пустыни Шамо. Но даже там для обеспечения покоя ему пришлось отдать в заложники своим соседям старшего сына Модэ. Казалось, что с хуннами мир достигнут и что их соседи разделят между собой хуннские степи. История судила иначе! Кто теперь знает о юэчжах или о хуннах тогда как имя хунну широко известно.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ЦИНЬ

Император Ши-хуанди умер в 210 г. до н.э. У него было два сына. Старший, Фу Су, находился в Ордосе в ставке полководца Мэн Тяня, главы военной партии. Канцлер Ли Сы, возглавлявший легионистов, и евнух Чжао Гао, влиятельный представитель придворной клики, опасались Фу Су и были склонны выдать за наследника младшего сына императора — Ху Хая. Ху Хай был безволен и всецело находился под влиянием Чжао Гао. Чтобы избавиться от законного наследника, Чжао Гао послал Фу Су фальшивый приказ якобы за подписью импе-

ратора-отца, предписывающий ему покончить жизнь самоубийством. Несмотря на уговоры Мэнь Тяня, царевич остался верен долгу сына и китайским обычаям и перерезал себе горло. На престол вступил Ху Хай, приняв титул Эр Ши, что значит второй в роду император¹⁶. Всю власть при молодом монархе захватил Чжао Гао, который воспользовался ею для того, чтобы избавиться от соперников. Мэнь Тянь и Ли Сы были казнены¹⁷. Для широких слоев китайского общества Чжао Гао был наиболее одиозной фигурой в циньском правительстве. Он не стремился ни в одной из идеологических систем оправдать свой режим¹⁸; уверенный в силе своих латников и арбалетчиков, он открыто угнетал народ. Но его деспотизм вызвал резкое противодействие. Первое восстание подняли Чэн Шэн и У Гуан. Хотя оно было подавлено регулярными войсками, но оказалось искрой в пороховом погребе. По всем провинциям вспыхнули мятежи. Самым грозным из них было восстание в области Чу (Хубэй), во главе которого стал Сян Юй. Он происходил из простой семьи, но, по словам биографа, с детства был обуреваем честолюбием и мечтал о троне. В смутных временах Сян Юй нашел свою стихию. В качестве программы он выдвинул восстановление старых добрых времен независимости княжества Чу и, отыскав потомка старинных князей, пасшего овец, провозгласил его Хуай-ваном. Помощником его стал Лю Бан, впоследствии основатель династии Хань.

Циньскому правительству пришлось защищаться. Новый главнокомандующий Ван Цзян обрушился на княжество Чжао (Шаньси). Чуские войска пришли на помощь Чжао, и Сян Юй вступил в упорные бои с Ван Цзяном. В это время Лю Бан двинулся на циньскую столицу Сяньян и, пользуясь тем, что большая часть войска ушла в поход, взял город. Во время борьбы была уничтожена ненавистная народу придворная клика, а с нею погибла и династия Цинь (206 г.). Лю Бан хотел удержать Сяньян, но Сян Юй подошел к городу и приказал очистить его. Лю Бан был вынужден подчиниться и согласиться на скромный удел в Сычуани и на титул Хань-вана. Сян Юй стал подлинным хозяином Китая и принял титул Ба-вана.

Сян Юй был незаурядным полководцем и храбрым человеком, но он был политически близорук и поэтому не провел никаких реформ, которых так жаждал народ. Этим воспользовался Лю Бан. В своем сычуаньском захолустье он объединил всех недовольных, поддержавших его на пути к трону. Чжан Лян со-

...ни для него политическую программу. Сяо Хэ, великолепный администратор, упорядочил управление, а полководец Хань Синь обеспечил военный успех. Честолюбивые замыслы Лю Бан не укрылись от Сян Юя, и он решил напасть на Сычуань. Тогда в целях обороны Лю Бан разрушил все мосты на дорогах и превратил свою область в крепость без входов и выходов. Этим ему удалось обмануть бдительность Сян Юя. А в это время по единственной горной тропе вышло ханьское войско под командованием Хань Синя. Хань Синь совершил разрушительный рейд: взяв Чан Сынь, он прошел в уделы Юнь (Шаньси) и Ци (Шаньдун), провозгласив там новую династию Хань и ее политическую программу. В эту программу вошли уменьшение налогов, отмена жестоких законов, упрощение судопроизводства и свобода для ученых и философов школ и направлений. Войско Хань Синя росло, как снежный ком, так как к нему присоединялись представители всех слоев населения, а силы Сян Юя таяли. Следом за Хань Синем вышел Лю Бан и вступил в бой с отрядами Сян Юя у реки Шуй. Сян Юя заставил отступить ханьское войско и загнал в реку. Лю Бан бежал. Однако, собрав новые силы, он вновь окружил Сян Юя. Последний, видя безнадежность дальнейшей борьбы, покончил с собой. В Китае утвердилась династия Хань.

О ВНЕКИТАЙСКОЙ МЕТОДИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Лю Бан достиг победы и власти в 202 г. до н.э., но традиционная китайская историография считает датой оснований династии Хань 206 г., потому что последний император династии Цинь сдался Лю Бану в конце 207 г. Это нельзя считать хронологической неточностью, так же как нельзя называть ложью оглашение преувеличения численности войск или то, что прибытие посла из далекой страны именовалось «принятием в дружество». Тут мы имеем систему выражений, которую нельзя понимать буквально. Поэтому, прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, уместно обратить внимание на некоторые особенности китайских исторических материалов — это главный источник.

В задачу автора не входит описание развития самой китайской исторической науки. Для нас важны лишь определение сте-

пени достоверности сведений, содержащихся в династийных хрониках, и те их особенности, которые существенны для истории хуннов.

Историография занимала почетное место в Китае. Историческая память считалась совестью нации, и в руках составителя хроники была репутация самого властного императора. Нередко императоры ублажали своих летописцев, боясь, чтобы они не скомпрометировали их в глазах потомков.

Согласно традиции, династическая хроника публиковалась только после прекращения династии. Но поскольку историография была важным государственным делом, к составлению хроник допускались лишь люди, в политических симпатиях которых не было сомнений. Из всего этого видно, что китайская историография выполняла правительственный заказ и не могла не быть в какой-то мере тенденциозной. Первой задачей исследователя в таком случае является определение характера искажения действительности. Возвеличение роли Китая, его значения и военных успехов должно было входить в задачу историка, поэтому к сообщениям такого рода нужно относиться с сугубой осторожностью. Наоборот, сведения о поражениях и неудачах китайцев, по всей видимости, преуменьшались, и им можно верить условно. Количество войск, как своих, так и чужих, почти всегда преувеличивалось, причем обязательно давались круглые числа: 100 000, 300 000, 400 000, 1 000 000; это не реальные количества, а просто манера выражаться, вроде древнерусской «тьмы».

Постоянно встречающиеся преувеличения цифр в китайских исторических произведениях — явление неслучайное. Оно имеет свое основание и свою закономерность, а следовательно, и свое объяснение. Прежде всего необходимо отметить, что цифры до 10 000 чел. даются, как правило, без преувеличения. Для древних китайцев 10 000 было не просто число, а понятие множества неисчислимого — то же, что для наших предков «тьма тьмущая», а для современных математиков «бесконечность». Поэтому числа сверх 10 000 даются приближенно, как лежащие за пределами возможного измерения или исчисления. Но оперировать с такими числами приходилось часто, и их стали давать, но не в сравнении с измеримым отрезком до 10 000, а в соотношении между собой и с округлением. Если, допустим, армия А имеет численность 13 000, то, значит, можно определить ее как $10\,000 + X = 2 \times 10\,000 = 20\,000$. Армия В в четыре

чисел армии А, значит, армия В равна 80 000. Для более древности — эпохи Тан — удалось произвести несколько проверок этой системы счета и установить средний приращенный коэффициент преувеличения. Он равен 9. Так историческая наука за это время не прерывалась, но думать, что для древности действителен тот же коэффициент. Но это еще не все.

Самый интересный пример — народ, весьма способный к абстрактному мышлению. При исчислении армии их интересует именно ее сила, а не ее стоимость. Она всегда совпадает с численностью, ибо боеспособность у разных воинских соединений различна. Например, если в армии А есть 30 богатырей-всадников, из которых каждый равен по боевым качествам 100 рядовых пехотинцев, то расчет идет так: 30 человек в армии А — это 30 000 единиц боевого действия, где за единицу принята боеспособность одного солдата самого слабого вида. Если же при этом в армии А есть 8000 рядовых, то численность армии будет рассчитана так: $8000 + 30 \times 100 = 10000 + X = 20000$ человек или фактически 8030 человек или 11 000 единиц боевого действия.

Но надо прибавить, с одной стороны, гордость, заставляющая историка преувеличивать боеспособность своих воинов, с другой — страх перед хуннами, заставляющий преувеличивать их число и доблесть. Отсюда и вырастают огромные преувеличения численности армии, как свои, так и чужие. Разумеется, абсолютные числа далеки от истинных, но относительные не далеки, и пропорциональность сохранена. Поэтому, хотя историческому исследователю и хотелось бы внести поправку в источник, мы можем следовать за источником в постановке проблемы, а не в постановке фактов. Поэтому, хотя историческому исследователю и хотелось бы внести поправку в источник, мы можем следовать за источником в постановке проблемы, а не в постановке фактов.

Вспомогательные данные о численности армии получены обычно из рапортов командиров полков и вряд ли могли быть преувеличены, так как контроль и учет трофеев проводили гражданские чиновники, которые принимали их. Полководец скорее мог, утаив часть трофеев, уменьшить их количество, чем преувеличить, так как это было бы восполнить недостачу из своего кармана. Поэтому и обман в рапортах карался лишением чинов и ссылкой.

Сведения о внутреннем состоянии кочевых народов китайские разведчики получали из сводок китайской разведки. Здесь нет сомнений, но, к сожалению, эти сведения чрезвычайно немногословны, так как разведчики интересовались только тем, что имело практическое значение, главным образом

боеспособностью, а религия, культура, нравы и т.п. описываются между прочим.

Большой интерес представляют подлинные документы, доклады в Государственном совете, письма, отчеты, приводимые часто полностью, а иногда с сокращением. Но, как правило, историк приводит лишь тот доклад, с которым он сам согласен, а мнение оппонентов дает в сокращении. Однако это не мешает исследователю самому оценить события.

При составлении истории хуннов необходимо иметь в виду, что китайцы, весьма подробно описывая свои отношения с ними, чрезвычайно бегло повествуют о войнах, которые хунны вели на западе и севере, так как китайских историков эти события интересовали крайне мало.

Попытки анализа событий, вообще довольно робкие, сводятся к указанию на волю и характер исторических персон, а роль народных масс упускается из виду. При этом историк произвольно объясняет поведение кочевых вождей такими же мотивами, как если бы это были китайские вельможи.

Упомянутые ошибки весьма распространены; ими же страдала и европейская эрудитская школа. Разумеется, нельзя требовать от древних китайцев владения материалистическим методом, но, используя их сочинения, следует всегда искать причины исторических событий, разбирая их ход и логику. Так как почти на всем протяжении нашего исследования мы не имеем параллельных текстов для применения сравнительного метода, единственным приемом исторической критики будет анализ связей между событиями. Это способ трудный, но единственный, так как греко-римские сведения по интересующей нас теме скудны, отрывочны и заслуживают доверия меньше, чем китайские; степные же народы никаких документов о своем прошлом не оставили. Ни в коей степени нельзя доверять и фольклору, ибо у нас нет ни малейших данных утверждать или даже предполагать, что известные нам варианты тюркских былин имеют столь большую давность, да и сами события в устной передаче искажаются до неузнаваемости.

Итак, мы видим, что китайские источники, имея ряд несомненных достоинств, как то: точность в хронологии, осведомленность и отсутствие фантастических вымыслов, вместе с тем требуют критического отношения к себе, и при этом условии дефекты источников не введут нас в заблуждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Цзинь Цянь*. Стихи. М., 1954. С. 128—129.
2. *Цзинь Цянь*. Троецарствие. Т. II. М., 1954. С. 374.
3. *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42—45; *Maspero H.* La Chine antique. P., 1927. P. 383—386.
4. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 45.
5. Там же. С. 107.
6. *Сыма Цянь*. Избранное. М., 1956. С. 170—171.
7. Одни комментаторы считают, что наиболее сильные воины, бравшие в плен вражеского вождя, за что полагалась награда в 100 золотых; другие считают, что эти воины из богатых семей, состояние которых оценивалось в 100 золотых (*Сыма Цянь*. Избранное. С. 344, комментарий Л.И. Думана).
8. *Цзинь Цянь-дань*. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 120—121.
9. *Рубежко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1951. С. 356—357.
10. *Maspero H.* Le Shine antique. P. 385.
11. Там же. С. 384.
12. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 107.
13. Там же. С. 95.
14. Пример числового преувеличения. Тут надо понимать «с большим войском» (ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 45).
15. Там же. С. 94.
16. *Сыма Цянь*. Избранное. С. 226—231.
17. После казни Мэнь Тяня хунны немедленно вернулись к Иньшаню, не встретив сопротивления (*McGovern W.* The early empires of Central Asia. L., 1959. P. 116).
18. Китай в эту эпоху было шесть систем: школа инь-ян, конфуцианцы, даоситы, номиналисты, легисты, даосисты, т.е. последователи Лао-дзы (*Сыма Цянь*. Избранное. С. 35).

V. Свистящие стрелы

ШАНЬЮЙ МОДЭ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕРЖАВЫ ХУННУ

Шаньюй Тумань имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы обеспечить престол любимому младшему сыну, он решил пожертвовать старшим — Модэ и отдал его в заложники юэчжам. Напав на последних, Тумань надеялся, что они убьют его сына. Но Модэ оказался человеком решительным. Ему удалось похитить у юэчжей коня и вернуться к отцу, о предательстве которого он, конечно, знал. Тумань, искренне восхищенный удалью Модэ, не только не убил его, но дал ему в управление тюмень, т.е. 10 000 семейств. Модэ немедленно начал обучать военному делу свою конницу и научил ее пользоваться стрелой, издававшей при полете свист¹. Он приказал всем пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой; невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Чтобы проверить дисциплинированность своих воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу-жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно были отрублены головы. После этого Модэ на охоте направил стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и шаньюй Тумань в ту же минуту пре-

ни в ежа — так утыкали его стрелы. Воспользовавшись
делительством, Модэ покончил с мачехой, братом и старей-
шинами, не захотевшими повиноваться отцеубийце и узурпато-
объявил себя шаньюем (209 г. до н.э.). Дунху, узнав о
усобице, решили воспользоваться ею и потребовали за-
щитного коня — сокровище хуннов и любимую жену
Старейшины в негодованием хотели отказать, но Модэ
«К чему, живя в соседстве с людьми, жалеть для них одну
или одну женщину?» — и отдал то и другое. Тогда дунху
добыли полосу пустыни (на юго-запад от Калгана), неудоб-
ную скотоводства и необитаемую. Земля была, собственно
ничья; пограничные караулы стояли по окраинам ее: на
западе хунны, на востоке дунху. Старейшины хуннов сочли, что
защитной неудобной земли незачем затевать спор: «Можно от-
дать и не отдавать». Но Модэ заявил: «Земля есть основание
дружества, как можно отдавать ее?!» — и всем, советовавшим
отрубить головы. После этого он пошел походом на дун-
ху, и те не ожидали нападения и были наголову разбиты. Вся их
животная, скот и имущество достались победителю. Остатки
поселились у гор Ухуань и в дальнейшем стали известны
названием ухуань. Вся степная часть Маньчжурии оказа-
лась в руках Модэ. По возвращении из похода против дунху он
пустил войска, а напал на юэчжей и прогнал их на запад.
В это время началась длительная война между хуннами и
дунху, подробности которой нам неизвестны. Около 205—
204 гг. Модэ покорил ордосские племена лэуфань и баянь и со-
вершил первые набеги на Китай, где только что пала династия
Цинь и свирепствовала гражданская война. Численность вой-
ска Модэ определялась в 300 000 человек. Таковы подробности
основания хуннской державы, сообщаемые Сыма Цянем².
Многое здесь, возможно, прибавлено и приукрашено и самим
историком и его осведомителями, но главное, видимо, верно:
Модэ объединил 24 хуннских рода и создал державу, настолько
сильную, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей.

Вторая война хунну и хань

201—202 гг. Модэ вел войну на северной границе, где подчи-
стив: хуньюй — племена, родственного хуннам, кюе-
кипчаков (динлинского племени, обитавшего на север от
Алтая), их восточных соседей — динлинов, живших на север-

ных склонах Саян, от верхнего Енисея до Ангары, гэгунь — кыргызов, занимавших территорию Западной Монголии, около озера Кыргызно³, и неизвестного народа цайли. Обеспечив свой тыл, Модэ обратил внимание на Китай. В 202 г. гражданская война в Китае закончилась победой Лю Бана, основателя династии Хань, известного в китайской истории как Гаоцзу. Но страна еще не оправилась от разрухи, и в это время с севера хлынули хунны. Они осадили крепость Май, и комендант ее, князь Хань Синь, вынужден был сдаться. По китайской традиции, сдача равнялась измене и означала переход в подданство победителя. Никакие обстоятельства не извиняли сдавшегося, так как предполагалось, что он мог покончить жизнь самоубийством, а раз этого не сделал, то изменил долгу. Поэтому для князя Хань Синя все пути отступления были отрезаны, и он стал верно служить новому хозяину⁴. Хунны успешно двинулись на юг и, перейдя хребет Гэучжу, зимою 200 г. подошли к столице северной Шаньси — городу Цзиньян. Гаоцзу лично повел войска против них, но в результате сильных холодов около трети ратников обморозили руки.

Модэ применил обычный прием кочевников: притворным отступлением он завлек лучшие китайские части в засаду и окружил авангард китайской армии вместе с императором в деревне Байдын, недалеко от города Пинчэн. Любопытно, что Модэ имел уже четыре войсковых подразделения, определявшихся мастью лошадей: вороные, белые, серые и рыжие. Семь дней китайское войско оставалось в окружении без пищи и сна, выдерживая беспрестанные нападения хуннов. Наконец китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с Гаоцзу, «человеком гениальным»⁵; она говорила, что, приобретя для себя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Это соображение, а в еще большей степени подозрение в неверности князя Хань Синя, не приславшего своевременно обещанного подкрепления, заставили Модэ отказаться от дальнейшей борьбы, и он приказал открыть проход войскам Гаоцзу. Китайское войско прошло через открытый проход с натянутыми и обращенными в сторону хуннов луками и соединилось со своими главными силами, а Модэ повернул назад. Этот поход хуннов — один из крупнейших, но, если взглянуть на карту, он поражает тем, насколько неглубоко могли проникнуть хунны в Китай. Вся кампания развернулась в Шаньси: города Май и Пинчэн

ли в 90 и 40 км от границы, а Цзиньян (современный Чинь) в 250 км. Под Пинчэном у деревни Байдын⁶ сосредоточились все военные действия, причем Сыма Цянь определял численность китайской армии в 320 тыс. воинов (и это реально, так как в это число включалась войсковая обслуга, нередко сочинявшая в восточных армиях от половины до четырех пятых всего состава), число же хуннов — в 400 тыс. всадников, что, конечно, преувеличено. Эти 400 тыс. человек должны были расположиться в горной котловине 30х40 км, т.е., если даже считать, что у хуннов не было заводных лошадей, на каждого всадника приходилось 30 м², а считая, что в середине стоял и отбивался китайский отряд, — еще меньше. Абсурдность очевидна. Вероятно, Сыма Цянь преувеличил хуннские силы в 10—20 раз. Но если принять этот коэффициент и предположительно определить силы Модэ в 20—40 тыс. всадников, становится понятно, почему он искал мира: ведь огромная китайская армия, растянувшаяся почти на 600 км, даже при полной потере авангарда была сильнее его. Гаоцзу и Модэ заключили договор «мира и дружбы» (дипломатическая формула капитуляции). Договор «мира и родства» состоял в том, что китайский император выдавал свою царевну за иностранного владельца, обязываясь ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань. Хотя Модэ принял Гаоцзу и дары, но продолжал поддерживать Хань Синя и других мятежников-мятежников. Фактически война продолжалась. Хань Синь и его сторонники опустошали северные области Китая. В 197 г. на сторону Хань Синя перешел Чэнь Си — командир войск уделов Чжао и Дай. Он заключил с хуннами мирный договор. Но вскоре императрица Люй Хоу сумела захватить Хань Синя в столицу, где ему отрубили голову⁷. Китайское войско под предводительством Фань Куая после окончательной войны подавило мятеж, но не решилось выступить против хуннов, так как возник новый мятеж в княжестве Янь (область Хэбэй). Вождь повстанцев Лу Гуан перешел к хуннам, и восточные границы Китая распространились уже на восточные области Китая. В последующих войнах измены военачальников стали частым явлением. Измученный неудачами Гаоцзу умер в 195 г. За малолетним наследником регентшей стала императрица-мать Люй Хоу, при которой междоусобица усилилась⁸. В 192 г. Модэ сделал императрице предложение вступить с ним в брак. По его пониманию, это означало, что китайская империя должна пойти в

приданое за супругой, и он надеялся таким образом приобрести весь Китай. Императрица так разгневалась, что сначала хотела казнить послов и возобновить войну, но ее уговорили не обижаться на «дикаря», и Модэ был послан вежливый ответ, где отказ мотивировался престарелостью невесты. Вопреки опасениям китайских министров хуннский владыка удовлетворился ответом и не обрушил на истощенный и обессиленный смутами Китай свои грозные войска. Ужас, наведенный хуннами в минувшую войну, еще не прошел. В песнях пели: «Под городом Пьхин-чен подлинно было горько; семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука»⁹. С тех пор прошло восемь беспокойных лет, и силы юной империи было недостаточны для отражения внешнего врага, и все-таки Модэ, зная это, не начал войну. Но причиной было отнюдь не его миролюбие. На западной границе не прекращалась упорная война с юэчжами (ее подробности в имеющихся источниках не отражены). Насколько легко дались Модэ победы над дунху и саяно-алтайскими племенами, настолько тяжелой оказалась борьба с западными кочевниками. Здесь решались судьбы Азии; поединок между юэчжами и хуннами на 2 тыс. лет определил преобладание монгольского элемента в великой евразийской степи, что имело огромное значение для этно- и расогенеза.

Модэ, не желая распылять силы, оставил Китай в покое. Этим он дал возможность ханьской династии воспрянуть и укрепиться. Правительство императрицы-регентши расправилось с фрондирующими пограничными воеводами, большая часть которых погибла в борьбе, а наиболее упорные бежали в северо-западную Корею. Насколько для хуннов был важен мир на востоке, видно из следующего факта. В 177 г. один из пограничных хуннских князей напал на Китай. Император Вэнь-ди мобилизовал конницу и колесницы (85 тыс.) для отражения врага, но хунны не приняли боя и отступили. Вэнь-ди собирался перенести войну в степь, однако восстание пограничного воеводы Син Гюя¹⁰ заставило его отказаться от немедленного выступления. В это время от хуннов явилось посольство с извинениями и сообщило, что провинившийся князь был убран с границы и послан на запад. Там он искупил свою вину победой над юэчжами. Китайский двор, учитывая силу хуннов, принял извинения и несколько позднее восстановил с ними мирные отношения. Согласно договору, хуннская держава была признана равной с китайской империей, и государи именовали друг друга братьями.

Это был беспримерный успех для хуннов: до сих пор ни один варварский князь не мечтал равняться с китайским императором. Из письма хуннского шаньюя мы узнаем, что в 177 г. хуннскими войсками, стянутым со всей страны, удалось разбить юэчжей. Результаты победы были весьма ощутимы: хунны захватили все княжества Восточного Туркестана, Усунь и земли кянов.

КОЧЕВЫЕ ТИБЕТЦЫ-КЯНЫ

На западной границе Китая, по соседству с уделом Цинь, обитали уцелевшие от истребительных войн жуны (предки тангуты) и кяны — тибетцы. Цинь Ши-хуанди, закончив завоевание Восточного Китая, расправился с жунами. Его полководец Мэнь Тянь в 225 г. «прогнал жунов»¹¹, очевидно, в горные степи Цайдама, ибо в дальнейшем независимые от Китая тангуты жили именно там. Избавившись от старинных врагов — жунов, китайцы столкнулись с кочевыми тибетцами-кянами, обитавшими в верховьях Желтой реки.

В то время это был немногочисленный и бедный народ, не рисковавший нападать на великую империю. Падение династии Цинь лишило китайцев только что добытой гегемонии в этом районе, и хунны, подчинив себе тибетцев, охватили китайскую границу с запада. Как для Хунну, так и для Китая обладание горным районом верховьев Желтой реки имело лишь стратегическое значение, но кяны с этого времени вступили на путь интенсивного развития, причем они стали союзниками хуннов¹², как и их соседи — усунь.

УСУНИ

Вопрос об усунях весьма сложен. Древняя усуньская земля, по сведениям китайского путешественника Чжан Цяня, лежала между Дуньхуаном и Циньяньшанем, но здесь же размещались и юэчжи. Сиратори удивлялся¹³, как два самоуправляющихся народа живут смешанно на одной территории. Даже если распространить их территорию на запад до Лобнора и на северо-восток до нижнего течения Эдзин-Гола¹⁴, то пустынная земля не могла прокормить два многочисленных народа¹⁵. Но, видимо, эти народы владели указанной территорией по очереди. Подтверждением предлагаемой точки зрения является текст из «Шицзи», который гласит, что в области Гуачжоу — западная

часть современной провинции Ганьсу — до Дуньхуана «в период Циньской и Ханьской династий обитал народ усунь, потом юэчжи и, наконец, прогнавшие их хунны»¹⁶. Чередование народов здесь очевидно. В. Успенский предлагает гипотезу, согласно которой древние обитатели этого района были предки тибетцев — сижуну, и кочевые усунь вытеснили их в горы в эпоху Чжаньго¹⁷. Успенский расходится с Бичуриным, утверждавшим, что в это время кяны (т.е. тибетцы) занимали весь нынешний Хухунор¹⁸, а это, по-видимому, соответствует действительности. Разногласие возникло из-за того, что Успенский считал жунов тибетцами, тогда как на самом деле это был особый народ, а усунь произошли от жунов¹⁹. Таким образом, отпадает необходимость в миграционной гипотезе и подтверждается основательность термина «Шицзи» — «древняя усуньская земля» — применительно к предгорьям Наньшаня.

В конце III в. усунь бежали из долины реки Данхэ. По-видимому, виновниками этого были юэчжи²⁰. По мнению Грумм-Гржимайло, усунь бежали в Западную Хулху. Там они вступили в бой с воинами Модэ-шаньюя, причем государь их был убит²². Хунны отнесли милостиво к побежденным усуням. Они не были ни перебиты, ни разогнаны. Сына убитого владельца шаньюя Модэ взял в ставку и воспитал, а затем вручил ему управление его народом с титулом гуньмо²³. Усуням была поручена охрана «границы при Западной стене»²⁴. Грумм-Гржимайло считает «Западной стеной» укрепленное ущелье Гао-кюйесай в северо-западном углу Ордоса, где в это время не было надобности в границе, так как там жили верноподданные Модэ племена лэуфань и баянь. Вероятнее всего, что здесь подразумевалась западная граница Хунну, где обитали неприятели усуней — юэчжи. Это объясняет факт (породивший несколько гипотез)²⁵ появления усуней в Западной Джунгарии и Семиречье и согласуется с версией из биографии Чжан Цяня, где говорится, что молодой гуньмо, получив разрешение шаньюя отомстить юэчжам за поражение, вторгся в Или и прогнал их на запад. Итак, в эпоху Модэ усунь выступали как вассалы хунну²⁶.

УСТРОЙСТВО ДЕРЖАВЫ ХУННУ

На высших ступенях первобытно-общинного строя родовые и племенные союзы неоднократно создавали весьма высокие формы общественной организации. Они отличались от классов-

ных обществ, по существу являясь плодом деятельности всего общества, а не его отдельной части. «Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода... но нигде не видим особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию»²⁷.

Хунны управлялись своими родовыми старейшинами, опиравшимися не на войско, а на народное ополчение. Шаньюй был просто главным среди прочих и не имел никакой реальной власти, кроме личного авторитета. Когда же его деятельность не вызывала уважения соплеменников, а следовательно, и их поддержки, ведение шаньюем крупных войн, естественно, было почти невысказано. Роль личности в ходе исторических событий не всегда одинакова, но при отсутствии аппарата власти способности вождя подчас решают исход исторических событий, определяемых сочетаниями случайностей²⁸. Именно этим объясняется, что хунны, а не юэцжи и не дунху оказались ведущим племенем в степной Азии, хотя общий ход событий не был бы нарушен в случае поражения хуннов.

К.Маркс отмечает: «...общинная собственность... может... проявляться либо таким образом, что мелкие общины прозябают независимо одна возле другой... либо таким образом, что единство может распространяться на общность в самом процессе труда, могущую выработаться в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу, у древних кельтов, у некоторых племен Индии»²⁹. Но это относится не только к земледельческим, оседлым народам. Кочевое пастушеское хозяйство хуннов в I тысячелетии до н.э. было значительно более высоко организовано, чем хозяйство их оседлых соседей. «...У туранцев главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие... Это впервые сделало возможным регулярный обмен»³⁰. Развитие экономики повлекло за собой усложнение форм общественного бытия. Аилы, разобщенные в условиях полукочевого отгонного

скотоводства, при переходе к круглогодичным перекочевкам стали образовывать спаянные группы. «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников... караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»³¹. Возникла потребность в организации этих мелких общин для обороны от врагов и для поддержания порядка внутри племени. Осуществить такую организацию могли только отдельные члены общин, облеченные доверием. Этот зародыш государственной власти оказывается более древним, чем институт государства, основанный на насилии одного класса над другим. Указанное отмечено еще Энгельсом, равно как и различие власти в доклассовом и классовом обществах: «В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возложить на отдельных членов, хотя бы и под общим контролем: разрешение споров и подавление правонарушений со стороны отдельных лиц, надзор за орошением... некоторые религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена... Они облечены... известными полномочиями и представляют зародыш государственной власти... Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление общественной... функции и что политическое господство сохранялось надолго лишь в том случае, когда оно эту общественную... функцию выполняло»³².

Высказывания основоположников марксизма о характере общества на стадии родового и племенного строя целиком применимы к хуннам III в. до н.э. В 209 г. до н.э. хунны консолидировали свои 24 рода, а последующие события поставили конфедерацию 24 хуннских родов на более высокую ступень общественного развития: союз превратился в «державу».

Политическая система, социальный строй и культура хуннов эпохи Модэ и его преемников значительно отличались от их предшествующего образа жизни. Поэтому мы вправе предполагать, что развитие хуннского общества прошло большой путь, прежде чем приняло ту форму, в которой хуннов застаёт история. Вместе с тем надо помнить, что создание Модэ хуннской державы запоздало по сравнению с развитием хуннского народа и общества. Модэ лишь усовершенствовал и немного реформировал существовавший строй.

Обычно принято рассматривать кочевые державы как пле-

менные союзы или как орды-скопища людей, подчиненных военной дисциплине. В отношении хуннов и то и другое неверно. Хунны были единым племенем, разделенным на роды; это отличало их от племенного союза. Они имели свою внутреннюю родовую организацию, что не позволяет считать их ордой. Политическая система хуннов сложна. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, исследуем с предельным вниманием источник и, разобрав все его детали, попробуем объяснить своеобразную систему хуннского общества.

Шаньюй. Во главе хуннской державы стоял шаньюй, что в переводе означает «величайший»³³. Само название показывает, что это не царь, противопоставленный подданным, а первый между равными прочими старейшинами, которых было двадцать четыре. Власть шаньюя была велика, но отнюдь не абсолютна. Ее ограничивала родовая аристократия — старейшины, из коих каждый имеет вооруженную дружину численностью от 2 тыс. до 10 тыс. всадников³⁴. Первоначально шаньюй был как будто выборным (возможно, поэтому китайцы затруднились определить порядок наследования до Модэ), и впоследствии следы выборности сохранялись как в формуле возведения на престол («поставлен»), так и в некоторых, хотя редких, фактах избрания (например, в 102 г. «по малолетству сына его хунны шаньюем поставили младшего дядю его...»³⁵; подобные же случаи были в 85 и 60 гг., когда созывались собрания князей для выбора нового шаньюя³⁶). Но институт избрания имел лишь условное значение. Престолонаследование стало обычаем очень поздно. Главной формой передачи власти было завещание, хотя чаще всего шаньюй передавал престол сыну. Думается, что здесь мы наблюдаем постепенную трансформацию обычая, заключавшегося в том, что выборы перестали быть свободными и постепенно превращались в просто санкционирование воли покойного шаньюя. Кроме военных и дипломатических функций на шаньюе лежали еще и культовые обязанности: храм для ежегодных жертвоприношений находился при ставке шаньюя, и сам он дважды в день совершал официальные поклонения солнцу и луне.

Знатные роды. Знатных родов у хуннов в эпоху Модэ было три: Хуань, Лань и Сюйбу³⁷. Хуань — тюркское слово, означает «заяц»; сюйбу также тюркское слово — «край»; лань — слово китайское и значит «орхидея» — национальный цветок китайцев в древности³⁸. В сочетании этих родов можно различить

след происхождения хуннов: от Шун Вэя идут Лань, а Хуянь и Сюйбу являются потомками древних ху. Китайцы называли главу рода Хуянь не князем (гун), а царем (ван)³⁹, что ставит представителей этого рода выше родственников шаньюя. Род, к которому принадлежали шаньюи, назывался Си Люань-ди⁴⁰. Власть делили все указанные фамилии, так как жен шаньюя мог брать только из названных родов, и высшие чины в государстве были наследственными, т.е. принадлежали исключительно знати, например, государственный судья был всегда из рода Сюйбу⁴¹. Наряду с этими знатными родами было много простых, но управлявшихся собственными князьями. Называть их старейшинами нельзя, так как они не были выборны, а получали власть по наследству. Иногда они пытались играть самостоятельную роль, но правящая олигархия всегда подавляла сепаратистские тенденции и фронду. Равным образом она ограничивала власть шаньюев, так как каждый из членов знатного рода имел столько защитников, что его жизнь была практически в безопасности от произвола центральной власти, и он мог делать все, что не противоречило интересам его рода.

Система чинов. Аппарат управления у хуннов был чрезвычайно громоздок и сложен. Можно даже выделить несколько классов чиновников или, вернее, вельмож, разделявшихся на восточных и западных. Понятия «восточный» и «западный» значили также «старший» и «младший». Первый класс — чжуки-князь (слово «чжуки» означает «мудрый»). Восточным чжуки-князем должен был быть наследник престола, но это правило часто нарушалось. Второй класс — лули-князь; третий — великий предводитель; четвертый — великий дуой; пятый — великий данху. Эти высшие чины всегда были членами шаньюева рода. Все они не имели родовых потомственных уделов, но получали их вместе с занимаемой должностью. При повышении менялся удел соответственно степени родства с шаньюем. Принцы крови занимали свои посты исключительно по признаку аристократизма. Признак этот далеко не всегда совпадал с талантом и пригодностью. Поэтому наряду с аристократией крови существовала аристократия таланта, служивая знать (не родственники шаньюя). Название их было «гудухэу», они были «помощниками» высших вельмож и выполняли всю работу по управлению. Подобно высшим вельможам, они были связаны не с отдельными родами, а с центральной системой управления. Все вельможи имели личные дружины: высшие — по

10 тыс. человек, а низшие — по несколько тысяч. Кроме 24 вельмож была родовая знать: князья, связанные с родами, своеобразные начальники кланов. Таковы были Хучжюй и Хуньинь — князья, кочевавшие в предгорьях Алашаня; Сижу, Гуси — на восточной границе и другие. В эпоху Модэ значение их было ничтожно, но позднее, при упадке центральной власти, оно выросло, и при дальнейшем изложении мы столкнемся с ним.

Итак, мы установили три категории хуннской аристократии: принцы крови, служилая аристократия и родовая знать. С такой мощной силой шаньюи были вынуждены считаться, так как обходиться без нее они не могли. Вельможи и старейшины опирались не только на традиции, но и на свои дружины, и часто шаньюи ничего не могли поделаться с неугодными им князьями. Это, конечно, отчасти связывало руки правительству, так как ограничивало власть шаньюев и мешало им превратиться в деспотов. Из приведенных материалов видно, что хуннская держава по существу была олигархией, возникшей в условиях патриархального строя.

Законы. Аристократическое общество хуннов имело свою собственную систему обычного права, причем китайцы отмечают, что «законы их легки и удобоисполнимы»⁴². Важные преступления, в том числе обнажение оружия, каралось смертью; кража наказывалась конфискацией не только имущества, но даже семейства вора; за мелкие преступления делали порезы на лице. Суд протекал не более 10 дней, и число одновременно содержащихся под стражей не превышало нескольких десятков человек. Наряду с обычным правом со времен Модэ возникло государственное право, каравшее смертью нарушение воинской дисциплины и уклонение от воинской повинности. Эти чрезвычайные законы весьма способствовали консолидации хуннов и превращению их в сильнейшее государство Азии. В гражданском праве мы наблюдаем общую многим кочевникам систему владения угодьями — «каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде»⁴³. Но на основании имеющегося текста мы не вправе сделать окончательный вывод о том, кто владел полосой земли — род, возглавляемый князем, или отдельная семья. За второе предположение говорит аналогичная формулировка, применения к тюркам VI—VII вв.⁴⁴, и поясняющаяся текстом: «В сей стране (куда тюрков переселили. — Л.Г.)... паствы обширны, почва наилучшая; почему тукюесцы со спором делились»⁴⁵. Од-

нако не исключена возможность, что в хуннское время каждый из 24 родов владел своей полосой земли; это предположение находит некоторое подтверждение. Так, до середины I в. н.э. во всех внутренних войнах роды выступают как целое, что может служить косвенным доводом, подтверждающим родовое владение пастбищными угодьями. Обладание горными лесами было, по-видимому, совместным, так как об удержании лесистых хребтов на границе с Китаем заботились сами шаньюи, а пользовались ими «низшие князья», т.е. их родовичи⁴⁶. Владение же пустыми и неудобными землями принадлежало всему хуннскому народу: «земля есть основание государства»⁴⁷, — сказал Модэ, и это выдерживалось на протяжении всей дальнейшей истории Хунну. Рабство хунны знали, но у них не было долгового закабаления, столь характерного для Ближнего Востока. В неволю попадали главным образом пленники и пленницы, использовавшиеся, по-видимому, на хозяйственных работах⁴⁸. Никаких признаков работорговли за всю историю хуннов мы не находим, хотя рабы очень ценились хуннами, и набеги последних на Китай всегда сопровождались угоном людей в степи.

Воины. Реформы Модэ превратили патриархальное племя хуннов в военную державу Хунну. Каждый хунн стал воином, имел начальника и был обязан строго подчиняться ему. Однако старая родовая система не была нарушена, и во главе боевых подразделений стояли не выходцы из низов, как случилось позднее у монголов при Чингисхане, а принцы крови и родовые старейшины. Разделение власти между шаньюями и знатью ограничивало произвол и тех и других. Такие реформы Модэ, как введение поголовной воинской обязанности, безусловного подчинения начальникам и создание системы чинов, а главное — взгляд на территорию как на основу государства, следует понимать как консолидацию племени, которая предотвратила разложение родового строя, законсервировала его на много веков.

Рядовой хунн, родившись воином, должен был быть только им и никем иным. Но, хотя честолюбие при этом страдало, он получал надежные гарантии того, что его положение не ухудшится, так как род не мог его оставить на произвол судьбы. Богатеть он мог за счет добычи, которая была его неотъемлемой собственностью. Жизнь рядового хунна в мирное время состояла из перекочевок (2—4 раза в год), военных упражнений и отдыха во время весеннего и осеннего приволья. Не случайно китайские министры отмечали высказывания пограничных ра-

боя, что у хуннов воинам «весело жить». Поэтому китайцы нередко стремились перебежать к ним.

Войско. Общую численность хуннского войска китайцы исчисляли в 300 тыс. человек. Кажется, это несколько завышенная цифра, так как, если даже принять, что все мужчины были в войске (а нам известно, что боеспособные мужчины составляли 20% населения), то всего на территории Монголии получится 1,5 млн. человек, т.е. вдвое больше, чем сейчас. Скорее всего здесь одно из обычных преувеличений старых китайских хроник.

Основным оружием легковооруженного хуннского всадника был лук. Этот всадник не может выдержать рукопашной схватки ни с пехотинцем, ни с тяжеловооруженным всадником, но превосходит их в мобильности.

Тактика хуннов состояла в изматывании противника. Например, под городом Пинчэн хунны окружили авангард китайского войска. Хунны численно превосходили китайцев. Китайцы были истомлены морозом, непривычным для жителей юга, и голодны, так как были отрезаны от своих обозов. И несмотря на это, хунны не отважились на атаку. Однако тут дело не в трусости или чрезмерной осторожности. Рукопашная схватка была хуннам не нужна. Неустанно тревожа блокированного противника, они стремились добиться полного утомления врага, такого утомления, при котором оружие само выпадает из рук и ратник думает не о сопротивлении, а лишь о том, чтобы опустить голову и заснуть.

Будучи нестойкими в бою, хунны восполняли этот недостаток искусным маневрированием. Притворным отступлением они умели заманивать в засаду и окружали самонадеянного противника. Но если враг решительно переходил в наступление, хуннские всадники рассыпались, «подобно стае птиц», для того чтобы снова собраться и снова вступить в бой. Отогнать их было легко, разбить — трудно, уничтожить — невозможно.

Так как военная служба была долгом каждого хунна, за нее не полагалось никакого вознаграждения. Убив врага, воин получал «кубок вина и право на всю захваченную им добычу». Надо думать, добыча, захваченная без боя, поступала в дежеж (дуван) с отчислением в пользу шаньюя, ибо иначе трудно объяснить приведенную цитату. Война приносила хуннам немалый доход и была сравнительно безопасна, так как задачей хуннского воина было застрелить врага из лука с изрядного расстояния или, измучив его до полусмерти, связать и привести домой как раба.

Хунны — народ кочевой; они в изобилии имели продукты скотоводства, но весьма нуждались в продуктах земледелия и тканях. При меновой торговле китайские и согдийские купцы надували неискушенных кочевников. Но зато потерянное в торговле возмещалось при удачном налете, и «справедливость» торжествовала. Военные успехи хуннов обеспечили экономическое развитие кочевого скотоводческого хозяйства. Племенная консолидация способствовала уменьшению внутренних столкновений и постоянных грабежей, связанных с существованием независимых племен.

Доходы. Для содержания шаньюев и вельмож требовались средства, которые не взыскивались с народа. Патриархальному обществу чуждо понятие налога; свободный воин не согласен никому ничего платить, так как в факте уплаты он усматривает ущемление свободы. Эти средства поступали от несвободных, т.е. подчиненных племен в виде дани и от врагов в виде военной добычи. Покоренные дунху уплачивали дань воловьими и лошадиными шкурами и овчинами⁴⁹. Большие подати платили богатые земледельческие районы оазисов Восточного Туркестана⁵⁰. Оттуда же, по-видимому, хунны получали железное оружие, так как его изготовлением славились тангуты, обитавшие около озера Лобнор, в княжествах Жокянь и Лэулань (Шаньшань)⁵¹. Меха поступали, вероятно, с северной границы — от кипчаков, динлинов и хакасов. Но наряду с покоренными отсталыми племенами важным источником дохода шаньюев был Китай. Прямую дань китайцы категорически отказывались платить, считая это для себя унижительным. Вместе с тем они посылали хуннам подарки, что было замаскированной формой дани. Так, например, когда Модэ в 176 г. послал с посольством в Китай скромный подарок: одного верблюда, двух лошадей и две конские четверки, он получил взамен с ответным посольством богатейшие дары: вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, золотом оправленный пояс и носороговую пряжку к нему, десять кусков вышитых шелковых тканей темно-малинового и зеленого цвета⁵².

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ХУННОВ

На высшей ступени варварства старейшины резко отличаются от военных вождей⁵³. Так было у ирокезов, где оба института уживались, не мешая друг другу; у германцев, где военные во-

жди, герцоги, за время Великого переселения народов совершенно вытеснили родовую знать — конунгов. Борьбу этих же начал мы наблюдаем в Спарте. Там военные вожди-цари были подчинены совету старейшин — герусии, но и те и другие подчинялись народному собранию. В Афинах мы видим полное торжество народного собрания над старейшинами-архонтами, а *лителасы* — цари-военачальники — были вовсе упразднены. Таким образом, наблюдаются разнообразные формы совмещения родового строя с существованием сильной военной державы. Как же решили этот вопрос хунны? В эпоху Модэ хуннский род был патриархальным, т.е. дети принадлежали к роду отца, и не матери. Вдова старшего брата становилась женой младшего, который обязан был о ней заботиться, как о своей любимой жене⁵⁴. Круговая порука рода подразумевалась как обязательное условие. Это видно из того, что за преступление, совершенное одним членом семьи, несла ответственность вся семья⁵⁵. Эти черточки показывают, что род был крепок и отнюдь не разлагался. С отцовским родом всегда бывает связана экзогамия, и у хуннов она налицо, так как жен полагалось брать исключительно из чужого рода, что видно на примере брачного права шаньюев.

Чтобы разобрать вопрос о том, кем был по существу родовый князь, мы должны обратиться к сравнительной этнографии. Форма общежития в виде большой семьи, управляемой патриархом, сохранялась до XIX в. у южных славян (задруга). Управление домашним хозяйством, который «отнюдь не обязательно должен быть старшим»⁵⁶. В римской патриархальной семье понятие *famulus* означало всех принадлежащих одному человеку рабов⁵⁷, т.е. все имущество. Сходной формой была семейная община еврейских патриархов, например Авраама, описанная в книге «Бытие». Все эти формы не являются залогом хуннского рода, значительно более развитого, но могут быть рассматриваемы как исходные формы геронтократии. Хуннский родовый князь был представителем интересов рода и пользовался полной его поддержкой. Такую систему позднее можно было обнаружить в Монголии, но лишь в тех родах, которых не коснулись военные реформы Чингисхана, порвавшие родовые связи и заменившие их военной субординацией. Отсюда становится также понятно, каким образом шаньюев род пользовался непрерываемой властью в огромной державе. Эта власть была основана не на юрисдикции прав общины, а на привычном авторитете родового

старшинства. По отношению к покоренным народам шаньюй был владыкой, более или менее суровым, а по отношению к своему народу — отцом, более или менее добрым.

Итак, установив наличие родового строя у хуннов, мы должны определить в нем место военных вождей. Отличительное их качество — несвязанность с системой рода; выбирались они независимо от происхождения и исключительно по способностям. У хуннов они назывались гудухэу. Они были низшим командным составом, всецело подчиненным родовой знати. А.Н.Бернштам в своей книге «Очерки истории гуннов» предположил, что шаньюи узурпировали право рода⁵⁸, но это мнение основано на невнимательном чтении источника. Шаньюи и вся высшая знать сами были членами рода, они представляли его, как глава семьи представляет собой всю семью и говорит от ее лица. Строй, установленный Модэ и его преемниками, консервировал систему родовых отношений и может быть определен как геронтократия — власть старейших в роде. Разумеется, при развитой системе рода личный возраст значения не имел, так как в родовых системах ведется сложный счет старшинства, при котором новорожденный ребенок может оказаться «старше» глубоких стариков. Захватив всю власть в свои руки, родовая знать заменила народное собрание съездами родовых князей. Народное собрание нигде не встречается в истории Хунну, тогда как съезды родовых князей и вельмож собирались регулярно дважды в год⁵⁹. Консолидация знатных родов, очевидно, была на столь высокой ступени, что мы вправе определить хуннскую державу как родовую империю. Однако создать такую сложную и оригинальную систему было нелегко; необходимо было не только высокое происхождение ее основателя, но и большой военный талант его. Именно это сочетание мы видим у Модэ, который спас своих стесненных врагами сородичей, увеличив силу привычного уважения к старшим военной дисциплиной. Как мы видели выше, в начале своего правления он принужден был переступить через трупы отца и брата, но сочувствие соплеменников было на его стороне. Когда же он столкнулся с нарушением дисциплины и противодействием отдельных представителей своего народа, то тут покатались головы нерадивых. Урок был, видимо, дан основательный, потому что после этого ни о каких нарушениях дисциплины не упоминается.

Год 209 до н.э. был для всего хуннского народа роковым:

решили его судьба. Если бы не ум и энергия Модэ, хунны истратили бы свои силы в родовых распрях, как кельты, или в военном пасмничестве, как германцы и самниты, или в бессистемных грабежах и истребительных войнах с соседями, как скандинавы и ирокезы. В любом случае они не вышли бы из ряда полудиких кочевых племен, смыслом деятельности которых было бы разрушение и самоистребление. Но общий ход исторического развития кочевых племен и в этом случае не был бы нарушен. Место исчезнувших хуннов заняли бы либо восточные монголы-дунху, либо южные тибетцы-кяны, либо западные арийцы-юэчжи, либо северные угры, предки ненцев. Изменились бы только детали хода событий, направление культурного развития, этнический состав. Однако от этих второстепенных моментов зависела жизнь всех хуннов. Поэтому для них реформы Модэ имели огромное значение. Важны они и для историка, восстанавливающего картину реального прошлого, а не только общие закономерности развития человечества.

Разумеется, Модэ создал державу не из ничего. Консолидация кочевых племен была предreshена всем историческим процессом развития скотоводческого хозяйства. Но деятельность и способности Модэ не могут быть оставлены без внимания. За это свистящей стрелой устремились уже не охотники до чужою добра, а воины, верящие в своего вождя и подчиненные сознанию долга. Модэ умер в 174 г., достигнув такого величия, о котором в начале жизни он и не помышлял. Его дело просуществовало 300 лет, хотя ни один из его потомков не мог сравниться с ним по таланту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание свистящих стрел см.: *Köhalmi K.U. Über die pfeifenden Pfeile der innerasiatischen Reiternomaden // Acta Orientalia. Budapest, 1953. T. III. S. 45—70.*

² *Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 46—48.*

³ *Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1950. С. 560—561.*

⁴ См.: *Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 50—51.* — В биографии Хань Синя этот факт опущен (см.: *Сыма Цянь. Избранное. М., 1956).*

⁵ *Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 51.*

⁶ Там же.

⁷ *Сыма Цянь. Избранное. С. 280.*

⁸ Императрица Люй Хоу была весьма энергична и властолюбива. Еще при жизни мужа она имела огромное влияние на политику. Преемник Гаоцзу

(Лю Бана) Хуэй-ди был в руках императрицы и ее родственников — Люй Чана и Люй Лу. Оба они получили титулы ванов и в 184 г., убив наследника престола, хотели утвердить свою династию. Но программа династии Хань успела приобрести немало сторонников, никто в Китае не хотел возвращения порядков Цинь Ши-хуанди. В 180 г. умерла императрица, а в 179 г. ее преемник Вэнь-ди истребил ванов Люй, их семьи и их сторонников. Но и это не привело к прекращению борьбы. В 177 г. вспыхнуло восстание Син Гюя, а в 154 г. восстали князья У, Чу, Чжао и др. Но ханьская династия все-таки провела свою политическую линию покровительства крестьянам и ученым в ущерб аристократии. Система ограничения императорской власти ванами и привилегии ванов были отменены, и это дало плоды. При Вэнь-ди (179—156 гг.) и Цзин-ди (156—140 гг.) Китай разбогател и превратился в мировую державу.

⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 53.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

¹² Считаю необходимым отметить, что этот факт не был замечен Мак-Говерном, который считал, что Тибет был «равно свободен от китайского и хуннского контроля».

¹³ Shiratori K. Über den Wu-sun Stamm in Centralasien.

¹⁴ См.: Richthofen F. China. Berlin, 1877. S. 49, 447.

¹⁵ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 99.

¹⁶ Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай, из «Записки ИРГО по Отделению этнографии». Т. VI. СПб., 1880 (отдельный оттиск). С. 51.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 5.

¹⁹ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

²⁰ Lévi S. Notes sur les Indo-Scythes // Journal Asiatique. 1897. IX serie. Vol. IX. P. 13.

²¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 100.

²² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 155.

²³ Там же.

²⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 100.

²⁵ Там же. С. 100—101; Vernadsky G.V. Ancient Russia. New Haven, 1952. — Вернадский сопоставляет этноним усунь с этнонимами: асианы-асии-асыясы (осы)-аланы и считает усуней аланским племенем, покоренным юэчжами.

²⁶ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 101. — Он не доверяет последнему сведению, опираясь на допущенную автором путаницу: что отец гуньмо был убит юэчжами, а не хуннами. По моему мнению, эта ошибка не важна и не меняет сути дела: усунь были врагами юэчжей и подданными хуннов. Ко времени путешествия Чжан Цяня гуньмо был уже стар и имел десять сыновей и много внуков (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 191). Так как он родился около 208 г. (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 155), то в 139 г. ему было 70 лет, возрастные данные совпадают. Кроме того, к 139 г. усунь уже были привычными обитателями Семиречья, смешанными с саками и оставшимися на месте юэчжами, но сведение это дошло до Китая лишь через Чжан Цяня. Язык усуней неиз-

вестен. Грумм-Гржимайло причисляет их к тюркам, а Мак-Говерн — к иррицам, причем оба отмечают отсутствие доказательств.

¹¹ Ленин В.И. О государстве // Сочинения. 4-е изд. Т. 29. С. 437.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С. 264.

¹³ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. С. 7.

¹⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953. С. 165.

¹⁵ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 24.

¹⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1938. С. 185—186.

¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 46.

¹⁸ Цифра 10 тыс. условная.

¹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 71.

²⁰ Там же. С. 84.

²¹ Там же. С. 49.

²² См.: Цюй Юань. Стихи. М., 1954. С. 29—40.

²³ Оттенки значения термина «ван» менялись. Вначале — это суверенный правитель, иногда очень мелкого владения. При Хань этот титул получили зависимые от императора князья.

²⁴ S.S.M. De Groot. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Teil I. «Die Hunnen der vorchristlichen Zeit». Berlin; Leipzig, 1921. S. 57; Pritsak O. Stammensnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // Ural-Altischen Jahrbücher. Bd XXIV. Heft 1—2. Wiesbaden, 1952. S. 53.

²⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49, прим.

²⁶ Там же. С. 58.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 230.

²⁹ Там же. С. 262; см. также: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 26. — «Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе... — быть членом племени, — делает завоёванное, покоренное, чужое племя лишённым собственности».

³⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 99.

³¹ Там же. С. 47.

³² См.: Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 324; Deguignes J. Histoire des Huns... Vol. I. Part 2. P. 25; Ци Юн. Оборонительные войны против хуннов в эпоху Хань // Реферативный сборник. 1956. №15. С. 96.

³³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 144.

³⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 170.

³⁵ Там же. С. 172.

³⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 55—56.

³⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи... С. 148.

³⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

³⁹ Там же. С. 50.

⁴⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи... С. 59.

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² Берштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 54.

⁴³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49.

VI. Господство над народами

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА

Сын Модэ, Гиюй, вступивший на престол под именем Лаошань-шаньюя, получил в наследство великую державу и несколько сложнейших задач. Задачи эти нужно было решить незамедлительно. Первой и главной стала защита западной границы. Юэчжи были выброшены с захваченной ими территории, но еще крепко держались в своих родных степях к северу от Тяньшаня. Небольшая часть их, отколовшись от основной массы народа, осталась в Наньшане под названием «малых юэчжей», но большая часть продолжала упорно сопротивляться. Наконец правитель юэчжей Кидолу¹ пал в борьбе с хуннами. Он был убит, труп его достался врагам, а из его черепа Лаошань-шаньюй сделал кубок. Невозможно определить точную дату окончательного поражения юэчжей, но произошло оно в промежуток между 174 и 165 гг. до н.э. В 165 г. наследник Кидолу с остатками своего народа перешел Сырдарью² и на берегах Амударьи столкнулся с населением Греко-Бактрийского царства — осколка империи Александра Македонского. За 150 лет мирной жизни потомки завоевателей мира «среброщитных фалангитов и неукротимых пельгастов» потеряли свою боевую доблесть. Так, в военном отношении их крайне низко оценивали китайцы: «народ слаб и боится войны»³. Юэчжи без особого труда овладели Бактрией⁴ и больше не помышляли о возобновлении войны с хуннами, от которой им пришлось горько.

Территорию, оставленную юэчжами, — Семиречье — заняли усунь, перемешавшиеся с саками и остатками юэчжей⁵. Усилившийся усуньский властитель счел возможным «после смерти шаньюя»⁶ отказаться от поездок в Хунну, т.е. фактически отделиться. Попытка хуннов восстановить свою власть над усунями не имела успеха. Когда же это произошло? Это могло быть только после победы над юэчжами, которых усунь громили совместно с хуннами, т.е. после 165 г. Значит, под умершим шаньюем подразумевался Лаошань. Он умер в 161 г., и, следовательно, отложение усуней должно было произойти в пятидесятых годах II в. до н.э., примерно между 158 и 154 гг., когда хунны вели войну в Китае и не имели достаточных сил для борьбы на западе.

У усуней мы не находим такого общественного строя, который составлял силу хуннов. Это видно из следующего. У усуней на 120 тыс. кибиток приходилось 630 тыс. человек, т.е. на одну кибитку — немногим более пяти душ. Это не род, а нормальная парная семья. Жена считалась собственностью мужа, который мог передать ее кому угодно; одну китайскую царевну усуньский владетель подарил своему внуку; другой владетель передал жену своему двоюродному брату. У усуней было явно выражено имущественное неравенство: так, в источнике упоминаются богатые владельцы четырехтысячных табунов лошадей.

Политическая система усуней была значительно проще хуннской. Во главе народа стоял владетель, носивший титул гуньюмо. По китайским источникам, у усуней было всего 16 чиновников, а войска — 188 800 человек. Это была грозная сила. Однако усунь в то время жили в согласии с хуннами. Их лояльность, очевидно, была вызвана враждебными отношениями с западными соседями.

С запада к Усуни примыкало владение Кангюй, расположенное в Голодной степи. Оно было вдвое слабее Усуни и служило буфером между хуннами и юэчжами. Господство хуннов над Кангюем было, по-видимому, номинальным, но оно обеспечивало западную границу Хуннской империи и развязывало хуннам руки на востоке. Лежавшая южнее Усуни и Кангюя Согдиана хотя и не подчинялась хуннам, но вследствие раздробленности (она делилась на 70 самостоятельных владений) не могла быть опасна. Итак, мы видим, что, разгромив юэчжей, Лаошань-шаньюй полностью обезопасил западную границу и захватил гегемонию над княжествами «Западного

Хунну

края» (тогдашнее китайское название Синьцзяна — Сиюй), экономические возможности которых должны были играть немаловажную роль в формирующемся хозяйстве новорожденной империи.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

«Основать империю, сидя на коне, можно, но управлять ею с коня нельзя», — сказал однажды Елюй-Чуцай — гуманный государственный деятель эпохи Чингисхана. Это понимал еще основатель Хуннской империи Модэ-шаньюй. К концу своего правления он стал широко пользоваться услугами китайских перебежчиков, составлявших для него дипломатические послания к китайскому двору. Лаошань-шаньюй шел по отцовскому пути, и когда евнух Юе, насильно посланный к нему в составе посольства из Китая, захотел перейти на его сторону, то был принят и обласкан. «Юе научил шаньюевых приближенных завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество». Это мероприятие произвело огромный переворот во внутренних делах хуннского общества. Налоги, поступавшие шаньюю и его приближенным (а все они были его родовичи), выделяли шаньюев род из числа прочих и давали в его руки такие возможности, о которых сам Модэ не мог мечтать. Прямым следствием этого было принятие шаньюем титула «Рожденный небом и землей, поставленный солнцем и луною, хуннский Великий шаньюй...»⁸ Тут мы уже видим, что право на власть определяется «милостью божией», причем родовичи обязаны повинаться, а не сопротивляться. Новые прерогативы шаньюя столь противоречили старому порядку, что, казалось бы, народные массы должны были возмутиться и воспротивиться, но этого не произошло. Наоборот, власть шаньюев пользовалась непрерываемым авторитетом. Дело в том, что недаром уступили хунны свою древнюю свободу. Они получали за нее такую цену, которая, видимо, удовлетворяла их. Доходы от добычи и дань с покоренных племен не целиком попадали в казну шаньюя. Значительная часть их оставалась в руках воинов, и многие хуннские женщины сменили одежды из овчины на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром на столе у хуннов появились вино, хлеб и китайские лакомства. Источники подчеркивают, что в хуннском обществе наступила эпоха изобилия и роскоши, но вместе с тем и упадка нравов.

Принципальный Юе, искренне преданный новому господству, улавливал на опасность, возникавшую от этих перемен. «Величье хуннов, — говорил он Лаошань-шаньюю, — не может сравниться с населенностью одной китайской области⁹, они сильны потому, что имеют одеяние и пищу отличные и зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюю, ты изменяешь обычаи, любишь китайские вещи. Если Китай употребит только одну десятую своих вещей (на подкуп. — Л.Г.), то до единого человека будут на стороне Дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочнее, чем шерстяное и кожаное одеяние. Получив китайя съестное, не употребляйте его и тем показывайте, что сыр и молоко предпочитаете им»¹⁰.

Программа Юе была невыполнима. Не столько шаньюю был причиной упадка нравов, сколько изменение экономики и «Сила вещей» влекла хуннов по пути увеличения потребления, а следовательно, и изменения быта. Но для того, чтобы изменения этого процесса четко сказались, нужно было немалое время: два, а то и три поколения (50—75 лет), а пока все, в сущности, обстояло благополучно. Так как большая часть торговли, столь приятных хуннам, шла из Китая, то вполне естественно возникло стремление увеличить приток их. При Модэ и шаньюю они попадали к хуннам в небольшом количестве в виде «подарков» шаньюю, который делился ими со своими подданными. Чтобы избежать этого необходимого дефежа, шаньюю хотел наладить меновую торговлю с Китаем, но встретил сопротивление китайского правительства.

Дом Хань установил внутри Китая систему налогового обложения, которая должна была выкачать из населения как можно больше продуктов, чтобы на эти средства содержать армию солдат и чиновников. Понятно, что сосредоточение внешней торговли в руках двора было необходимо, так как оно давало ему большие доходы. От этой системы страдало в первую очередь феодальное податное население, а во вторую — хунны, получавшие значительно меньше тканей и хлеба, чем им было нужно. Дом Хань и другим хотелось наладить прямой обмен, но тогда пришлось бы конкурировать с собственными подданными. Это было в принципе не могло разрешиться без войны, и она не заставила себя ждать.

Хунну

ВОЙНА С КИТАЕМ ЗА СВОБОДУ ТОРГОВЛИ

Покончив с юэцжами и развязав себе тем самым руки, Лаошань-шаньюй пошел на Китай. В 166 г. он с 140 тыс. конницы вторгся в Северо-Западный Китай, «захватил великое множество народа, скота и имущества» и сжег летний дворец императора. Конные разезды хуннов шныряли в сорока верстах от столицы Чанани. Император объявил мобилизацию и собрал тысячу колесниц, 100 тыс. конницы¹¹ и три вспомогательных корпуса, но пока войска готовились к выступлению, хунны ушли со всей добычей, не потеряв ни одного человека¹². После этого хунны в течение четырех лет производили набеги и разорили все пограничные области (особенно пострадал Ляодун). Основной удар был нанесен с запада, из недавно завоеванных хуннами земель, и через области, населенные некитайцами. Военные действия развернулись в Бэйди (восточнее Ганьсу) — стране икюйских жунов, покоренных лишь в III в. до н.э.¹³. Напрашивается мысль, что только благодаря помощи местного населения сошло хуннам с рук вторжение в центр Китая. Сам по себе поход мало что дал, но он оттянул китайскую конницу на запад, а в это время хунны из Иньшаня разграбили всю восточную границу. Наконец в 162 г. император Вэнь-ди обратился к Лаошань-шаньюю с просьбой о заключении мира; шаньюй с ответом послал данху (невысокий чин), что само по себе выражало пренебрежение. Данху привез китайскому императору в подарок двух лошадей, о качестве которых китайский летописец не упоминает. Несмотря на это, Вэнь-ди счел за благо не обижаться, принял дар и заключил мир. Для Китая этот мир был тяжелым и позорным. Китай и Хунну признавались двумя равными государствами, причем Китай «из сочувствия» к холодному климату в стране своего соседа обязывался ежегодно отправлять на север, к хуннскому шаньюю, «известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей»¹⁴. Это была завуалированная дань. Согласно договору, старые перебежчики не возвращались, но новые переходы возбранялись под страхом смертной казни. Договор показал несомненный политический перевес Хунну над Китаем, но о свободной торговле в нем не говорится ни слова.

Лаошань-шаньюй умер в 161 г., оставив своему сыну Гюньчюю неразрешенную проблему торговли с Китаем. Гюньчюнь четыре года сохранял мир, но, ничего не добившись, в 158 г.

обновил войну. Два хуннских отряда, по 30 тыс. каждый (?), напали в Китай с севера и с запада и, произведя грабежи, ушли. Пограничная огневая сигнализация своевременно известила о начале набега, но быстро мобилизовать армию китайского правительства не сумело, и, когда его войска подошли к границе, хунны были уже далеко в степи. Следующие годы сузились хуннам успехи. В 157 г. Вэнь-ди умер, и в 156 г. на престол вступил Цзин-ди. Междоусобица сопровождалась острой борьбой кланов. Победенных ожидала расправа, и они, восстав, обратились за помощью к хуннам. Однако новое правительство столкнулось с внутренними затруднениями. В 154 г. восстание было подавлено, так как хунны его не поддержали. За это они получили то, к чему стремились: по договору 152 г. были открыты пограничные рынки для свободного обмена и, сверх того, шаньюю была отправлена в жены китайская царевна с ежегодной данью. 152 год был кульминационным пунктом хуннского могущества.

Историческая граница

На востоке и северо-востоке хуннские шаньюи были полными хозяевами. Дунху покорились, оказав незначительное сопротивление в 209 г., и с тех пор осколки некогда могущественной орды стали верноподданными новых хозяев. Самое название «дунху» произошло; потомки их стали называться ухуани. Они обитали в степях Южной Маньчжурии по соседству с китайской границей. Севернее от ухуаней, в Западной Маньчжурии и Барге, жили родственные им сяньби, а в Восточном Забайкалье, на берегах Аральского моря, — косоплеты-тоба. Все это были монгольские племена. Многообразие племенных названий не должно вводить в заблуждение читателя. В Евразии целые народы часто меняли названия, называясь то по имени государя, то по месту жительства по кличке. Родовой строй, составлявший опору хуннской державы, был менее развит к востоку от Хингана. Ухуани жили группами (аилами), т.е. отдельными семьями, но стойбища в целях безопасности объединялись в общины от 100 до 1000 человек. Они управлялись выборными старейшинами, причем старейшина становилось названием общины. Для того чтобы стать старейшиной, нужно было быть «храбрым, сильным и умным»¹⁶. Здесь мы наблюдаем иной путь развития, нежели у хуннов. У древних монголов слагались не роды и племена,

на, а орды. Орды была высшей формой военной демократии. Слово «орда» означает некоторое количество совместно живущих людей, определенным образом организованных. Орда может состоять из самых разнородных элементов по крови, языку, религии, нравам, но организация для орды — необходимое условие. Во главе орды стоял хан (сяньбийское слово¹⁷), причем, как правило, ханы выбирались или утверждались на курултае — общем собрании полноправных членов орды. Вместо родового, аристократического принципа хуннов у древних монголов господствовал демократический принцип. Разумеется, орда не могла быть столь устойчива, как родовая держава. Она быстро процветала при энергичных вождях и гибла при бездарных. Но благодаря демократическому принципу потенция ее значительно больше. Орда как государственная система оказалась в конце концов наиболее жизнеспособной формой политической жизни кочевников. Однако во II в. до н.э. сложение монгольских орд только намечалось, и хунны могли беспрепятственно командовать разобщенными общинами древних монголов. Они брали с них дань овчинами, а у тех, кто уклонялся от нее, отнимали жен и детей. Чтобы завершить характеристику древних монголов, отметим некоторые этнографические особенности их. Ухуани и сяньби не знали, что такое домашние слуги: «от старейшины до последнего пастуха каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе»¹⁸, демократический принцип проводился даже в семейной жизни. Женщина пользовалась уважением: ее нельзя было ударить; девушка выходила замуж по любви и сама была хозяйка приданого; все дела, кроме военных, разрешались женщинами. Религия отличалась от хуннской отсутствием человеческих жертвоприношений. Законы также были мягче: смерть полагалась лишь заслушивание на войне, а при воровстве и убийстве разрешалось откупаться скотом. Нередко практиковалось изгнание преступников; изгнанных никто не имел права принимать. Короче говоря, мы наблюдаем жизнь гуманного, но весьма примитивного народа с большими возможностями, еще не претворенными в действительность, с высокой моралью, но низким уровнем культуры. Китайцы очень мало считались с этим народом.

Лесные племена Маньчжурии и Приамурья в то время не были известны китайцам, и о них никаких сведений не сохранилось. По-видимому, на лесные массивы власть хуннов не простиралась.

ВНЕШНЯЯ ГРАНИЦА

1500--204 гг. до н.э. забайкальские и прибайкальские степи вошли в державу Хунну¹⁹. Модэ подчинил несколько племен, живших в Южной Сибири. Эти племена уже пережили бронзовую эпоху и начали осваивать железо (тагарская культура в ее последней и последней стадии)²⁰. Занятием их было земледелие и конное скотоводство. Судя по большому количеству оружия, найденного в курганах, они были народом воинственным. Комплексные захоронения показывают, что социальной основой их общества был род, так же как у их соседей хуннов, но следов высшей организации и зачатков государственности не обнаружено. Искусство их стилистически связано с искусством Алтая и Казахстана, так что мы вправе причислить их к западному культурному комплексу, но их нельзя рассматривать как носителей феррийной провинциальной культуры. «Мощный минувший культурный очаг оказывал влияние в широкой подпоясочной области Западной Сибири и, по-видимому, даже в Центральной Европе (ананьинская культура)»²¹. Археология подтверждает факт, но бессильна его раскрыть. Обратимся к палеоантропологии, делающей следующие выводы:

1. «Основным типом населения был долихокранный, европеоидный, филогенетически связанный с протоевропейским». Потомки динлинов.

2. «Кроме того, отмечается брахикранный европеоидный тип неясного происхождения», может быть, ди.

3. «В общем небольшом проценте примешивается также брахикранный монголоидный тип, относящийся к сибирской ветви азиатского ствола». Известны всего два черепа; примесь может быть случайной.

4. «Возможно сохранение следов проникших в Минусинский край в карасукское время представителей дальневосточной расы»²².

Итак, за исключением двух случаев (два монгольских черепа) все население Минусинской котловины состоит из тех же элементов, что и тысячу лет назад, но разница, и весьма существенная, в том, что они уже успели слиться в единую народность, породившую самобытную культуру. Бронзовые изделия той эпохи поражают изяществом отделки и богатством орнамента с преобладанием зоологической тематики.

К сожалению, абсолютно неизвестны те формы жизни, ко-

Хунну

торые установились у динлинов в связи с хуннским завоеванием, но ясно, что культурный обмен между ними и хуннами протекал интенсивно. В результате его возникла новая культура — таштыкская, в которой удельный вес азиатского компонента резко увеличился²³. Связанные с ней вопросы будут разобраны ниже.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ДЕРЖАВЕ ХУННУ

Сходство обнаруженных археологами на территории от Иньшаня до Саяно-Алтая древностей, датируемых V—III вв. до н.э., показывает нам тогдашние границы распространения хуннов²⁴.

Археологически эта культура характеризуется преобладанием бронзы, «звериным стилем» в искусстве и так называемыми плиточными могилами²⁵. В конце этого периода в могилах начинает попадаться железо, с которым хуннов познакомили западные жуны²⁶. Наряду с охотой и скотоводством занятием хуннов было примитивное земледелие, на что указывают находки зернотерок как в Северной Монголии, так и в районе Великой китайской стены²⁷.

Хунны этого времени весьма отдаленно напоминают своих предков, описанных выше. Теперь это совсем другой народ. За 800 лет на окраине Сибири произошло то смешение, в результате которого возник антропологический тип хуннов, названный Г.Ф.Дебецем «палеосибирским». Археология констатирует у хуннов развитие меднолитейного мастерства, что предполагает наличие литейщиков-специалистов²⁸. Накопление богатств шло у хуннов, очевидно, не только в виде собирания сокровищ. Так, Дегинь на основании изучения Сыма Цяня отметил, что «пленные составляли главное богатство хуннов, они их использовали как домашний скот»²⁹.

Выше мы уже видели, что у предшественников хуннов — глазковцев было развито патриархальное рабство. Рабы выполняли тяжелые работы в домашнем хозяйстве, собирали дрова, носили воду. Они не допускались до ведущих отраслей хозяйства: облавной охоты, пастьбы скота, войны; они не определяли способа производства. Наличие их не разрушало патриархального родового строя.

Хозяйство хуннов покоилось на использовании особенностей лесостепного ландшафта. Им были необходимы не только зеленые степи, но и покрытые лесом горы. Лесом с гор они

пользовались для изготовления юрт и телег³⁰, а также стрел, причем ценился горный лес, где живут орлы, «перья которых употребляются на опушку стрел»³¹. Перелески укрывали скот во время буранов и доставляли пастухам дрова для костров в то время, когда кизяк был присыпан снегом. Именно невозможность обойтись без горного леса заставляла хуннов вступать в борьбу с китайцами за обладание склонами Иньшаня и Ци-линьшаня (в Ганьсу) и с юэчжами за Монгольский Алтай и Тяньшань.

Обычно, сравнивая между собой древние культуры, уровень развития их измеряют наличием материальных остатков: сооружений, письменности, произведений искусства и т.п. Методика эта порочна, так как учитываются лишь уцелевшие памятники, т.е. каменные сооружения и металлические вещи. Вследствие того, что сохранность памятников в странах с сухим климатом неизмеримо выше, чем в странах влажных, возникает первая ошибка. Затем, если учесть, что люди строят дома для того, чтобы в них жить, а не для того, чтобы их тысячу лет спустя выкопал археолог, надо признать, что деревянные постройки подчас не хуже каменных, и говорить о низком уровне культуры на том основании, что не обнаружено каменных строений, — вторая ошибка. Равным образом не могут быть установлены красота и ценность одежды, так как сохраняются лишь металлические детали, которые не для всех народов характерны. Допустим, что у какого-нибудь народа искусство проявляло себя в вышивках и достигло большой высоты, а у другого — в изготовлении каменных амулетов, очень грубых и мимиковавших у первого. Получится, что в первом случае искусства не было вовсе, а во втором обнаружится оригинальный стиль. То же самое с письменностью: есть народы, у которых имеются огромные библиотеки переводов, пересказов, компиляций и очень мало оригинальных произведений, например у монголов, маньчжуров. В то же время «Илиада» и «Калевала» были устным творчеством еще неграмотных народов.

Короче говоря, сравнение древних культур не только возможно, но и необходимо, а для этого должны быть в первую очередь учтены и выявлены оригинальные черты развития изучаемых народов и их потребности, и разная сохранность материальных остатков не должна мешать этому.

Основным достижением хуннов было освоение степных пространств Монголии. Ранее Великая Степь, как море, разде-

ляла обитаемые лесостепные полосы: южносибирскую и северо-китайскую. Обитатели обеих полос — земледельцы, оседлые скотоводы и лесные охотники — не имели возможностей для передвижения по степи, и степные травы пропадали попусту. Хунны развели достаточное количество лошадей и подъяремных быков, создали кибитку — дом на колесах — и первые занялись кочевым скотоводством и вместе с тем применили облавную охоту, которая неизмеримо продуктивнее индивидуальной; они уже в III в. до н.э. знали соколиную охоту.

Жилище их — кибитка на колесах — было удобно: во-первых, шатер значительно лучше защищает от ветра и мороза, чем промерзающие стены земляного или каменного дома, и, меняя стоянку, всегда можно найти место, обеспеченное топливом; во-вторых, в жилище на колесах жить более безопасно, так как со всем имуществом можно уехать от врага, что хунны и делали.

Кожаная одежда их была прочна, легка и удобна. Их питание состояло из мяса и молока, имевшихся в изобилии, так как стада были огромны. Отсутствие изнурительного труда и постоянное занятие охотой способствовали физическому развитию, частые военные походы закаляли мужество и волю.

К тому же эти походы играли большую роль в экономике хуннов. На ранних ступенях исторического развития возникала примитивная система приобретения недостающего продукта путем систематического захвата запасов у соседей. В этой стадии война была опасным, но доходным промыслом, и добыча становилась народным достоянием. Подобно многим народам, хунны прошли эту стадию, но уже при первых шаньюях основным источником их доходов стало обложение покоренных данью.

Таким образом, мы должны признать, что хунны на заре своего существования были не лучше и не хуже, чем, скажем, франки, готы, арабы, славяне и древние греки.

Обращение с пленными и перебежчиками было весьма гуманным, поэтому китайцы опасались не столько набегов хуннов, сколько постоянных переходов к ним в степь своего населения.

Участие женщин в политике показывает, что они отнюдь не были принижены, как это наблюдалось в Китае, Индии, Иране.

Самым сильным аргументом против утверждения, что хунны имели собственную развивающуюся культуру, служит указание

на отсутствие у них письменности, основанное на том, что она до сих пор не обнаружена. Предположение, что хунны имели письменность, не дошедшую до нас, так как найти древние записи на коже, бересте или бумаге не всегда возможно, отвергалось как несовместимое с уже составленным мнением. Однако и это предвзятое мнение разбивается накоплением новых сведений. Так, в «Истории Троецарствия» сообщается об обмене посольствами между Китаем и Фунаном, древнейшим царством в Камбодже. Китайское посольство посетило Камбоджу между 245 и 250 гг., и, вернувшись, участник его, Кань Тай, сообщая сведения о царстве Фунан, заявил: «Они имеют книги и хранят их в архивах. Их письменность напоминает письменность хуннов»³². Фунанцы употребляли индийский шрифт. Это сообщение чрезвычайно интересно. Китайский дипломат говорит о хуннской письменности в придаточном предложении как о вещи абсолютно известной и нужной лишь для сравнения и пояснения. Еще важнее то, что он подчеркивает индийское происхождение хуннской письменности, следовательно, держа на Хунну имела культурные связи с Западом. Может быть, потому китайцы эпохи Хань и считали хуннов диким народом, ибо признавали единственным источником культуры только свою страну. К сожалению, фольклор³³ и прочие проявления хуннской духовной культуры безвозвратно утеряны, но уровень их культуры, в частности искусства, может быть установлен при расширении археологических работ в Монголии и Ордосе; современное же хуннам саяно-алтайское искусство великолепно.

РЕЛИГИЯ ХУННОВ

Когда заходит речь о религии, то ставятся два вопроса: во что веруешь и как веруешь? Хунны ежегодно весной приносили жертву «своим предкам, небу, земле и духам». Ежедневно шаньюя дважды совершал поклонение: утром — восходящему солнцу, вечером — луне. Мероприятия начинались, «смотря по положению звезд и луны»³⁴.

Если вдобавок учесть титул шаньюя — «рожденный небом и землей, поставленный солнцем и луною», то будет ясно, что одним из объектов поклонения был космос; поскольку хунны имели идола, изображающего его, космос был уже персонифицирован. Подобное космическое божество было известно в греческой мифологии (Уран, отец Сатурна), в индийской (древ-

нейший из богов — Варуна), в древнескандинавской (Один). Исходя из этого, лучше всего допустить, что пышный культ персонифицированного космоса был заимствован хуннами у западных соседей, юэчжей или динлинов, так как восточноазиатские монголоиды не имели такого культа, а были полиспиритуалистами. Полиспиритуализм на Востоке всегда точно разграничивал духов предков и духов природы. Считалось, что тех и других можно вызвать или отогнать, рассердить или задобрить. Духи эти, с точки зрения китайца или тибетца, были отнюдь не божества, а живые существа, только имеющие природу, отличную от людей: они сильны, но не всесильны, не добры и не злы по природе, но могут быть часто вредны и иногда полезны. Короче говоря, общение с духами трудно даже назвать религией. Хунны также верили в духов. Верили они и в загробное существование, причем примитивное сознание кочевника рисовало его продолжением жизни. Отсюда пышные похороны в двойном гробу; чтобы покойнику не было холодно — облачение из парчи и драгоценных мехов; для службы ему в загробном мире — несколько сот соумирающих друзей и наложниц. Но этот жестокий обычай «сопровождения» шаньюя или вельможи в загробный мир не исчерпывал всех случаев человеческого жертвоприношения. «В жертву воинам»³⁵, очевидно, прадедам, приносились храбрые пленники, и духи требовали жертву через уста волхвов. Отсюда видно, что человеческие жертвоприношения были связаны с сибирской струей хуннской религии, с очень древним китайским шаманизмом и, возможно, тибетской религией бон. Эта религиозная система не предполагает существования единого бога, а ограничивается почитанием демонов, существ ограниченных и злобных. С этой системой вели борьбу как конфуцианцы, почитавшие предков, так и буддисты, а позднее — христиане и мусульмане, но, несмотря на это, она удержалась до XX в. в Тибете и в несколько измененных формах у тунгусов в Восточной Сибири. Любопытно, что там она вначале также была связана с человеческими жертвоприношениями, которые потом прекратились»³⁶.

На первый взгляд кажется странным, что демонология и космический культ, столь различные по происхождению и содержанию, уживались вместе, но это становится понятным, если учесть, что сферы их в мирозерцании хуннов были четко разграничены; они просто не мешали друг другу. Космическое божество было так огромно, что не замечало демонов, а де-

моны делали свои дела, не касаясь мироздания; такое мировоззрение еще не так давно бытовало среди сибирских народов и даже в Поволжье, где маришцы не могли понять, почему русский бог не уживался с Кереметью, и приносили одному свечи, а другому — жертву. Интересно другое: хунны вбирали в себя культурные представления Востока и Запада и сочетали их в оригинальных формах. Больше того, хунны воспринимали даже концепции далекой Индии. Золотой идол, отбитый у них китаяцами, многими учеными считается буддийским образом из оазисов Западного края³⁷.

Разумеется, нет оснований думать, что среди хуннов были буддисты, но важно, что они о буддизме знали и интересовались им. Это указывает на широкий кругозор, несовместимый с низким уровнем культурного развития; можно ли при этом считать их дикарями? А если прибавить стройную систему администрации и гуманные формы быта, привлекавшие даже просвещенных китайцев, то вопрос о «дикости» хуннов III—I вв. до н.э. должен отпасть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 266.

² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 100; Lévi S. Notes sur les Indo-Scythes // Journal Asiatique. 1897. IX serie. Vol. IX. P. 13.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 184.

⁴ В 160 г. до н.э. Согдиана отпала от Греко-Бактрии, надо думать, при помощи юэчжей. Сама Бактрия пала в 129 г. до н.э. (см.: Saint-Martin V. Fragment d'une histoire des Arsacides. Vol. II. P. 68). Следовательно, борьба за Бактрию продолжалась 30 лет.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 191.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 58.

⁸ Там же.

⁹ Около 170 г. до н.э. хуннская армия исчислялась в 60 тыс. всадников и, вероятно, состояла не только из хуннов, но и из представителей других народов. См.: Haloun G. Zur Üetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937. S. 306, nje I; ср. также: Byzantion. Vol. XVII, 1945. S. 224—225. Так как в армию шло взрослое мужское население, составлявшее нормально 20% от общего количества, то можно ориентировочно определить численность хуннского народа в 300 тыс. или менее, но не более.

¹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 57—58.

¹¹ Цифры на совети Сыма Цяня.

Хунну

- ¹² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 59.
- ¹³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 13.
- ¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 60.
- ¹⁵ Для определения общины ухуаней взят термин «бу аймак» — территориальная группа, а не «син» — род (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 142).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 167.
- ¹⁸ Там же. С. 143.
- ¹⁹ *McGovern W.* The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 120.
- ²⁰ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 184—303; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 124.
- ²¹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 124.
- ²² Там же. С. 134.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 317; см. также: *Ростовцев М.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; *Salmony A.* Sino-Siberian art. P., 1933; Inner Mongolia and region of the Great Wall // *Archaeologia Orientalis. D-séries. Vol. I.* Tokio—Kioto, 1935; *Ianse O.* L'empire des steppes. *Pevue des arts asiatiques.* Vol. IX, 1935.
- ²⁵ *Сосновский Г.П.* Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. Вып. VIII; Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I, 1941.
- ²⁶ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 172.
- ²⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 318; *Боровка Г.И.* Археологическое обследование среднего течения реки Толы // Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.
- ²⁸ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 323.
- ²⁹ Там же. С. 324.
- ³⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 99.
- ³¹ Там же. С. 98.
- ³² *Hall D.G.E.* A history of South-East Asia. L., 1955. P. 25—26.
- ³³ Имеется лишь краткое упоминание в «Цянь Ханьшу», что хунны, потеряв хребты Яньчжышань и Циляншань, отразили это печальное событие в стихах (См.: *Фэн Цзя-шэн.* Руническая надпись из восточной Монголии // Советская этнография. 1959. № 1. С. 5).
- ³⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49—50.
- ³⁵ Там же. С. 76.
- ³⁶ *Окладников А.П.* Древнее население Сибири и его культура (рукопись). Гл. VII.
- ³⁷ *McGovern W.* The early empires... 139; *Chavannes Ed.* Memoires historiques de Sse-ma Ts'ien. Vol. LXVII. P., 1899; *Franke H.* Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. I. Berlin, 1930. S. 343; *Дэн Чжи-чэн.* История Китая на протяжении двух тысяч лет. Шанхай, 1954 // Реферативный сборник. 1956. № 13. С. 152.

VII. Взлет дракона

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ХУННО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Китай процветал. Режим династии Хань выгодно отличался от режима ее предшественницы Цинь. Прекращение внутренних распри, отказ от грандиозных сооружений вроде Великой стены положительно повлияли на развитие земледелия и ремесел, на распространение торговли и на рост народонаселения. Несмотря на хуннские и тангутские набеги, богатство страны росло не по дням, а по часам, и возможности Китая казались неисчерпаемыми. Китайцы были предприимчивым и отважным народом, уверенным, что будущее принадлежит им. У-ди, вступивший на престол в 140 г. до н.э., понял потребности своей страны. Враги окружали ее, и главными из них были хунны. Император У-ди не осмелился сразу порвать унижительный мирный договор, признававший Хунну и Китай равными империями, а фактически ущемлявший интересы Китая; он даже подтвердил договор о свободной торговле, несмотря на ее убыточность. Но он немедленно начал готовиться к войне. Во второй год царствования он послал своего приближенного Чжан Цяня с заданием отыскать юэчжей и убедить их напасть на Хунну одновременно с китайскими войсками. Однако У-ди выступил, не дождавшись Чжан Цяня.

Другой лазутчик — Нье И, родом из города Май, по приказу императора будто бы тайно доставлял хуннам китайские шелки и, вкравшись в доверие к шаньюю, предложил ему разграбить свой родной город. Шаньюю, соблазненным богатствами

Маи, поверил лазутчику и с войском 100 тыс. копий вступил в 133 г. в пределы Китая.

Этого и ждали китайцы: 300 тыс. солдат, готовых к бою, были спрятаны в окрестностях Маи, чтобы, лишь только хунны возьмут город и захватят добычу, окружить и истребить их.

Хунны шли форсированным маршем, стремясь не дать опомниться противнику. Вдруг еще за 100 ли (около 40 км) от Маи они увидели в поле множество скота; пастухов не было. Очевидно, местные жители, узнав от китайских солдат, скрытых в засаде, об ожидаемом приближении хуннов, бросили свое имущество и спрятались, чтобы сохранить свободу и жизнь. Но шаньюй знал, что никто не мог предупредить пастухов о его появлении, так как никто из китайцев не в силах был обогнать скачущих хуннов. Поэтому отсутствие жителей заставило его насторожиться.

Иногда ход событий меняется из-за пустяков. Один китайский командир (юйшы), проезжавший по границе, захотел отстоять укрепленный пост. Хуннские всадники окружили его, и бедный юйшы вынужден был забраться на дозорную башню. За ним полез хунн с копьем, чтобы заколоть несчастного для забавы товарищей, стоявших кругом¹. Китаец испугался, спустился вниз и сдался хуннам, которые, торжествуя, притащили его в ставку и как первую добычу преподнесли шаньюю. Шаньюй, уже настороженный, строго допросил пленника, и тот, спасая жизнь, рассказал ему про засаду. Шаньюй немедленно скомандовал отступление и, выйдя за границу, сказал: «Я обязан своим спасением Небу, оно послало мне этого юйшы». В благодарность за спасение он освободил своего единственного пленника, но, зная, что на родине тому грозит смерть, оставил его при себе и дал ему титул «небесный князь».

Китайские полководцы ожидали вступления хуннов в город Маи и потому не двигались с места. Разгневанный У-ди решил предать суду главного полководца Ван Кая, но тот опередил палачей своего государя, покончив жизнь самоубийством. Китаю предстояла тяжелая и упорная война. Несмотря на самоубийство полководца, китайская армия могла вторгнуться в хуннские земли, но не сделала этого. Как же объяснить такой странный, но спасительный для хуннов оборот событий? В 131 г. до н.э. Хуанхэ, прорвав дамбу у селения Хуцзэ (провинция Шаньдун), изменила свое русло. В стихотворении, посвященном этому событию, есть такая строфа²:

О, сколь немилосерден был Хопэй³.
В волнах погибли тысячи людей.
Сожрав Санфу⁴, наполнил он Хуай
И не вернулся в свой родимый край.

Для ликвидации огромной брешы император послал 100 тыс. человек⁵. Очевидно, в их числе были и солдаты, ожидающие врага на границе. Хунны получили передышку.

ПОТЕРИ ХУННОВ

После описанного события о мире не могло быть и речи, но первые четыре года ни та, ни другая сторона не предпринимала крупных операций. Летучие отряды хуннов производили грабежи в разных областях Северного Китая, китайцы ограничивались обороной. Но особенно интересно, что рынки, расположенные в степи за границами Китая, торговали весьма интенсивно, и хунны отнюдь не посягали на китайских купцов, продававших им шелка и лакомства. Опасность угрожала купцам с другой стороны. В 129 г. китайский двор решил положить конец утечке национальных средств к врагам и запретить свободную торговлю. Для этого были направлены четыре девяти-тысячных конных корпуса. Вот тут-то хунны показали себя.

Талантливый китайский полководец Вэй Цин ухитрился заставить врагов врасплох и захватил в Лунчэне 700 пленных. Кто были эти пленные — хунны или китайские купцы — хроника не сообщает. Следующий полководец, ничего не добившись, ушел обратно без потерь. Третий потерял 7 тыс. из 10 и отступил с остатками своих разбитых войск, а четвертый даже сам попал в плен к хуннам, но впоследствии бежал и возвратился на родину. Два последних полководца были преданы суду, но это не поправило дела на фронте.

Окрыленные успехами, хунны усилили набеги, а в следующем, 128 г., их двадцатитысячное войско вторглось в Ляоси, уничтожило стоявшие там войска, затем, перейдя в Яймынь к западу от Пекина, разгромило эту область и ушло, уведя 3 тыс. пленных. В ответ на этот набег против хуннов снова выступил Вэй Цин с 30 тыс. всадников, которым удалось захватить несколько тысяч пленных.

Вэй Цин ворвался в Ордос и покорил обитавшие там племена луфань и баянь, захватив пленных и множество скота. Для милыения Ордоса китайцы восстановили старые крепости по

Хунну

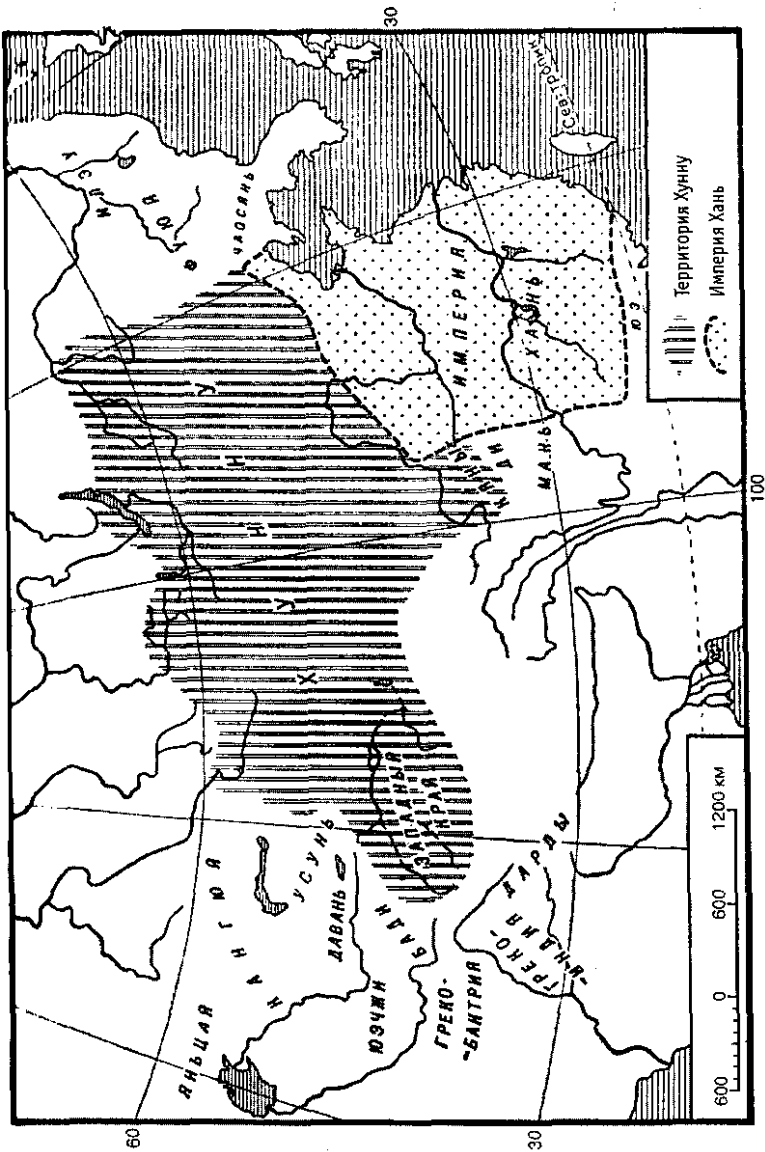
берегам Желтой реки и построили новую крепость Шофан. В ответ на это хунны захватили область Цзаоян — восточный участок Великой стены.

Зимой 126 г. умер Гюньчень-шаньюю, внук Модэ. Он не уронил достоинства державы, созданной его дедом, и выдержал шестилетнюю борьбу с противником, который был во много раз сильнее. Потеря Ордоса не была для хуннов тяжелой, так как его населяли тангуты, чуждые хуннам. Зато собственно хуннские земли в Иньшане даже расширились, торговля продолжалась, а китайские пограничные области были разорены, и китайские войска оказались в бою слабее хуннских. Но У-ди был человек упорный и продолжал войну.

Смерть Гюньчень-шаньюя вызвала междоусобицу. Его брат, восточный лули-князь Ичисие, «сам объявил себя шаньюем» и разбил сына Гюньчень-шаньюя Юйби «в сражении»⁶. Юйби бежал в Китай, где был принят и обласкан, но вскоре умер. Распря князей закончилась в несколько дней и отрицательных последствий для Хунну не имела. Ичисие с удвоенной энергией продолжал войну с Китаем. Летом и осенью 126 г. были разграблены северо-восточные области Китая (современные провинции Хэбэй, Ляоси и Ляодун), так как именно здесь хунны имели опору в лесистых отрогах Иньшаня. И на западе было неспокойно. В 125 г. западный чжуки-князь ворвался в Ордос, разрушил Шофан и увел много «пленных из чиновников и народа».

Тогда У-ди применил новую тактику ведения войны, которая хотя и была осуждена и раскритикована впоследствии, но все-таки принесла плоды. Для борьбы с конным противником стали создаваться конные легковооруженные отряды, снабженные провиантом. Этим отрядам надлежало перенести войну в хуннские степи. Подготовка таких отрядов была делом трудным и дорогим. Кроме того, они не годились для обороны и не спасали страну от ответных набегов озлобленного противника, но придумать что-либо лучшее было невозможно⁷.

Предводителем конной наступательной армии был назначен тот же Вэй Цин. Весной 124 г. китайская армия численностью 100 тыс.⁸ человек выступила из Ордоса и, напав на западные кочевья хуннов, застала их врасплох. В ставке западного чжуки-князя шло веселье и пьянство, когда китайская конница, пройдя форсированным маршем 700 ли (около 300 км), ночью окружила ставку. Сам чжуки-князь спасся бегством, но в плен попали более 15 тыс. человек, в том числе десять низших князей.

Средняя Азия около 135 г. до н. э. (по данным путешественника Чжан Цина)

Осенью того же года хунны отплатили за набег, ворвавшись в Дайгюнь (западный Хэбэй). Китайские пограничные войска были разбиты, и хунны увели с собой тысячу пленных.

В 123 г. Вэй Цин совершил еще два набега на восточные кочевья, но успехи были значительно меньше, а потери — больше. Один из его отрядов, блокированный хуннами, принужден был сдаться. Командир этого отряда Чжао Синь был из числа низших хуннских князей, убежавших в Китай во время последней распри. Ичисйе-шаньюю, захватив его, не вспомнил старого зла, а, наоборот, женил его на своей сестре и советовался с ним по всем вопросам, связанным с Китаем. Чжао Синь посоветовал шаньюю отнести свою ставку на север, за пустыню Гоби, чтобы китайцы не могли застигнуть его врасплох; равно предполагалось заманивать китайские войска в глубь степей и потом, пользуясь их усталостью, уничтожить их. Шаньюю согласился с этим мнением и откочевал на север. Одновременно он пытался продолжить активные боевые действия, но набег 122 г. мало что дал.

Тем временем У-ди закончил реорганизацию армии, и весной 121 г. китайцы снова перешли в наступление. Полководец Хо Цюй-бин с десятитысячной конницей напал на западные кочевья хуннов, разгромил их, захватив много пленных и золотого идола, которому хунны приносили жертвы. Летом того же года Хо Цюй-бин напал на хуннские кочевья у подножий Тяньшаня; были захвачены 30 тыс. пленных, в том числе 70 низших князей и предводителей.

Потерпев полное поражение на западе, хунны усилили наступление на востоке. Они окружили брошенный против них китайский отряд (4 тыс. копий и сабель), половина которого полегла в бою. Только немедленная помощь других китайских войск спасла от истребления остатки разбитого отряда.

Борьба становилась все более ожесточенной. В 120 г. хунны опустошили области Юбэйпин и Динсян (в Шаньси) и увели много пленных. Пламя войны разгоралось с каждым днем.

Ичисйе-шаньюю допустил крупную ошибку. Разгневанный неудачами на западной части фронта, он — справедливо или нет — возложил ответственность за них на князей родов Хючжуй и Хуньше и решил их казнить. Поняв безнадежность своего положения, Хуньше-князь предпочел измену смерти. Он убил колебавшегося Хючжуй-князя, увлек за собой свой и его народ и перешел на сторону Китая. Всего перешедших было

тыс. человек⁹. Предательство Хуньше-князя радикально изменило положение на фронте. Набеги хуннов на Северо-Запад-Китай (Хэси) стали более редкими. Это позволило У-ди отозвать половину обученных ратников с северо-западной границы и заменить их бедными крестьянами из Гуандуна, которых превратили в военнопоселенцев¹⁰. Хорошо обученные войска понадобились предприимчивому императору для осуществления нового плана, который при удаче сулил скорое завершение начавшейся войны.

БОРЬБА ВЭЙ ЦИНА С ХУННАМИ

У-ди решил поразить шаньюя в самое сердце. Для этого была собрана большая конная армия (100 тыс.?!), с полуторным числом заводных лошадей (140 тыс.) и обозами с продовольствием. В задачу этой армии входило перейти Гоби и захватить ставку шаньюя, как перед этим были захвачены ставки алашаньских князей.

Задачу эту нельзя назвать невыполнимой, так как хуннские кочевья передвигались в кибитках, запряженных волами, т.е. чрезвычайно медленно, и настичь такое кочевье коннице врага было нетрудно. К тому же главное богатство хуннов составляли овцы, а крупный рогатый скот и лошади были на втором месте. Убереечь же от неприятельской конницы отару овец невозможно. Следовательно, появившись в степях Халхи, китайцы сумели вызвать хуннов на решительное сражение и сокрушить их одним ударом. Однако при неудаче не было никакой надежды спасти армию в таком удалении от границы. Поэтому операция была тщательно продумана и подготовлена.

У-ди не считался с затратами на вооружение, обмундирование и продовольствие, вследствие чего «Серединное государство опустынилось»¹¹, но ожидаемый результат должен был покрыть все издержки. В 119 г. китайская армия выступила в поход двумя группами под командованием Вэй Циня и Хо Цюй-бина, но сорвать тайну китайцам не удалось.

Пока китайские войска переходили песчаную пустыню Гоби, Ичисье-шаньюй отправил свою кочевую столицу далеко на север, а сам с отборным войском стал ожидать врага на северной окраине пустыни. Вэй Цин встретился с ним, произошел бой, который длился целый день, но не дал результатов. К вечеру поднялся сильный степной ветер, который нес густую

Хунну

пыль, слепящую глаза. Стрелять из лука в такую погоду было невозможно, так как ветер отклонял летящую стрелу. Хунны лишились преимущества, которое им давало их искусство в стрельбе, и китайцы этим немедленно воспользовались. Растянув фланги, они окружили хуннов и пошли врукопашную. Шаньюю не растерялся. Лично возглавив отборную дружину из нескольких сот удальцов, он прорвал китайские цепи и, пользуясь темной наступающей ночью, оторвался от противника.

Ветер и тьма скрыли расположение обеих ратей. Хуннские воины смешались с китайскими ратниками, и в глубоком мраке ночи происходили кровавые поединки. Большая часть хуннов последовала за шаньюем, но сразу собрать и реорганизовать армию ему не удалось. Число хуннских потерь Сыма Цянь определяет в 19 тыс. человек, но эта цифра, безусловно, неточная — где уж там было считать!

Вэй Цин попытался продолжить наступление и дошел до городка Чжао-Синь-чен, построенного для себя окитаившимся хунном, перебежчиком Чжао Синем. О захвате городка источник не сообщает, но отсюда началось отступление китайской армии. Потеря лошадьми достигла 100 тыс., а потерю личного состава китайский историк не рискнул показать в своем официальном труде. Вэй Цин одержал победу, но победа была пирровой. Действовавший на востоке Хо Цюй-бин достиг несколько больших результатов. Он разбил восточного чжуки-князя и, по-видимому, захватил его ставку, так как пленных было 70 тыс. человек. После этого хунны очистили Иньшань и отступили за песчаную пустыню, в Халху.

Ухуани вышли из подчинения хуннов и поселились вдоль китайской границы (в Маньчжурии). Китайское правительство немедленно перевело на вновь приобретенные земли 60 тыс. военнопоселенцев. Для орошения полей были проведены каналы; местных кочевников выселяли, чтобы отобрать у них лучшие земли. Оседлость в лице зависимого крестьянина, солдата и чиновника надвигалась на вольного степняка и его родового старейшину. Границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби.

УСПЕХИ КИТАЙСКОГО ОРУЖИЯ

Кампания 119 г. так обессилила обе стороны, что ни хунны, ни китайцы не могли продолжать войну. Ичисье-шаньюю сделал попытку начать мирные переговоры, но китайцы предложили

считать их пограничным вассалом. Шаньюй счел это оскорблением и задержал посла. У-ди также задержал хуннское посольство и снова начал набор войска и лошадей, но они понадеялись на него для другого дела. На западной границе Китая, у горного озера Кукунор, усилились тибетцы. Победа китайцев над захват ими предгорий Алашаня и Наньшаня были для хуннов столь же неприятны, как и для хуннов. Китайцы же, осознавая всю важность одержанной победы, поспешили укрепить заново приобретенную территорию, «чтобы преградить хуннам путь к продвижению к кянами»¹². Тибетцы немедленно начали войну, и в 117 г. У-ди отправил против них войска, собранные для того, чтобы покончить с хуннами. Хунны получили передышку на 12 лет и, действительно, успели оправиться.

В 112—111 гг. китайским войскам удалось отогнать тибетцев за Юньнаньскую реку и ее приток Хуаншуй, но в ответ на это примирившиеся три больших тибетских рода, вступили в союз между собой, связавшись с хуннами, перешли в контрнаступление. Хуннам понадобилась новая огромная армия, чтобы разбить тибетцев и покорить горцев не удалось. Они отошли на запад и поселились около озера Кукунор, а новая граница легла по горной цепи одной из южных цепей Наньшаня¹³. Война закончилась в 107 г.

В результате огромных усилий У-ди разделил северных и южных хуннов. Но это был успех исключительно стратегического характера. Приобретена страна без жителей, которую должны были постепенно занять китайские военнопоселенцы, однако это предприятие осталось невыполненным.

В 114 г. умер Ичисье-шаньюй, и власть перешла к его сыну Юе-ди. Последний был, по-видимому, человек тихий и невоинственный. У У-ди были развязаны руки на севере, и он обратился на юг. На юге с Китаем граничили два княжества Юе, расположенные в Гуандуне и Индокитае. В 113 г. У-ди покорил Юе, а голову владетеля Юе в Индокитае вывесил в клетке перед южными воротами императорского дворца¹⁴. Менее удачны были походы в страны Суй и Кхун-мин (Бирма), где воинственное население в непроходимых джунглях остановило китайское продвижение.

Победа над Юе открыла У-ди, и он послал две армии в Индокитай, но обе вернулись, даже не встретив хуннов.

В 110 г. император устроил смотр своей северной армии. В Шифане было собрано 180 тыс. конницы. Эта демон-

страция военной мощи должна была, по мнению У-ди, утратить шаньюя и заставить его признать себя вассалом Китая. Но шаньюй отказался даже обсуждать китайские предложения и отрубил голову церемониймейстеру, допустившему к нему в юрту китайского посла. Вместе с тем хунны не возобновляли войны; боевые лошади отдыхали, ратники занимались охотой на крупного зверя. Это было затишье перед бурей. Но и на этот раз не удалось У-ди двинуться против хуннов. Новые осложнения возникли на востоке и отвлекли его внимание от основной задачи. Возникли трения с северокорейским государством Чаосянь, которое не только принимало китайских политических эмигрантов, но даже переманивало их¹⁵.

В 109 г. У-ди направил против Чаосяни войско и флот. Корейцы разбили китайцев на суше и на море и вступили в переговоры о почетном мире. Послом со стороны Кореи был наследник престола; он прибыл в китайский стан и был предательски убит. В следующем году война возобновилась. Усиленные подкреплениями¹⁶ китайские войска обложили столицу Чаосяни с суши и моря, но генерал и адмирал ссорились и потому успеха не имели. Наконец китайцам удалось переманить на свою сторону некоторых корейских вельмож. С их помощью был предательски убит чаосяньский князь, и Чаосянь подчинилась Китаю. Война закончилась в 108 г. Но, несмотря на ее удачный конец, нельзя было думать о немедленном продолжении серьезной войны с хуннами, так как китайские войска и полководцы показали столь низкие боевые качества, что полководцев пришлось судить, а войска реорганизовать.

В 107 г. закончилась война китайцев с тибетцами, а в 105 г. умер «тихий» Увэй-шаньюй, передав престол молодому и воинственному сыну Ушилу.

ОТКРЫТИЕ ЕВРОПЫ

История китайских географических открытий сложна и интересна. Мир открывался не только с запада, но и с востока, и имя путешественника Чжан Цяня должно стоять в одном ряду с именами Геродота и Страбона.

До возвышения династии Хань и в начале ее правления китайцам была известна весьма ограниченная территория: собственно Китай от Тибетского нагорья до Желтого моря, прилегающие степи и пустыня Гоби, джунгли к югу от реки Янцзы

и Корея. Естественно, что китайцы в то время считали свою страну центром мира.

Толчок к открытию новых земель дала внешняя политика: в поисках союзников для борьбы с Хунну китайское правительство вспомнило о юэчжах, и к ним был послан чиновник Чжан Цянь. Он отправился с одним рабом по имени Тяньи и по выходе за границу немедленно был схвачен хуннами. Десять лет прожил Чжан Цянь у хуннов и, улучив время, бежал на запад в Давань (Фергану). Там он был хорошо принят, так как слава о богатстве и могуществе Китая докатилась до Средней Азии. Ему дали проводника, и он проехал через Согдиану во владение юэчжей. Его дипломатическая миссия не имела успеха, ибо юэчжи не собирались возобновлять войну с хуннами. На обратном пути Чжан Цянь был снова задержан хуннами, но бежал и вернулся в Китай в 120 г. до н.э.

Рассказы Чжан Цяня открыли китайцам новый неизвестный мир. Огромный интерес Китая к западным странам сравним лишь с тем, который возник в Европе после путешествия Колумба. Чжан Цянь рассказывал о горных скотоваходах-усунях, о кочевном государстве Кантюй, расположенном в Голодной степи, о Ишьеце¹⁷ — государстве на отлогих берегах большого северного моря (Каспий), и об Аньси — большом, многолюдном, оседлом государстве (Парфия). Понаслышке Чжан Цянь узнал о богатой западной стране Тяочжи, лежащей на берегу Западного моря (Месопотамия), и о чудесной стране Шеньду, или Инду (Индия).

Китайский император был в восхищении и щедро наградил путешественника. Богатства западных стран сулили огромные возможности для китайской торговли, а храбрость иноземцев была приятна императору, так как их можно было использовать против хуннов.

Был организован ряд посольств в Аньси (Парфию), Яньцай (Сирматию), в Тяочжи (Месопотамию), Шеньду (Индию) и даже в Лигань (Рим). Луций Анней Флор, историк II в. н.э., упоминает в своей «Истории»¹⁸ о посольстве серов к Августу, которому даже приписано намерение покорить этот народ¹⁹. Крупные посольства, отправляемые в иностранные государства, состояли из нескольких сот, а малые — не меньше чем из 100 человек. Китайский двор в иной год отправлял более десяти, а в иной — от пяти до шести посольств. Посланники возвращались по прошествии многих лет²⁰.

Путешествия были сопряжены с большими опасностями,

пыль, слепящую глаза. Стрелять из лука в такую погоду было невозможно, так как ветер отклонял летящую стрелу. Хунны лишились преимущества, которое им давало их искусство в стрельбе, и китайцы этим немедленно воспользовались. Растянув фланги, они окружили хуннов и пошли врукопашную. Шаньюю не растерялся. Лично возглавив отборную дружину из нескольких сот удалцов, он прорвал китайские цепи и, пользуясь темнотой наступающей ночи, оторвался от противника.

Ветер и тьма скрыли расположение обеих ратей. Хуннские воины смешались с китайскими ратниками, и в глубоком мраке ночи происходили кровавые поединки. Большая часть хуннов последовала за шаньюем, но сразу собрать и реорганизовать армию ему не удалось. Число хуннских потерь Сыма Цянь определяет в 19 тыс. человек, но эта цифра, безусловно, неточная — где уж там было считать!

Вэй Цин попытался продолжить наступление и дошел до городка Чжао-Синь-чен, построенного для себя окитаившимся хунном, перебежчиком Чжао Синем. О захвате городка источник не сообщает, но отсюда началось отступление китайской армии. Потеря лошадей достигла 100 тыс., а потерю личного состава китайский историк не рискнул показать в своем официальном труде. Вэй Цин одержал победу, но победа была пирровой. Действовавший на востоке Хо Цюй-бин достиг несколько больших результатов. Он разбил восточного чжуки-князя и, по-видимому, захватил его ставку, так как пленных было 70 тыс. человек. После этого хунны очистили Иньшань и отступили за песчаную пустыню, в Халху.

Ухуани вышли из подчинения хуннов и поселились вдоль китайской границы (в Маньчжурии). Китайское правительство немедленно перевело на вновь приобретенные земли 60 тыс. военнопоселенцев. Для орошения полей были проведены каналы; местных кочевников выселяли, чтобы отобрать у них лучшие земли. Оседлость в лице зависимого крестьянина, солдата и чиновника надвигалась на вольного степняка и его родового старейшину. Границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби.

УСПЕХИ КИТАЙСКОГО ОРУЖИЯ

Кампания 119 г. так обессилила обе стороны, что ни хунны, ни китайцы не могли продолжать войну. Ичисье-шаньюю сделал попытку начать мирные переговоры, но китайцы предложили

ему стать их пограничным вассалом. Шаньюй счел это оскорблением и задержал посла. У-ди также задержал хуннское посольство и снова начал набор войска и лошадей, но они понадобились ему для другого дела. На западной границе Китая, около горного озера Кукунор, усилились тибетцы. Победа китайцев и захват ими предгорий Алашаня и Наньшаня были для тибетцев столь же неприятны, как и для хуннов. Китайцы же, учитывая всю важность одержанной победы, поспешили укрепить завоеванную территорию, «чтобы преградить хуннам путь к сообщению к кянами»¹². Тибетцы немедленно начали войну, и в 117 г. У-ди отправил против них войска, собранные для того, чтобы покончить с хуннами. Хунны получили передышку на 12 лет и, действительно, успели оправиться.

В 112—111 гг. китайским войскам удалось отогнать тибетцев за Желтую реку и ее приток Хуаншуй, но в ответ на это примирились три больших тибетских рода, вступили в союз между собой и, связавшись с хуннами, перешли в контрнаступление. Китайцам понадобилась новая огромная армия, чтобы разбить их, но покорить горцев не удалось. Они отошли на запад и поселились около озера Кукунор, а новая граница легла по горному хребту одной из южных цепей Наньшаня¹³. Война закончилась в 107 г.

Так путем огромных усилий У-ди разделил северных и южных кочевников. Но это был успех исключительно стратегический: была приобретена страна без жителей, которую должны были постепенно занять китайские военнопоселенцы, однако это мероприятие осталось невыполненным.

В 114 г. умер Ичисйе-шаньюй, и власть перешла к его сыну Увию. Последний был, по-видимому, человек тихий и невоинственный. У У-ди были развязаны руки на севере, и он обратился на юг. На юге с Китаем граничили два княжества Юе, расположенные в Гуандуне и Индокитае. В 113 г. У-ди покорил их, а голову владетеля Юе в Индокитае вывесил в клетке перед северными воротами императорского дворца¹⁴. Менее удачны были походы в страны Суй и Кхун-мин (Бирма), где воинственное население в непроходимых джунглях остановило китайское продвижение.

Победа над Юе окрылила У-ди, и он послал две армии в Халху, но обе вернулись, даже не встретив хуннов.

В 110 г. император устроил смотр своей северной армии. В крепости Шофан было собрано 180 тыс. конницы. Эта демон-

Хунну

так как хунны, тибетцы и южные мани грабили путешественников. Для обеспечения безопасности последних потребовались военные экспедиции и постройка крепостей по караванным путям, что увеличивало расходы. Все-таки китайцам удалось организовать Наньлу — южный караванный путь, который шел мимо озера Кукунор, очевидно, долинами рек Бухаин-Гол и Данхэ, на Хотан и Яркенд²¹. Дальше южный путь на западе переходил через Цунлин и выходил к Большим Юэжи (Бактрия) и Аньси (Парфия)²².

Что такое Цунлин? Переводчик текста карты Н.В.Кюнер дает буквальный перевод: «Луковые горы», и интерпретацию: «Памир»²³. Однако в данном случае под Луковыми горами приходится понимать Алтайский хребет, так как северный путь от Кашгара (Сулэ) на Фергану тоже «переходит через Цунлин»²⁴. Очевидно, южный путь шел от Кашгара на Ташкурган и Гилгит, а оттуда — на Сринагар и в современный Таджикистан²⁵, а северный — через невысокий перевал, от Кашгара в Ферганскую долину (Давань) и оттуда в Кангюй (современный Казахстан) и Яньцай (прикаспийские степи)²⁶.

Северный путь был проложен и освоен позднее южного, только после того, как разбитые хунны отступили за песчаные пустыни Шамо и китайское влияние утвердилось в Хами и Чехи (Турфанская котловина). До Кашгара он шел вдоль южного склона Тяньшаня, где гораздо больше оазисов, чем на юге. Постепенно южный путь оказался заброшенным и потерял былое значение тяжелой, но безопасной дороги. Попытка найти юго-восточный путь в Индию через Аннам и Бирму потерпела неудачу, так как китайцам не удалось подавить сопротивление бирманцев. Только позднее благодаря развитию мореходства китайцы стали попадать в Индию, обигая Малакку²⁷.

Посольства на запад отправлялись в течение 150 лет и порядком надоели западным владетелям. Прокорм многолюдных караванов стал тяжелой повинностью, но и китайским послам нередко отказывали в пище. Те же, «томимые голодом, иногда ожесточались до того, что дело доходило до взаимных сшибок»²⁸, но разобщенность Западного края выручала китайцев.

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Дипломатические путешествия, обогатив китайскую науку, дали возможность китайским ученым составить исторические

карты Западного края. Они изданы в виде приложения к указателю третьего тома второго издания «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н.Я.Бичурина, но интерпретация этих карт А.Н.Бернштамом неудовлетворительна. Каждая из карт состоит из двух половин: восточной

от реки Эдзин-Гол и озера Кукунор (меридиан 100) до середины Тяньшаня и до Тарбагатай (меридиан 84) — и западной — от 84 до 68 меридиана (долгота Ташкента). На карте нанесены горы (рисунком) и реки (двойной линией), причем довольно точно. Допущена только курьезная ошибка в масштабе: юго-восточный угол нанесен крупно, а по мере удаления масштаб мельчится. Это ошибка перспективы: предметы вдали кажутся меньше близких. В юго-восточном углу изображена часть среднего течения Эдзин-Гола и слияние рек Сулэхэ и Данхэ, впадающих в озеро Харанур. На юге протянута цепь гор — Наньшань и Алтынтаг; на севере соединены Бэйшань и Тяньшань, который назван также Циляншань. Нанесены оба больших озера Лобнор и Баграцкуль и впадающие в них Тарим и Кончедарья. Любопытно, что реки, чаще пересыхающие, показаны полноводными.

Действительно, в древности, когда климат Центральной Азии был более влажным, эта область могла прокормить большое количество населения. Реки аридной зоны, имеющие постоянный характер, не доставляли неприятностей обитателям их берегов. Кроме того, в предгорьях Алашаня и Наньшаня было много озер, хотя отчасти и зараставших камышом, но служивших прекрасными местами водопоя для скота. Озера эти питались горными ручьями и речками, такими, например, как Эдзин-Гол, Сулэхэ и Данхэ. Здесь развивались скотоводство, охота; эти занятия были не очень трудоемки и обеспечивали людей достаточным количеством мясной пищи.

Большую часть Западного края (Сиюй) занимала пустыня Такла-Макан, деля ее пополам: с севера и с юга ее окаймляли цепочки зеленых оазисов, питавшихся водой, сбегавшей с горных цепей. Крупнейшие из этих оазисов: Хотан, Таш-Курган и Яркенд — на юге и Хами, Турфан, Харашар, Куча, Курля, Аксу и Кашгар — на севере. На западе от Яркенда был перевал, который вел в Среднюю Азию, в благословенную Ферганскую долину; от Таш-Кургана высокий горный перевал вел в Ваханскую долину и в Афганистан, но этот путь был чрезвычайно труден, дорога шла по горным тропинкам и висячим мостам над пропастями, и поэтому ею редко пользовались. Самый

удобный путь на запад проходил через Джунгарские ворота, по северной стороне Тяньшаня. Это была та дверь, через которую Срединная Азия общалась с Казахстаном и Средней Азией, т.е. с западным миром.

После того как влажность в Центральной Азии упала на 100—150 мм, многие степные озера высохли, а ручьи ушли в недра земли под раскаленный щебень и песок пустыни Такла-Макан. Оскудела растительность Алашаньской степи, разбежались уцелевшие звери, и человек уже не мог там жить. Горячие вихри занесли песком руины крепостей и храмов, и теперь некоторые ученые даже не хотят верить, что здесь были цветущие места, где ключом была жизнь.

И ныне песчаная пустыня Такла-Макан — одна из самых страшных в мире. Раскаленные солнцем пески совершенно лишены растительности. Бури поднимают в воздух тучи песка и переносят его на огромные расстояния, резко меняя рельеф местности.

Одной из загадок этой удивительной страны является знаменитая Люкчунская впадина, лежащая ниже уровня моря, в которой расположен Турфанский оазис. Эта впадина открыта одновременно двумя экспедициями — М.В.Певцова и братьев Грумм-Гржимайло. Один из них так описывал ее: «Нет другого более знойного уголка в Центральной Азии, чем Турфанская область; зависит же это от орографических особенностей этой страны. В Притяньшанье господствуют два ветра: северо-западный, дующий преимущественно зимой и летом, и северо-восточный — осенью и зимой. От первого Турфан защищен снеговым массивом Богдо-ола, второй перекачивается свободно через пониженную часть Тяньшаня. Оттого климат Турфана очень сух и зимой сравнительно очень суров, а летом очень зноен. Крайности континентального климата здесь увеличиваются. Солнечные лучи всей своей силой накаляют горы Туз и Куш-тау и, отражаясь, значительно возвышают легкую температуру, которая и без того высока благодаря вечно безоблачному небу, чрезвычайной сухости воздуха и отрицательной высоте места»²⁹. Разность давления июля и января здесь равна 30 мм, т.е. наибольшая для всего Земного шара, а средняя температура июля очень близка к температуре Сахары. Воды также мало: на всю котловину четыре убогих ручья.

Казалось бы, в этой безотрадной долине не могла развиться никакая культура. Однако именно здесь существовала цитадель

особого восточного варианта среднеазиатской культуры. Г.Е.Грумм-Гржимайло доказал, что первые известные обитатели Турфанской котловины были восточные иранцы³⁰, вернее согдийцы, знавшие систему кыризного орошения и умевшие оживать пустыню. До Турфана китайцы смогли добраться лишь во II в. до н.э. и обнаружили там немногочисленный, но самостоятельный народ, который назвали чеши. Чеши и их потомкам принадлежит слава создания городов и храмов, которые ныне пленяют археологов. Однако чеши вряд ли обосновались бы в Турфанском оазисе, если бы там был современный климат. О его значительной влажности в прошлом говорит наличие большой высохшей реки и многих также высохших ручьев. Высохли они уже в историческое время, так как на берегу сухого русла стоят развалины буддийского монастыря³¹. Кроме того, Г.Е.Грумм-Гржимайло нашел к югу от дороги между Хами и Ничаном ряд тростниковых займищ, по-видимому, связанных между собой³². Приходится признать, что в условиях континентальной Азии климат играл роль гораздо более активную, нежели в прибрежной Европе.

Оседлые земледельцы устраивали свои поселения в небольших оазисах, например, Заднее Чеши у склона Тяньшаня, Пулий у озера Баркуль и т.д. Дикими и ненаселенными оставались сыпучие пески в Восточной Джунгарии.

Джунгарию и Семиречье китайские географы знали. На уже упомянутой китайской карте Сиюй (Западный край) изображен относительно точно. На север от Тяньшаня, в Джунгарии, показаны реки Манас и Урунгу, но монгольского Алтая нет. На юго-востоке месте озера Баркуль. На левой половине карты отмечены дополнительно точно притоки Тарима: Хотандарья, Яркенддарья, Кашгардарья и др. Показано скопление гор на месте Памира и там же истоки большой реки, очевидно, Пянджа, но продолжения его нет. К югу от Памира изображен, по-видимому, исток Инда, но весьма неточно. Западный Тибет не был изведен китайцами. Хребет Цунлин отмечен дважды. Он тянется в широком направлении и по расположению соответствует Алаю. Хотя Ферганская долина (Давань) отмечена, но Сырдарья почему-то нет. Чу показана вытекающей из озера Иссык-Куль. Ныне эта река теряется в песках, а на карте в этом месте помещено большое озеро. Река Или совершенно правильно показана впадающей в Балхаш. Этими пределами ограничивались сведения китайского картографа.

Что знали об этом крае западные географы? В «Географии» Птолемея содержатся сведения о «Скифии Заимайской», «Серике» и «Земле Саков», касающиеся тех самых территорий, которые описаны китайцами под названием Сиюй³³. Подобно китайскому картографу, Птолемей допустил одну ошибку: он считал, что Яксарт (Сырдарья) вытекает с Памира (Комедских гор), и поэтому загнул истоки Яксарта к югу, а Памир передвинул на запад, вследствие чего у него получился разрыв между Памиром и Имайскими горами, отделяющими восточную половину Средней Азии от западной³⁴. Только эта ошибка отличает его карту от современных. Названия географические и этнографические у греков и китайцев звучат по-разному, но поддаются отождествлению. В.В.Григорьев удачно сопоставил названия: Хата и Хотан, Сага и Согюй (Яркент), Хаса и Кашгар (хотя в китайской географии это название появляется только в VII в. н.э.), область Ауксайская и Аксу (китайское Выньсу). Опираясь на эти отождествления, В.В.Григорьев установил, что Исседон Серский соответствует городу Юйтянь, т.е. Хотану, Исседон Скифский — Куче, А Дмана — Карашару. Ему же принадлежит приоритет в сопоставлении фрунов Страбона и Дионисия Периегета и фруров Плиния с тибетцами-кянами, а ифагуров — с тохарами³⁵. По-видимому, совершенно правильно отождествление народа *конеедов*, помещенного Птолемеем к северу от Ауксайских гор (Тяньшаня), с усунями.

Совокупность сведений восточных и западных авторов позволяет нам восстановить этнографическую и политическую карту бассейна Тарима с достаточной для историка точностью³⁶. Край был населен очень редко. Оазисы, отделенные друг от друга пустынями, жили обособленной жизнью. До тех пор, пока китайцы не проложили Великий караванный путь, в Западном крае общение было затруднено. Это усугублялось еще этническим многообразием: кочевые племена были тибетского происхождения, полукочевые — жунского, оседлые земледельцы — тохары — говорили на индоевропейском языке, сходном с фракийско-фригийским и армянским, но на двух весьма несходных диалектах — северном в Турфане и южном в Куче и Карашаре. Тохарские тексты писались индийским алфавитом — брахми. В Хотане и прилегающих к нему с востока предгорьях Алгынтага говорили на архаическом восточноиранском языке, близком к сакскому³⁷. Китайцы считали, что хотанцы похожи на них³⁸, а тохаров относили к иному физическому типу, т.е.

к европеоидам³⁹. Такое этническое, языковое и культурное разнообразие мешало объединению страны, делало ее легкой добычей как для кочевой державы хуннов, так и для растущей китайской империи. Это учел и использовал император У-ди.

У ДИ И ЕГО ЗАДАЧИ

Глубокий перелом, который произошел при У-ди во внешней и внутренней политике Китая, был подготовлен всей историей предыдущих лет и определил катастрофу, наступившую через столетие. Он коснулся всех сторон жизни, но отчетливее всего для себя знал в области идеологии и внешней политики.

Мы уже видели, что реакция против централизаторской политики Цинь Ши-хуанди помогла династии Хань захватить престол. Ее первые представители осуществили чаяния своих сторонников. В качестве официальной идеологии была принята так называемая философская система Хуан-Лао — органическое сочетание воззрений, приписанных Хуан-ди — легендарному правителю древнейшего Китая, и великого Лао-цзы⁴⁰. Идеал этой системы был чисто эвдемонический — счастье человека, но оно мыслилось как приближение к покою, самодовольству и самоусовершенствованию. Во внешней политике это означало отказ от наступательных войн, во внутренней — сокращение числа законов, уменьшение налогов и терпимость к инакомыслию. Наиболее почетным членом общества, согласно Хуан-Лао, считался крестьянин. Именно его интересы предполагалось охранять, но, разумеется, императорская фамилия не забывала и себя. В соответствии с этими установками император Вэнь-ди (179—156 гг.) отменил привилегии ванов — феодальной аристократии, и власть была сосредоточена в руках государственных чиновников.

Но именно эта группа населения была враждебна духу Хуан-Лао. В самом деле, при свободе и экономической независимости населения чиновнику негде было развернуться. Все успешно развивалось: сельское хозяйство и ремесло, искусство и наука⁴¹, религия и магия, и все уходило из-под государственного контроля. Правительство знало, что в стране таятся колоссальные силы, но не могло мобилизовать их на решение государственных задач. А задачи возникали, и рост национального богатства увеличивал необходимость поисков решений. Легкие победы на юге, востоке и западе окрылили У-ди и его окружение. В то

самое время, когда на Западе Сципион и Марий железной рукой построили «рах Романа», на Востоке совершенно самостоятельно возникла идея установить «рах Sinica». Тут система Хуан-Лао оказалась не только негодной, но прямо вредной.

Как только ошутилась необходимость в мобилизации ресурсов, была отброшена традиция Лао-цзы, который считал финансовую деятельность правительства общественным злом: «Народ голодает оттого, что слишком велики поборы и налоги»⁴². Китайское правительство обратилось к системе Кун-цзы. Дело в том, что кадры чиновников вербовались из людей образованных, а китайская интеллигенция издавна была в орбите конфуцианских идей. К тому же учение о священном долге служения государству как нельзя более отвечало настроениям правительства. У-ди запретил все философские системы, кроме конфуцианства, и одновременно начал борьбу против старых религиозных традиций. Он увеличил налоги — на полученные доходы содержалась большая армия, умножил число законов. Жизнь населения ухудшалась. Возросло количество преступников, которых под названием «молодые негодяи» отправляли служить в армию.

Вместо астрологии начала развиваться история. Проводились поиски старых книг, комплектовались библиотеки, для них составлялись обширные каталоги, началось критическое изучение и сличение текстов. История — краеугольный камень конфуцианства, ибо она воспитывает национальную гордость и патриотизм. Начали поговаривать о возвращении к системе колхозных полей и налоге на богатых, но это У-ди не решился осуществить. Еще резче был поворот во внешней политике и военном искусстве, но об этом ниже.

У-ди имел сторонников в лице легистов, которые указом 141 г. до н.э. лишены были права служить на государственной службе⁴³, однако сумели перестроиться и найти для себя применение. «На грани II и I вв. до н.э. у власти стоял Сан Хун-ян со своими приспешниками. Это был легист новой формации»⁴⁴. Его клика по-своему использовала древний экономический трактат «Гуань-цзы», в котором предлагалось уничтожить все налоги на население, заменив их правительственной монополией на соль и железо. Сан Хун-ян и его сторонники в целях обогащения казны сохранили всю систему обложения, добавив к ней доходы от соли и железа⁴⁵. Это вызвало оппозицию со стороны ортодоксальных конфуцианцев, уже после смерти

У-ди нашедшую отражение в диспуте «Об управлении соли и железа». Диспут состоялся в 81 г. до н.э., после того как неумеренная погоня за прибылями привела к тяжелому экономическому кризису.

Победа над хуннами сулила Китаю значительное политическое и экономическое усиление⁴⁶, и деньги для этого изыскивались всеми способами.

Существует мнение, что внешняя политика У-ди «отвечала интересам рабовладельцев и развившегося товарного производства»⁴⁷. Китайские ученые Го Мо-жо и Фань Вэнь-лань отрицают наличие рабовладельческого строя в ханьское время, но признают, что рабов в Китае было много — как казенных, так и частных. Использовались они главным образом как прислуга. Раб стоил больше, чем вол, но дешевле коня⁴⁸. Го Мо-жо указывает, что ряды рабов пополняло разоренное крестьянство, продававшее своих детей купцам, ростовщикам и крупным землевладельцам⁴⁹. Конечно, наряду с китайцами рабами становились военнопленные, например хунны, однако реляции о военных успехах не говорят о значительных захватах людей. В самом деле, насколько легко было отбить стадо тихоходных баранов, настолько трудно было захватить верховых пастухов. Го Мо-жо отмечает, что захват хуннов в плен расценивался как заслуга, за которую прощалось преступление, влекшее смертную казнь⁵⁰.

Признавая войны императора У-ди наступательными, мы считаем, что они возникли в результате усложнения политической ситуации, определявшейся бурным развитием экономических возможностей Китая. Если бы накопленные в Китае силы не были направлены вовне, то они могли бы проявиться стихийно внутри страны. Почва для сепаратизма в стране с натуральным хозяйством есть всегда. Разнообразие философских систем, т.е. мировоззрений, усиливало рознь, и честолюбцы не могли использовать ситуацию в своих целях. Если бы У-ди не затеял внешние войны, в Китае могли возникнуть внутренние; если бы «молодые негодяи» не отправлялись в далекие походы, они совершали бы преступления у себя дома. Путь завоеваний был подсказан той самой логикой событий, которая раньше обеспечила победу миролюбивой идеологии Хуан-Лао. И надо признать, что У-ди не заблуждался, считая свои силы огромными. Но правильно ли он оценил своего противника, покажет дальнейшее изложение событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 62.
- ² Li H. Die Geschichte des Wasserbaues in China // Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie. Bd. I Berlin, 1931—1932. S. 59—73.
- ³ Бог рек.
- ⁴ Название реки.
- ⁵ Из истории науки и техники Китая. М., 1955. С. 21.
- ⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 107.
- ⁸ Это, несомненно, преувеличение, надо понимать «очень много».
- ⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 66.
- ¹⁰ В связи с ростом крупного землевладения в Китае появилось множество обезземеленных крестьян. Ханьское правительство предоставляло им земли на границе с обязательным несением военной службы (см.: Хэ Цзиюань. Краткий очерк истории Цинь Хань // Реферативный сборник. 1956. № 17. С. 162.
- ¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.
- ¹² Там же. С. 69.
- ¹³ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 18.
- ¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 68.
- ¹⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 15.
- ¹⁶ Войска пополнялись преступниками, которым смертная казнь заменялась военной службой (*Gibert L. Dictionnaire historique et géographique de Mandchourie. Hongkong, 1934. P. 867*).
- ¹⁷ Г.В.Вернадский производит название «Яньцай» от тохарского слова «ант» — равнина (*Vernadsky G.W. Ancient Russia. New Haven, 1952. P. 82*).
- ¹⁸ Луций Анней Флор. История. М., 1792. Т. II. С. 34; Т. IV. С. 12.
- ¹⁹ Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953. С. 427.
- ²⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 158.
- ²¹ Там же. С. 166.
- ²² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. Прим. к карте I.
- ²³ Там же (это общепринято, но неверно).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Томсон Дж.О. История древней географии. С. 259, рис. 15.
- ²⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 166.
- ²⁷ Штейн В.М. Из истории сношений между Китаем и Индией // Советское востоковедение. 1957. № 6. С. 65—73.
- ²⁸ Там же. С. 159.
- ²⁹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. М., 1948. С. 208.
- ³⁰ Там же. С. 212.
- ³¹ Там же. С. 218.
- ³² Там же. С. 219.
- ³³ Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. С. 57—78 (Приложена карта Птолемея).
- ³⁴ Там же. С. 61—63.
- ³⁵ Там же. С. 70—72.

- ⁷⁷ Там же. С. 40—41.
- ⁷⁸ Giroussset R. Histoire universelle. Т. I. P., 1956. P. 212—215 (Приведена библиография).
- ⁷⁹ Вигурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 246.
- ⁸⁰ Вишневецкий Б.Н. К антропологии древнего населения Восточного Туркестана // Казанский музейный вестник. 1921. №1—2. С. 99.
- ⁸¹ См.: Конрад Н.И. Начало китайского гуманизма // Советское востоковедение. 1957. №3. С. 74, 79.
- ⁸² Особенно преуспевали астрология, астрономия и медицина (был открыт способ борьбы с тифом).
- ⁸³ Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950. С. 72.
- ⁸⁴ Fung Yu-lan. A short history of Chinese philosophy. New York, 1948. P. 213.
- ⁸⁵ Штейн В.М. Политико-экономический трактат древнего Китая «Гуань-цзы» // ВДИ. 1957. №1. С. 52.
- ⁸⁶ Там же. С. 61.
- ⁸⁷ В оценке действий У-ди современные китайские историки придерживаются разных точек зрения. Так, Цзи Юн считает все войны, ведшиеся против хуннов, оборонительными (Реферативный сборник. 1956. №15), а Дэн Чжи-чэн полагает, что У-ди начал серию наступательных войн [История Китая на протяжении двух тысяч лет. Шанхай, 1954 (см.: Реферативный сборник. 1956. №13. С. 146)].
- ⁸⁸ Симоновская Л.В., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф. Очерки истории Китая. М., 1956. С. 28.
- ⁸⁹ Го Мо-жо. Эпохи рабовладельческого строя. М., 1956.
- ⁹⁰ Там же. С. 91.
- ⁹¹ Там же. С. 86.

VIII. «Небесные кони»

КИТАЙСКОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ НА ЗАПАД

Несмотря на успехи, достигнутые на юге (Индокитай) и на востоке (Корея), У-ди должен был признать, что главнейшая проблема — хуннская — отнюдь не разрешена. Колоссальным напряжением сил была создана полевая армия; она одерживала победы, захватывала пленных, покоряла земли, но хуннская держава была по-прежнему неуязвима и в любой момент могла перейти в контрнаступление. Причин к этому было несколько, и одна из них лежала в военной технике Китая. Для полевой войны У-ди создал большое конное войско, но китайская лошадь, малорослая, слабосильная, тихоходная и маловыносливая, не могла равняться с крепкой неприхотливой хуннской лошадейю.

Военная тактика в I в. до н.э. переживала настоящую революцию. На западе парфяне и сарматы ввели в употребление тяжелую кавалерию. Тело всадника и коня покрывал чешуйчатый панцирь, голову защищал высокий остроконечный шлем. Всадник получал на вооружение длинную тяжелую пику и двуручный меч. Воины, вооруженные таким образом, строились в линию и сметали толпы легковооруженных противников. Так, сарматы легко расправились со скифами в черноморских степях, а парфяне остановили продвижение римских легионов, отбросив их от Тигра к Евфрату. Но для того, чтобы иметь такое войско, нужно было приобрести соответствующих лошадей.

Чжан Цянь рассказал императору У-ди, что в стране Давань

(Фергана) есть «добрые лошади (аргамаки), которые происходят от небесных лошадей и имеют кровавый пот». Происхождение их описывается следующим образом: «В даваньском владении находятся высокие горы. На этих горах водятся лошади, которых невозможно достать: почему выбирают пятишерстных, т. е. пестрых, кобылиц и пускают при подошве гор — для случки с горными жеребцами. От сих кобылиц рождаются жеребята с кровавым потом, и по сему называются жеребятами породы небесных лошадей»¹. У-ди решил во что бы то ни стало добыть из Давани жеребцов-производителей и развести в Китае «небесных лошадей».

Но даваньцы сами весьма ценили аргамаков и отнюдь не стремились снабжать ими Китай, которого они не без основания опасались. Повышенный интерес Китая к западным странам показался там весьма подозрительным. Сначала китайские посольства комплектовались почтенными чиновниками, а потом в них стали набирать людей «без разбора состояний», что вело к расхищению подарочных вещей². Местные жители принимали их недружелюбно³. Летучие отряды хуннов то и дело нападали на посольства. Prestиж Китая, столь необходимый ему, падал.

Ижан Цянь представил императору остроумный план борьбы с хуннами: он предложил привлечь на сторону Китая усуней, опираясь на них, «склонить в подданство Даха (Бактрию) и другие владения на западе» и этим отсечь «правую руку усуней»⁴. Но усунь по образу жизни определенно тяготели к хунну, а согдийские владетели несравненно приветливее принимали хуннских послов, нежели китайских. Для того чтобы подействовать на них, Китаю необходимо было продемонстрировать военную мощь, а для этого нужно было добыть в Давани «небесных коней». Создавался порочный круг.

В 105 г. китайский посол Че Лин пытался приобрести за золото и серебро несколько жеребцов, но получил категорический отказ. В досаде он обругал даваньских старейшин, «толкнул золотого коня» и ушел. Оскорбленные даваньцы напали на его караван, вырезали посольство и овладели товарами. Тогда У-ди перешел к решительным действиям.

После ухода Хуньше-князя степи между Ордосом и Лобно-... оставались пустыми. Хотя верховная власть здесь принадлежала китайцам, они не имели средств для ее поддержания и... ния хозяйничавших там тангутов. Базой последних было

небольшое полузависимое (от Хунну) княжество Шаньшань, расположенное неподалеку от юго-восточного берега озера Лобнор. Шаньшань было владение маленькое, всего 14 100 душ, из них 2 912 человек строевого войска, но жители его считали грабеж караванов нормальным источником дохода. Китайский посол Ван Кай был ограблен шаньшаньцами, и это побудило У-ди принять меры против них. В 108 г. полководец По-ну с конницей из зависимых владений пошел против княжества Гуши (Чеши). По дороге с отрядом из 700 легковооруженных всадников он завернул в Шаньшань и захватил его владетеля. В Китае владетелю сделали выговор и отпустили, с тем чтобы он отдал сына в заложники и заплатил дань. Хунны, узнав об этом, поставили в Шаньшани гарнизон и взяли в заложники другого сына владетеля. У-ди вызвал к себе для объяснений злосчастного владетеля, а тот сказал: «Небольшое государство, находящееся между двумя сильными державами, если не будет подчиняться обоим, не сможет наслаждаться спокойствием». У-ди посмеялся и отпустил его, не сочтя Шаньшань достойным завоевания.

Княжество Гуши, расположенное в плодородной долине, было связано с Хунну тесными экономическими узами. Хунны отсюда черпали необходимые им предметы ремесла и продукты земледелия и рассматривали Гуши как свой опорный пункт в Синьцзяне. После разгрома Гуши военачальником По-ну оно сменило название на Чеши; это, видимо, означало смену династии. Однако удерживать завоеванные земли китайцы не могли. Цель у них была одна: поднять свой престиж, нагнать страх на Усунь и Давань⁵. После военных мероприятий У-ди перешел к дипломатическим: старый опытный Чжан Цянь был направлен послом в Усунь. Он предложил престарелому гуньмо (титул усуньского правителя) взять в жены китайскую царевну и переселиться в очищенные от хуннов земли на правах китайского вассала. Гуньмо царевну принять согласился, но от переселения с цветущего Тяньшаня в голую Алашаньскую степь категорически отказался. Во время пребывания в Усуни Чжан Цянь увидел, что среди усуньской знати нет ни дисциплины, ни единомыслия. Средний сын гуньмо, Далу, ненавидел наследника престола, своего племянника, и дряхлый гуньмо выделил им обоим по 10 000 конницы в удел. Это вызвало в стране беспорядки, но пока старый гуньмо был жив, они не перерастали во внутренние войны.

Усунь была стратегически необходима и для китайцев, и для хуннов. В 107 г. специальное посольство привезло китайскую княжну (которой был пожалован титул царицы) с колесницами, туалетами, евнухами, чиновниками и служанками. Одновременно прибыла дочь хуннского шаньюя с юртами, баранами, свитой и подружками. Гуньмо взвесил все и принял хуннскую царицу старшей, а китайскую — младшей женой. Китайка видела своего мужа раз в три месяца; гуньмо пировал у нее, принимал подарки и больше не интересовался ею. Наконец он выдал ее замуж за своего внука. Бедняжка возмутилась, но из Китая пришел приказ поступать по обычаям страны. Родив новому супругу дочь, китайская царица умерла от тоски по родине. Но и после ее смерти продолжала существовать образовавшаяся прокитайская группировка, которая поддерживала планы У-ди на западе. Как база для задуманного предприятия была построена крепость Юймыньгуань (на западном конце Великой стены).

УШИЛУ-ШАНЬЮЙ

Вступивший на престол в 105 г. шаньюй Ушилу «был молод и склонен к буйству и войне»⁶. У-ди прислал к нему посольство для утешения после смерти отца и одновременно послал другое посольство к западному чжуки-князю, «предполагая сим поселить несогласие» среди хуннских князей. Но второе посольство также было доставлено к новому шаньюю, интрига раскрылась, и разгневанный шаньюй задержал послов. Это был повод к возобновлению военных действий, однако китайцы были заняты на западе, а силы хуннов подкосила многоснежная зима, вышедшая падеж коней. Этой задержкой воспользовались некоторые хуннские вельможи, сторонники соглашения с Китаем. Вот когда начали сказываться последствия увлечения китайской роскошью, дефежа награбленных товаров и привычки к винам, лакомствам и пряностям.

Во главе прокитайской партии стал восточный великий луюй. Он отправил в Китай лазутчика и сообщил, что хочет убить шаньюя и перейти на сторону Китая, но приступит к исполнению этого плана не раньше чем ему пришлют войско для поддержки.

У-ди ухватился за это предложение, и немедленно в степи была поставлена крепость Шеусянчен — база для предполагае-

мого похода. Весной 103 г. полководец По-ну с 20-тысячным войском выступил из Ордоса и в обусловленный срок пришел к горам Сюньги (в Бэйшане) для встречи с великим восточным дуем, но было уже поздно: заговор был раскрыт, и дуюй казнен. Хунны окружили китайский корпус. В поисках воды По-ну ночью выехал из лагеря и был схвачен хуннским разбегом. Вслед за тем хунны напали на деморализованное потерей вождя китайское войско и принудили его к сдаче. Ушилу немедленно перешел в контрнаступление. Часть его армии осадила Шеусянчен, но хунны не умели брать крепости и быстро сняли осаду; другая часть совершила набег на пограничные районы Китая и, ограбив их, беспрепятственно ушла. Казалось, возвращались времена Модэ и Лаошаня. Ушилу начал приготовления к осаде и ликвидации крепости Шеусянчен, но внезапно заболел и умер, оставив младенца-сына. Тогда «хунны шаньюем поставили Гюйлиху», дядю Ушилу-шаньюя⁷, который был так же враждебен Китаю, как и его племянник.

ПЕРВЫЙ ПОХОД В ДАВАНЬ

У-ди был человеком упорным, и возросшая активность хуннов не отвлекала его от разрешения западной, согдийской, проблемы. Убийство посла нельзя было оставить без внимания, лошадей добыть было также необходимо. Военные возможности Согдианы расценивались китайцами весьма низко. Один из бывших там посланников в докладе императору заявил, что «если послать 3 000 китайских войск, вооруженных тугими самострелами, то они завоюют всю Давань»⁸.

Уверенность в слабости противника была причиной того, что подготовка к экспедиции велась с изумительным легкомыслием. Начальником был назначен Ли Гуан-ли, родственник фаворитки императора. Войско состояло из иноплеменной пограничной конницы (6 тыс.) и нескольких десятков тысяч китайских «молодых негодяев». Часть войска, укомплектованная этими преступниками, была вовсе не обучена и не подготовлена к походу. О снабжении солдат тоже не позаботились, полагая, что «молодые негодяи» сумеют сами себя прокормить. Целью похода было достижение города Эрши (Ура-Тюбе) в Ферганской долине и добыча там аргамаров. Неудачи начались еще до выступления за границу. Весной 104 г. налетела саранча, которая уничтожила всю траву от Шаньси до Дуньхуана.

Надежда на подножный корм не оправдалась, и кони отошали в самом начале похода.

Когда китайская армия вступила в пределы области свободных городов, то все они заперли ворота и отказались отдать свои запасы хлеба и винограда на пропитание «молодых негодяев». Томимые голодом китайцы начали осаждать один город за другим, но для того чтобы захватить амбары, они должны были сломить отчаянное сопротивление жителей. Жители еще не взятых городов, узнав о приближении врага, бежали в горы, оставляя в добычу китайцам пустые глиняные мазанки. Недоедание и утомление уменьшили численность китайской армии, и когда Ли Гуан-ли подошел к городу Ю (Узген), в котором был убит посол, у него оставались лишь несколько тысяч боеспособных солдат. Ю взяли приступом и вырезали большую часть населения, но о дальнейшем продвижении не приходилось и думать. Обратный путь был не менее тяжелым, и на родину, в Дуньхуан, вернулась лишь пятая часть людей, еле живых от голода и усталости. Поход продолжался два года (104—103 гг. до н.э.).

ВТОРОЙ ПОХОД В ДАВАНЬ

У-ди был крайне разгневан неудачей западного похода. Он объявил, что каждый воин, осмелившийся вернуться в Юймынь (т.е. в пределы Китая), будет обезглавлен. В совете министров предлагали бросить даваньскую затею, а все силы двинуть против хуннов, но У-ди, опять-таки из соображений престижа, приказал готовить новый поход.

Для начала он простил вернувшихся воинов, ждавших под стенами крепости дальнейших приказов, и предал суду советников, рекомендовавших воздержаться от похода. Затем в Дуньхуан была направлена пограничная конница и пополнение из «молодых негодяев». Через год на запад выступила 60-тысячная армия, в изобилии снабженная оружием и продовольствием. Запасы армии везли на 100 тыс. быков, 30 тыс. лошадей и 10 тыс. ослов. В армию также были взяты мастера для осадных работ и коневоды для отбора жеребцов. Для предохранения армии от фланговых ударов хуннов были специально построены и заняты гарнизонами две крепости, прикрывавшие степь между Ордосом и Лобнором. 180-тысячная армия вела действия против хуннов и парализовала их.

Гюйлиху-шаньюй, конечно, узнал о попытке китайского императора проникнуть в Согдиану, находившуюся до сих пор в сфере хуннского влияния. Он не мог с этим примириться и стремился помешать вторичному западному походу¹⁰. У-ди, со своей стороны, предугадал планы врага и заблаговременно к ним подготовился. По предписанию китайского двора была выдвинута в степь укрепленная линия протяженностью в тысячу ли (около 500 км). Она состояла из земляного вала с крепостями и караульными помещениями, при которых находились башни (в форме усеченной пирамиды) для сигнальных огней.

Это не помешало хуннам осенью 101 г. ворваться в Китай, произвести грабежи и убийства, угнать несколько тысяч пленных и на обратном пути разорить все крепости и притины (сторожевые вышки), построенные китайцами. Опять огромные затраты китайской империи пошли на ветер, но все-таки уничтожение ее линии укреплений отвлекло хуннов от прямого вмешательства в западный поход. Зимой они опять пробовали осадить Шеусянчен. В это время Гюйлиху-шаньюй заболел и умер. Военная партия хуннов лишилась своего главы.

ОСАДА ГУЙШАНА

Даваньский владетель Мугуа и его приближенные также недооценили силу и энергию Китая. «Китай удален от нас, — говорили они, — на севере угрожают им набеги хуннов, на юге недостаток в траве и воде, сверх сего, по малонаселенности около дороги, части нуждаются в съестных припасах. Китайский посланник имеет при себе свиту из нескольких сот человек и всегда терпит недостаток в пище, так что более половины людей погибает от голода. Каким же образом большое войско может дойти сюда?»¹¹ Ли Гуан-ли учел опыт предыдущего похода и направил свое войско двумя дорогами: северной и южной. Южная дорога шла от озера Лобнор на Хотан, Яркенд и оттуда на Фергану. Путь этот был тяжок: по левую сторону высились зубцы Алтынтага, по правую — расстилались пески пустыни Такла-Макан. Поселений по пути было мало, мало было и травы, но эта дорога была безопасна, хунны не могли добраться до нее. Северный путь шел от Хами через Карашар и Кучу на Кашгар вдоль южных склонов Тяньшаня. Здесь оазисы были богаче и многолюднее, но надо было все время опасаться нападения хуннов.

Размах предприятия так поразил воображение владельцев княжеств, расположенных на пути армий, что они предпочли собрать для китайцев провиант, не вступая в конфликт. Только город Луньту (Бугур, в 680 ли к западу от Карашара) заупрямился. Он был взят приступом, и все жители убиты.

После этого китайцы спокойно добрались до Давани. Даваньцы выступили им навстречу, но были разбиты и укрылись за стенами своей столицы, которую китайцы называли Гуйшан¹² (Кушан). Ли Гуан-ли немедленно приступил к осаде. Китайские инженеры отвели воду, и согдийцы стали страдать от жажды. После сорокадневной осады китайцы проломли внешнюю стену и ворвались в город. Многие предводители даваньцев пали в битве или попали в плен; в числе их был сам Мугуа. Остальные заперлись в цитадели и вступили в переговоры с китайцами. Они предложили выдать аргамаков и снабдить войско съестными припасами, но с тем чтобы китайцы ушли. В противном случае они угрожали перебить аргамаков и биться насмерть, ожидая помощи из Кангюя.

Действительно, передовые разъезды кангюйцев уже начали появляться вокруг китайского лагеря, и затягивать дело было неблагоприятно. К тому же Ли Гуан-ли получил сведения, что в крепости есть инженеры из Дацинь (Рим и Греция), умеющие копать колодцы, и что там много съестных припасов. Взвесив все обстоятельства, китайцы приняли условия: взяли несколько десятков аргамаков и 300 кобыл, назначили даваньским правителем вельможу Моцяя и пошли в обратный путь.

Вторая колонна действовала менее успешно. Тысячник Ван Шэнь-шэн подошел к городу Ю, у которого с китайцами были старые счеты, и потребовал продовольствия. Жители города в сумерки напали на китайцев и уничтожили весь отряд. Только несколько человек спаслись и бежали к Ли Гуань-ли. Он немедленно направил туда карательный отряд, который взял Ю. Цитадель убежал в Кангюй, но был выдан китайцам и убит. Книжкой стремился избежать конфликта. Престиж китайского оружия был восстановлен. Все мелкие владельцы на пути следования китайской армии отправили заложников в Китай. Усуньский гуньмо выставил 2 тыс. всадников, но не решился на войну. В Китае праздновали победу, и десять посольств были посланы для разглашения ее по всему свету. Ли Гуан-ли получил княжеское достоинство и титул «Эршиский полководец». Поход закончился в 101 г. до н.э. Любопытно отметить, что в

101 г. впервые столкнулись Эллада и Китай, ранее лишь слышавшие друг о друге. Мы не знаем, кто были «дациньские» инженеры, копавшие колодцы в осажденном Гуйшане. Скорее всего это были всюду проникавшие греки, в лице которых китайцы натолкнулись на далекий западный мир.

тяготы войны

Поход в Давань обошелся Китаю очень дорого. Из 60 тыс. человек, вышедших в поход в 102 г., вернулась в 101 г. 10 тыс., а из 30 тыс. лошадей — всего тысяча. И это несмотря на то, что армия была полностью снабжена и в сражениях не было больших потерь. Предводители и чиновники не жалели воинов и в походе все отнимали у них, отчего много людей погибало¹³. Взятничество, поборы и притеснение народа бюрократией подрывали мощь Ханьской династии. Результаты походы оказались крайне скромными, несмотря на все усилия правительства раздуть их. Немедленно по уходе китайского войска из Давани ставленник Китая Моцай был убит «с общего согласия», и на его место был возведен брат погибшего Мугуа — Чань Фын. Китайцам пришлось согласиться с этим и признать нового владетеля¹⁴. Напуганные походом Ли Гуан-ли, владетели Западного края признавали власть Китая, и китайские военнопоселенцы и чиновники появились в Бугуре и Кюйли¹⁵, но удержать северный путь китайцы не сумели: их немедленно вытеснили хунны. В руках Китая остался южный путь, который у него никто не оспаривал.

Новые приобретения имели только стратегическое значение, так как линия крепостей отрезала хуннов от кянов и малых юэчжей¹⁶, но потери не оправдывали результатов¹⁷. Главным врагом Китая по-прежнему оставались хунны. Хотя полевая армия китайцев нанесла им много поражений и оттеснила их от границ страны, живая сила противника оставалась грозной, и смертельный поединок еще не окончился. Между тем в самом Китае было неблагополучно. Войны поглощали огромные средства, повинности и налоги возрастали. Все расходы правительства ложились на плечи крестьян. Крестьяне разорялись, что влекло за собой увеличение преступности. «К сему присоединились неурожайные годы, возникли разбои, и дороги сделались непроходимыми»¹⁸. Как уже отмечалось, пополнение в войска набиралось среди преступников, что понижало дисцип-

лину армии, а следовательно, и ее боеспособность. Китайские политики впоследствии невысоко расценивали деятельность У-ди, отмечая, что, несмотря на все напряжение сил, империя не одержала окончательной победы и не прекратила бедствий войны¹⁹. А тем временем хунны копили силы и готовили ответный удар.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 149.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 159.

⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 71.

⁷ Там же.

⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 162.

⁹ Там же. С. 164.

¹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 72.

¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 162.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Там же. С. 167.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 171.

¹⁶ Там же. С. 213.

¹⁷ Это отмечал много лет спустя Ли Бо. В стихотворении «Луна над горной пещерой» он описал сложившееся положение так:

«Здесь над Ханьской дорожкой горы нависли в упор,
Хунны здесь проходили к озерной воде Кукунор,
И по этой дороге бойцы уходили в поход.
Но домой не вернулись — как ныне никто не придет.
Те, кто временно здесь, да и весь гарнизон городской —
Все горюют о родине, глядя на север с тоской».

(Антология китайской поэзии. М., 1957. С. 106.
Перевод А.И.Гитовича).

¹⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 214.

¹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

IX. Бой насмерть

НЕУДАВШИЙСЯ ЗАГОВОР

В то время когда У-ди тратил силы в борьбе на юге, востоке и западе, хуннские полководцы готовились к бою. Для них не было секретом, что главная цель китайского императора — сокрушение их могущества. Талантливый и энергичный вождь хуннов Гюйлиху-шаньюй неожиданно умер, и наследником престола опять оказался младенец, внук покойного. Но время требовало энергичного правителя, и хуннские старейшины вернулись к старой системе выборов. В 101 г. был избран один из низших принцев крови — младший брат великого восточного дуюя — Цзюйдихэу.

Став шаньюем, Цзюйдихэу сделал попытку договориться с У-ди. Он отпустил всех задержанных послов, пожелавших вернуться. Тогда У-ди послал посольство с богатыми дарами и предписанием принять шаньюя в подданство. Но когда китайское посольство появилось в ставке шаньюя, то весь церемониал приема показал, что о подданстве не могло быть и речи; шаньюй хотел паритетного договора «мира и родства». Переговоры были прерваны. В неудаче переговоров китайские послы обвинили Вэй Люя, фаворита и фактического главу правительства Цзюйдихэу-шаньюя. Вэй Люй был хунн, воспитанный в Китае. Однажды, когда он был отправлен в Хунну как член китайской дипломатической миссии, он поддался голосу крови и, порвав связи с Китаем, вернулся к своему народу. Так как он

хорошо знал Китай и был значительно более образован, чем его сородичи, то быстро сделал блестящую карьеру и оставался до конца своих дней первым советником хуннских владык. Разумеется, он не был согласен на мир, предложенный Китаем, так как одним из условий этого мира была выдача перебежчиков.

Раздраженные провалом переговоров, члены китайского посольства попытались организовать заговор в среде хуннской знати. Целью было убийство Вэй Люя и похищение умной и энергичной жены шаньюя, чтобы тем самым заставить последнего принять китайские условия. Но заговор был раскрыт. Возмущенный шаньюй приказал казнить непосредственных участников, а прочим членам китайского посольства было предложено для сохранения жизни вступить в хуннское подданство, «добровольно» отречься от своей родины. От этого предложения отказался только один глава посольства Су У, вследствие чего он упоминается в позднейшей китайской литературе как образец верности и мужества. Однако хунны его не казнили, но отправили в далекую ссылку в Сибирь. Там он бедствовал 19 лет, пока не дал знать о себе в Китай, где его уже считали погибшим. По легенде, он написал письмо на крыльях перелетного гуся, которого в Китае подстрелил охотник, и, когда письмо было доставлено ко двору, император добился возвращения пленного посла.

Провал посольства привел в ярость У-ди, и снова вспыхнула война¹.

Капитуляция Ли Лина

В 99 г. полководец Ли Гуан-ли выступил в поход с 30 тыс. конников. У восточных отрогов Тяньшаня, около озера Баркуль, он напал на ставку западного чжуки-князя и захватил множество пленников: стариков, женщин и детей. На обратном пути хунны окружили его войско, и ему пришлось, бросив добычу, пробиваться сквозь окружение. Во время отступления Ли Гуан-ли потерял 7 тыс. человек убитыми и едва спасся. Поход нельзя было считать удачным. Другой полководец, вышедший в степь, вообще не нашел хуннских кочевий и вернулся ни с чем. Третий — Ли Лин — с 5 тыс. отборной пехоты дошел до гор Тяньшаня и попал в окружение. Сам шаньюй с 30 тыс. конных отрядов атаковал лагерь Ли Лина. В рукопашной схватке «молотом негодяя» одержали победу, хунны были отброшены, но

шаньюй подтянул новые войска. Ли Лин начал отступление на юг. Китайцы шли по безводной степи; хуннские всадники настигали их; пернатые стрелы с пронзительным свистом мелькали на солнце и находили все новые и новые жертвы. Китайцы, подбирая хуннские стрелы, стреляли с колена, и часто хуннские кони с подстриженными гривами уносились в степь с опустевшим седлом. Бой шел несколько дней, но каждый шаг приближал китайцев к границе, сулившей им жизнь и свободу.

Шаньюй, видя стойкость китайцев, опасался, что они заманивают его в засаду, но когда один офицер из китайского арьергарда отстал, был схвачен хуннами и на допросе сообщил шаньюю, что отряд Ли Лина одинок, хунны усилили нападение. Китайцы издержали все стрелы, и Ли Лин, видя невозможность дальнейшего сопротивления, отдал последний приказ: «Спасайся кто может», — а сам сдался хуннам или, может быть, был достигнут ими и обезоружен².

Цзюйдихэу показал себя не только умным политиком и храбрым полководцем, но и благородным человеком. Он не убил Ли Лина, а женил его на своей дочери, дал ему в управленческие область и племя хагасов и наградил титулом западного чжунки-князя³. Ли Лин стал служить верой и правдой новому господину. На родине его ждала казнь, он был осужден заочно по китайскому закону, приравнивавшему сдачу в плен к измене. Потомки Ли Лина и хуннской царевны правили наследственно у хагасов. С этого времени среди хагасов появились черноволосые и черноглазые люди; хагасы считали их потомками Ли Лина. Дворец Ли Лина обнаружен нашими археологами в Минусинской области: это небольшое строение китайской архитектуры, дверные ручки изображают рогатых демонов и сделаны довольно искусно⁴.

Капитуляция произвела в Китае удручающее впечатление. Император распорядился произвести расследование и покарать виновника. Казалось бы, отвечать должен был главнокомандующий, т.е. Ли Гуан-ли Эршицкий, но благодаря своим придворным связям последний отвел от себя опалу и к смерти приговорили мать Ли Лина⁵. За старушку вступился ученый Сыма Цянь, попытавшийся доказать невиновность ее сына и безвыходность его положения, но этим он бросил тень на Ли Гуан-ли, о чем и повествует он сам: «Просвещенный государь не понял меня, решив, что я желаю испортить карьеру полководцу Эр-ши и выступаю в роли наемного ходатая Ли Лина. И вот

меня предали суду... Сочли, что я обманул царя»⁶. Историка присудили к кастрации и тюремному заключению. Это случилось в январе 98 г.

Однако через два месяца Сыма Цянь был не только освобожден, но и назначен чжуншулином, т.е. правителем императорской канцелярии, с правом входить в любое время с докладом к императору. Это было огромное повышение. Надо полагать, что не только личные достоинства Сыма Цяня были причиной такого радикального изменения его судьбы. Очевидно, при дворе была группа, связанная с ним и враждебная фамилии Ли Гуан-ли. При любом дворе идет борьба клик за влияние, и вряд ли китайский двор представлял исключение. Помимо этих общих соображений, можно предположить следующее: среди придворных У-ди была заметна борьба идеологических течений — воинственных конфуцианцев и вдумчивых последователей Лао-цзы. Сыма Цянь был из числа последних. Он, принимая деятельное участие в литературной полемике с конфуцианцами, ядовито отмечал: «У конфуцианцев слишком обширная ученость, но недостаточное проникновение в сущность явления, и в результате нужно затратить много труда, чтобы понять их, но успех будет небольшой»⁷. В противовес он выставлял принципы Лао-цзы и восхвалял их: «Дао мутнее мутного, темнее темного, но оно озаряет сиянием всю Поднебесную и во всех проявлениях не имеет названия»⁸ или: «У них (даосистов. — Л.Г.) нет рецептов на все случаи жизни. Они усложняются действовать одним способом, а в ходе дела прибегают к другому. Вот поэтому они, не затрачивая больших усилий, добиваются огромных успехов»⁹. Действительно, друзья Сыма Цяня и противники Ли достигли огромной победы. Сыма Цянь сопровождал императора на гору Тайшань для принесения жертвы богам неба и духам земли. Под его наблюдением оказались доклады императору и указы. Конфуцианским сторонникам продолжения войны до победного конца была отвлечена только военная подготовка к новому походу. Они вложили в это предприятие всю энергию, так как только победа могла закрепить за ними власть и влияние на императора, который страстно хотел реванша, а для Сыма Цяня и его сторонников означала бы опалу и ссылку.

Как увидим ниже, дорого заплатила фамилия Ли и весь Китай за жизнь старушки и оскорбление ученого.

В 97 г. Ли Гуан-ли Эршиский выступил из Ордоса и направился прямо на север, чтобы нанести удар по центру хуннских кочевий. Шаньюй успел отправить в тыл женщин и детей и подтянуть войска. В битве на берегах Селенги китайцы были остановлены. Жестокая битва не принесла победы ни той, ни другой стороне, но китайцы начали отступление. Хунны преследовали их до границ Китая и нанесли им такой урон, что пришлось после этого переформировать армию¹⁰.

Не будь у Ли Гуан-ли такой сильной поддержки при дворе, как его сестра, любимая наложница императора, вряд ли бы он решился снова искать реванша, но ему победа была дважды необходима, причем, думается, более страшным врагом для Ли Гуан-ли были соперники во дворце. Свои надежды он возложил на перевооруженную конницу. Он не стал спешить с новым походом, ожидая того времени, когда поколение «небесных коней» размножится и позволит ему разбить врага. Император принял его план, и война затихла, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Тем временем не дремали и противники Ли: хунны собирали своих союзников, а враги конфуцианства укрепляли свое влияние. В этот мучительно напряженный момент умер Цзюй-дихэу-шаньюй. У него было два сына. Старший имел титул восточного чжуки-князя, т.е. был наследником престола, а младший числился левым полководцем, что было пятым чином иерархии. Чжуки по каким-то причинам не явился на похороны, и вдова шаньюя, считая его больным, возвела на престол младшего сына. Младший не осмелился властвовать не по праву и уступил престол законному наследнику, который вступил на престол под именем Хулугу-шаньюя. Младший же брат был назначен наследником престола, т.е. восточным чжуки-князем. По-видимому, оба брата, как и их окружение, понимали нависшую над всем народом опасность и гибельность смуты во время войны.

Младший брат умер раньше старшего, и Хулугу, видимо, считая свой братский долг выполненным, дал племяннику титул жичжо-князя, т.е. последний чин иерархии, а наследником назначил своего сына¹¹. Новая династия, очевидно, не считала для себя обязательным старый порядок родовых отношений и ввела завещание как новый способ передачи престола. В крити-

ческий момент никто не стал спорить, но в дальнейшем это имело самые неожиданные последствия.

ИНЬЖАНЬСКОЕ ПОБОИЩЕ

Семь лет готовился У-ди к новой войне, семь лет изнемогала империя под тяжестью военных налогов. Наконец в 90 г. вновь сформированные войска выступили за границу. Главная армия вышла из Шофана (Ордос) и двинулась на север, чтобы ударить по центру хуннских кочевий. Она состояла из 70 тыс. конных ратников и находилась снова под командой Ли Гуан-ли Эршиского. Ее сопровождало 100 тыс. пехоты, но, по-видимому, в это число входили прислуга, обоз и охрана обоза, т.е. части малобоеспособные. Из Яймыня — крепости, расположенной на востоке Великой стены, — выступила армия в 30 тыс. конницы и 10 тыс. пехоты. Из области Цзюцюань (степь между Ордосом и Лобнором) выступило 40 тыс. конного войска и двинулось к Тяньшаню. Это было генеральное наступление, которое должно было решить, на чьей стороне окажется победа. Хулугушаньюй получил от своей разведки сведения о готовящемся наступлении врага. Он отправил в тыл женщин и детей и вызвал с Саянских гор и из забайкальских степей вассальные племена для решительной схватки с исконным врагом.

К нему явились енисейские динлины — рыжебородые великаны в деревянных доспехах — с оружием «крайне острым»¹². Ими командовал китайский перебежчик Вэй Люй, один из ближайших советников Цзюйдихэу-шаньюя. Ли Лин вел под развесающимися знаменами своих хагасов, татуированных с ног до головы¹³. Из суровых степей Забайкалья, с верховьев Шилки и Аргуни пришли косоплеты-тоба, у которых «оружие... острее, и кони быстрее, чем у хуннов»¹⁴, а со склонов Хингана — воинственные сяньбийцы с длинными роговыми луками¹⁵, искусные стрелки. На западе в защиту хуннов поднялось Чэши (Турфан), незадолго до этого защищенное хуннами от набега предавших Китаю шаньшаньцев. Теперь снова на Чэши ополчились китайские союзники из Западного края (Шаньшань, Халга-амань, Чагантунгйе и др.). Восточная Азия разделилась на два лагеря, и только Усунь не приняла участия в борьбе, но лишь потому, что внутри самой Усуни китаефилы боролись с хуннофилами.

Несмотря на тотальную мобилизацию, хунны в числе уступили китайцам. На западе против 40 тыс. китайцев хуннские

хучжи-князя и великий предводитель Янькюй выставили всего лишь 20 тыс. хуннов и 3750 пеших чешисцев. На востоке против 30 тыс. конников и 10 тыс. пехотинцев великий восточный предводитель имел всего 30 тыс. человек, включая вспомогательный отряд Ли Лина. Хуже всего было в центре, где против Ли Эршиского шаньюй смог выставить всего 50 тыс. хуннов и динлинов. Однако малочисленность искупалась высоким боевым духом кочевников, с которыми не могли равняться ни «молодые негодяи», находившиеся в строю, ни вельможные бюрократы, руководившие боями из шелковых шатров. Китайский полководец Ман Тун двинулся с запада в Джунгарию, но хуннское войско не приняло боя. Имея глубокие тылы, великий предводитель Янькюй увел туда войска, и китайский удар попал в пустоту. Тем временем шаньшаныцы и другие китайские союзники блокировали Чеси. Ман Тун вернулся назад и присоединился к осаждавшему Чеси союзникам. Чеси оказалось в безнадежном положении, поэтому владетель его пошел на капитуляцию и принял подданство Китая. На этом и закончились действия западной армии: полученный результат явно не соответствовал затратам.

Восточная армия углубилась в степь и горы, «никого не видя»¹⁶. Припасы кончались, ратники измучились, и китайская армия пошла в обратный путь. Тут-то ее атаковали хунны и хагасы. Девять дней пробивались китайцы без отдыха и сна, теряя людей и обозы. Наконец у реки Пуну (?) была отбита последняя хуннская атака, и хунны оставили изможденное китайское войско, которое потянулось в Китай. Здесь не было даже признака успеха; к тому же эти фланговые операции не должны были и не могли решить судьбу всей кампании.

Навстречу главной армии шаньюй направил западного великого дуюя и Вэй Люя с динлинским отрядом, всего 5 тыс. человек. Китайские пограничные конники разбили динлинов, и китайская армия успешно преследовала противника до берегов Селенги. В это решающее время в армию пришло известие из Китая, что семейство Ли Гуан-ли Эршиского арестовано и предано суду за волхование. Ли Гуан-ли знал, что это значит. В его армии были не только солдаты, но и офицеры, пострадавшие от китайского суда. Один из них сказал полководцу, что если он теперь вернется в Китай, то больше никогда не увидит северных стран, т.е. если захочет передаться хуннам, то другой возможности не представится.

Полководец знал, что это правда, но на измену не пошел. Он решил заслугами купить милость двора и очертя голову двинулся вперед. У реки Чжигюй (Тола?) он встретился с 20-тысячной армией хуннов и, пользуясь численным перевесом, потеснил ее. Однако для всего командования было ясно, что это прерменный успех. Шаньюй подтянул свежее подкрепление, а китайское войско было изнурено. Некоторые члены военного совета, убедясь, что «главнокомандующий... желает выслужиться с видимой опасностью для войска»¹⁷, хотели его арестовать. Эршиский, узнав об этом, обезглавил заговорщиков, однако все-таки начал отступление. Тем временем 50 тыс. хуннов под командой самого шаньюя окружили китайское войско у горы Яньжань, в Хангае¹⁸. В темноте ночи они выкопали перед фронтом китайской армии глубокий ров, а утром произвели нападение с тыла. Среди китайцев возникла паника, и первым сдался верховный вождь Ли Гуан-ли. С ним вместе погибла вся армия. От этого удара Китай долго не мог оправиться. Новое войско взять было неоткуда. Хунны рассчитались за все и снова стали гегемонами Восточной Азии.

Яньжаньское побоище настолько поразило умы китайцев, что даже много веков спустя величайший китайский поэт Ли Бо¹⁹ посвятил ему стихотворение, в котором он передает тревожное уныние, охватившее Китай в 90 г. до н.э. Это произведение интересно своим живым непосредственным отношением к событиям, что дополняет сухую фактографию официальной хроники. (Привожу его в переводе А.Ахматовой с одним исправлением.)

Луна над пограничными горами

Луна над Иньшанем²⁰ восходит светла,
И бел облаков океан,
И ветер принесся за тысячу ли
Сюда от заставы Юймынь,
С тех пор как китайцы пошли на Бодын,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И войны, мрачно глядя на рубеж,
Возврата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

Комментарий, приложенный к этому стихотворению²¹, совершенно неудовлетворителен. Комментатор спутал гору Бодын-инли на Алтае²² с деревней Байдын в Шаньси, где Модэ окружил авангард Лю Бана примерно в 200 г. до н.э. Внимание комментатора не привлек даже тот факт, что из Байдына все войско вернулось без особых потерь и что война тогда окончилась и воины могли вернуться домой. Больше того, застава Юймыньгуань основана в 111 г. до н.э., когда хунны были вытеснены из Хэси на север²³, т.е. 90 лет спустя после названной комментатором даты. Наоборот, если мы приурочим стихи Ли Бо к 90 г., то никаких противоречий не возникает. Кроме того, мы получаем дополнительное, весьма ценное указание, что хунны после Яньжаньской битвы перешли в контрнаступление и вторглись в «залив Цинхай», т.е. в Хэси. По-видимому, закрепиться там им не удалось, но напугали китайцев они изрядно.

В результате войны Китай был обескровлен и обессилен. Не помогли ни «небесные кони», ни тугие самострелы. Граница была открыта для хуннских набегов, но хунны не воспользовались этим. Хулугу-шаньюй перед смертью показал такие ум и прозорливость, какие нечасто были свойственны и просвещенным владыкам. Вместо бессмысленных набегов, лишь усугублявших ожесточение, он послал императору письмо, в котором предлагал «растворить пограничные проходы»²⁴, т.е. возобновить свободную торговлю и восстановить договор «мира и родства», а также просил прислать ему в жены царевну и ежегодно доставлять лучшего вина 10 даней, 50 тыс. ху риса и 10 тыс. кусков шелковых тканей.

Ответ императора неизвестен, но война не возобновилась. Китайцы не могли воевать, так как вся полевая армия их погибла. В 87 г. умер инициатор войны — император У-ди. Что же касается хуннов, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. В их собственной среде возникли противоречия, с которыми не могли справиться слабые преемники доблестных предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *McGovern W.* The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 154—155.

² *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 111.

³ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 73, 351.

⁴ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 479.

⁶ Го Можо. Избранные сочинения. М., 1955.

⁷ Цит. по: Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 13.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ McGovern W. The early empires... P. 161.

¹² У Бичурина эти события изложены несколько иначе. Хулугу сразу отстраняет своего сына (Собрание сведений... Т. I. С. 74), а потом снова отстраняет его «по малолетству» (там же, с. 77), что является путаницей. Я даю ход событий по «Цзи-чжи тунцзян» (книга 8, цзюань 22); перевод этого неясного места выполнен В.А.Вельгусом, которому приношу благодарность.

¹³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 352.

¹⁴ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 136—142; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 351; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 354.

¹⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 157.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 75.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 112.

²⁰ Ли Бо — поэт эпохи Тан (701—762 гг.).

На эту же тему имеется стихотворение Гао Ши «Яньский напев», но оно не дает ничего нового, повторяя официальную версию о первых успехах, тшеславии полководца и смертельной рукопашной схватке (см.: *Антология китайской поэзии*. 2. С. 121—123).

²¹ В тексте «Тяньшань»; это явная ошибка, ибо луна, восходящая над Тяньшанем, в Китае не видна.

²² Огонек. 1955. N 23. С. 9.

²³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 231.

²⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 105.

²⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 76.

Х. Кризис державы Хунну

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ

Смерть Цзюдихэу-шаньюя повлекла за собой существенные перемены. Нервное напряжение, потребовавшееся для отражения натиска китайских армий, естественно, сменилось глубокой усталостью. Вокруг нового шаньюя — Хулугу — появились новые люди. Это уже были не воины, а искусные придворные, стали влиятельнее родовые колдуны, увеличилась власть женщин. Ставка хуннского шаньюя стала все более походить на дворец восточного владыки.

Первой жертвой нового порядка оказался знатный пленник Ли Гуан-ли Эршиский. Хулугу-шаньюй, приняв сдавшегося китайского полководца, согласно старому хуннскому обычаю оказал ему почет. Зная, что семья Эршиского казнена, шаньюй женил его на своей дочери и благоволил к нему более, чем к прочим эмигрантам; в числе их был Вэй Люй, потерпевший поражение от Эршиского и пылавший мстью и завистью. Зная хуннские обычаи, Вэй Люй нашел способ разделаться с соперником. Он воспользовался болезнью матери шаньюя (титул жен шаньюя яньчжи) и вовлек в заговор волхва, лечившего больную. Тот «в транс» произнес «требование покойных шаньюев» — принести Эршиского в жертву погибшим воинам. Ли Гуан-ли немедленно схватили. Перед заклинанием он крикнул: «По смерти моей я погублю Дом Хунну!», — и кровь его потекла на могилы хуннских витязей.

Огромный снегопад, последовавший за казнью, и связанный с ним падеж скота; эпидемия, прошедшая по хуннским кочевьям и погубившая людей, пощаженных войной; голод, возникший из-за холодного лета, так как не вызрело посеянное просо, — все это было простое совпадение, но на примитивную психику хуннов оно подействовало удручающе. Шаньюй «пришел в страх и построил храм для жертвоприношения Эршискому»¹. О нападении на Китай нечего было и думать, и это определило пятнадцатилетний перерыв в военных действиях.

В 85 г. Хулугу-шаньюй заболел. Перед смертью он распорядился не сажать своего сына, восточного чжуки-князя и законного наследника, на престол, считая его непригодным для управления, а передать власть западному лули-князю. Но это распоряжение не было выполнено.

На опустевший престол претендовали сразу четыре князя. Прежде всего это был сын покойного шаньюя, выдвигаемый придворной кликой во главе с его матерью — Чжуанькюй-яньчжи, Вэй Люем и их сторонниками. Но эта кандидатура пройти не могла, так как сам отец сказал перед смертью: «Мой сын по малолетству не может управлять государством»².

Вторая кандидатура была серьезнее — восточный чжуки-князь. По традиции, этот титул всегда принадлежал наследнику престола, но у него не оказалось сильной партии.

Наиболее опасным для придворной клики был единоутробный брат шаньюя — великий восточный дуой. Он был «доброй души» и популярен среди родовых старейшин. Чжуанькюй-яньчжи отделалась от него с помощью убийц.

По завещанию шаньюя престол должен был достаться западному лули-князю, но это завещание придворная клика скрыла и «ложно именовем его» (т.е. шаньюя), заключив союз со старейшинами, возвела на престол молодого сына восточного лули-князя, Хуаньди, чтобы править его именовем. Традиционная привязанность к роду шаньюя и уважение к его воле помогли заговорщикам, и в 85 г. Хуаньди официально стал шаньюем.

Сохранить в тайне обман, в котором участвовало много людей, невозможно. Первыми узнали обо всем неудачные претенденты: восточный чжуки и западный лули-князья. Опасаясь, и не без оснований, за свои головы, они решили откочевать на юг и передаться Китаю. Для этого нужно было отвлечь внимание шаньюя, и они попытались вовлечь в заговор князя рода Хючжуй. Хючжуи жили в южной части Джунгарии, по соседст-

ву с усунями. Заговорщики обратились к Хючжуй-князю с предложением спровоцировать усуней на набег. Сами же они предполагали, воспользовавшись замешательством, откочевать на юго-восток к китайской границе. Любопытно, что этот акт прямой измены исходил из среды самой высшей знати.

Хючжуй-князь был аристократом второго разряда, т.е. родовым старейшиной. Родовая знать еще не успела разложиться, и поэтому он, глубоко возмущенный, донес шаньюю об изменнических намерениях чжуки и лули-князей. Дело получило широкую огласку, причем вскрылись и хитрости придворной клики при избрании нового шаньюя. Все это вызвало «негодование в старейшинах»³. Шаньюй начал следствие, но крамольники обвинили во всем Хючжуй-князя, и, так как они имели свои войска и сторонников, следствие пришлось прекратить.

Однако эти события не прошли бесследно. Чжуки и лули-князья перестали являться в Лунчен — место ежегодных сборов — для ритуальных жертвоприношений. Единство хуннского общества нарушилось на некоторое время. Оно, конечно, восстановилось по смерти крамольных князей, после того как их места достались лояльным принцам крови (так, например, восточным чжуки-князем стал младший брат Хуаньди⁴), но авторитет династии пал, и плоды этого сказались в полной мере 25 лет спустя, когда сменилось поколение.

Разберем причины надвигавшегося упадка.

ХУННСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ УПАДКА

В эпоху Модэ и Лаошаня хунны вели скотоводческое кочевое хозяйство. Необходимые им продукты земледелия, в первую очередь хлеб, они получали из Китая. Сначала это была дань под видом подарков, потом к ней прибавился хлеб, покупаемый на пограничных базарах. Но со времени Гюньченьшаньюя началась война, и пограничные рынки прекратили существование. Острая нужда в хлебе должна была заставить хуннов заняться земледелием, и действительно мы видим, что в источнике начинают упоминаться посевы проса⁵.

В свете этого становится понятным, почему хунны с таким упорством ловили людей в Китае и уводили их к себе в рабство. В скотоводческом хозяйстве широкое использование рабского труда невозможно, так как мало-мальски энергичный невольник, пасущий скот, легко найдет способ убежать. В зем-

поделии же рабский труд полностью применим, а пеший и усталый раб если и захочет бежать, то далеко не уйдет. Кроме рабов, земледелием у хуннов занимались перебежчики из Китая. Их было очень много, гораздо больше, чем принято думать. Это были солдаты и офицеры китайской армии, попавшие в плен и оставшиеся у хуннов, и их семьи, бедствовавшие на родине и перешедшие границу; невольники и невольницы, принадлежавшие пограничным жителям Китая и бежавшие к хуннам, находя, что у них «весело жить»; разбойники, воры и прочие преступники, которые искали и находили спасение в северных степях. Кроме китайцев, к хуннам бежали жители пограничных владений, захваченных империей Хань в 119 г., так как «чиновники и простолюдины, увлекшись корыстолюбием, отнимали у них скот, имущество, жен и детей»⁶.

Все это пополнение охотно принималось хуннами, так как по китайским законам перебежчики подлежали смерти и в силу этого становились заклятыми врагами китайского императора. Однако хуннские шаньюи упускали из виду оборотную сторону медали. Среди бежавших к ним было много людей деморализованных. Находясь в тесном контакте с хуннами, они оказывали на них влияние, как правило, отрицательное. Результаты этого сказались, как только сменилось поколение, т.е. в середине I в. до н.э. Политического влияния перебежчики не имели, за очень редкими исключениями.

Наряду с этими новыми перебежчиками в степи жило много натурализовавшихся китайцев, называемых циньскими, циньцами. Это были потомки китайцев, бежавших от реформы Цинь Ши-хуанди (III в. до н.э.), политических эмигрантов. За 150 лет они не ассимилировались, но, несмотря на это, хунны доверяли им и жили с ними дружно⁷.

На циньских китайцев попытался опереться Вэй Люй, когда для него стало ясно, что он и возглавляемое им правительство предельно непопулярны в стране. Он предложил Хуаньди-шаньюю выкопать колодцы, построить крепость и в ней двухэтажные амбары для хлебных запасов, а защиту крепости поручить циньским китайцам.

Проект уже начал приводиться в исполнение, но встретил отчаянное сопротивление старохуннской партии. Это были родные князья, сподвижники Цзюйдихэу-шаньюя. Они заявили, что строить крепость бессмысленно, так как хунны защищать крепостей не умеют, а если китайцы придут, то без больших

усилий захватят все запасы. Вэй Люю пришлось отступить. Оппозиция родовых князей росла и крепла. Для того чтобы скомпрометировать непопулярного шаньюя, была подвергнута сомнению нравственность няньжи-матери. Теряя опору, Вэй Люю предложил шаньюю помириться с Китаем и отпустить пленных, пожелавших вернуться домой. Но и этот план не прошел, так как хуннские князья не верили Вэй Люю и не шли ни на какие уступки. В 80 г. Вэй Люю умер; власть перешла в руки представителям старохуннской партии, и война с Китаем возобновилась.

Однако недолгое господство придворной клики не прошло бесследно: государство «наипаче обеднело»⁸. На востоке Ухуань, а на западе Усунь и Согдиана выпали из сферы хуннского влияния.

СТАРОХУННСКАЯ ПАРТИЯ

Рассмотрим теперь, что представляла собой старохуннская партия, взявшая в 80 г. в свои руки власть в державе Хунну. Это были средние слои хуннского общества. Выше них стояли принцы крови, опиравшиеся на свои дружины, ниже — масса несвободных и перебежчиков.

Знаменем старохуннов были традиции покойных шаньюев: право сражаться на коне и господство над народами⁹.

Ничтожный потомок великих предков — Хуаньди-шаньюй и его безвольная родня стали игрушкой в руках Ливу, Гуси, Хючжуй, Хуге, Югянь, Хэсу и других князей, опиравшихся на ополчения своих родов. За 100 лет исключительно благоприятного экономического состояния все роды хуннов окрепли и размножились, и соответственно увеличился удельный вес родовых князей. Обаяние побед и слава шаньюев держали их пока вокруг престола, но это было лишь до тех пор, пока интересы рода и трона совпадали. Рано или поздно эта гармония должна была нарушиться и родовые интересы должны были возобладать над государственными. В противном случае род разложился бы. Для родовой державы оптимальна определенная сила составляющих ее родов: меньше эта сила — держава слаба, больше — держава разрывается на части, как перегретый паровой котел. В эту пропасть и катилось Хунну.

Но в 70-х годах I в. до н.э. время взрыва еще не наступило. Силы хуннского общества консолидировались против внешне-

врага. С аристократией перестали считаться. Когда младший сын шаньюя, западный лули-князь, заикнулся о мире с Китаем и попытался в 79 г. начать переговоры, он поразительно быстро умер.

Впрочем, китайцы неохотно шли на переговоры о мире. Хотя наследник воинственного У-ди, Чжао-ди, был человек бесцветный, китайское правительство понимало, что хуннские претензии несовместимы с безопасностью Китая. Задачей старохуннов было вернуть все земли, принадлежавшие первым шаньюям, т.е. Ушунь, Согдиану, Ухуань, Ордос, Лобнор и, главное, Иньшань — базу для набегов и привольные охотничьи угодья. «Хунны после потери хребта Иньшань не могут без слез пройти его»¹⁰.

Подобная программа хуннов, разумеется, должна была встретить самое отчаянное сопротивление. Принимая ее, хунны должны были понимать, что в случае неуспеха они сломают хребет своей державе, и все-таки они рискнули.

ВОЙНА С КИТАЕМ

Предпринимая попытку наступления, хунны, несомненно, знали, что Китай экономически истощен. Действительно, У-ди, нуждаясь в средствах для ведения войны, ввел налог на соль, вино и даже установил принудительный курс монеты¹¹. Однако это не пропало даром. Охрана границы была поставлена несравненно лучше, чем до того. Она была возложена не на китайцев, а на пограничных кочевников: кянов, ухуаней и хуннских перебежчиков. Укомплектованные ими отряды по своим боевым качествам не уступали хуннским войскам. Поэтому, когда в 80 г. 20 тыс. хуннов ворвались в Китай, они были разбиты и бежали, потеряв убитыми и пленными 9 тыс. человек¹².

Но это не обескуражило хуннов. В следующем, 79 г., они попробовали осадить крепость Шеусянчен, стоявшую на их земле и мешавшую им, как заноза. Кочевники брать крепостей не умели, и осада превратилась в блокаду, которая ничего не дала. В 78 г. отряды хуннов, состоявшие из 4 тыс. всадников, под предводительством чжуки- и лули-князей ворвались в Си-си, но так как разведка донесла ханьским властям о подготовке похода, хунны были наголову разбиты¹³. Несколько удачных был набег в 77 г. на Ордос, но в нем участвовали всего 1 тыс. человек.

Как видно из приведенных цифр, боевой энтузиазм хуннов

Хунну

резко упал, что было, конечно, следствием неудач. Сторожевые огни на границе Китая предупреждали население и войска о приближении кочевников, и исключалась внезапность, бывшая для хуннов залогом успеха. Задуманное грандиозное наступление вылилось в рыскание вокруг китайской границы и индивидуальный грабеж.

В это время ухуаньцы решили, что настала пора рассчитаться с хуннами за поражение, нанесенное их предкам Модэ-шаньюем. Не осмелившись на открытое нападение, они распали и ограбили могилы хуннских шаньюев. Возмущенные святотатством хунны напали на ухуаней и снова подчинили их. Китайцы попытались помешать хуннам и выступили из Ляодуна на север, но хунны к тому времени уже ушли. Тогда китайцы обрушились на ухуаней и разбили их — отчасти за грабежи в прошлом, а главное, за подчинение хуннам. В конце концов ухуани снова оказались подданными хуннов, и это было единственным реальным успехом старохуннской партии.

В 74 г. умер император Чжао-ди; его преемник, Сюань-ди, оказался гораздо более энергичным, и война вступила в новую фазу.

УСУНЬ

Усунь уплывала из хуннских рук. Несмотря на то, что Китай был далек, влияние его в Усуни возрастало. Отчасти оно шло через женщин. Судьба первой китайской царевны, выданной замуж за усуня, оказалась печальной: она только плакала и так и зачахла от тоски. Зато вторая, Гяй-ю, княжна, выданная за усуньского гуньмо, была особа энергичная; она приспособилась к обычаям страны, переходила по наследству, рожала детей и возглавила в Усуни группу прокитайской ориентации. Она сделала для китайской политики больше, чем многоотсячное войско Ли Эршиского. Один из ее сыновей стал владельцем Яркенда, дочь была выдана за владельца Кучи. Усуни стали господствовать не только в своих горах, но и в оазисах Западного края. Гуньмо Унгюйми во всем слушался своей жены.

Опасность заключалась лишь в том, что наследник престола был сыном хуннской царевны и хуннская партия в Усуни обладала значительной силой. Однако наследник был еще мал, и у царевны Гяй-ю пока были развязаны руки для вмешательства во внешнюю политику. Яблоком раздора между усунями и хун-

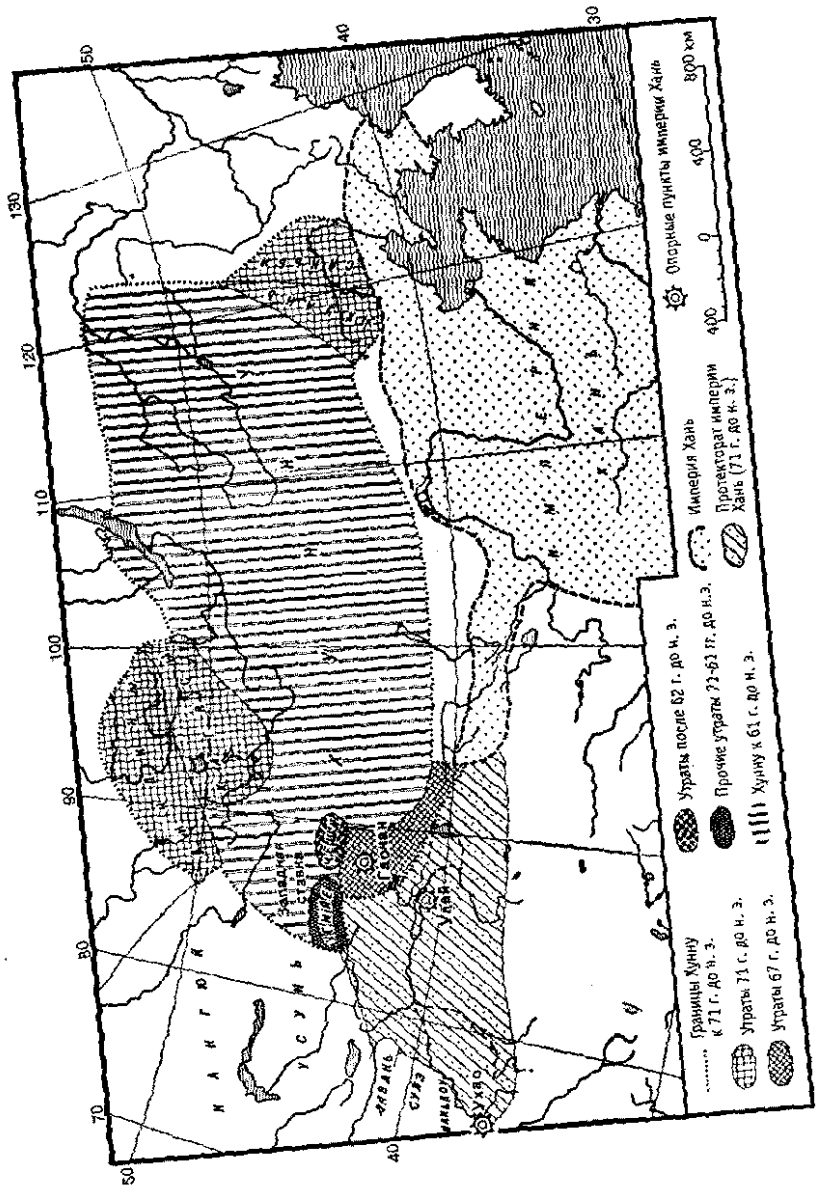
нами оказалось княжество Чэши. Небольшое княжество Чэши, расположенное в Турфанской котловине, было тесно связано с хуннами. Для Хунну это было окно в мир, особенно после того, как обособление Усуни отделило Хунну от Кангюя и Согдианы. Во время похода Ли Эршиского Чэши было захвачено китайцами, но уже в 86 г. хунны изгнали китайский гарнизон, и снова Чэши стало экономической и стратегической базой хуннской экспансии на запад.

Чэши лежало на караванном пути. Население княжества занималось торговлей и охотно использовало союз с Хунну для борьбы с конкурентами в Куче и Яркенде, опиравшимися на Усунь. С 80 г., т.е. с прихода к власти старохуннской военной партии, чэшицы совместно с хуннами начали наступать на усуней, «обрезывать их земли»¹⁴ и наконец, одержав победу, увели много пленных. Мало того, они потребовали от усуней выдачи царевны и прекращения связи с Китаем. Царевна и ее муж в 73 г. направили посольство в Китай с предложением военного союза и совместного согласованного нападения на хуннов. Новый император Сюань-ди с восторгом согласился, и приготовления к походу снова всколыхнули Китай.

ПОРАЖЕНИЕ ХУННОВ

Китайцы подготовились к походу очень тщательно. Были мобилизованы 160 тыс. легких конников. В 72 г. они пятью колоннами выступили за границу из Хэси и Ордоса, и одновременно 50 тыс. усуней напали на хуннов с запада.

Китайские приготовления не остались тайной для хуннов, и они заблаговременно откочевали, что свело на нет все действия китайских полководцев. Приводятся смехотворные цифры убитых хуннов: от 19 до 700 человек, причем два полководца были преданы суду за преувеличение успехов в отчетах и кончили жизнь самоубийством¹⁵. Зато несомненный успех выпал усуням, которые разгромили ставку западного лули-князя и захватили в плен шаньюева тестя, невестку, князей, тысячников, воинов — всего 39 тыс. человек и 700 тыс. голов скота¹⁶. Впрочем, и успевшие спастись хунны потеряли много скота, особенно овец, погибших при быстром передвижении от усталости. Хунны, кроме того, были принуждены покинуть Чэши, где опять подпорился китайский гарнизон. В довершение беды восстали ухуани. Старо-хуннская партия посеяла ветер и пожалала бурю.

Положение становилось критическим. Собрав все силы, хунны ударили по наиболее опасному врагу — усуням. Зимой 12/71 г. они ворвались в усуньские кочевья и уничтожили там стариков и детей. Все более крепкие люди бежали в горы. На обратном пути хуннское войско застиг большой снегопад, а затем ударил мороз и сковал снежный покров. Неподкованные копыта хуннских коней ломались от ударов о наст; кони не могли добраться до травы и падали от бескормицы. Вместе с ними умирали всадники от холода и усталости. Почти все войско погибло.

Летом 71 г. усунь с запада, ухуань с востока, а восставшие линьинь с севера ворвались в хуннские земли и без усталости рубили ослабевших и деморализованных хуннов. К ужасам войны прибавился голод, возникший, очевидно, от падежа скота из-за гололедицы и от невозможности засеять поля и собрать урожай. Потеря в людях у хуннов исчислялась в треть населения.

Но самое страшное заключалось в том, что от Хунну отложились все подвластные владения, за исключением восставшего против Китая Чэши¹⁷, и даже собственно хуннские роды, например Сижу¹⁸. Силы хуннов иссякли настолько, что в 70 г. трехтысячный отряд китайской конницы ворвался в степь и захватил скот и пленных, т.е. сделал то, чего не смогли раньше добиться 160 тыс. человек.

БОРЬБА ПАРТИЙ В ХУННУ

Несмотря на тяжелые потери, хунны еще надеялись на победу. Основные земли их не были захвачены врагами, несколько десятков тысяч закаленных воинов сидели в седле, и военное счастье, всегда изменчивое, могло улыбнуться им. Но главную опасность не предусмотрели хуннские вожди: внутренняя борьба не только не была изжита, но переходила в новую стадию.

В 68 г. умер Хуаньди-шаньюй, который был последовательно марионеткой обеих борющихся партий, и, согласно обычаю, власть перешла к восточному чжуки-князю Хюйлюй-Цюанькюю. Хуаньди-шаньюй, унаследовав вместе с престолом жену Чжуанькюю, оберегал свою законную супругу от обид и ненависти старо-хуннской партии. Хюйлюй-Цюанькюю не пожелал делить с нею трапезу и ложе и первой яньчжи назначил дочь впадного великого предводителя, а Чжуанькюю выгнал. Этим он нанес оскорбление не только самой венценосной персоне,

Хунну

но и всему ее роду, а отцом Чжуанькюй был восточный великий цзюйкюй — один из высших чинов хуннской иерархии. С враждой столь влиятельного человека не могли не считаться новый шаньюй и его правая рука — Хэсу, князь Синвэйян, вождь родовых старейшин.

Мы допустили бы грубую ошибку, если бы рассматривали назревающую борьбу как простую схватку между шаньюевым родом и старейшинами. На самом деле и те и другие были в обеих партиях. Шаньюев род разрастался, и всем членам его не хватало высоких должностей, хотя при Хулугу-шаньюе был введен дополнительный титул — жичжо-князь. Не получившие титула родственники шаньюев, естественно, были недовольны и смыкались с военной партией.

В свою очередь родовые князья по мере роста и усиления своих родов стремились к большей самостоятельности. Им начинала мешать военная дисциплина старохуннской партии, и они готовы были поддержать придворную партию, чтобы при ее слабой власти пользоваться большей самостоятельностью. Кроме того, личные чувства и связи — ссоры, раздоры и взаимная зависть, а в равной мере браки, симпатии, взаимопомощь — определили отношения каждого хунна к борющимся силам. «Друзья кровавой старины», отважные наездники и алчные грабители тянулись к военной партии и ее вождю — Синвэйяну. Любители роскоши, нежных песен под звуки лютни и привольных охот льнули к Чжуанькюй-яньчжи и болели за ее обиды. До тех пор, пока военная партия рвалась в бой, ведущей была она, но настал момент, когда многим хуннам поражение стало желаннее победы, так как оно несло вожделенный мир.

кризис

От своих агентов в Китае шаньюй узнал, что вследствие финансового кризиса китайское правительство упразднило дорогостоящую пограничную охрану. Он счел момент удобным для заключения мира, чтобы более свободно расправиться с прочими врагами. Этим был неприятно поражен восточный великий цзюйкюй. Не то чтобы он был против мира с Китаем, но он хотел заключить его сам, а не предоставлять это дело соперникам. Поэтому он вместе с Хулуцы-князем под предлогом облавной охоты приблизился к границам Китая с намерением произвести набег. Но три всадника из войска цзюйкюя бежали в Китай

и сообщили о его намерении. Немедленно выступили в поле 5 тыс. китайских конников, и 20 тыс. хуннов отошли без боя. Трудно сказать, почему три всадника стали перебежчиками. Может быть, деморализация уже проникла до низов общества, а может быть, этих всадников подослал сам великий цзюйкюй, так как он вовсе не хотел воевать, а стремился только сорвать мирные переговоры, что ему и удалось.

Теперь шаньюю пришлось содержать 20-тысячное сторожевое войско для отражения возможного контрнабега китайцев. Экономическая жизнь была расстроена; в 68 г.¹⁹ голод снова опустошил хуннские стада и кочевья. Новое правление начиналось с неудачи. Осенью 68 г. шаньюю вздумал покорить отпавшее хуннское племя сижу, обитавшее на восточной границе. Старейшины сижу, собрав скот и имущество, с боем прорвались через пограничные караулы и передались Китаю.

Еще хуже было на западе. В 68 г. два китайских офицера, Чжен Ги и Сыма Хи, с 1,5 тыс. освобожденных от наказания преступников и 10 тыс. союзников из оседлых владений Западного края напали на Чеши и взяли столицу княжества Чжохохота²⁰. Недостаток продовольствия заставил китайцев вернуться, но на следующую осень после уборки урожая они снова выступили в поход. За это время чешиский владетель успел обратиться к хуннам с просьбой о помощи, но не получил ее. Находясь в безнадежном положении, он решил перейти на сторону Китая и в доказательство своей искренности разгромил дружественное хуннам незначительное владение Пулэй (Баркуль).

Часть чашисцев осталась верной Хунну, но попытка хуннов выбить китайцев и китаефилов окончилась провалом. Шаньюю собрал перешедших к нему чешисцев и поселил их на востоке, а чешиская долина стала театром военных действий²¹.

Потеря Чеши очень больно ударила по Хунну, так как народ сразу же начал нуждаться в хлебе. Хунны попробовали в 66 г. заняться земледелием в южной части Джунгарии, чтобы «впоследствии стеснить Усунь и Западный край»²², а в 64 г. 12 тыс. хуннов напали на китайский гарнизон в Чеши. Китайцы заперлись в крепости Чжохохота. Хуннский предводитель, подъехав к городу, посоветовал китайцам убраться. Шаньюю приказал непускать китайцев к возделыванию земли в Чеши и начал осаду. Только своевременный удар в тыл хуннов, нанесенный из южншаньских степей, заставил их снять осаду и позволил китай-

скому гарнизону эвакуироваться. Остатки чешисцев были переведены на жительство в Кюйли, и в 62 г. цветущий оазис был на время заброшен.

Но еще большим бедствием, постигшим хуннов, была война на севере. Енисейские динлины, свергнув в 71 г. хуннскую власть, с 63 г. перешли в наступление и три года подряд опустошали земли хуннов, нанося поражения их войскам. Хунны лишились прочного тыла.

В 62 г. шаньюй хотел напасть на Китай, но нашелся изменник, предупредивший китайцев. 40 тыс. всадников вышли навстречу хуннам, и те отошли без боя. На предложение шаньюя заключить мир ответа от китайского императора не последовало.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 76.

² Там же. С. 77.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 76, 78.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 214.

¹² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 78.

¹³ Бои происходили в области Чжанйе, т.е. между Ганьчжоу и Ляньчжоу. Основной удар хуннам нанесли икюйские жуны, находившиеся в составе китайских войск.

¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 193, 207.

¹⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 81, 82.

¹⁶ Эти цифры нельзя принимать буквально, так как только китайцы тщательно подсчитывали свою добычу при сдаче ее в казну, а усунь нет.

¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 207.

¹⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 83, примечание.

¹⁹ Там же. С. 83.

²⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 208.

²¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 83.

²² Там же. С. 84.

XI. Брат на брата

ПЕРЕВОРОТ ЧЖУАНЬКЮЙ-ЯНЬЧЖИ

Пока военная партия терпела поражение на всех фронтах, Чжуанькюй-яньчжи терпеливо выжидала и дождалась своего времени. Будучи отвергнута Хюйлюй-Цюанькюем, она сошлась с восточным чжуки-князем Туцитаном. Последний был наследственным чжуки-князем, потомком Увэй-шаньюя, т.е. принадлежал к сливкам хуннской аристократии. Он, его возлюбленная и ее младший брат Дулунки, по наследству от отца получивший титул восточного великого цзюйкюя, были врагами военной партии. Политическим их лозунгом был мир с Китаем, но прежде всего они стремились изменить порядок престолонаследия, отеснить на второй план родовую знать и сосредоточить все титулы и государственные должности в руках своих близких, т.е. шаньюева рода.

Самый факт передачи княжеского титула по прямой линии от отца к сыну был бы нарушением старого порядка, согласно которому должность давалась по очереди. Нарушение очередности означало образование различных групп внутри одного рода и, следовательно, его разложение, а так как держава Хунну была основана на родовом принципе, то разложение рода означало ее распад. Но что за дело было до этого честолюбивой Чжуанькюй-яньчжи, ее свирепому брату Дулунки и мстительному Туцитану? Отесненные от власти, они видели только свою обиду. Терпеливо и неутомимо искали они средства раз-

делаться с врагами и наконец получили такую возможность.

После возвращения из неудачного похода на Китай шаньюй Хюйлюй-Цюанькой заболел. Это было весной, когда все князья готовились ехать в священное место Лунчен для совершения ежегодных жертвоприношений. Собрался и Туцитан, но Чжуанькой посоветовала ему не ехать, а лучше подождать смерти шаньюя¹. Действительно, шаньюй через несколько дней скончался. Осведомленность Чжуанькой-яньчжи была более чем подозрительна, особенно если учесть, что она не была уже женой шаньюя.

Князь Синвэйян разослал нарочных ко всем старшим князьям, но Чжуанькой и Дулунки опередили его. Они объявили шаньюем Туцитана под именем Уань-Гюйди. Это был подлинный дворцовый переворот, и удался он лишь потому, что военные неудачи обескуражили старохуннскую партию и лишили ее популярности и поддержки широких масс. Хунны надеялись, что, может быть, будет лучше, и признали новую власть.

Уань-Гюйди по вступлении на престол действительно изменил политику; он послал своего брата в Китай с дарами и мирными предложениями, а Синвэйяна и всех вельмож — приближенных покойного шаньюя казнил. Затем он отнял должности у родственников покойного шаньюя и отдал их своим родным. Сын прежнего шаньюя, Гихуэшань, бежал в Ушаньму, небольшое владение между Усунью и Кангюем, союзное с Хунну, а новый вождь военной партии жичжо-князь Сяньхьяньшань со своей ставкой передался Китаю. Там он получил китайский княжеский титул. Два его брата, оставшихся дома, были казнены в начале 59 г. Чжуанькой-яньчжи могла торжествовать.

Усталость хуннского народа была, очевидно, так велика, что казни не всколыхнули массы. Но это было лишь до тех пор, пока теряли головы вельможи. Как только террор коснулся родов, хуннская военная доблесть воскресла и безучастие сменилось взрывом энергии.

В конце 59 г. умер князь рода Югянь. Шаньюй на его место поставил своего малолетнего сына. Югяньцы отказались его признать, князем рода провозгласили сына покойного и откочевали на восток. Это был бунт. Шаньюй послал конницу для усмирения югяньцев, но они разбили карательную экспедицию. Тогда шаньюй еще более усилил террор. Наследник престола — восточный чжуки-князь — «несколько раз обидел старейшин восточной стороны»². Старейшины поняли, что дело

идет о самом их существовании, но для открытого возмущения требовался повод. В 58 г. ухуаньцы напали на хуннский род Гуси, живущий на восточной границе, и увели много людей. Шаньюй разгневался на Гуси-князя, и последний, чтобы избежать казни, решился на восстание. Его поддержали старейшины восточной стороны и претендентом на престол выставили Гихэушаня, скрывавшегося в Ушаньму. 40 тыс. повстанцев двинулись на запад и на берегах реки Гуцзюй (к востоку от Селенги, может быть, Керулен) встретились с войском шаньюя. Однако битвы не произошло: войска шаньюя разбежались, отказавшись его защищать. Уянь-Гюйди обратился за помощью к своему младшему брату, западному чжуки-князю Иньюжо, но тот ответил, что если «он из ненависти к людям убивал родственников и старейшин, то пусть один и умирает, а не замещивает его»³. Покинутый всеми, Уянь-Гюйди покончил с собой, а о судьбе хуннской Брунгильды — Чжуанькюй-яньчжи — сведений больше нет. Старохуннская партия снова победила. Претендент вступил на престол под именем Хуханье-шаньюя.

МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА

Гибель Уянь-Гюйди означала конец прокитайской придворной партии, поддерживать которую отказались даже те роды, к которым она благоволила. Создалась ситуация, благоприятная для консолидации всех сил народа, но разгоревшиеся страсти помешали этому. Борьба антикитайской «военной» и прокитайской «мирной» партии не затихала.

Вступив на престол, Хуханье отдал приказ убить западного чжуки-князя, которому, собственно говоря, был обязан победой. Чжуки-князь, узнав об этом, объединился с братом Чжуанькюй-Дулунки и с новым жичжо-князем Босюйтаном. Князь нашли опору в западных хуннских кочевьях, собрали несколько десятков тысяч войска и, объявив Босюйтана чжуки-шаньюем, двинулись на Хуханье и восточных хуннов. Хуханье был разбит и бежал на восток.

Осенью чжуки-шаньюй Босюйтан отправил против Хуханье 40 тыс. воинов, половина которых была из рода Югянь, а другую половину составляли вернувшиеся из Китая противники Уянь-Гюйди. В это время к шаньюю приехал князь рода Хуге, жившего на северо-западе по соседству с хагасами. Он затеял интриги и совместно с советником шаньюя, Вэйли-данху, ок-

леветал западного чжуки-князя. Шаньюй поверил клевете и казнил чжуки-князя с сыном, но клевета каким-то образом обнаружилась, и разгневанный шаньюй казнил Вэйли-данху. Хуге-князь успел бежать к себе и отложился. Он объявил себя Хуге-шаньюем. Весть об этом быстро распространилась по степи, и пример оказался заразительным: князь рода Юйди объявил себя Чели-шаньюем, а один дуюй (офицерский чин) — Уцзи-шаньюем. Все они не принадлежали к шаньюеву роду, и все нашли сторонников, очевидно, в тех родах, которые они возглавляли. Родовые старейшины боролись за власть. Рассматривать эти распри как разложение родового строя было бы нелогично, так как именно в них и проявилась родовая сущность хуннского общества, что особенно ясно покажут дальнейшие события. Существенно, что мятежные шаньюи базировались не на хуннской территории, а за границей, в северной части Джунгарии, в предгорьях Саура и Тарбагатая. Их сторонники группировались в малонаселенной стране; это дает основание предполагать, что не все их родовичи оказывали им поддержку.

Чжуки-шаньюй пошел на мятежников и тем самым принудил их перед лицом смертельной опасности объединиться. Уцзи и Хуге сложили с себя титулы и подчинились Чели-шаньюю. В общей сложности мятежники имели 40 тыс. человек. Положение осложнялось еще и тем, что на востоке оправился Хуханье, который мог в любую минуту перейти в контрнаступление. Чжуки-шаньюй, выставив против Хуханье заслон, напал на мятежников, разбил их и загнал на северо-запад к хагасам.

Тем временем собрались с силами восточные хунны. В 56 г. младший брат Хуханье совершил удачный набег на кочевья западных хуннов. Чжуки-шаньюй, собрав 60 тыс. войска, пошел на восток, ему навстречу вышел Хуханье с 40 тыс. всадников. Западные хунны были разбиты. Чжуки-шаньюй покончил с собой, а его сторонник Дулунки бежал в Китай.

Чели-шаньюй подчинился Хуханье, но хагасский князь, сын Ли Лина, выдвинул Уцзи претендентом на престол. Усталые от междоусобицы хунны не стали поддерживать хагасского ставленника: Уцзи был пойман и обезглавлен. Хуханье стал полновластным шаньюем, но на востоке тоже оказались недовольные им. Восточный великий предводитель, собрав несколько десятков тысяч человек «своего народа»⁴, передался Китаю, чтобы не

участвовать в бесплодной братоубийственной войне. Это была большая потеря.

Однако далеко не все хунны потеряли вкус к продолжению междоусобной войны. Трудно объяснить почему, но Хуханье были чрезвычайно непопулярны в стране, и западные хунны в конце 56 или начале 55 г. отделились от него. Началось с того, что один из родственников погибшего Чжуки-шаньюя, князь рода Сюсюнь, имея всего 600 всадников, напал на ставку великого восточного цзюйкюя. Цзюйкюй пал, а войско его присоединилось к победителю. Усилившись таким образом, Сюсюнь-князь перекочевал на запад, объявил себя Жуньчень-шаньюем западной границы и объединил вокруг себя западные роды хуннов.

Вслед за Жуньченем восстал родной брат Хуханье — Хутуус. Он объявил себя Чжичжи-гудуху-шаньюем восточной границы. Целых два года у хуннов было три шаньюя, но так не могло тянуться долго. В конце 54 г. Жуньчень-шаньюй счел себя достаточно сильным для похода на восток. Он напал на Чжичжи, но погиб в битве, а войско его перешло к победителю. Усилившись, Чжичжи напал на Хуханье, обратил его войско в бегство и захватил ставку шаньюев в Хангае⁵.

В 56—54 гг. обращает на себя внимание легкость перехода хуннских воинов от одного претендента к другому. Все хунны были воинами; война была их стихией, однако цели и задачи войны занимали их мало, и они доверяли шаньюям, водившим их на внешнего врага. Но в этот период внешняя война стала невозможна, более того — губительна. Поэтому князья использовали воинский пыл хуннов в междоусобной борьбе.

Положение Хуханье-шаньюя было весьма тяжелым, и один из соратников его, восточный ичжицзы-князь, дал ему совет подчиниться Китаю. Трудно было решиться на этот шаг сыну вождя старохуннской партии, привыкшей видеть в императоре заклятого врага. Весьма любопытны прения на совете старейшин и аргументация сторонников Хуханье.

«Это невозможно, — говорили старейшины. — Сражаться на коне есть наше господство и потому мы страшны всем народам. Мы еще не оскудели в отважных войнах. Теперь два родные брата спорят о престоле, и если не старший, то младший получит его. В сих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки всегда будут царствовать над народами. Китай, как ни могуществен, не в состоянии поглотить все владения

хуннов, для чего же нарушать уложения предков? Сделаться вассалами Дома Хань — значит унижить и постыдить покойных шаньюев... Правда, что подобный совет доставит спокойствие, но мы более не будем властвовать над народами»⁶.

В приведенных словах проявилась идеология старохуннской партии; властолюбие, тщеславие, гордость и алчность перевешивали в сознании хуннов трезвый расчет и реальные выгоды; с исключительным упрямством они цеплялись за прошлое, закрывая глаза на то, что они стоят на краю гибели и что держава их фактически уже развалилась. Как ушат холодной воды, вылилась на их горячие головы ответная речь ичжицзы-князя: «Могущество и слабость имеют свое время. Ныне Дом Хань в цветущем состоянии. Усунь и оседлые владения в подданстве его. Дом Хуннов со времен Цзюйдихэу-шаньюя день ото дня умалется и не может вернуть прежнего величия. Сколько он не силится, но ни одного спокойного дня не видит. Ныне его спокойствие и существование зависят исключительно от подданства Китаю; без сего... он погибнет»⁷.

Всем было ясно, что ичжицзы-князь прав, и никакие громкие слова не могли поколебать его программы. Это была откровенная капитуляция старохуннской идеологии перед реально сложившимися обстоятельствами. Хуханье-шаньюй согласился с князем, и старохуннская партия перестала существовать, отказавшись от своего принципа «господства над народами».

В 53 г. Хуханье отправил своего сына в Китай, официально — на службу, а на самом деле — в заложники. Так же поступил и Чжичжи. Абсолютная необходимость перемены курса ощущалась всеми. В 52 г. шаньюй сам приехал в Китай и с почетной стражей был препровожден в столицу. Там его принял император Сюань-ди. Прием был обставлен торжественно, но шаньюю объявили, что он стал вассалом императора. Через месяц он был отпущен обратно и поселен около крепости Шеусянчен. Кроме подарков шаньюю, ханьские власти направили покорившимся хуннам изрядное количество проса и риса.

В 50 г. в Китай приехал посол от Чжичжи. Он был поставлен ниже посла Хуханье, а в 49 г. окончательно выяснилось, что китайское правительство будет оказывать поддержку только Хуханье. Чем было вызвано такое решение — неясно. Скорее всего тут сыграли решающую роль не дипломатические расчеты, а второй приезд Хуханье ко двору. Вполне возможно, что он подкупил кое-кого из придворных и тем самым перетянул их на

свою сторону. После этого он начал преуспевать. Поскольку вокруг границы хунны перебили всех диких животных и птиц, китайцы постоянно посылали им просо и рис. От спокойной жизни «народ Хуханье-шаньюе умножился»⁸, очевидно, за счет хуннов, перебегавших к нему от других князей, и в 47 г. Хуханье уже перестал опасаться Чжичжи, которого история повела по иному пути.

РАЗДЕЛ УСУНИ И ВОЙНА С КАНГЮЕМ

Оставим на короткое время Хуханье и Чжичжи и посмотрим, что происходило на западе. Западным краем для китайцев и хуннов были горы Тяньшань, где обитали усунь, и места, по которым проходил караванный путь, вплоть до Ферганской долины.

Когда в 59 г. хуннский жичжо-князь, страшась казней Уянь-Гюйди-шаньюя, передался Китаю, китайцы заняли северную караванную дорогу вплоть до Яркенда и учредили там новое наместничество⁹. В задачу наместника входило наблюдение за Кангюем и Усунью, где в это время возникли серьезные осложнения.

Еще в 64 г. скончался Унгюйми-Фэйван, враг хуннов и верный союзник Китая. Перед смертью он попытался укрепить свои позиции браком старшего сына Юаньгюйми с китайской царевной и передать ему престол. Но в разгар сватовства Унгюйми умер, и старейшины возвели на престол, согласно желанию условию, его племянника Ними.

Ними был сын хуннской царевны, и хуннофилы, которых среди усуней было немало, возлагали на него большие надежды. Однако положение хуннов скоро стало столь печально, что ориентироваться на них было бессмысленно. Ними принял титул Куан-ван (китайский титул: ван — царь), женился на киньской царевне Гяй-ю, которая родила ему сына, но между супругами не было согласия.

В 52 г. в Усунь приехали послы китайские вельможи: Вэй Хо-и и Жень Чан. Царевна договорилась с ними убить мужа. На пиру китайский ратник ударил Ними мечом, но промахнулся; меч скользнул, и раненый князь успел вскочить на коня и убежать. Старший сын Ними поднял народ против изменников-мачехи, и несколько месяцев толпы усуней осаждали дворец, где жила царевна, и китайское посольство в городе Чигу.

Хунну

Только подкрепления, посланные наместником Западного края, вызволили их. Китайский двор был недоволен их самовольем, началось следствие, при котором выяснилось полное непонимание китайским правительством усуньских дел. Самовольные вельможи были привезены в клетках в столицу и обезглавлены. Крамольную царевну следователь бил по голове и ругал, за что по ее жалобе был казнен. Посол, приехавший с сочувствием и извинениями к усуньскому князю, по возвращении был отправлен в шелководельню за то, что не убил Ними, имея к тому возможность. Короче говоря, правительство растерялось.

В это время в Усуни восстал Уцзюту, сын Унгюйми от хуннской царевны. Он заявил, что из «дома его матери скоро придут хуннские войска»¹⁰, и народ собрался к нему. Видимо, китайский протекторат изрядно надоел усуням. Уцзюту напал на Ними и, убив его, захватил власть.

В западных владениях Китая начали уже готовить крепости к обороне, но все уладила одна из приближенных царевны Гяйю, которая долго была замужем за усунем и пользовалась уважением и влиянием. Она сначала поехала в Китай и сообщила императору о положении в Усуни. Затем, уже в роли посланницы, вернулась обратно и уговорила Уцзюту поделиться властью со своим единокровным братом, сыном Гяйю, Юаньгюйми. Юаньгюйми получил титул старшего гуньмо и 60 тыс. юрт, а Уцзюту — титул младшего гуньмо и 40 тыс. юрт, но народ был привязан к младшему князю. Юаньгюйми вскоре умер от болезни, и ему наследовал его сын, Синми, человек безвольный и ничтожный. Царевна вернулась в Китай с тремя детьми. Она получила земли, дворец, хорошее содержание, но скоро умерла. Однако дело ее рук не погибло: распри продолжали раздирать Усунь, и усуни уже не были опасны для китайского господства в Западном крае.

Положение Усуни еще больше осложнялось возникшей войной с Кангюем. Царство Кангюй, расположенное в степях между Аральским морем и Балхашем, было и осталось союзником Хунну.

В середине I в. до н.э. Кангюй описан как кочевое владение, лежащее от Давани, т.е. Ферганской долины, на расстоянии 2000 ли¹¹, т.е. около 900 км. Значит, Кангюй находился в холмистой степи Восточного Казахстана, между озером Балхаш и Иртышом. От Средней Азии, или Турана, его отделяли бес-

плодная степь Бет-Пак-Дала и пески Муюнкум. На востоке он примыкал к Тарбагатаю, на западе граничил с государством Яньцай, т.е. аланами¹². На китайских картах Западного края указаны границы Кангюя: восточная — у озера Алакуль, южная — у хребтов Киргизского Алатау (причем по историческим сведениям Таласская долина была окраиной Кангюя), западная — у реки Сарысу, а северо-западная у озера Тенгиз, где Кангюй граничил с Уи-бэй-го — Северным Уи, в названии которого нетрудно усмотреть этноним угры; по данным археологии, они именно там и обитали¹³. «История Старшей династии Хань» сообщает, что Кангюй имел пять вассальных владений. На карте они помечены на северном берегу Чу. Расстояние между ними приводятся: максимальное от Янгуань (крепость недалеко от Дуньхуана) — 8555, минимальное — 7525 ли, т.е. между ними расстояние около 500 км. Это как раз протяжение Чу от Чу-илийского хребта до Сыр-Дарьи, около Кзыл-Орды. Китайские названия владений (Сусйе, Фуму, Юни, Ги Юегянь)¹⁴ ничего не дают для идентификации их с местными названиями или с названиями, известными из Страбона. Эти небольшие лимитрофные княжества заслоняли Кангюй от Согда, Ирана и Греко-Бактрии, а позднее Кушана. Зато с парфянами кангюйцы должны были непосредственно сталкиваться: по левому берегу Сырдарьи, ниже Кзыл-Орды, сохранились развалины древних городов¹⁵, а, согласно Страбону, на восточном берегу Аральского моря жили да'и, основное парфянское племя¹⁶. Но характер связей Кангюя с Парфией остался неизвестным.

Отношения Кангюя с Китаем были всегда враждебными. Во время похода Ли Эршиского кангюйцы хотели оказать помощь осажденному Гуйшуану, но опоздали. В дальнейшем китайских послов они принимали весьма грубо¹⁷. Вероятно, именно противодействие Кангюя парализовало китайское влияние в Давани. Возможно, не без кангюйского участия вспыхнуло восстание в Яркенде в 65 г., когда были убиты китайский посол и владелец-китаефил¹⁸. Впрочем, восстание было подавлено.

Кангюйское царство было в это время значительным: население исчислялось в 600 тыс. человек, строевое войско — в 120 тыс. Это немалая цифра для тех времен. Почти столько же было персов в эпоху Кира и лишь вдвое больше греков. Для нас важнее знать, кем Кангюй был населен и в каких отношениях находился со своими соседями. В «Истории Старшей династии Хань» сказано, что западный сосед Кангюя — Яньцай — от

него независим¹⁹, в «Истории Младшей династии Хань» говорится, что от Кангюя зависимы и Яньцай и его северный сосед — Янь²⁰. Подчинение Кангюем этих соседей произошло уже в I—II вв. н.э. Волгу кангюйцы не переступили.

Кангюй сильно враждовал с Усунью. Подчинение же Усуни Китаю вызвало военное вмешательство Кангюя, причем разделенная и дезорганизованная Усунь не могла защититься. Однако и кангюйцы не были в состоянии полностью разгромить Усунь без посторонней помощи, поэтому они искренне желали успеха хуннам. Усуни же, признав протекторат Китая, полностью порвали с хуннами. Даже Уцзюту, сын хуннской царевны, отказался от родства ради сохранения престола.

Вообще Усунь сравнительно с Хунну была государством слабым и ничтожным. Страсти, волновавшие князей и дружинников, были тут и там одни и те же, но Хунну походило на взбаламученное море, а Усунь — на потревоженный пруд. Таково было главное различие между этими двумя народами, сходными по происхождению, культуре и образу жизни. Вся дальнейшая история Усуни состояла из мелких распрей, доносов, измен, предательских убийств и особого интереса не представляет.

ПОДЧИНЕНИЕ ХУННУ КИТАЮ

Вернемся к хуннам. Народ разделился на две части, но в ставках обоих шаньюев было неблагополучно.

Большая часть хуннов оказалась в подданстве Чжичжи, из них наиболее разумные были обескуражены и подавлены неудачей переговоров с Китаем. Все жаждавшие покоя постепенно перебирались на юг к Хуханье и умножали его силы. Оставались «горячие головы», толкавшие Чжичжи к новым авантюрам, и шаньюй следовал за ними, хотя это не могло привести к добру.

Хуханье тревожили те же элементы хуннского общества — воинственные и вечно недовольные. На его счастье, однако, вождь недовольных — младший брат погибшего чжуки-шаньюя — покинул его и бежал в западные степи. Там он собрал своих сподвижников и объявил себя шаньюем под именем Илимун. Таким образом, Хуханье избавился от человека, способного поссорить его с китайским сюзереном, а Чжичжи приобрел нового врага. Впрочем, тот расправился с ним быстро. Илимун-

шаньюй пал в первой же битве, а народ его снова подчинился Чжичжи.

Учитывая, что Хуханье получает от Китая помощь хлебом, но может получить и войском, Чжичжи не вернулся на восток, под удары врага. Он перенес свою ставку в Джунгарию и направил к усуньскому гуньмо Уцзюту посла для переговоров. Уцзюту же обезглавил посла и его голову послал китайскому наместнику, а против хуннов выдвинул 8 тыс. всадников. Чжичжи разбил усуней и повернул на север, где покорил хагасов (древнее название — гяньгуни), отпавших в 56 г., и динлинов. Обеспечив свой тыл, он снова пошел на усуней и весьма стеснил их.

Тем временем Хуханье осмелел и перебрался обратно на север — в Восточную Халху. Его подданные не терпели ни в чем недостатка, и число его сторонников росло.

В 48 г. Чжичжи потребовал своего сына из Китая. Задержать его у китайцев не было оснований, и его отпустили, а вместе с ним направили к Чжичжи посла. При невыясненных обстоятельствах посол был убит в ставке Чжичжи. В Китае долго не знали о судьбе посла, но когда это стало известно, участь Чжичжи была решена.

Опасаясь Хуханье и китайцев, Чжичжи принял предложение кангюйского владетеля присоединиться к нему для совместного похода на Усунь. В случае удачи Чжичжи должен был получить усуньские земли для поселения. Хунны тронулись на запад через холмы Тарбагатай и пустыню Бет-Пак-Дала. По пути их постигла пурга и морозы. Много людей замерзло, и только 3 тыс. хуннских воинов привел Чжичжи в Кангюй. С такими силами о покорении Усуни нечего было и думать.

После ухода Чжичжи Хуханье овладел всей территорией Хунну. В хуннской державе, остававшейся под покровительством Китая, воцарился мир. Мирный договор, заключенный в 47 г., гласил, что «дома Хань и Хунну равноправны».

Множество храбрых погибли в гражданской войне, а целевшие спаслись ценой такого перенапряжения, что жаждали только покоя. Вместе с тем инерция бывшего величия была еще настолько велика, что окрестные племена не решались напасть на хуннов, и в степи на полстолетия установился прочный мир. Его можно по справедливости назвать Pax Sinica.

Кангюйский царь радушно принял Чжичжи, дав ему в жены свою дочь, а сам женился на дочери Чжичжи. Непонятно, почему 3 тыс. хуннов могли иметь такое значение для страны, которая могла выставить 120 тыс. всадников. Но тут мы, видимо, опять наталкиваемся на преувеличение и стремление округлить цифры выше 10 тысяч. Кроме того, эти всадники были разбросаны на территории от Волги до Тарбагатая, и, надо думать, под рукой у кангюйского владыки крупных сил не было. Поэтому небольшой, но сплоченный и боеспособный отряд Чжичжи представлял для кангюйцев солидную силу.

Первый удар союзники обрушили на усуней, совершенно неподготовленных к активной войне на западном фронте. Чжичжи опять показал себя блестящим полководцем и мастером хуннского способа ведения войны. Нападение следовало за нападением, причем в 42 г. до н.э. хунны разгромили столицу Усуни — Чигу, т.е. Город красной долины, расположенный в верховьях Нарына²². Усуням пришлось бросить свои западные владения и уйти на восток. Это спасло их от полного поражения.

Другим объектом хуннских набегов оказалась Ферганская долина, но, видимо, Чжичжи ограничивался только ограблением ее, так как осада крепостей была хуннам не под силу²³.

Награбленная добыча требовала места для хранения. В долине реки Талас Чжичжи выстроил для себя и своего отряда крепость. 500 человек строили ее два года. Она была окружена земляным валом и двойным частоколом со сторожевыми башнями, что указывает на влияние римской фортификации. В гарнизоне этой крепости находились свыше ста пехотинцев, которых считают римлянами. Предполагается, что это были легионеры Красса, сдавшиеся парфянам и направленные ими служить на восточную границу²⁴. Но почему они попали к Чжичжи?

В донесениях китайской разведки о деятельности Чжичжи содержится сведение, что он лелеял планы завоевания юэчжей и парфян²⁵. Тут несомненная путаница, так как юэчжи и парфяне были враждебны друг другу, и Чжичжи мог иметь всегда одно из этих владений своим союзником. По-видимому, он вступил в союз с парфянами и получил от них помощь в виде центурии римских легионеров, которые и помогли ему построить укрепленный лагерь. Возможно, именно этот союз повлек

ти собой разрыв хуннского шаньюя с кангюйским царем. По неизвестным причинам этот последний чем-то оскорбил Чжичжи, а тот убил свою жену — кангюйскую царевну и несколько сот знатных кангюйцев, причем тела последних были изрублены на мелкие куски и брошены в реку.

Казалось бы, после этого кангюйцы должны были стереть в порошок маленький хуннский отряд, но этого не случилось. Наоборот, когда вскоре прибыло китайское посольство, его приняли враждебно и даже оскорбительно. Надо полагать, в Кангюе шла внутренняя борьба, а Чжичжи поддержал и привел к власти одну из партий, чем и укрепил свое положение.

ГАЛАССКАЯ БИТВА

Китайский двор негодовал по поводу поступков Чжичжи и горел мстостью за убийство посла, которое открылось много лет спустя, но бросить войска в такую даль правительство не решилось. Так бы и сидел Чжичжи в своей крепости, если бы не цепь случайностей, которая превратилась в закономерность. Некий одаренный и образованный китайский чиновник Чэнь Тан за что-то попал в тюрьму. Он просил заменить ему заключение службой на границе, что тогда практиковалось, и был направлен в Западный край в должности младшего офицера. Там ему не понравилось, и он решил во что бы то ни стало добиться реабилитации. Средством для осуществления своей цели он избрал Чжичжи, решив его головой купить себе право на свободную жизнь. Так как наместник Западного края не поддался на увещевания опального офицера организовать поход на запад, Чэнь Тан, воспользовавшись болезнью наместника, подделал приказ и собрал солидное войско из китайцев и местных жителей. Наместник, увидев это, велел распустить солдат, но Чэнь Тан, выхватив меч, потребовал ему не мешать. Тогда испуганный наместник сам присоединился к армии.

Чтобы облегчить продвижение, Чэнь Тан прошел через дружественную территорию усуней. Только вступив в Чуйскую долину, он столкнулся с кангюйской конницей. В результате внезапного нападения кангюйцы захватили обоз китайской армии. Чэнь Тан настиг их, разбил и отобрал добычу. Но так как победа над кангюйцами китайцам была не нужна, то они не продолжили военных действия, а, пустив в ход дипломатию, привлекли на свою сторону противников хуннского шаньюя, очевидно,

сородичей изрубленных хуннами кангюйских вельмож. Это дало возможность китайской армии совершить марш без всяких помех до Таласской долины.

Хуннский шаньюй не был застигнут врасплох. Не имея возможности отступить, он даже попытался начать переговоры, но был поставлен перед выбором: сдаваться или драться. Чжичжи отказался идти в Китай в цепях, и осада началась. Сначала хунны и их союзники попробовали отбросить врага от стен крепости, на башне которой развевалось пятицветное знамя. Двое ворот прикрывали пехотинцы, построенные «подобно рыбьей чешуе». По-видимому, это были римляне²⁶. Но китайцы, пустив в ход свои тугие самострелы, загнали противника в крепость. Град стрел парализовал защитников стен и башен. Сам Чжичжи был ранен стрелой в нос и вынужден был удалиться во дворец. Его отсутствие вызвало панику: первыми потеряли присутствие духа кангюйцы, последними — хуннские женщины, сражавшиеся на стенах. Чтобы овладеть подступами к крепости, т.е. двойным частоколом, китайцы натаскали хворосту и подожгли его. Деревянные столбы загорелись, и оборона этой линии стала невозможной²⁷. Попытки защитников крепости стрельбой остановить наступление врага были безуспешны. Град стрел арбалетчиков, неуязвимых для хуннских лучников из-за дальности расстояния, решил судьбу битвы. После полуночи хунны покинули палисады и ушли за земляной вал. Тем временем китайцы успели покрыть гатью ров и подготовиться к штурму.

Ночью кангюйская конница пыталась напасть с тыла на китайский лагерь, но была отогнана арбалетчиками. Также была отбита вылазка из крепости. В предутреннем тумане под звон цимбал и бой барабанов китайцы пошли на приступ одновременно со всех сторон. Им удалось прорваться внутрь вала, но хунны не сдавались, пока не загорелся дворец шаньюя. Сквозь дым и пламя китайские ратники ворвались во дворец, где лежал раненый шаньюй; ему отрубили голову, и только после этого оставшиеся защитники крепости сложили оружие²⁸. Битва кончилась, началась расправа. Были обезглавлены жена Чжичжи, его старший сын и 1518 человек, по-видимому, хуннов²⁹. Более тысячи человек сдались на милость победителя.

Китайцы не стали закрепляться в Кангюе. Чэнь Тану нужны были не территориальные приобретения, а личная реабилитация. Как только нарочный привез голову шаньюя и рапорт пол-

ководца в столицу, там начались разногласия среди сановников. Одни указывали на самовольство Чэнь Тана, называли поход авантюрой и требовали наказания обоих предводителей. Другие утверждали, что это блестящая инициатива, говорили о престиже Китая, о мести за жизнь посла и предлагали наградить и наместника и Чэнь Тана. В конце концов победило второе мнение; Чэнь Тан добился того, чего хотел.

Больше всех выиграл на этом Хуханье, оставшийся единственным владыкой хуннов; Китай получил только моральное удовлетворение, а на западе Средней Азии восстановилось положение, существовавшее до прихода туда хуннов. Тем не менее престиж Китая на западе возрос, и непосредственно вслед за гибелью Чжичжи кангюйский царь послал в Китай посольство и своего сына в заложники. Искренность добрых чувств кангюйского царя была сомнительна. Наместник Западного края, бывший в курсе дела, по этому поводу послал донесение, в котором утверждал: «Посылка сына как заложника — это хитрость, предлог, чтобы начать торговлю»³⁰. Однако император счел за благо закрыть глаза на прошлое, и торгово-дипломатические связи Китая с Кангюем были установлены. Это обезопасило западную границу новых владений Китая, лишило хуннов глыба и возможности маневрировать в случае отложения.

поздние динлины

Динлины сыграли немаловажную роль в катастрофе, постигшей Чжичжи. Восстание 71 г. до н.э. вернуло им самостоятельность. В 57 г. южные соседи динлинов — хагасы (гяньгунь) приняли участие в гражданской войне; во главе их стоял сын Ли Лина³¹. Хотя в 48 г. Чжичжи снова покорил и динлинов и хагасов, восстановив хуннское владычество в Западной Монголии и Минусинской котловине, его уход на запад дал возможность динлиным и хагасам вернуть свободу. В дальнейшем оба эти народа слились и составили единый народ — енисейских кыргызов³².

Для того чтобы более четко представить себе этот интересный народ, мы должны дополнить наши сведения данными раскопок.

Согласно китайским сведениям, «жители вообще росли, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лина»³³. Это описание коррек-

тируется данными раскопок. В таштыкскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.), к сожалению, практиковался обычай трупосожжения, но вместе с этим на останки клали погребальную маску, которую С.В.Киселев считает портретной³⁴. Сводит он все типы масок к трем группам:

1. Лица крупные, со слабо выраженной скуластостью, довольно полными губами, прямо поставленными глазами, выдающимся вперед подбородком и тонкими, длинными носами с горбинкой.

2. Лица крупные, более широкие, с полными губами, прямо поставленными глазами, прямыми носами.

3. Лица более тонкие, удлиненные, со слабо выраженной скуластостью, тонкими губами, прямо поставленными глазами, умеренными подбородками и миниатюрными, слегка вздернутыми прямыми носами.

Лишь лица последней группы приближаются к маскам, найденным в тагарских курганах и грунтовых таштыкских могилах типа Оглахты³⁵. Маски были антропологически исследованы Г.Ф.Дебецем, который дал следующую характеристику: «В общем таштыкские маски представляют смешение европеоидных и монголоидных черт, напоминая больше всего современных шорцев и хакасов. Впрочем, среди последних удельный вес монголоидного компонента, по-видимому, несколько больше»³⁶.

Тут мы встречаем несоответствие письменного свидетельства с вещественным. Однако следует учесть, что маски были произведениями искусства, значит, были дороги и недоступны бедным людям. Мало того, они не вполне воспроизводили существовавший тип. Вспомним, что в могилах Пазырыка были обнаружены монголоиды с каштановыми подвесными бородами. Здесь же речь идет о подгонке под монголоидность. Несомненно, что динлинские старейшины подражали своим хуннским хозяевам и в одежде, и в манерах, и во вкусах, а это должно было отразиться в первую очередь на искусстве. Добавим к этому, что маски разрисованы очень изящным узором³⁷, а мы знаем, что в хуннский церемониал входило расписывание лица³⁸. Итак, хуннское влияние на динлинов, по-видимому, имело место.

Еще более важно изменение погребального обряда: старинное трупоположение заменяется трупосожжением. Это знаменует смену религиозных представлений, причем новая религия

перешла по наследству к древним тюркам (тюркютам) и дожила до IX в. К сожалению, скудость находок предметов культа не позволяет высказать суждения о духе новой религии, а письменные сведения относятся уже к позднему периоду — IX в., когда все могло измениться.

Несомненно китайское влияние на динлинов; в погребении Уйбат обнаружены остатки церемониальных зонтов, так же как и Ноин-ула — большом хуннском кургане. Очевидно, динлины китаизировались параллельно со своими господами, хуннами. Самой интересной находкой, характеризующей это время, является китайский дом ханьского времени около города Абакана. Открывшая его Л.А.Евтюхова доказала, что это дворец Ли Лиша и его потомков³⁹. Но вместе с обновлением культуры продолжали существовать древние динлинские обычаи, например обычай татуировать руки храбрецов⁴⁰. Археологически этот обычай зафиксирован при раскопках второго Пазырыкского кургана. Динлинская культура таштыкской эпохи была гибридом и дожила до II в. н.э.

Быт подавляющего числа динлинов был прост; примитивное земледелие, оседлое скотоводство и охота составляли их хозяйственную основу. Одевались они в шерстяные и шелковые китайские ткани. В обработке металлов наблюдается прогресс: золото вошло в обиход, и началась добыча железа⁴¹, но бронза еще была в ходу.

Социальный строй в эту эпоху резко изменился. Рядовые могилы уже лишены оружия и ценных вещей, которых очень много в богатых могилах. С.В.Киселев полагает, что в это время уже сложилась аристократия, и это были «всадники-воины, отличавшиеся от соплеменников обрядом погребения. В распоряжении этих воинов имелись подчиненные им люди, совершенно бесправные, обрекавшиеся на следование за ними даже в могилу. Очевидно, это рабы...»⁴². Действительно, наличие рабства у кыргызов подтверждается китайским источником⁴³, и возможно, что оно существовало в хуннского времени, как заимствованный институт. Еще более схожи те элементы родового аристократизма, которые отмечает С.В.Киселев, анализируя богатые погребения⁴⁴. Необходимо признать, что у динлинов с I в. до н.э. начало преобладать восточное хуннское влияние, а элементы западной культуры сохранялись как реликты.

ХII. Возвращенная свобода

ХАНЬСКАЯ ПОЛИТИКА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

В конце I в. до н.э. китайская империя достигла тех границ, какие почти две тысячи лет спустя имела маньчжурская империя. Посмотрим, как оценивали состояние тогдашнего Китая современники.

«В царствование Ву-ди (У-ди. — Л.Г.)... при соображении мер к обузданию хуннов беспокоились о том, что хунны присоединили к себе Западные владения, на юге вступили в союз с тангутами. Но когда за Ордосом открыли четыре области, построили Юй-мынь-гуань и вступили в сообщение с Западным краем, чтоб отсечь правую руку у хуннов, на юге отрезать их от тангутов и юэчжы; то шаньюй, лишенный подкрепления, далеко уклонился (от В[еликой] стены к северу), и уже более не было княжеских орд на южную сторону песчаной степи. От государя Вынь-ди [179—157 гг.] сряду при пяти коленах царствования тишина в народе; империя процвела богатствами, войска сделались многочисленны и сильны: почему, увидя носорога и черепаху, открыли Чжу-яй и пр., всего семь областей; польстившись на апельсинный экстракт и бамбуковые посохи, открыли Цзан-гэ и Юесуй; услышав о винограде и лошадях небесной породы, проникли в Давань и Аньси. После сего палаты цариц наполнились блестящим жемчугом, узорчатыми черепашинами, прозрачными изделиями из рогов носорога, перьями южных синеворонок; в дворцовых воротах появились иност-

ранные лошади лучших пород, огромные слоны, львы, быстрые псы; большие птицы толпами воспитывались во внешнем зверинце. Иностранные редкости со всех сторон стекались. Почему расширили Шан-лин-юань, ископали озеро Кхунь-мин, соорудили дворец Цянь-мынь ван-ху гун, воздвигли священный герем Шень-мин-тхай, построили царские ставки Цзя И и пр., украшенные бахромами из жемчуга и дорогих камней. Сын Неба под великолепным щитом, в пышном одеянии, облокотясь на нефритовый столик, открывал винные водоемы и мясные леса (залы с искусственными деревьями, на которых развешивалось жареное мясо — Л.Г.) для угощения иностранных гостей. Музыка, различные фокус-покусы и пляски зверей увеселяли зрение. На подарки и препровождение [иностранных гостей], на издержки далеких путешествий... на содержание войск в походах требовались несметные суммы. Когда же не стало денег, то наложили оброк на продажу вина, взяли в казну продажу соли и железа, отлили серебряную монету, ввели в употребление кожаные кредитные билеты; даже наложили пошлину на телеги, водоходные суда и весь домашний скот. Силы народа истощились и государственные доходы оскудели. К сему присоединились неурожайные годы, и повсюду возникли разбои; дороги сделались непроходимыми...»¹

Надо отдать должное цитируемому здесь Бичуриным историку Бань Гу: он великолепно нарисовал картину величия и упадка Дома Хань и объяснил многие причины того и другого. Более того, он, как стихийный диалектик, показал, что одно и то же явление породило сначала расцвет, а потом — упадок. Не только внешнеполитические задачи озабочивали, а подчас и удручали ханьских императоров; внутренние экономические и социальные проблемы назревали с не меньшей остротой. Поэтому обратимся к другим китайским авторам².

Против системы монополии на соль, железо и вино был написан трактат «Спор об управлении соли и железа» («Янь те лунь»). Этот трактат написан, по-видимому, на рубеже II—I вв. до н.э.³ В нем указывалось, что система монополии и принудительных цен разрушает сельское хозяйство и отвлекает многих людей от земли, заставляет их предпочитать контрабанду и подпольное занятие ремеслом земледелию. Далее говорилось, что от торговли с иностранцами получают огромные прибыли: «За кусок обыкновенного китайского шелка можно выменять у хуннов предметы стоимостью в несколько золотых и тем самым

уменьшить ресурсы врага. Мулы, ослы, верблюды проходят границу, направляясь к нам непрерывной чередой. Лошади всех пород и видов поступают в наше распоряжение. Меха соболей, сурков, лисиц, барсуков, цветные и разукрашенные ковры наполняют наше казначейство, а яшма, драгоценные камни, кораллы и кристаллы становятся фондом нашего княжества. Если прибыли не утекают от нас в другие княжества, это значит, что народное потребление достаточно изобильно⁴. Очевидно, автор трактата расходился с мнением правительства, полагая, что и крестьянам надо уделять долю государственных прибылей, для чего следует уменьшить цены на соль и железо и разрешить производителю повышать цены на продукты земледелия. Компенсацию за облегчение положения китайского крестьянства он предлагал получить во внешней торговле, которую описывает столь радушно. С этим, разумеется, не мог согласиться У-ди, прекративший торговлю с хуннами и весьма нуждавшийся в деньгах для войн.

«Янь те лунь» решительно осуждает применение труда рабов и преступников. В Китае их использовали на государственных работах, в том числе на производстве железных орудий. Невольники работали, согласно «Янь те луню», плохо: дороги и орудия были скверны. «Бедный люд пашет бревнами и пропалывает руками»⁵. Но до того ли было У-ди? Ему нужны были «небесные кони».

Еще более резко писал Бань Гу, вкладывая обвинительную речь в уста крупного ученого-конфуцианца Дув Чжун-шу:

«При династии Цинь... применяли реформы Шан Яна, изменили систему древних государей, отменили систему колодезных полей⁶. Народ смог продавать и покупать землю. Поля богатых протянулись вдоль и поперек, а у бедных не стало места, где воткнуть шило. Кроме того, у них [богатых] выгоды от рек и озер, богатство от гор и лесов, как может бедный люд не страдать? Военные и трудовые повинности в 30 раз больше, чем в древности, земельный и подушный налоги, сборы за соль и железо в 20 раз больше, чем в древности, некоторые обрабатывают поля крупных землевладельцев за половину урожая. Поэтому бедный народ постоянно одевается в шкуры животных, ест пищу собак и свиней. Это усиливается еще тем, что алчные и жестокие чиновники своевольно приговаривают и убивают их. Погибая от мучений, не имея опоры, народ убегает в леса и горы, чтобы стать разбойниками. Полуголых, на половине до-

ржи, приговаривают к тюрьме. За год число их достигает тысяч и десятков тысяч. Когда воцарилась династия Хань, она сохранила это и не изменила. Хотя древнюю систему колодезных полей трудно сразу провести, но необходимо понемногу прилижаться к древности. Ограничить частное владение землей, чтобы уравнивать с тем, у кого земли недостаточно. Прекратить захват земли. Отдать народу соль и железо. Отменить рабство. Отменить право на убийство рабов. Уменьшить налоги, сократить повинности, чтобы облегчить положение народа. Только тогда можно будет хорошо управлять...»⁷

У-ди не согласился с ученым-конфуцианцем, но его преемникам пришлось искать выход из трудного внутреннего положения. В конце I в. начались восстания невольников на рудниках. Это были первые ласточки. Китайская экономика и социальная жизнь при внешнем блеске неуклонно разлагались. К концу I в. до н.э. это стало абсолютно ясно. Сановники Кун Гуан и Хэ У подали императору Пин-ди (1—5 гг. н.э.) доклад с просьбой, «...чтобы поля знати, чиновников и народа не превышали 300 му (му около 6 га. — Л.Г.), число рабов у князей не превышало 200, а у чиновников и народа не превышало 30. Срок закона должен был наступить через три года»⁸. Однако не хиньским монархам пришлось нести ответственность. В 8 г. н.э. канцлер Ван Ман узурпировал престол.

Но покинем на время Китай и вернемся в хуннские степи.

ХУННЫ ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ КИТАЯ

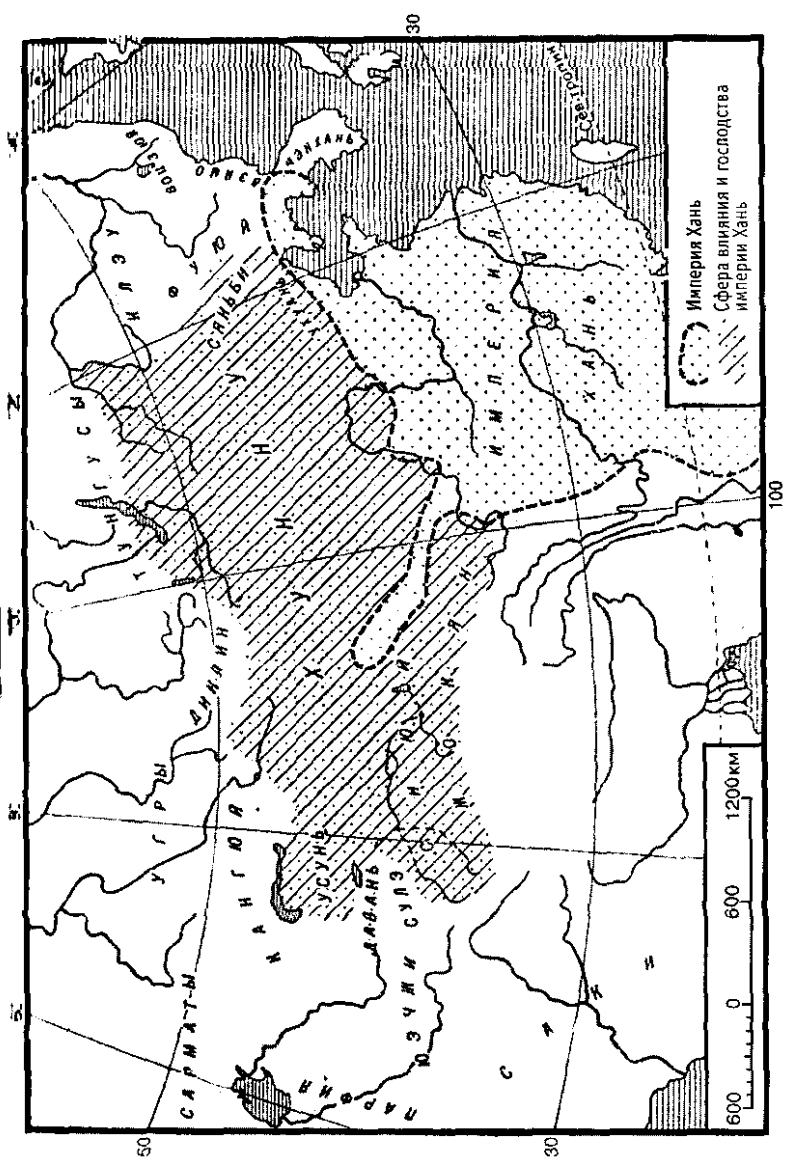
Хуханье-шаньюй умер в 31 г. до н.э., оставив много детей. По завещанию он передал престол старшему сыну второй жены, с тем чтобы ему наследовал младший брат. Это распоряжение в последующие годы приобрело силу закона.

Наследник принял титул Фучжулэй-жоди-шаньюй. Приставка «жоди» означает «почтительный» (подразумевается — к императору) и указывает на отказ от суверенитета. В 25 г. он явился ко двору с изъявлением покорности и получил в награду много шелка и бумажной ваты. В 20 г. он умер, передав престол своему младшему брату Сэусйе-жоди-шаньюю. Сэусйе-и послал сына в Китай на службу. В 12 г. Сэусйе умер, и престол перешел к его двоюродному брату — Гюйя-жоди-шаньюю. После смерти Гюйя-жоди в 8 г. шаньюем стал его младший брат Учжулю-жоди. Все перечисленные шаньюи от-

правляли старших сыновей на придворную службу в Китай, где те жили на положении почетных заложников. Политическое господство в степи, несомненно, принадлежало Китаю. Но не следует думать, что 30 лет покоя и подчинения вредно отозвались на состоянии хуннского народа. Хуннское общество усваивало китайскую культуру. Достижения цивилизации перестали казаться диковинками, и соблазны ее уже меньше пленяли воображение кочевников. Вместе с тем шла переработка и обновление степных традиций. Пусть с Чжичжи погибло много тысяч богатырей — за 30 лет эта утрата возместилась. Это явно показало событие 5 г. до н.э., само по себе маловажное. Один из усуньских князьков попытался по примеру отцов напасть на хуннские кочевья в поисках богатства и славы. Сперва он имел успех и награбил немало, но Учжюлю-шаньюю явился с войском и так разгромил князька, что последний не только вернул добычу и пленных, но даже отправил своего сына в заложники в хуннскую ставку, заявившись нападать на столь опасного соседа⁹.

Вскоре по возведении Учжюлю на престол китайское правительство попыталось обрезать земли хуннов. Посланник предложил шаньюю уступить небольшой клин, вдавшийся в китайские владения. Ценность этой земли заключалась в том, что там рос лес, годный на древки для стрел, и водились орлы, перья которых употреблялись для стрел. Шаньюю отказал и обратился с претензией к императору, на что ему ответили, что посол превысил свои полномочия и должен бы быть казнен, но подошел под амнистию и просто переведен на юг. В 1 г. до н.э. шаньюю приехал ко двору и получил больше подарков, чем его предшественники. Ханьское правительство старательно поддерживало мир. Но в 1 г. н.э. Ай-ди умер, и на престол вступил малолетний Пин-ди. Регентшей была объявлена императрица-бабка, а фактическим правителем стал ее фаворит Ван Ман. Он был преисполнен чувства собственного величия и резко изменил внутреннюю и внешнюю политику Китая.

В 4 г. китайский пристав¹⁰ запретил ухуаням давать дань хуннам. Когда приехал сборщик дани, ухуани отказали ему, и тот повесил за ноги ухуаньского старейшину. Раздраженные сородичи казненного убили сборщика. Шаньюю направил восточного чжуки-князя на усмирение, и несчастные ухуани принуждены были, бросив юрты и семьи, спастись в горах. Около тысячи женщин и детей хунны увели в плен и не вернули даже

Средняя Азия около 30 г. до н.э.

за выкуп¹¹. Ван Ман ничем не помог спровоцированным им ухуаням.

Тем временем Усунь распадалась. Дети младшего гуньмо Уцзюту погибли в междоусобной борьбе, и престол был передан китайцами новым князьям. Старший гуньмо Цилими стал насаждать у себя в уделе китайские порядки и запретил сородичам пасти скот на его пастбищах. Те возмутились и убили его. Китайцы ответили на это репрессиями, покатались головы виновных и невинных¹², и тогда, в 11 г. до н.э., один из князей увел 80 тыс. усуней в Кангюй. Там он просил помощи у кангюйского правителя для отвоевания своей страны, но, по-видимому, не получил ее и попытался договориться с Китаем. В 3 г. н.э. он был захвачен врасплох китайским отрядом и убит.

После этого почти исчезают упоминания об усунях, только под 436 г. сообщается, что под давлением жужаней усунь покинули родные кочевья и переселились в «Луковые горы»¹³, т.е. в западные отроги Тяньшаня. К этому времени они стали так малочисленны, что на них никто не обращал внимания. Остатки их, видимо, ассимилировались с таджиками.

Владетели Западного края были отнюдь не в восторге от подчинения Китаю, но ничего не могли поделать. Отношение их к Китаю было отрицательным. Так, например, когда владетель Кучи ввел в своем дворце китайскую одежду и обряды, о нем зло говорили: «Осел — не осел, лошадь — не лошадь, разве назвать его лошаком»¹⁴. Но о свержении китайского ига они и думать не могли: слишком неравны были силы.

Бывает в жизни, что ничтожные причины влекут за собой большие последствия. В 3 г. китайский чиновник арестовал Гугуя, владетеля Заднего Чэши. Последний пробовал спастись при помощи взятки, но безуспешно. Зная, что ему грозит долгая тюрьма и смерть, он рискнул и убежал к хуннам. Вместе с ним передался хуннам Танду, офицер китайской службы, по происхождению хунн. Он боялся Ван Мана, с приспешниками которого у него были личные счеты. Шаньюй принял было предложение ребезчиков, но по настоянию Ван Мана выдал их китайскому послу. При этом он просил пощадить Гугуя и Танду, но оба были обезглавлены¹⁵. Отношения между шаньюем и правителем были испорчены. Несмотря на это, был подтвержден старый договор, гласивший: «Отныне впредь Хань и Хунну будут составлять один Дом; из рода в род не будут ни обманывать друг друга, ни нападать друг на друга. Если случится воровство, то

внимно извещать и производить казнь и вознаграждение, при набеггах неприятелей взаимно вспомоществовать войском. Кто из них прежде нарушит договор, да воспримет кару от Неба и потомство его из рода в род да постраждет под сею клятвою»¹⁶. К этому договору теперь было добавлено, что хунны не должны принимать перебегающих к ним китайцев, усуней, жителей Западного края и уханей¹⁷. Сверх того, шаньюю было предложено называться односложным именем, так как в Китае Ван Ман запретил двусложные имена. Учжюлю-шаньюю не стал спорить и свое личное имя Нанчжиясы изменил на Чжи.

Пока все это были мелочи, но после вступления на престол Ван Ман захотел большего — неограниченной власти внутри и вне Китая. Такой власти до него никто не имел: даже китайские императоры считались с законами своей страны.

ПРИВРАТ ВЛАСТИ ВАН МАНОМ И ЕГО РЕФОРМЫ

Вступив на престол, Ван Ман, вдохновленный конфуцианскими идеями, заявил, что династия Хань потакала сильным и обижала слабых, что люди наживались за счет других и, наконец, что «человек благороднее всего»¹⁸. Начал он с земельных отношений. Его указ гласил: «Ныне я изменяю названия следующим образом: все поля империи будут называться царскими полями, рабы и рабыни — частно зависимыми. Всех их [землю и рабов] ни продавать, ни покупать. Если мужчин меньше восьми, а земли больше, чем колодезное поле, то излишняя земля передается родичам до девятого колена, соседям или односельчанам. Все безземельные ныне должны получить землю по закону. Нарушители мудрой системы колодезных полей, беззаконные возмутители масс, будут сосланы на границы для работы от горных дьяволов»¹⁹.

Ван Ман отменил также старый порядок отливки монет, согласно которому все желающие могли отливать их из меди и платили налог за ремесло (патент). При выплавке полновесной монеты этот промысел был бездоходен, что вызывало порчу монеты. Еще во II в. до н.э. указывалось на порочность системы, но она держалась²⁰. Ван Ман указом запретил отливку монеты: «У тех, кто осмелится заниматься противозаконной выплавкой монеты... конфискуется имущество, и сами они становятся государственными рабами вместе с четырьмя соседями, которые знали и не донесли»²¹. Круговая порука

была причиной гибели множества невинных, так как удержать соседа от преступления было невозможно. Отливка монеты 200 лет была ремеслом; отливщики кормились ею и ничего другого не умели делать. Чтобы не умереть с голоду, они нарушали запрет, но закон был строг: «...люди, нарушившие запрет об отливке монеты, в числе пятерок семей... подверглись аресту, конфискации имущества и стали государственными рабами... Мужчины на телегах в клетках для преступников, женщины и дети пешком с бряцавшими на шее железными цепями в количестве сотен тысяч были... переданы чиновникам, ведающим отливкой монеты... От горя и мучений погибали шесть-семь из десяти...»²².

Не менее строгий контроль был установлен над торговлей: «Ведающие рынками в среднюю луну каждого времени года устанавливают высшие, средние и низшие цены на товары, которыми они ведают. Каждый из них применяет уравнение цены на своем рынке, не вмешиваясь в другие области. Если пять сортов зерна, холст, шелковые ткани, пряжа и другие товары, широко потребляемые народом, останутся непроданными, ведающий ими чиновник не допускает снижения цены, покупая их по основной цене, выяснив их действительную стоимость. Если цена на товары повысится даже на один цань, то он будет продавать их народу по средним ценам. Когда цена товаров ниже средней, он предоставляет народу вести обмен друг с другом, чтобы предотвратить накопление и удорожание»²³. Смысл закона был именно в последних словах: Ван Ман хотел ограничить рост богатства в частных руках и за счет этого увеличить государственные доходы.

Результаты закона не замедлили сказаться: «...земледельцы и купцы остались без занятий, продовольствие и товары исчезли, народ плакал на рынках и дорогах. Невозможно было сосчитать число осужденных из знати, служилых людей и простого народа за продажу полей, рабов и выплавку монеты...»

Большое количество государственных рабов позволило Ван Ману затеять огромные постройки дворцов-храмов, но рабов для этого оказалось недостаточно. «Ван Ман объявил по всей стране большой набор ремесленников и рисовальщиков... Во всех храмах было много зал, вершины и основания колонн украшались тонкой медью, золотом, серебром и резным орнаментом, доведенным до предела искусством мастеров... Денег трагитались миллионы... рабов и преступников умерло несколько тысяч...»²⁴

Реформы Ван Мана вызвали огромное противодействие. Поэтому через несколько лет он вынужден был отменить запрет купли-продажи земли и рабов. В конце 12 г. н.э. последовал указ, гласивший: «Царские поля, переданные на кормление, и особенно зависимые [рабы] могут продаваться и покупаться без ограничения законом»²⁵. Этот закон был издан в интересах землевладельцев, рабовладельцев и, видимо, главным образом чиновников, разбогатевших на государственной службе и скупавших земли у опальной старой знати. Указ сводил на нет те немногие послабления, которые вначале были сделаны крестьянам и рабам. Чиновники и офицеры были так нужны Ван Ману, что он решился на то, чтобы поделиться с ними доходами. Властью же он ни с кем не делился. Поддержкой широких слоев населения он пренебрегал; для поддержания своего престижа он предпочитал набирать в войско людей деклассированных: осужденных на смерть преступников, беглых рабов и бродяг²⁶. Столь жестокой и сильной власти Китай еще не знал. Таковы были результаты последовательного применения конфуцианской доктрины²⁷.

ОТЛОЖЕНИЕ ХУННУ ОТ КИТАЯ

В отношениях с хуннами Ван Ман повернул руль так же резко, как и внутри страны. Преисполненный высокого мнения о своей власти, он задумал перевести шаньюя в ранг пограничного вассального князька. Для этого нужно было сменить государственную печать шаньюя.

На печати, полученной Хуханье-шаньюем в 47 г. до н.э., были вырезаны слова: «Хунну шаньюй си», т.е. «Государственная печать хуннского шаньюя». Ван Ман велел изготовить другую печать с надписью: «Син Хунну шаньюй чжан» — «Новый знак хуннского шаньюя». Такая печать давалась в Китае отдельным князьям и высшим чиновникам. Приняв ее, шаньюй перестал бы быть независимым государем²⁸.

В 9 г. н.э. китайский посол явился к шаньюю, известил его о смене династии и предложил сдать старую печать и принять новую. Восточный гуси-князь Су посоветовал шаньюю посмотреть новую печать, а потом менять, но китайский посол настоял, и доверчивый шаньюй, отдав старую, принял новую, не посмотрев ее. После этого начался пир, тянувшийся до поздней ночи. Ночью же китайский посол, опасаясь, что шаньюй пот-

ребует возврата старой печати, разбил ее. Действительно, утром явились хунны и потребовали ее, так как переводчики разобрались в новой надписи. Посол твердо ответил, что смена печати — воля императора и что шаньюй обязан принять новое назначение. Видя, что дела не изменить, шаньюй принял подарки и сделал вид, что он на все согласен. Обрадованный успехом, посол потребовал еще выдачи перебежчиков-ухуаней, которых он обнаружил в ставке шаньюя. Последний согласился и на это и послал 10 тыс. всадников к границе под предлогом ловли перебежчиков. На самом деле хуннские всадники блокировали крепость Шофан.

В 10 г. китайский пристав Дао-ху казнил князька Заднего Чеши. Брат последнего собрал свой народ и ушел к хуннам. Он был принят, получил в помощь 2 тыс. всадников и произвел набег на китайские гарнизоны в Западном крае. Дао-ху был болен и поручил оборону своим помощникам. Они же, «видя, что Западный край очень склонен к бунту, а хунны готовятся к великому нашествию, опасались, чтобы всем не погибнуть»²⁹, убили своего командира и перешли на сторону хуннов. Шаньюй принял их с почетом и дал чины. Это послужило поводом к войне. Тогда же хуннский южный предводитель и западный ичжицзы-князь напали на гарнизоны Западного края, хотя, по-видимому, ничего не достигли. Ван Ман был возмущен, но, привыкнув подкупать китайских вельмож и чиновников, он задумал применить ту же систему и к хуннским старейшинам. Он пригласил к себе князей, родственников Хуханье-шаньюя, с тем чтобы отобрать из них 15 человек и поставить их шаньюями. Ван Ман надеялся разделить силы хуннов. Однако из этой затеи ничего не вышло. Хуннские князья не пошли на измену. Китайцам удалось заманить только одного князя Хяня. Он, ничего не подозревая, приехал с двумя сыновьями, надеясь лишь попить и получить подарки, а его схватили и «силою произвели в шаньюи»³⁰ в 11 г. н.э.

Узнав об этом, Учжюлю-шаньюй сразу «вспомнил», что Ван Ман — не потомок Сюань-ди, и отказался признать узурпатора. Началась война. Летучие отряды хуннов опустошили границу и угнали к себе огромное количество скота и пленных. Богатые области, 80 лет не видавшие врага, за один год опустели.

Разгневанный Ван Ман приказал мобилизовать 300 тыс. ратников и «загнать хуннов в Динлин»³¹, т.е. в Саянские горы. Напрасно ему указывали на абсурдность предприятия, так как

большое войско в степях либо будет беспомощно из-за отсутствия продовольствия и топлива, либо будет снесено собственным обозом. Опытные полководцы предлагали вести борьбу мобильными отрядами, громить хуннские кочевья и угонять стада — материальную базу противника. Ван Ман никого не слушал. Сбор войск и провианта продолжался. «Империя была приведена в движение»³², а хунны тем временем нападали и грабили, срывая самую возможность похода.

Пытаясь посеять раздор среди хуннов, Ван Ман послал к ним новоиспеченного шаньюя Хяня, но последний вместо выполнения поручения императора сразу же явился к законному шаньюю и рассказал о своем невольном возведении. Учжюлю-шаньюю не наказал его, но послал воевать с китайцами в чине юйсучжи-чжихэу — самый низший чин у хуннов.

Когда это стало известно в Китае, Ван Ман приказал казнить сына Хяня. Другой сын умер от болезни. Но это не поправило дел на фронте. Огромная армия так и не смогла собраться и от долгих приготовлений разложилась, деморализовалась и стала непригодной к дальнему походу. Все базы на границе были уничтожены хуннами, пограничные области превратились в пустыню.

К счастью для Ван Мана, его враг, Учжюлю-шаньюю, умер в 13 г. н.э.

НОИН-УЛА

Учжюлю-шаньюю был торжественно похоронен и пролежал в могиле под курганом 1911 лет. В 1924 г. курган этот был раскопан экспедицией П.К.Козлова, и находки из него хранятся теперь в Эрмитаже. Курган датируется точно благодаря надписи на лакированной китайской чашечке: «Сентябрь 5 года. Цяньпин, изготовитель Ваньтаньцзин, живописец украшений Хо, другой изготовитель И, наблюдал Бянью». Дата соответствует 2 г. до н.э. На дне чашечки была надпись: «Шаньлинь» — название дворцового парка около Чанани. Там в 1 г. до н.э. Учжюлю-шаньюю был принят императором и богато одарен³³.

Коллекция из кургана № 6 (Ноин-ула) — это выставка вещей, которыми пользовались хунны. Самое видное место занимают ткани: китайские, бактрийские и местные. Предметы искусства показывают, что хунны были под обаянием скифского «звериного» стиля. На серебряных бляхах изображен бык с ан-

тропоморфной головой; на лице подчеркнута монголоидность, но длинные вьющиеся волосы расчесаны на прямой пробор. Очевидно, это была прическа, модная у хуннов I в. Бык стоит на схематически показанных горах около двух изящных сосен. Наибольшее внимание привлекает коса, демонстративно привязанная, кокетливо свисающая с темени на правое ухо. Это очень существенная деталь. Привязанные косы были обнаружены и в других курганах ноин-улинской группы. Они были сплетены из конского волоса и хранились в футлярах.

А.Н.Бернштам полагает, что это «приношения со стороны подчиненных в могилу их владыки»³⁴, но на бляхе мы видим косу, прицепленную к темени. Значит, она составляла часть парадной прически. Вместе с подчеркнутой монголоидностью лица, отнюдь не гармонирующей с волнистыми волосами, привязанная коса заставляет нас вспомнить таштыкские маски, более монголоидные, нежели лица под ними. Очевидно, монголоидное лицо и сяньбийская коса, вообще дальневосточный облик представлялся хуннам I в. более красивым, чем западный. Так, у современных теленгитов большие глаза и высокий нос считаются уродством.

Значит, дальневосточный идеал красоты в I в. до н.э. возобладал над западными элементами, еще сохранившимися в изобразительном искусстве по традиции (предметы, выполненные в скифском «зверином» стиле)³⁵. Высокое мастерство и хороший вкус хуннских мастеров I в., знавших китайское искусство и иногда подражавших ему³⁶, показывают, что искусство и культура имели богатые возможности развития. Об этом говорят и другие археологические находки, датируемые I в. до н.э. — I в. н.э. К их числу относятся в первую очередь остатки древних оседлых поселений³⁷ эпохи Хань, что указывает на наличие у хуннов частичного перехода к оседлости. Сопоставление этих находок с упоминаниями о неурожаях и саранче, истребившей посевы проса, дает возможность заключить, что наряду со скотоводством хунны начали осваивать земледелие³⁸. Та же картина наблюдалась и у усуней I в. Археологами открыта усуньская керамика в сочетании с обугленными зернами и жерновами³⁹. При современном состоянии наших знаний мы еще не можем решить, было ли появление земледелия у кочевников результатом китайского влияния⁴⁰ или возникло самостоятельно в результате появившейся потребности в хлебе. За первое говорит широкое распространение китайских товаров в западных странах.

Ханьские зеркала достигли берегов Волги⁴¹. В усуньских могилах обнаружен китайский красный лак⁴². Шелк широкой струей тек в Римскую империю, причем китайцы и римляне не встречались. В «Каменной башне» около Кашгара согдийские купцы забирали товар у китайцев и везли в Бактры (Балх), где передавали его парфянским купцам, от которых он попадал к римлянам⁴³. При такой передаче римляне имели ежегодный дефицит в 20 миллионов сестерциев. Эти суммы, которые выплачивались золотом, обогащали не китайцев, а согдийцев и парфян⁴⁴.

Но не только с вещами распространялась китайская культура: люди Китая все время разными путями попадали в степь и оседали в хуннских владениях. Первая мощная волна эмиграции имела место в III в. до н.э. при династии Цинь⁴⁵. Во время войн китайцы-пленные пополняли число оседлых подданных хуннского шаньюя⁴⁶. Наконец китайские женщины, выдаваемые замуж за шаньюев и князей, и их свита приносили китайские вкусы и взгляды, а многочисленные перебежчики, поступавшие на службу и делавшие карьеру (как, например, Вэй Люй, Ли Лин), обучили хуннов тонкостям дипломатии и военному искусству. Наличие сильного китайского влияния на хуннскую культуру несомненно, но было бы неверно приписывать ему все сдвиги в хуннском хозяйстве и идеологии. Повседневная жизнь диктовала необходимость усовершенствований более сильно, чем пример и влияние. Можно думать, что стремление избавиться от китайского хлебного импорта стимулировало развитие хуннского и усуньского земледелия. С этой точки зрения союз с Китаем при Хуханье и его преемниках приостановил оседание хуннов: «подарки» шаньюю делались хлебом, что избавляло кочевников от необходимости самим возделывать злаки, зато побуждало их развивать скотоводство, так как кожи находили спрос на китайском внутреннем рынке. Вероятно, именно подчинение Китаю позволило хуннам остаться кочевым, скотоводческим народом. Это определило и направление их политики к тому времени, когда бурные события вовлекли их в свой водоворот.

МЕНА ДИНАСТИИ

Как уже отмечалось, у хуннов не было единомыслия по основным вопросам политики. Сильная рука Учжулю вела народ по дороге войны. После его смерти подняли голову сторонники

примирения. Во главе их оказался правитель дел Сюйбудан. Само имя показывает принадлежность его к знатному роду Сюйбу, сосредоточившему в своих руках судопроизводство. Он был женат на дочери Ван Чжао-гюня, китайянке, выданной замуж за Хуханье-шаньюя в 33 г. до н.э.⁴⁷ и имевшей от него сына. После смерти первого мужа она стала женой его наследника, Фучжуляя, и родила двух дочерей⁴⁸. На одной из них женился Сюйбудан. Вместе со своим шурином он возвел на престол бывшего ставленника Ван Мана — Хяня, чтобы покончить войну с Китаем.

Хянь принял титул Улэй-жоди-шаньюя, а своему младшему брату, отстраненному вождю военной партии, дал титул восточного лули-князя, сыну же Учжулю, Сутухубэню, — титул восточного чжуки-князя. Но Хянь ненавидел Учжулю за то, что тот поставил его в смешное положение. Поэтому он обошел Сутухубэня и назначил наследником своего сына, дав ему титул хюю — «превосходительный». Сутухубэнь же вскоре исчез. Был ли он убит или умер — неизвестно. Восточным чжуки-князем стал брат Хяня — Юй.

В 14 г. Хянь отправил в Китай посла, который известил императора о желании нового шаньюя вступить в переговоры. Ван Ман предложил Хяню отдать его сына в обмен на чешских изменников. Он обманывал хунна, уверяя, что его сын жив. Хянь выдал перебежчиков — 27 человек. Ван Ман сжег их на площади. После этого Ван Ман счел войну законченной и распустил войско, поручив охрану границы наемным дружинам из хуннов и ухуаней. Хянь ждал возвращения сына и всеми силами препятствовал своим подданным продолжать войну, но в мае 15 г. ему был возвращен труп сына, а также вернулись из плена хуннские вельможи, свидетели казни. Китайцы пытались утешить шаньюя подарками. Он подарки принял, но мешать войне в степи перестал, и она вспыхнула с новой силой.

Против Китая восстали ухуани, которых Ван Ман мобилизовал в армию, а семьи взял в заложники. Старейшины их сговорились с хуннами и увели свои племена⁴⁹. Хуннские князья и их родовичи, не сдерживаемые более шаньюем, обрушились на китайскую границу. Фантастическое легкомыслие Ван Мана, распустившего армию, пришлось им на руку.

В Западном крае восстал Харашар и передался хуннам. Один из китайских отрядов, шедших на усмирение, попал в засаду, был разбит и при отступлении истреблен. Другому отряду уда-

лось ворваться в Харашар и убить нескольких жителей, затем он отступил в Китай. Наместник укрепился в Куче, но, не имея помощи из Китая, погиб⁵⁰. Хунны захватили Западный край, только Яркенд сохранил верность Китаю⁵¹.

В 18 г. Хань умер, и на престол вступил его брат Юй с титулом Худурши Дао-гао-жоди-шаньюй. Юй пытался договориться с Ван Маном, но тот вернулся к своему плану разделения чинов. Он захватил Сюйбудана, приехавшего для переговоров, и возвел его в шаньюй. Но Сюйбудан вскоре умер от болезни, а внутренние дела отвлекли Ван Мана от Хунну.

ВОССТАНИЕ «КРАСНОБРОВЫХ» И ГИБЕЛЬ ВАН МАНА

С 17 г. н.э. Китай постигла та же судьба, что Хунну и Усунь, — внутренняя война. Во всех трех государствах формы борьбы были различны: в Хунну шел род на род; в Усуни грызлись царевичи, опираясь на свои дружины и китайские или кангюйские отряды; в Китае произошло народное восстание. Основной причиной народного недовольства были невыносимые условия жизни, созданные реформами Ван Мана, и ничем не сдерживаемый произвол его чиновников. Вдобавок возник голод вследствие неурожая, и количество жителей, убежавших в разбойники, увеличилось. Вождями их стали доселе неизвестные, но храбрые и энергичные люди: Ван Куан и Ван Фын из Хубэя и Фань Чун из Шаньдуна. «Когда Ван Ман послал войска напасть на них, они выкрасили брови в красный цвет, чтобы отличить своих от воинов Ван Мана»⁵².

Восставший народ обратил свой гнев не против старой, а против новой знати; программой повстанцев стало восстановление династии Хань. Вожди повстанцев провозгласили императором Лю Пэн-цзы. Главными врагами повстанцев были чиновники ненавистного узурпатора.

Любопытно, что и хунны официально стояли на платформе легитимизма и отказали Ван Ману в повиновении на том основании, что он не из династии Хань. Ван Ман опирался лишь на купленных сторонников, и это предрешило исход борьбы. Вскоре к крестьянскому восстанию прибавился военный заговор. «Ма Шицю из Узюйлу вместе с другими задумал поднять войска в Янь и Чжао, чтобы казнить Ван Мана». По доносу заговорщики были схвачены и казнены. «С тех пор Ван Ману перестало везти, он постоянно навлекал на себя гнев народа...»⁵³.

В 21 г. на юге Китая, в «Зеленых лесах», поднялись свыше 10 тыс. человек. Теснимые правительственными войсками, они ушли в устья Янцзы и поэтому получили название «повстанцы низовой реки». В районах рек и озер повстанцами руководил человек, называвший себя князем Фань; к нему стекались члены рода Лю, из которого была фамилия Хань. «Разбойники сначала восстали из-за голода и нищеты. Они думали, что с урожаем смогут вернуться в свои деревни. Но число их возрастало и достигло десятков тысяч. Они не смели нападать на города, с утра до вечера грабили лишь пищу. Все старшие начальники и правители областей погибли в затеянных ими самими драках, разбойники не смели их убивать. Но Ван Ман так и не понял этого»⁵⁴. Для борьбы с повстанцами он создал войско из освобожденных рабов, помилованных убийц и других, которое назвал «Бросок кабана». В это время уже весь восток Китая был охвачен восстанием, а северная граница начисто разграблена хуннами. К бедствиям войны добавилось еще нашествие саранчи.

Первое время «кабаны» имели успех, но, столкнувшись с главными силами «краснобровых», потерпели полное поражение.

Зимой 23 г. вспыхнуло восстание старой знати во главе с царевичем Лю Сю из дома Хань. Сторонники Лю Сю имели свою военную организацию, издавали приказы, организовали правительство, действовали в союзе с «краснобровыми», но не смешивались с ними.

Ван Ман разъярился и приказал сформировать новую армию, получившую название «Зубы тигра», но Лю Сю разбил это войско. От «зубов тигра» остались несколько тысяч человек, которые вернулись в столицу. Наступление ханьских войск превратилось в триумфальное шествие. Потомок Хань (Лю Сюань) был объявлен императором под именем Гэн-ши. Солдаты и офицеры Ван Мана спешили подчиниться императору династии Хань.

Когда театром военных действий стали Шэньси и Шаньси, Ван Ман, махнув рукой на хуннов, снял войска с северной границы и послал их на повстанцев. Но народные массы дружно выступили против ненавистного режима. Небольшие отряды повстанцев на свой страх и риск бросились на штурм столицы (Чанани). Думали только о том, кто первый ворвется в город.

Ван Ман освободил преступников из тюрем и послал их биться с повстанцами, но преступники разбежались. Повстанцы разрыли могилы семьи Ван Мана и сожгли гробы. Вспыхну-

ли девять построенных им храмов, дворец, императорская школа; зарево освещало весь город. Повстанцы ворвались в город через северные ворота.

Сторонники узурпатора отчетливо понимали, что дело их проиграно, но никто не соглашался на сдачу. Ожесточение влекло их к оружию, и уличные бои продолжались до тех пор, пока у ванмановцев не иссякли стрелы. Только один Ван Ман не понимал того, что творилось вокруг. Глядя на зарево пожара, отражавшегося в великолепных прудах Цзянтай, видя израненных соратников и слыша крики своих врагов, он говорил только: «Небо облекло меня властью, разве могут причинить мне вред ханьские солдаты?»⁵⁵. Наконец повстанцы ворвались во дворец; в рукопашных схватках пали последние защитники. Красавица из гарема указала, где скрывается Ван Ман, и толпа устремилась туда. Ван Ман был немедленно убит.

Сторонники Ван Мана капитулировали, «Поднебесная принадлежала династии Хань». Но кровопролитие не кончилось.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ ХАНЬ

Знать и крестьяне совместно покончили с тираном, но интересы их были различны. «Краснобровые» во главе с Лю Пэн-цзы в 25 г. начали новую гражданскую войну против знати⁵⁶.

Хуннский шаньюй оказал поддержку «краснобровым». Благодаря позиции хуннов, вождь повстанцев Лю Пэн-цзы и его полководец Фань Чун одержали полную победу. В 27 г. столица снова была взята и император Гэн-ши убит, но его младший троюродный брат Лю Сю, возглавив своих сторонников, разбил Лю Пэн-цзы, принял императорский титул Гуан Уди и основал новую династию — Восточную (или Позднюю, или Младшую) Хань.

Итак, в I в. н.э. гражданские войны потрясли государственную систему китайской империи. «Голодные поедали друг друга. Убитых насчитывалось несколько сот тысяч. Столица превратилась в развалины»⁵⁷. Однако Китай выдержал. Не менее устойчивой в этот период оказалась и хуннская держава.

Хунну вышло из борьбы усиленным. Шаньюй Юй восстановил мощь империи Модэ. Когда посол нового императора предложил Юю возобновить договор, заключенный Хуханье в 47 г. до н.э., шаньюй возразил, что времена переменялись: тогда Хунну было слабо, а Китай силен, сейчас же хунны заняли

все пограничные места и восстановили границу, установленную первыми шаньюями. Гибель Ван Мана шаньюей также приписывал своему вмешательству и на основании этого от возобновления договора категорически отказался. Борьба между степью и городом была неизбежна, перипетии же ее составляли содержание новой эпохи. Обе стороны собрали все средства для войны — от длинного копья и тугого самострела до острого языка дипломата и шелковых нарядов для подкупа вельможных наложниц. Но решающим фактором в борьбе оказались процессы этногенеза, в свою очередь обусловленные развитием экономики и культуры Дальнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 213—214.
- ² Настоящая работа посвящена в основном хуннам, поэтому данные, касающиеся Китая, даются суммарно и лишь настолько, насколько нужно для истории хуннов.
- ³ *Хэ Ци-аюнь*. Краткий очерк истории Цин Хань. Шанхай, 1955 // Реферативный сборник. 1956. № 17. С. 161.
- ⁴ Цит. по кн.: Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. М., 1950. С. 318.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Колодезное поле — система общинного землевладения, в которой за единицу принимались участки земли вокруг одного участка, обрабатываемого в пользу государства.
- ⁷ «История первой династии Хань» Бань Бяо, Бань Гу и Бань Чжао // Двадцать пять лет династических историй. Т. I. Шанхай, 1935. Пер. Л.Д. Позднеевской; см.: Хрестоматия по истории древнего мира. С. 320.
- ⁸ Хрестоматия по истории древнего мира. С. 325.
- ⁹ *McGovern W.* The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 154—155.
- ¹⁰ Чиновник, особо уполномоченный по делам данного племени. Его задачей было соблюдение интересов Китая.
- ¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 103.
- ¹² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 197.
- ¹³ Там же. С. 258.
- ¹⁴ Там же. С. 204.
- ¹⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 101; Т. II. С. 210.
- ¹⁶ Там же. С. 92.
- ¹⁷ Там же. С. 102.
- ¹⁸ Хрестоматия по истории древнего мира. С. 326.
- ¹⁹ Там же. С. 326—327.
- ²⁰ Там же. С. С.319.
- ²¹ Там же. С. 326—327.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 329.

- ²⁵ Там же. С. 328.
- ²⁶ Там же. С. 329.
- ²⁷ «Проекты Ван Мана, внушенные конфуцианским утопизмом, не могли привести ни к отмене частной собственности на землю, ни к уничтожению рабства» (см.: *Симоновская Л.В.* Очерки истории Китая. М., 1956. С. 32).
- ²⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 103.
- ²⁹ Там же. С. 105; Т. II. С. 211.
- ³⁰ Там же. С. 106.
- ³¹ Там же. С. 107.
- ³² Там же. С. 109.
- ³³ См.: *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 37—38.
- ³⁴ Там же. С. 46—47.
- ³⁵ Раскопки в Ноин-ула и добытые там вещи описаны. См.: *Теплоухов С.А.* Раскопки курганов в горах Ноин-ула. Л., 1925; *Козлов П.К.* Современная Монголия — Ноин-улинские памятники. Л., 1925; *Trever C.V.* Excavations in northern Mongolia. L., 1932; *Бернштам А.Н.* Гуннский могильник Ноин-ула // Известия отделения общественных наук. 1937. № 4 и путеводители по Государственному Эрмитажу.
- ³⁶ *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // ВИМК. 1958. № 5. С. 37—38.
- ³⁷ Свыше 200 селищ и городищ. См.: *Киселев С.В.* Древние города Монголии // Советская Археология. 1957. № 2. С. 91—101; *Пэрлэз Х.К.* Истории древних городов и поселений в Монголии // Советская Археология. 1957. № 3. С. 43—53].
- ³⁸ См.: *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи... С. 42.
- ³⁹ *Воеводский М.В., Грязнов М.П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР (к истории усуней) // ВДИ. 1938. № 3.
- ⁴⁰ *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи... С. 39.
- ⁴¹ *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 10.
- ⁴² *Воеводский М.В., Грязнов М.П.* Усуньские могильники... С. 168.
- ⁴³ *Hertan A.* Die Seidenstrassen vom alten China nach dem Römischen Reich // Mitteilungen der Geographische Gesellschaft in Wien. Bd. 58, 1915. S. 482.
- ⁴⁴ *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи... С. 48.
- ⁴⁵ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 78.
- ⁴⁶ *Давыдов А.В.* Иволгинское городище (к вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // Советская Археология. 1956. № 25. С. 268—273 и 295—300.
- ⁴⁷ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 93.
- ⁴⁸ Там же. С. 97.
- ⁴⁹ Там же. С. 145.
- ⁵⁰ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 212.
- ⁵¹ Там же. С. 229.
- ⁵² Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. С. 328.
- ⁵³ Там же. С. 329.
- ⁵⁴ Там же. С. 330.
- ⁵⁵ Там же. С. 335.
- ⁵⁶ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 113.
- ⁵⁷ Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. С. 335.

ХIII. Раскол

УСПЕХИ ХУННОВ

Шаньюй Юй был человеком с сильной волей и ясной головой. Он помог сбросить Ван Мана не для того, чтобы восстановить могущественную империю Хань. Он немедленно отказал в поддержке новому императору Гэн-ши и, заключив союз с «краснобровыми», способствовал его гибели. Когда же брат погибшего Лю Сю расправился с Лю Пэн-цзы, ставленником «краснобровых», шаньюй выдвинул нового претендента — Лу Фана. Лу Фан, по-видимому, был талантливым авантюристом. Он стал во главе небольшого восстания пограничных кочевников против Ван Мана и вместе с ними подчинился хуннам. У хуннов он прожил несколько лет, выдавая себя за князя из рода Лю, т.е. родственника императорского дома. Поражение «краснобровых» вынудило шаньюя искать новый повод для вмешательства в китайские дела, и тут Лу Фан как нельзя более пригодился. Он согласился выступить претендентом на престол. Шаньюй нашел ему поддержку в Китае: сторону Лу Фана принял полководец Ли Хин. Вскоре Лу Фан с помощью хуннских всадников приобрел значительные территории на севере Китая.

В 30 г. император Гуан У-ди (Лю Сю) снова попытался вступить в переговоры с шаньюем, но шаньюй с презрением отверг их и предложил признать Хунну империей, равной Китаю. Переговоры из года в год повторялись, а война шла своим чередом.

В 33 г. китайское войско двинулось против хуннов и потерпело полное поражение. Хунны усилили набеги. В 37 г. они прорвались за границу и загнали китайские войска в крепости. Китайское правительство, будучи не в силах организовать отпор, перевело пограничных жителей внутрь Китая, и хунны заняли свои старые земли. Даже внутри Китая появились хуннские кочевья. Китайцы ограничивались обороной: устройством маяков с вестовыми огнями и застав.

В 40 г. наметилась возможность мира: китайцы обещали шаньюю «Зеленые горы» за выдачу Лу Фана. Шаньюю соблазнил и послал Лу Фана в Китай, но не получил ничего. Лу Фан в Китае оправдался, избег казни и снова вернулся к хуннам.

В источниках вся эта история изложена слишком кратко, чтобы понять ее подоплеку. Самое важное здесь то, что война не только не затихла, но, наоборот, усилилась. Хуннские набеги стали тревожить уже внутренние области Китая, а граница вся оказалась в руках хуннов. В 44—45 гг. было ясно, что китайцы войну проиграли и что спасти их может только чудо. И чудо их спасло! Хунны сами уничтожили свои успехи.

БОРЬБА ВНУТРИ ХУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Шаньюю Юй был стар. На протяжении всей своей долгой жизни он стремился возродить державу Хунну во всем ее прежнем блеске.

Несмотря на то, что Юй получил престол от брата, который стал шаньюем в результате узурпации, власти у самого Юя никто не оспаривал, но законными наследниками, согласно обычаю, были сын Хуханье-шаньюя — Иту-Чжясы, как старший в роде, и Би, сын Учжюлю-шаньюя. Порядок престолонаследия у хуннов менялся. Во II в. до н.э. Модэ и его потомки передавали престол по завещанию своим детям, которых утверждал совет князей и старейшин. Цзюйдихэу пришел к власти в 101 г. до н.э. в результате выборов, и с этого времени установился новый порядок престолонаследия, очередной: от старшего брата к младшему, от младшего дяди к старшему племяннику. Это изменение было связано с ослаблением шаньюева рода и усилением родовых старейшин, которые привнесли в управление державой свои представления о праве.

Выше уже говорилось, что противоречия этих двух групп

Хунну

хуннской знати вылились в борьбу прокитайской «придворной» и антикитайской «военной» партии. Борьба эта, начиная с I в. до н.э., красной нитью проходит сквозь всю историю Хунну. «Придворная партия» при первых шаньюях была весьма агрессивна, главным образом по отношению к Китаю. Оппозиция еще не сложилась, и страна во II в. до н.э. была относительно монолитна. Понесенные поражения заставили «придворную партию» в первой половине I в. до н.э. искать мира с Китаем хотя бы ценой небольших уступок. Зато оппозиция выросла в «военную партию», стремившуюся восстановить «господство над народами». Во внутренней борьбе «военная партия» победила, но во внешней была разбита, и подчинение Китаю в 47 г. до н.э. было следствием этого. Потомки Модэ оказались отесненными от высших должностей, которые заняли потомки Цзюйдихэу. Хянь и Юй были из обедневшей знати. Хяня возвели на престол китаефилы, чтобы возродить соглашательскую политику «придворной партии». Юй же восстановил ее агрессивную политику, ведь недаром он сравнивал себя с Модэ. Юй опять изменил порядок престолонаследия, вернувшись к старому обычаю завещать престол сыну. Сын Хуханье, Иту-Чжясы, был рожден китайской царевной. В 47 г. она была подарена Хуханье для скрепления договора и по наследству досталась его старшему сыну Фучжулэу. Юй не для того отвоевывал у Китая царство, чтобы оставить его полукитайцу. Отступить он не мог и не хотел. Иту-Чжясы был убит, а наследником объявлен сын Юя — Удадихэу. Вождем «военной партии» представлялась альтернатива: погибнуть от самовластия узурпатора или изменить принципы и пойти на союз с Китаем.

РАЗДЕЛ ДЕРЖАВЫ

Гибель Чжясы не осталась тайной. Би, сын Учжулю-шаньюя, увидел в ней грозное предупреждение. Ведь по прямой линии он был наследником Учжулю, так же как Чжясы был наследником Учжулю по праву очередности и старшинства. Чин у Би был очень незначительный — Югянь-жичжо-князь, т.е. наместник шаньюя в роде Югянь. Сопrotивляться шаньюю он не мог и стал просто уклоняться от поездок в ставку, стараясь не попадаться ему на глаза. Это поведение вызвало у шаньюя подозрение, и он приставил к Би двух гудухэу для наблюдения за ним и его войском. В 46 г. шаньюй Юй умер; вскоре умер и его на-

следник Удадихэу. Престол получил второй сын Юя — Пуну. В эти годы землю хуннов посетили три несчастья: засуха, саранча и эпидемия. От голода и эпидемии хунны потеряли больше людей, чем от двадцатилетних войн.

Новый шаньюй решил закончить затянувшуюся китайскую войну и отправил в Китай посольство с предложением заключить договор «мира и родства». Этим воспользовался Би. Он стал на путь измены. Сначала он послал в Китай карту хуннских земель, а в 47 г. сам съездил к китайскому наместнику и выразил желание перейти в подданство империи Хань. Его поведение не укрылось от наблюдавших за ним гудухэу, которые донесли шаньюю об измене князя Би и рекомендовали казнить его, пока он не успел вызвать смятение в государстве.

Би спас степной обычай — узун-кулак («длинное ухо»), благодаря которому все новости и слухи немедленно передаются от человека к человеку.

Брат Би, кочевавший неподалеку от ставки шаньюя и услышавший об опасности, грозившей Би, немедленно поскакал к нему и сообщил об этом. Би собрал своих приверженцев и стал поджидать обоих гудухэу, чтобы убить их. Но те по пути домой таким же образом узнали о засаде и успели ускользнуть к шаньюю. Шаньюй Пуну смог отправить против Би всего 10 тыс. воинов, в то время как у Би собралось 40 тысяч. Воины шаньюя отошли, не вступив в бой.

В 48 г. старейшины восьми южных родов провозгласили Би Хуханье-шаньюем II и откочевали в Китай. Имя Хуханье было выбрано не случайно: Би заключил с Гуан У-ди союз и стал защищать Китай от своих единоплеменников. Договор 48 г. н.э. повторил договор 47 г. до н.э.¹

В преданности нового вассала китайцы не сомневались: все пути назад были ему отрезаны. Китай и династия Хань были спасены.

ОСЛАБЛЕНИЕ ХУННУ

Переход части хуннов на сторону Китая был переломным моментом войны. Более того, он оказался толчком, после которого возрожденная хуннская держава начала разваливаться. До 46 г. ухуани и сяньби активно сражались на стороне Хунну и наносили китайцам большой урон. В 47 г., одновременно с изменой Би, ухуани восстали и выгнали хуннов из своей земли на

север, «и земли, лежащие к югу от песчаной степи, опустели»².

В 49 г. Би начал военные действия. Его брат, восточный чжуки-князь Мо, разгромил ставки северного шаньюя и восточного чжуки-князя северных хуннов³. Пострадал при этом род Югянь, т.е. та его часть, которая не пошла за Би. Политические страсти стали сильнее слабеющих родовых связей и начали разрывать их. Северный шаньюй Пуну отступил в Халху, оставив сопернику все земли, отвоеванные его отцом.

Победа южных хуннов отозвалась на востоке. Услышав о ней, ухуани и часть сяньби предложили свою помощь Китаю. Сяньбийский старейшина Баньхэ начал войну с северными хуннами: в 49 г. был уничтожен род иньюйцев, в 54 г. перешли на сторону Китая еще двое старейшин, и наконец Баньхэ разбил своего соперника, сторонника Хунну. В 58 г. хунны потеряли Маньчжурию.

Тем временем южный шаньюй Би попал в очень тяжелое и неловкое положение. Как вассал китайского императора он должен был, согласно китайским порядкам, принять императорский указ, склонившись до земли. Это не только било по самолюбию шаньюя, но и роняло его достоинство среди соратников. Чтобы выйти из положения, он выехал навстречу китайскому послу и учинил поклонение вне ставки, а потом со слезами просил не унижать его перед подданными⁴.

Однако утаить факты подчинения и связанного с ним унижения было нельзя, и гордые хунны были возмущены. Пять гудухэу со своими дружинниками восстали, освободили захваченного в плен восточного чжуки-князя севера и пошли в Халху. Но ясной цели у них не было, по дороге между ними возникли распри, в которых погибли все вожди восстания, а их сыновья «оградились своими войсками», не примкнув ни к той, ни к другой стороне. Оба шаньюя, южный и северный, направили войска против них. Зимой 50/51 г. эти войска столкнулись, и южные хунны были разбиты и отброшены. Это заставило Би умерить свои претензии на самостоятельность и принять китайскую военную помощь, что весьма снизило его авторитет в собственном народе.

В 52 г. северный шаньюй Пуну обратился к Китаю с мирными предложениями. Он получил уклончивый ответ. Китайцы не доверяли ни южным, ни северным хуннам и раздували вражду между ними.

В 55 г. шаньюй Би умер. Его преемниками были братья Мо

(55—56 гг.) и Хань (56—59 гг.), дети Ди (59—63 гг.) и Чжан (63—85 гг.) и племянник Су (63 г.). Все они были люди, ничем не замечательные. Что творилось тогда у северных хуннов — неизвестно, но война продолжалась. Небезынтересно отметить, что в тот период наблюдался частый переход северных хуннов к южному шаньюю, а южных — к северному. Это продолжалось 30 лет, целое поколение успело смениться, и к началу решающих военных событий каждый хунн сознательно выбрал сторону, на которой хотел сражаться.

Военные действия в 55—85 гг. развивались довольно вяло. В 64 г. северные хунны пытались добиться у китайского правительства открытия пограничных рынков, но новый император Мин-ди предпочел войну. 10 лет хуннские летучие отряды терроризировали население Северного Китая. В 73 г. китайцы ответили походами на Халху, но хунны ушли, не приняв боя. Положение грозило стабилизироваться.

В 76 г. в Китае вступил на трон Чжан-ди. В китайско-хуннских отношениях наступила новая пора.

ВОССТАНИЕ КЯНОВ

Восстание «краснобровых» и последующая война с хуннами, а также связанная с тем и другим разруха в Китае позволили тибетским кочевникам — кянам вернуть свои земли около озера Куунор и вновь соприкоснуться с западной окраиной Китая. К 33 г. население области Лянчжоу оказалось состоявшим из китайцев и кянов. Положение кянов в китайской империи было весьма печально, так как пограничное население Китая состояло из ссыльных преступников и провинившихся чиновников. И те и другие притесняли горцев, для которых единственным способом защиты оставались восстания⁵. Однако раздробленность и взаимная вражда кянских родов мешали успеху вооруженной борьбы.

Этот район в силу своего стратегического значения заставлял китайское правительство уделять ему постоянное внимание. В самом деле, куунорские кяны могли поставить под угрозу оазисы по склонам Наньшаня и тем самым преградить дорогу в Западный край. Но еще больший ущерб могло принести Китаю объединение кянов с их естественными союзниками — хуннами. Китайцам приходилось не жалеть ни военных сил, ни шелка для подкупов родовых старейшин, и все же, не-

смотря на это и на огромное неравенство сил, успехи давались им нелегко.

В 34—36 гг. н.э. волнения кянов были усмирены пограничными частями, но вскоре поднялся Шаоданов род, который разгромил своих соперников и возглавил борьбу против обидчиков — китайских чиновников. Основателем рода и его первым вождем был старейшина Тяньлан, а после него власть передавалась по наследству. Сын Тяньлана, Тяньву, возглавил объединенные кянские роды и в 56 г. начал открытую войну с Китаем. В первом же столкновении Тяньву имел успех, которому способствовали сами китайцы. Полководец Ли-бао начал карательную войну против всех кянов и истребил остатки соперников Тяньву, т.е. тех, которые были слабее. Тогда все кяны примкнули к восстанию. В 57 г. Тяньву с 5 тыс. конников ворвался в Лунси (современная провинция Шэньси) и дважды разбил китайские войска. В следующем, 58 г., кяны уничтожили еще две провинциальные армии. Но в конце года против кянов было выставлено 40 тыс. регулярных войск. В битве при Сихани китайцы одолели кянов, видимо, использовав численный перевес, и Тяньву бежал в горы, а в 59 г. изъявил покорность. Восстание закончилось.

Император приказал расследовать причины, побудившие кянов к войне, и тогда выяснились колоссальные злоупотребления чиновников. Их отдали под суд и казнили, а должность наместника в кянских землях была упразднена и Тяньву утвержден правителем своего народа. Кяны добились своей цели.

Второе восстание вспыхнуло в 76 г. н.э. Поводом к нему послужила романтическая история: китайский чиновник увез жену у кяна. Ревнивый муж убил соперника и бежал. Начальник чиновника погнался за ревнивцем, но за него вступились родственники и убили преследователя. В кянские земли была направлена карательная экспедиция, уничтожившая несколько сот человек. В ответ на это вспыхнуло восстание, которое возглавил младший сын умершего Тяньву — Миву. В 77 г. повстанцы разбили китайские пограничные войска при Лигу, причем потери китайцев были исчислены в 2 тыс. человек. К повстанцам примкнули тангуты. В следующем году повстанцы напали на Лунси, но при встрече с регулярными войсками были разбиты и «покорились»⁶. Судя по тому, что Миву остался во главе своего племени и никаких репрессий не последовало, надо полагать, что «покорность» была просто вежливым

выражением достигнутого компромисса. Это восстание принесло кыянам фактическую независимость.

СОБЫТИЯ В ЗАПАДНОМ КРАЕ

Безумная политика Ван Мана облегчила княжествам Западного края освобождение от тягостного господства Китая. В 16 г. весь Западный край восстал и вступил в союз с Хунну⁷. Китайский наместник погиб, а восстание «краснобровых» лишило китайцев возможности отомстить за его смерть. Но одно из владений — Яркенд — сохранило прокитайскую ориентацию. Яркенд находился на крайнем западе китайских владений, и потому произвол китайского наместника здесь ощущался меньше, и меньше было личных счетов между населением и китайскими военнопоселенцами. Яркендский владетель Янь долго жил в Китае и любил китайские обычаи. Он сохранил союз с Китаем и укрыл от народной ярости семейство бывшего наместника и уцелевших китайцев.

Его сын, Кан, унаследовавший власть в 18 г., в 25 г. остановил продвижение хуннов и присоединил к себе несколько мелких окрестных владений. В 29 г. он вошел в сношения с восстановленной династией Хань и получил назначение: китайцы поставили его правителем всего Западного края⁸. Тем временем хунны наложили на своих союзников тяжелые подати, и настроение народа в Западном крае повернулось против них⁹. Это усилило положение яркендского князя.

В 33 г. Кан умер; на его месте оказался его младший брат Хянь, человек энергичный и властолюбивый. Он подчинил себе два соседних владения — Гюйми, около Кашгара, и Сийе¹⁰. В 38 г. он обратился в Китай с просьбой утвердить его наместником Западного края, что дало бы ему возможность расправиться со своими соседями. Однако китайцы учли, что чрезмерное усиление Яркенда для них отнюдь не полезно и отказали ему. Хянь не растерялся: он заявил, что якобы получил назначение, что Китай за него, и в 41 г. провозгласил себя шаньюем; сопротивлявшихся он подчинял силой. Хянь пытался из владений Западного края образовать государство наподобие Китая или Хунну; таким образом, война в Западном крае стала трехсторонней. Обман Хяня открылся в 45 г., когда посольства 18 княжеств, притесняемых Хянем, явились в Китай с просьбой сменить наместника. Император обласкал и одарил их, но по-

ложение на фронте стало столь грозным, что посылать войска на запад не представлялось возможным. Хянь узнал об этом и в 46 г. разгромил Шаньшань и покорил Кучу. Тогда Шаньшань и Чеси призвали на помощь хуннов. Следуя их примеру, восстали жители Кучи, перебили яркендских наместников и подчинились хуннам. Но власть Хунну простиралась лишь на северо-восточную часть Западного края: на западе свирепствовал Хянь. Ему удалось покорить Давань (Ферганскую долину), но удержаться там он не смог вследствие противодействия Кангюя. Эту потерю он компенсировал приобретением Хотана в 57 г.

Новая держава просуществовала недолго. Жесточайшая тирания Хяня вызвала восстание в Хотане. Яркендцы были перебиты не только в самом Хотане, но и в соседнем Сийе. Хянь бросился на повстанцев, но был дважды разбит и осажден в яркендской крепости. Только случайная гибель вождя повстанцев и в связи с этим деморализация их спасли Хяня от смерти. Вслед за хотанцами Яркенд осадил хунны, но яркендцы отбились. Однако высокомерие и жестокость Хяня утомили самих яркендцев. Вельможи составили заговор и призвали в Яркенд хотанцев. Следуя лукавому совету своего приближенного, Хянь выехал из крепости для переговоров и был схвачен врагами, а крепость изменники тут же сдали хотанцам. Хянь был приведен в цепях в Хотан и через год убит.

Усиление Хотана не входило в расчеты Хунну. Поэтому они бросили на него 30 тыс. своих союзников из Кучи, Харашара, Хами и других владений. Хотанцы покорились и условились платить хуннам «ежегодную дань шерстяными и бумажными тканями»¹¹. Хунны стремились получить из Западного края те товары, в которых упорно отказывал им Китай. Трехсторонняя война в Сиюе кончилась полной победой хуннов. Для державы Хунну Западный край был важен не только как экономическая база, но и как стратегический пункт для борьбы с Китаем. Отложение Ухуани прикрыло восточную часть китайско-хуннской границы, центр ее защищали южные хунны, и только с запада Китай был открыт набегам. Действительно, в 66—67 гг. чешисцы, шаньшаньцы и кучасцы совместно с северными хуннами напали на Китай.

Сами обитатели Западного края обнаружили неспособность к политическому и этническому объединению. Разделенные обширными степями и пустынями оазисы руководствовались местными интересами, и твердая рука Хунну, наведшая поря-

док в стране, была для них если не хорошим, то наиболее приемлемым исходом. Яркендская тирания доказала это.

Однако отношение к хуннскому владычеству было различным. Чэши и Харашар платили хуннам подати и торговали с ними, так как хуннские кочевья были расположены недалеко от них. Торговля была выгодна и компенсировала потери от уплаты податей. Поэтому Чэши и Харашар были верными союзниками Хунну. Хотан платил дань и никаких доходов не имел — отсюда вытекали прокитайские настроения на юге страны.

Китайцы не могли примириться с потерей Западного края. В 73 г. небольшой китайский отряд занял оазис Хами. Там было основано военное поселение под китайским названием Иву, и сразу же появились пашни, чтобы обеспечить снабжение хлебом¹². Несколько стычек с хуннами и их союзниками окончились победой китайских войск, но это ничего не решало, так как во всех княжествах сидели хуннские чиновники.

Среди китайских офицеров оказался один, стоивший целой армии. Это был честолюбец Бань Чао, младший брат историка Бань Гу. Отличившись в бою у озера Баркуль, он получил поручение пройти с небольшим отрядом в Шаньшань и навести там порядок. Одновременно в Шаньшань прибыло хуннское посольство с теми же целями. Бань Чао, узнав через подкупленных лазутчиков о местонахождении посольства, напал на хуннов ночью, поджег их ставку и учинил резню. Столь решительный образ действий заставил шаньшаньцев переменить ориентацию с хуннской на китайскую¹³.

В это самое время хотанский царек Гуаньду разгромил Яркенд и благодаря этому усилился. Хотан также опирался на хуннов, содержал хуннского уполномоченного наблюдателя, и этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы китайцы обратили свое внимание на него. Бань Чао двинулся к Хотану со своим небольшим отрядом. Хотанцы были гораздо многочисленнее китайцев, но, напуганный рассказами о шаньшаньской резне, Гуаньду убил хуннского офицера и перешел на сторону Китая¹⁴. По-видимому, тут был простой расчет: избавиться от дани тканями, которую приходилось платить хуннам.

Аналогичный успех имели хунны: они утвердили в Куче своего ставленника Гяня, а он завоевал Кашгар и посадил там править кучаского воеводу. Этим хунны компенсировали утрату Шаньшани и Хотана.

Но Бань Чао нелегко было остановить. В 74 г. он явился в

Кашгар и с помощью хотанцев и недовольных кашгарцев схватил правителя. На его место Бань Чао поставил местного уроженца Чона. В том же году оба Чэши, Переднее и Заднее, покорились Китаю, и тогда было восстановлено наместничество Сиюй и назначены наместники для управления новой провинцией. Но китайцы рано радовались: справиться с хуннами было не так легко. В 75 г. владетель Харашара напал на наместника и вырезал всех китайцев в его ставке. С севера пришли хунны и, объединившись с восставшими чешисцами, окружили войска военного наместника, а князя Кучи и Аксу (княжество Гумо) осадили Бань Чао в крепости Пяньду, около Кашгара. После долгой обороны Бань Чао был вынужден уступить Кашгар кучасцам и уйти в Хотан. Кашгарцы были в отчаянии, так как опасались расправы, но, по-видимому, ее не последовало. Гянь ограничился принятием покорности и этим приобрел симпатии своих новых подданных. Поэтому, когда Бань Чао в 76 г. вернулся из Хотана в Кашгар, ему было оказано отчаянное сопротивление, и он достиг победы лишь перешагнув через 600 трупов бывших союзников и потеряв множество своих солдат. Хотя и дорогой ценой, Кашгар снова достался китайцам¹⁵. В это же время правитель области Цзюцюань разбил чешисцев при Чхохахота и как будто восстановил положение на фронте¹⁶. Однако даже победы были слишком дороги для китайской экономики. Хунны успели уничтожить военные поселения в оазисе Хами, и продукты приходилось доставлять из Китая, чтобы реквизициями не доводить до отчаяния покоряемых. Перевозки так удорожали провиант для войска, что новый император Чжан-ди в 77 г. решил закончить войну и вернуть в Китай регулярные войска¹⁷.

Бань Чао остался изолированным, но этот талантливый полководец и политик сумел создать мощную опору для себя и своего маленького отряда. Он объединил прокитайские элементы на юге страны и, собрав десятитысячную армию, разгромил княжества Гумо и Шачэ. Удержаться там без подкреплений он не мог, ибо богатая воинственная Куча крепко держалась за Хунну. Яркенд, враждовавший с Хотаном, примкнул к Куче. В Кашгаре вспыхнуло антикитайское восстание, но в этот критический момент к Бань Чао прибыло небольшое подкрепление из Китая, и восстание было подавлено.

Несмотря на все свои успехи, Бань Чао не мог не видеть, что любая неудача будет для него последней. Хунны отрезали его от

родины, Куча и Кангюй были настроены предельно враждебно, и его опорой были главным образом люди, скомпрометировавшие себя перед хуннами и опасавшиеся расправы. Надо было искать союзника, и Бань Чао предложил императору возобновить союз с Усунью. Чжан-ди не хотел воевать сам, но был бы очень рад, чтобы за него воевали другие. Он немедленно отправил в Усунь официальное посольство с подарками, но кучасцы в это время возобновили наступление на Кашгар и отрезали дорогу на Усунь. В 83 г. китайское посольство задержалось в Кашгаре, и посол, верный придворной привычке, написал на Бань Чао донос, обвиняя его в том, что он, ничего не делая, живет со своей семьей. Даже при дворе этому не поверили и прислали подкрепление в 800 солдат¹⁸. Усилившись, Бань Чао напал на Яркенд, но одновременно в Кашгаре вспыхнуло восстание, сорвавшее кампанию. Во главе восстания оказался ставленник Бань Чао — Чон. Повстанцы покинули город и отошли на запад, где к ним присоединились кангюйские войска. Полгода шла упорная война вокруг города Вуцы — базы восстания, и только посредничество юэчжей, которые дипломатическим путем заставили кангюйцев вернуться восвояси, покончило с нею. Чон и наиболее упорные патриоты ушли в Кангюй, а город Вуцы сдался и был разрушен, так что даже место его неизвестно.

Бань Чао выиграл еще раз, но его положение было по-прежнему тяжелым. Его опорой оставался экономически слабый, пустынный юг, а богатый север готовился к войне, опираясь на нейтралитет Усуни и прямую помощь от Кангюя и Хунну. Дружба с юэчжами, т.е. Кушаном, мало что давала, а Китай был далеко.

Но следующий, 85 год, изменивший всю политическую ситуацию в Восточной Азии, принес Бань Чао победу.

Революция южного хунну

Историк Фань Хуа оставил нам описание политической системы Хунну. Оно несколько отличается от описания Сыма Цяня, и некоторые черты дают возможность установить, что оно соответствует позднему времени. Поскольку нам известно, что северное Хунну для китайцев I в. н.э. было terra incognita, то, очевидно, описан порядок, установившийся в Южном Хунну. Это предположение подтверждается всеми косвенными наблюдениями. Разберем текст¹⁹.

Во-первых, несколько изменилась система чинов, что свидетельствовало о перегруппировке общественных сил. Чжуки и лули-князя остались без изменений, лишь указано название — «4 рога». Но за ними следуют: восточный и западный жичжо-князя (жичжо — заместитель), выньюйди-князя и чжаньгянди-князя — «6 рогов». Данху, дуюи, цзюйкюи оттеснены на самый низ иерархии; выше их стоят гудухэу и жичжо-гудухэу — вельможи из родственников шаньюя.

Положение гудухэу, посредников между властью и народом, осталось стабильным, но ослабление старой знати и появление новых титулов знаменательно. Видимо, это был результат разделения Хунну: старая знать осталась на севере, а южный шаньюй создал новую, из своих сторонников. Надо думать, что у северных хуннов было наоборот, т.е. увеличилось значение служилой знати, но, к сожалению, источник об этом молчит.

Второй важной переменной было установление очередного престолонаследия. Все десять родов были «шаньюевы братья и сыновья, которые по порядку имели право на шаньюев престол». Это был порядок, упорно вводившийся потомками Цзюйдихэу и отвергавшийся потомками Модэ по прямой линии. Как видно из фактического престолонаследия, порядок соблюдался необыкновенно точно²⁰.

У северных хуннов, насколько известно, преобладало прямое престолонаследие. К трем знатным родам: Хуян, Лань и Сюйбу прибавился еще один род — Циолинь. Раскол хуннов в 47 г. произошел не по родовому признаку: так, например, представители рода Хуян были и у северных и у южных хуннов. Наконец не остался неизменным и культ. Вместо двух ежегодных жертвоприношений в «храме дракона» в I в. н.э. появились три, а южные шаньюи прибавили четвертое — в честь китайского императора.

Все эти перемены существенны не сами по себе, а как показатель внутренних процессов становления общества. Сравнительная этнография дает возможность заключить, что в застойном обществе учреждения не меняются. Сама потребность в перестройке обусловлена процессом развития и отражает его. Изучение поверхности явлений позволяет нам судить о глубинных общественных течениях.

Итак, хуннское общество нельзя назвать застойным. Оно все время эволюционировало, и даже наши скудные источники отмечают это.

СТАНОВЛЕНИЕ ОРДЫ — ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Несмотря на внутренний раскол, Хунну в I в. н.э. было еще «великое государство»²¹. Но внутренние процессы подрывали его мощь. Рассмотрим эти процессы и попробуем установить их результаты.

Общий подъем хуннского общества был использован Моэ для подавления сепаратистских тенденций родов и объединения их в монолитную державу. Ослабление напряжения привело к военному ослаблению и вырождению ближайшего окружения шаньюев, поэтому-то и выдвинулась родовая знать и заняла освободившиеся места. Началось разложение родов: отдельные члены рода не следовали уже беспрекословно за старейшиной, а сами решали свою судьбу. Если в эпоху родовых распрей 60—47 гг. до н.э. роды выступали компактными массами, то сто лет спустя они раскалываются; люди уходят и к Би, и к Пуну. Однако деление не случайно. Вокруг Би собирались бывшие сторонники «военной партии», поборники родового быта, наиболее консервативные элементы хуннского общества. Пока Китай не вмешивался в их внутреннюю жизнь, они терпели его господство.

Но жизнь внутри рода была тяжела и бесперспективна для младших членов его. Несмотря на все личные качества, они не могли выдвинуться, так как все высшие должности получались по старшинству. Таким удалцам нечего было делать в Южном Хунну, где пределом их мечтаний могло быть место дружинника у старого князька или вестового у китайского пристава. Удалцу нужны просторы великой державы, военная добыча и военные почести, поэтому он ехал на север и воевал за «господство над народами».

Под властью северных шаньюев скапливался весь предприимчивый элемент и огромная масса инертного населения, кочующего на привычных зимовках и летовках. Такой державе родовой строй был не нужен, больше того, он ей вредил. Кучка удалцов стала управлять теряющей родовые традиции массой.

Родовая держава медленно трансформировалась в орду. Раскол облегчил этот процесс. На юг ушли «старцы и почтительные отроки» — носители родовых традиций.

Что из этого получилось?

Во-первых, Северное Хунну из родовой державы преврати-

лось в военно-демократическую, и поборники родового строя — южные хунны, ухуани, сяньби — стали заклятыми врагами северных хуннов, более ожесточенными, чем китайцы. Возникла борьба между двумя системами — родовым строем и военной демократией.

Во-вторых, среди удальцов, окруживших северного шаньюя, должна была возникнуть борьба за места и влияние, так как сдерживающие моральные начала исчезли вместе с родовыми традициями. И отзвуки смут дошли до китайских историков, хотя подробности остались им неизвестны.

В-третьих, массы хотели мирной жизни и неохотно поддерживали военные авантюры своих вождей. Меняя господ, они ничего не выигрывали и не теряли, для них не было смысла держаться за шаньюев. Поэтому в решающий момент они отказали в поддержке шаньюям, и это, как мы увидим ниже, обусловило разгром северных хуннов в 93 г.

Однако удальцов, составлявших силу северных хуннов, можно было перебить, но не победить. Уничтожить их не удалось, и они ушли на запад, а потомки их, придя в Европу, сделали наименование «гунны» синонимом насилия и разбоя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 116-117.

² Там же. С. 146.

³ Южные шаньюи установили свою иерархию параллельно иерархии северных. С этого времени все чины дублируются.

⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 118.

⁵ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 22.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 216.

⁸ Там же. С. 230.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ Там же. С. 230 (ныне Юльэрек).

¹¹ Там же. С. 233.

¹² Там же. С. 216.

¹³ *Chavannes E. Trois generaux chinois de la dinastie de Han Orientaux* // Pan Tch'ao T'oung Pao. Serie II. Vol. VII. 1906. P. 218—232; *Васильев Л.С.* Бань Чао в Западном крае // Вестник древней истории. 1955. №1. С. 108—125.

¹⁴ В «Истории Младшей династии Хань» сообщаются подробности подчинения Хотана. Гуаньду будто бы колебался между Хунну и Китаем. В разговоре с хуннским послом был верховный жрец Хотана. По наущению посла он потребовал вороного коня Бань Чао для принесения в жертву, расчи-

тывая, что тот откажет и это будет поводом для конфликта. Бань Чао согласился отдать коня, но в руки самому жрецу. Когда же жрец прибыл к нему в лагерь, его немедленно обезглавили, а светского парламентаря связали и выпороли. Якобы после этого напуганный хотанский царек перебил хуннское посольство и передался Китаю (*Васильев Л.С. Бан Чао в Западном крае. С. 112*). Это сведение нельзя принять без критики. Вряд ли хотанцы были столь пугливы, чтобы простить казнь жреца и оскорбление вельможи. Тут что-то не то. Поражает необычайная осведомленность Бань Чао, которая была возможна лишь при содействии каких-то групп населения, так как для организации обширной разведывательной сети у него не было ни времени, ни средств. Сопоставив оба эти обстоятельства, мы можем заключить, что китайский полководец использовал внутреннюю вражду в оазисах и не опирался на слои населения, недовольные хуннским протекторатом, а скорее возглавил их. Не исключена возможность, что хотанский царек отправил жреца на гибель, заранее условившись с китайцами, ибо уж слишком легко он переменял ориентацию после убийства своего влиятельного соотечественника. Такая же ситуация возникает всюду, куда бы ни пришел Бань Чао, и, надо думать, не случайно. Естественно, что в «Хоу Ханьшу» эти обстоятельства не акцентированы, так как Бань Чао не стремился приуменьшить свои заслуги в донесениях, которые обрабатывали его брат и сестра. Логика событий заставляет нас искать объяснения не только в героизме полководца, безусловно, имевшем место, но и в социально-политической обстановке в оазисах Западного края.

¹⁵ *Chavannes E. Trois généraux chinois...* P. 218—230.

¹⁶ *Бичурин Н.Я. Собрание сведений...* Т. II. С. 216.

¹⁷ Там же. С. 217.

¹⁸ *Васильев Л.С. Бань Чао в Западном крае. С. 118.*

¹⁹ *Бичурин Н.Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 119—120.

²⁰ См. генеалогическую таблицу южнохуннских шаньюев.

²¹ *Бичурин Н.Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 121.

XIV. Разорванное кольцо

ПЕРЕД ГИБЕЛЬЮ

Южное Хунну росло и крепло. Этому способствовала оживленная торговля с Китаем, стимулировавшая рост скотоводства. В кочевьях был установлен порядок, о грабежах и бесчинствах не было слышно, численность населения увеличивалась.

В Северном Хунну за десять лет (73—83) произошли перемены к худшему, о чем можно догадаться по косвенным признакам. Старейшина Гилюс передался Китаю; он привел с собой 38 тыс. человек и много скота. Владения Западного края начали переговоры с Китаем о военном союзе против Северного Хунну. Обострились отношения между хуннами и динлинами, а сяньби окончательно заключили союз с китайцами.

Нужда в тканях заставила в 84 г. северного шаньюя обратиться в Китай с просьбой открыть торг. Тут уже не было речи о свободной торговле, хунны хотели получить материю по любым ценам и соглашались иметь дело с китайской правительственной монополией. Предложение сулило китайцам столь большие выгоды, что они согласились. Великий цзюйкюй Имоги-князь погнал на продажу быков и коней, но на пути легкая конница южных хуннов отбила скот. Торговля была сорвана.

Еще хуже было внутреннее положение: «единомысленные пришли в несогласие и разделились»¹. Распри повлекли за собой эмиграцию: в 85 г. семьдесят три рода бежали в Китай, ослабив и без того надорванную мощь северной хуннской державы.

Южнохуннский шаньюй Сюань никаких талантов не проявил, но его племянник Шигы (Шицзы) оказался способным полководцем. В 86 г. он напал на кочевья северных хуннов и нанес им большой урон². Северный шаньюй Юлю оказался в кольце врагов: с юга нажимали южные хунны, к которым перешли его подданные, на востоке свирепствовали сяньби, на севере снова поднялись динлины, Западный край был плохой опорой. Поражение было неминуемо, катастрофа неизбежна, но Юлю с мужеством отчаяния продолжал борьбу.

РАЙОН СЕВЕРНОГО ХУННУ

Первый удар нанесли сяньби. В 87 г. они вступили в восточные пределы хуннов, и Юлю-шаньюй потерпел полное поражение. Он был захвачен врагами, которые содрали с него кожу³. Сяньби не ризивали успеха; расправившись с врагом, они ушли обратно, но паника, посеянная ими среди хуннов, сразу же принесла плоды. Еще 58 родов, в коих насчитывалось 200 тыс. душ и 8 тыс. строевого войска, откочевали на юг и передались Китаю. Приведенные цифры показывают, как велики были потери хуннов. На 200 тыс. человек должно было быть примерно 40 тыс. боеспособных мужчин. Вряд ли китайскому историку в данном случае имело смысл преувеличивать цифру беглецов. Скорее всего основную массу их составляли вдовы и сироты, которых сяньби не успели или не захотели брать в плен. В следующем году против Хунну ополчилась сама природа. Через Халху прошла саранча, и к бедствиям войны прибавился голод.

В Китае умер осторожный император Чжан-ди, и на престол вступил малолетний Хэ-ди. Правление взяла в свои руки вдовствующая императрица.

В Южном Хунну также произошла смена власти: место умершего Сюаня занял его двоюродный брат Туньтухэ. Он договорился с правительницей об уничтожении Северного Хунну, и весной 89 г. китайская армия выступила. Северные хунны еще не оправались от поражения и голода, когда на них обрушилось новое нашествие. Преемник Юлю, имени которого не сохранила история, был разбит у гор Яньчжань и бежал⁴. Киньцы (8 тыс.) и южные хунны (30 тыс.) захватили до 200 тыс. пленных. Эта цифра, возможно, преувеличена, но самый факт победы китайцев несомненен. В 90 г. война возобновилась. Главой похода против северных хуннов стал Шигы. С отрядом

всего в 8 тыс. всадников и незначительными китайскими подкреплениями он совершил глубокий рейд в тыл противника и, напав ночью на ставку северного шаньюя, разбил ее. Северных хуннов была только тысяча человек, но они приняли бой. Шаньюй сражался храбро; обессилев от ран, он упал с коня, но верные соратники снова посадили его в седло и вырвались из окружения. В руки врагов попала семья шаньюя и все его имущество, в том числе государственная нефритовая печать.

В 91 г. китайский западный наместник еще раз разбил шаньюя, который бежал и пропал без вести. Западный луликнязь Юйчугянь, брат пропавшего, объявил себя шаньюем и послал посольство в Китай просить мира. Он нашел поддержку у генерала Доу Хяня. Последний представил доклад, в котором предлагал сохранить Северное Хунну, чтобы не нарушать политическое равновесие и некоторый порядок в степи, ибо хунны его поддерживали. Китайский двор согласился на предложение шаньюя, и уже завязались переговоры, как вдруг Доу Хянь был арестован и казнен. Испуганный потерей покровителя, Юйчугянь откочевал на север. Китайские чиновники в докладе изобразили откочевку как бунт. В погоню за шаньюем послали тысячу китайской конницы, заманили его к себе для переговоров и убили, а войско его уничтожили (93 г.)⁵.

Юйчугянь был последним северным шаньюем из рода Модэ. На основании этого китайские историки считали 93 год концом хуннского государства, а многие европейские авторы, подходя к материалу некритически, повторяли слова китайцев. На самом деле борьба не кончилась, народ не сложил оружия. Просто в Северном Хунну сменилась династия: во главе непримиримых встал знатный хуннский род Хуян. Правда, остались с ним немногие. 100 тыс. кибиток подчинились сяньбийцам; это выразилось в том, что они «сами приняли народное название Сяньби»⁶. В 91 г. в Южном Хунну было 34 тыс. юрт. Это составляло 237 300 душ⁷. К ним прибавилось еще приблизительно столько же пленных и перебежчиков. Много хуннов поселилось в самом Китае⁸.

Но, несмотря на все потери, количество непокорных и нежелающих покориться было немалым. Не будучи в силах сражаться с многочисленными врагами: китайцами, сяньбийцами и динлинами, перешедшими в 90 г. н.э. на сторону коалиции, хунны стали искать пути для отступления. «В естественной ограде внутренней Азии имеется широкая брешь, целые ворота на

запад в сторону Европы. Именно в том месте, где высокие цепи Алтая сменяются еще более высокими хребтами Тяньшаня, между теми и другими остается область сравнительно невысоких гор, разделенных тремя широкими проходами, подобными длинным рукавам, посредством которых равнины внутренней Азии удобно сообщаются с равнинами Азии внешней, западной. Северный из этих проходов идет вдоль Иртыша, между монгольским Алтаем и Сауром; средний, самый узкий, разделяет Уркашар от Джаира и Барлыка; южный пролегает между Майли, Барлыком и Джунгарским Алатау»⁹. Сквозь эти проходы ушли хунны, покинув свою родину, но спасая свою свободу¹⁰. В широких степях Барабы и Караганды хунны оправились от поражения, и 15 лет спустя война за Азию возобновилась.

Но и эти 15 лет были насыщены событиями.

ПОБЕДЫ БАНЬ ЧАО

В то время как северохуннская держава гибла под напором сяньбийцев, Бань Чао ждал своего времени. Базой его был Кашгар, и главной опасностью для него были кашгарские эмигранты, мечтавшие о возвращении домой и об изгнании оттуда китайцев. В 87 г. Чон и его сторонники при активном содействии Кангюя и Кучи сделали попытку вернуться на родину. Однако общее положение было таково, что выгоднее казалось примириться с китайцами, и Чон согласился на переговоры. Бань Чао принял его и немедленно казнил, а на его сторонников, благодушеествовавших во время перемирия, произвел внезапное нападение и вырезал их. Погибли 700 человек — по тем масштабам очень много, и «южная дорога была открыта»¹¹.

В 88 г. наступила очередь Яркенда. Бань Чао во главе хотанцев, шаньшаньцев и кашгарцев подошел к этому упорному городу. На помощь Яркенду явились князья Кучи (Гуйцы) и Аксу (Гумо). Бань Чао не решился напасть на объединенное войско. Он схитрил. В присутствии пленных кучасцев он отдал распоряжение двум отрядам направиться на запад и на восток будто бы для охвата противника. Затем пленным позволили убежать, и они рассказали своим князьям о плане китайского полководца. Те поверили и выступили в поход в пустыню, чтобы устроить засады. Этого и хотел Бань Чао; со всеми войсками, нику-

да не ухидившими, он напал на яркендцев, разбил их и взял город. Союзникам пришлось отвести свои утомленные бесполезными маневрами войска и примириться с потерей Яркенда. Теперь положение китайцев в Сиюе стало прочным¹².

Расправляясь с княжествами Западного края, Бань Чао руководствовался соображениями, подсказанными инстинктом самосохранения. Он не имел права на неудачу, так как она неизбежно принесла бы гибель и ему самому и всем его соратникам. Но в 88 г. он сделал поступок, совершенно необъяснимый с этой точки зрения, а равно и с позиций политической целесообразности. Он сам развязал новую и бесполезную войну.

В 78 г. на престол Кушана вступил Канишка, воинственный царь, продолжатель традиций своих отца и деда. Вся агрессия кушанов, т.е. юэчжей, была обращена на запад и юг. Они воевали с парфянами и саками, завоевывали северную Индию, крепко держали Согд. Китайцы не мешали кушанам, а кушаны не имели повода трогать китайцев. Естественная граница между Средней и Центральной Азиями была границей их интересов, и обе великие державы находились в самых дружественных взаимоотношениях около 100 лет.

В 88 г. кушанский царь решил упрочить союз обычным способом: отправил посольство просить руки китайской царевны. Бань Чао не пропустил посла и заставил его вернуться.

Зачем он это сделал? Источник не называет никаких к тому мотивов. Бань Чао не мог не понимать, что он нанес оскорбление кушанскому царю, что он превысил свои полномочия, так как отказать мог лишь сам император, что за этим поступком последует война, что это, наконец, неблагодарность, так как без помощи Кушана ему не удалось бы справиться с кашгарским восстанием. И все это его не остановило! Очевидно, у него были свои причины, но нам они неизвестны. Вызов, сделанный китайским полководцем, был принят кушанским царем.

В 90 г. 70 тыс. юэчжийских всадников, закованных в броню, с длинными копьями и прямыми тяжелыми мечами вступили из Ферганской долины (через Цунлин, т.е. Алай, а не Памир, где дорог для тяжелой конницы не было) в пределы Западного края. Число это, конечно, преувеличено, но все же можно заключить, что юэчжей было больше, чем китайцев.

Бань Чао был к этому готов. Его стратегический план приведен в источнике как речь от первого лица: — Чао сказал:

«Хотя юэчжей много, они долго шли с Цунлина и у них нет обоза с продовольствием. Стоит ли волноваться? Соберем урожай и этим уберемся. Те, став голодными и истощенными, подчинятся нам сами. В несколько десятков дней все будет кончено». Так и случилось. Стены крепостей и тугие самострелы делали китайцев неуязвимыми. В крепостях же был сосредоточен весь запас продуктов: китайцы были сыты, а юэчжи голодны. Юэчжийский полководец послал в Кучу отряд просить провиант, но Бань Чао предусмотрительно поставил на дороге засаду, и юэчжийское посольство было изрублено. Юэчжи ушли ни с чем.

В 90 г. китайские регулярные войска выгнали хуннов из Хамийского оазиса¹³. Этим была восстановлена прямая связь Бань Чао с Китаем. Тогда же оба чешских князя «пришли в трепет» и послали сыновей в заложники в Китай. Северные оазисы оказались изолированы и лишены надежды на какую бы то ни было помощь. В 91 г. Куча, Аксу и Уч-Турфан капитулировали. Бань Чао ограничился тем, что сменил в Куче князя и заставил вновь покорившихся выставить войска.

Враги Китая сгруппировались в северо-восточной части края, у озера Баграч, в княжествах Харашар (Яньки), Вэй-сю, Вэй-ли, Халга-амань и Шаньго¹⁴. Осенью 94 г. Бань Чао двинулся к Харашару во главе 400 китайцев и 60 тыс. союзников. Харашарский князь Гуан, чтобы не пропустить противника, разрушил горный мост, тогда Бань Чао нашел другой путь и подошел к Харашару. Испуганные харашарцы бежали в горы, но вельможа Юань-мынь известил об этом китайцев. Бань Чао послал погоню, обещал прощение, но казнил сдавшихся на честное слово и назначил предателя царем Харашара. Завоевание Западного края было закончено.

Бань Чао был убежден, что его военные успехи обеспечили его отечеству господство в Западном крае. Он не учел, что северные хунны еще сидели на конях.

Династия, основанная Модэ, пресеклась у северных хуннов в 93 г., ее заменил род Хуян. Глава его носил титул, который китайцы переводили ван (царь), а не гун (князь), т.е. он был выше чжуки и лули — высших чинов хуннской иерархии. Первоначально ставка Хуянов была в Бэй-шане, а после сяньбийского разгрома — где-то около Тарабагатая. И копыта их еще не затупились.

ПОТЯСЕНИЯ В ЮЖНОМ ХУННУ

В результате войны 90—93 гг. население Южного Хунну весьма умножилось, но это не усилило, а, наоборот, ослабило державу. Захваченные в плен перебежчики и добровольно подчинившиеся северные хунны были люди совсем иного склада, чем южане. Ненависть к победителям-китайцам у них за последнее время только увеличилась, так же как и ожесточение против южан, громивших их юрты и таскавших их жен и детей на аркане за хвостом коня. Покорность северных хуннов южному шаньюю была вынужденной, так как в их родных степях свирепствовали воинственные сяньби и динлины. Поэтому они скрепя сердце пополняли ставку южного шаньюя, снося обиды от своих победителей. Особенно ненавидели они Шигы, получившего за победы над ними титул западного лули-князя, не без оснований считая его вдохновителем разгрома их державы и причиной их сегодняшнего бедственного состояния.

Зато Шигы пользовался заслуженной популярностью среди южных хуннов и имел немалый авторитет у китайцев. Шигы был храбр, образован, решителен, умен, имел много военных заслуг, и южные хунны хотели, чтобы он стал шаньюем, но законным наследником был его дядя Аньго, человек непопулярный и, по-видимому, бездарный. В 93 г. шаньюй Туньтухэ умер, и Аньго стал шаньюем, а Шигы — наследником, восточным чжуки-князем. Став шаньюем, Аньго остро почувствовал всеобщую неприязнь и стал искать на кого бы опереться. У него и у вновь покорившихся северных хуннов был общий недруг — Шигы, и Аньго среди новых подданных обрел друзей и опору. Победитель и побежденные поменялись местами. Шигы, страшась за свою жизнь, откочевал к китайской границе и притворился больным, чтобы не ездить на общие собрания князей¹⁵. Но решающей силой был китайский наместник Ду Чун. Он принял сторону Шигы, стал задерживать донесения шаньюя ко двору и вместе с наследником строчил доносы, в которых сообщал, что Аньго стремится убить наследника и отложиться. Император Хэ-ди приказал провести следствие, которое было поручено Ду Чуну. Весной 94 г. Ду Чун с китайским войском подошел к ставке шаньюя. Аньго знал, что такое расследование не сулит ему ничего хорошего, и ночью ускакал в степь. Вокруг него собрались вновь покорившиеся, и шаньюй пошел на Шигы, чтобы казнить доносчика. Шигы успел бежать и укрыться в китайской крепости Мансянчен.

Ду Чун ликовал: возмущение было налицо, и он ретиво взялся за усмирение. Умножив свой отряд южными хуннами, он напал на Аньго. Сторонники Аньго из южных хуннов пришли в ужас и решили его головой откупиться от карателя. Аньго был убит, а Шигы возведен на престол. Но не так легко было управиться с вновь покорившимися. Они организовали ночное нападение на Шигы и были отбиты только китайской стражей. Несмотря на эту неудачу, восстание развивалось: к концу года пятнадцать родов — 200 тыс. человек — поставили сына покойного шаньюя Туньтухэ, Фынхэу, шаньюем «против воли»¹⁶, перебили китайских чиновников, сожгли караульные башни, почтовые дворы и, забрав имущество, пошли на север. Против повстанцев была брошена целая армия — 40 тыс. человек. Состояла она из наемных отрядов сяньби, ухуаней, тангутов и южных хуннов. Зимой 94/95 г. Фынхэу пробился и ушел на север, и «китайские войска не могли его догнать»¹⁷.

Несмотря на то, что в официальном отчете потери хуннов были показаны в 17 тыс. человек и сделан вид, будто хуннов выгнали за границу, китайское правительство понимало, что победителями остались хунны. Ду Чун и его коллеги были преданы суду за то, что, «нарушив доброе согласие с хуннами, довели их до возмущения», а также за медлительность в военных действиях. Все они умерли в тюрьме. Шигы горел злобой и искал виновных, хотя было ясно, что они ушли на север. Он обвинил выньюйди-князя Угюйчжана в сочувствии Аньго и хотел пытать его. Это вызвало новое восстание в 96 г. Угюйчжан долго сопротивлялся в горных долинах, и опять потребовалась китайская помощь, чтобы разбить его. В 98 г. Шигы умер, и престол перешел к его брату Тханю. Судьба Фынхэу была печальной. Народ его страдал от голода и нападений синьби. Наконец в 117 г. сяньби разбили и рассеяли сторонников Фынхэу; большая часть их ушла к северному шаньюю, а сам Фынхэу в 118 г. вернулся и сдался китайцам. Его не казнили, но поселили во внутреннем Китае.

ПОКОРЕНИЕ КЯНОВ

Одновременно китайские войска напали на хуннов и на их верных союзников кянов. Наместник на тибетской границе Фуюй «послал людей беспокоивать цянов»¹⁸, т.е. спровоцировал возмущение. В 87 г. Фуюй попросил у правительства подкрепление

и выступил на усмирение. Кяны откочевали в глубь страны. Они явно избегали столкновения. Но честолюбивого Фуюя мирное решение отнюдь не устраивало. С 3 тыс. всадников он погнался за кочевниками и догнал их, но при этом попал в засаду. 300 кянских удалцов ночью напали на китайский лагерь, и китайские солдаты в смятении рассеялись. Сам Фуюй дрался до конца, но пал в бою. Прибытие других частей спасло остатки отряда. Вождь кянов Миву ответил контрнабегом, потерпел поражение и предложил вступить в переговоры. Правитель провинции Лунси принял кянских парламентаров и угостил их отравленным вином, причем погибли 800 старейшин, и в том числе Миву. Вслед за тем карательная экспедиция прошла по горным долинам, где убила 400 человек и захватила в плен две тысячи застигнутых врасплох. Сын Миву, Митан, и его родовичи при поддержке других родов напали на Лунси, но в битве при Байши были отброшены. Несмотря на это, кяны стекались к Митану, и китайцам пришлось признать, что войну нельзя выиграть без больших затрат. Правитель Лунси был отдан под суд, а его заместитель, применив обычную систему подкупов, сумел посеять несогласие между родами и тем несколько ослабил напряжение. Война продолжалась, и частные успехи против войск Митана мало что давали китайцам. Поэтому они сделали попытку договориться и вернули Митану его бабушку, ранее захваченную в плен, которую сопровождали пять толмачей-парламентаров. Митан ответил на предательство предательством: толмачей «распластал на земле и, кровью их заключив договор с родами», возобновил борьбу¹⁹. В 92 г. снова были пущены в ход подкупы и регулярные войска. С помощью первых китайцам удалось разделить и ослабить кянов, а вторые захватили 800 пленных и, что важнее, собрали урожай посеянной кянами пшеницы, а на берегах Желтой реки построили несколько крепостей и завели речной флот. Стесненный Митан отступил на запад. 93 год был для китайцев удачным.

Но Митан оправился. В 96 г. посланные против него войска из юэчжей и покорившихся Китаю кянов потерпели полное поражение, а осенью 97 г. Митан перешел в контрнаступление. Он ворвался в Лунси, присоединил к себе живших там единоплеменников и разбил местные войска. Снова пришлось бросить на него регулярные части, которые подавили кянов благодаря численному перевесу, но потери китайцев были столь велики, что от преследования противника пришлось отказаться.

Однако планомерная система подкупов парализовала военные успехи Митана. Прокитайские настроения стимулировались деньгами и шелком и росли настолько активно, что сам Митан был вынужден просить мира. Он приехал ко двору для переговоров, а его родовичи перешли жить на китайскую территорию «по причине крайнего голода»²⁰. Казалось бы, наступил мир, однако в 100 г. кяны снова восстали, и причина, очевидно, была не в них, так как сразу же три китайских чиновника были отданы под суд. Как видно, плохая администрация наносила ханьской империи больше вреда, чем доведенные до отчаяния кочевники. Так или иначе, а война вспыхнула вновь. Первой жертвой Митана оказался один из родов, перешедших Китаю. Он был разгромлен. Другие роды, не видевшие перспектив в развитии восстания и утомленные борьбой, не поддержали Митана. В битве на речке Юаньчуань он был разбит и с остатками своих сторонников, всего около тысячи человек, бежал к верховьям Желтой реки. В следующем, 102 г., был истреблен последний мятежный род кянов и покорение их было закончено.

ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО ХУННУ

В 104 г. в Китай прибыло из Северного Хунну посольство с предложением «мира и родства». Оно было отпущено без ответа²¹. По смерти Хо-ди, в 105 г., явилось второе посольство с мирными предложениями и также не получило ответа. Сразу вслед за этим вспыхнуло восстание в Западном крае — китайцы были выбиты оттуда и там укрепились северные хунны. Связь между этими событиями несомненна.

Собственно говоря, жители Западного края не очень рисковали. Бань Чао завоевал их их же собственными руками и количество китайских войск у наместника было ничтожно. Преемник Бань Чао — Ян Шан — был осажден в Кашгаре и, поняв невозможность одержать победу, прорвал блокаду и ушел в Китай в 106 г.²² Новые начальники расположились около Кучи с отрядом 8 тыс. человек. Военачальник Лян Гинь вошел в крепость Кучи с разрешения князя, поставленного Бань Чао, но вопреки желанию войск и народа. Против китайцев и их креатурры вспыхнуло всеобщее восстание. Для борьбы с оккупантами явились ополчения из Гумо (Аксу) и Вэнь-су (Уч-Турфана), но Лян Гинь был не трус. Постоянными вылазками он истомил

Хунну

осаждавших и, когда их порыв прошел и они, сняв осаду, начали расходиться по домам, погнался за ними и изрубил около 10 тыс. человек (надо думать, тут не без преувеличения). Этими решительными действиями он усмирил Кучу, но дорога на Дуньхуан была во власти повстанцев и частный успех не решал ничего.

Правительство Китая поняло, что надо спасать своих солдат, и отдало приказ о полной эвакуации Западного края, ссылаясь на то, что невыгодно его удерживать.

Новая территория Северного Хунну простиралась от озера Баркуль до «Западного моря», т.е. до Каспия или Арала. Власть принадлежала роду Хуян. После перехода Западного края в руки хуннов в 107 г. северо-западные области Китая стали театром пятидесятилетней войны. Обладание степными просторами Западной Сибири, населенными воинственными уграми, весьма усилило северных хуннов, но в игру вмешался третий партнер — Сяньби.

Сяньби и Хунну были одинаково враждебны Китаю, но еще более враждовали друг с другом. О хунно-сяньбийской войне китайские источники умалчивают, так как она проходила далеко от Китая, но косвенные данные говорят о ней. Усиление Сяньби началось с 93—94 г., после того как 100 тыс. хуннских семейств «приняли народное название сяньби». Союз с китайцами был расторгнут уже в 97 г., когда сяньби разгромили Ляодун. «После этого сяньби то покорялись, то отлагались, то вели войны с хуннами и ухуанями»²³.

Не имеет смысла подробно описывать все набеги и стычки, достаточно проследить общий ход войны. В 101 г. набег сяньбийцев был отбит. В 110 г. после кровавого столкновения покорились Китаю ухуани, а сяньбийцы заключили договор об открытии рынков на границе и дали заложников. Однако в 115 г. сяньбийцы напали на границу, в 117 г. повторили набег, но были разбиты ухуанями, которые выступили на стороне Китая. В 118 г. отдельные отряды сяньбийцев прорвались сквозь границу, много пограбили и пожгли; в 119 г. такие же отряды были настигнуты китайскими регулярными войсками и разбиты. Сяньби не имели централизованного управления. Из 120 сяньбийских родов каждый вел войны на свой страх и риск. Но влияние более цивилизованных хуннов сказалось, и около 120 г. князек Цичжигянь возглавил тех своих соплеменников, которые хотели воевать с Китаем. Результаты организации, пусть

примитивной, и руководства, пусть слабого, сказались немедленно. Со 121 по 126 г. Цичжигянь громил китайцев и южных хуннов, и лишь в 127 г. китайские линейные войска и южные хунны отразили сяньби. В 130 г. китайцам удалось привлечь на свою сторону ухуаней; их контрнабеги были для Сяньби тяжелее китайских. В 134 г. Цичжигянь умер, и с его смертью война прекратилась.

Война сяньби с Хунну проводилась, видимо, беспорядочно, но их энергии было достаточно, чтобы не допустить в Халху своих противников. Войну вести им приходилось на четыре фронта, так как северные саянские динлины притязали на халхаские степи наряду с хуннами, а на востоке, в Маньчжурии, образовалось агрессивное государство Фууй. Кроме того, ближайшие соседи и братья по крови — ухуани передались Китаю в 144 г., и только воинственность и взаимная вражда между соседями спасали сяньбийцев от разгрома и уничтожения.

Еще хуже были дела у южных хуннов. С Фынхэу ушли все воинственные и энергичные люди, и у южных шаньюей остались лишь неспособные даже к самообороне от сяньбийцев. Преемники Шигы — шаньюи Тхань (98—124 гг.), Ба (124—128 гг.) и Хюли (128—142 гг.) — знали свои возможности и старались ни в чем не перечить китайским чиновникам. Хуннские родовые князья были более самостоятельными и в 140 г. восстали против Китая; к ним примкнули ухуани и тангуты, но повстанцы были разбиты наемными войсками правительства под Май и Гученом, и в 144 г. восстание было подавлено. Шаньюи не принимал участия в восстании, однако китайский наместник притеснениями довел его до самоубийства. Шаньюев род пресекался, и на опустевший престол был посажен фаворит императора, придворный Дэулэчу, хунн лишь по происхождению (143—147 гг.).

ВОССТАНИЕ КЯНОВ

Потеря Западного края была для Китая тяжелым уроном, но не сюрпризом. Для возвращения его был немедленно организован новый поход, причем необходимую легкую конницу решено было набрать среди покоренных кянов.

Однако мобилизация сорвалась: набранные и отправленные в походы кяны разбежались. Карательная экспедиция начала

разорять их селения. Правительственные войска стали терпеть поражение за поражением. Весна 108 г. ознаменовалась временным успехом. В битве при Йе-ле, недалеко от Ганьчжоу, отозванные из Западного края войска под командованием полководца Лян Гиня одержали победу над повстанцами, но восстание ухуаней и южных хуннов в 109 г. заставило китайское правительство перебросить эти войска на восток, и результаты победы свелись к нулю.

В последующие годы (109—111) восстание развивалось, а китайские войска терпели новые неудачи. В довершение беды восстали китайские пограничные авантюристы, но они были легко разбиты регулярными войсками. Остатки их примкнули к кянским повстанцам. Тем временем на западе шла еще более ожесточенная война.

Тяжела была потеря Западного края для Китая. Он не примирился с ней, и пять лет спустя, в 112 г., китайские войска сделали попытку выбить хуннов из оазиса Хаами. Хунны их разгромили. Попытка Китая привлечь на свою сторону кянов окончилась для него крахом: кяны восстали. После этого Северо-Западный Китай оказался открыт хуннским набегам; граница Китая проходила уже через Дуньхуан, западнее ее только одна Шаньшань тяготела к Китаю.

От полного поражения спасли Китай «баньшунские мани», точнее «ба-ди семи родов» — одно из племен южных ди, прозванное за храбрость «божественным войском»²⁴. Они, соединившись с китайскими войсками, остановили наступление повстанцев. Вслед за тем к правительственным войскам примкнули малые юэчжи, жившие в современном Сининском округе, и некоторые кяны, очевидно, намербованные за деньги. С их помощью в 115 г. было восстановлено сообщение с Западным краем. Тогда же был принят новый план войны. Китайская пехота была распущена, причем с каждого желавшего уйти требовали значительный выкуп. На собранные деньги сформировали легкую конницу и дополнили ее 10-тысячным войском южных хуннов. Успех перешел к китайцам, и войско восставших кянов было разбито.

На этом война не кончилась. Вплоть до 126 г. ежегодно китайская легкая конница совершала походы, усмиряя отдельные роды кянов. Восстание погасло, но нанесло империи Хань огромный ущерб. «Содержание армии и доставка съестных припасов стоили 24 миллиона ланов серебра»; государственное

казначейство истощилось. Богатые земли были разорены, пришлось заселять их сызнова, вновь строить крепости и копать каналы для орошения полей военнопоселенцев. Эта война по тяжести и напряженности для Китая не уступала войнам с хуннами, не необходимость владеть верховьями Желтой реки была неотложна, так как горы служили естественными рубежами, защищавшими сердце страны.

УГРАТА ЗАПАДНОГО КРАЯ КИТАЕМ

В 123 г. правитель области Дуньхуан представил двору три плана военных действий в Западном крае: первый — напасть на ставку Хуянь-князя, разорить ее и с помощью шаньшаньцев стеснить Чеши; второй — выдвинуть форпост и снабжать гарнизон из Китая; третий — эвакуироваться с запада.

Второй план был бессмыслен, третий — не только позорен, но и губителен, так как если бы хунны объединились с кянами, то повторились бы времена Модэ. Поэтому был принят первый план, который отстаивал в государственном совете Бань Юн, сын Бань Чао. Ему и поручили возвратить Западный край под власть Китая. Задача была поставлена якобы скромная: устроить в Люкчунском оазисе военную колонию. Но исполнима она была лишь при условии покорения всего Западного края и, следовательно, разгрома северных хуннов. Бань Юн за это дело вился.

Ситуация в Западном крае была такова: Шаньшань сохраняли верность Китаю; Хами было в руках хуннов; северные оазисы, особенно Заднее Чеши и Харашар, активно примкнули к Северному Хунну, а юго-запад — Кашгар, Яркенд и Хотан — оказались под протекторатом Кушана²⁵.

В 124 г. Бань Юн со своим отрядом вступил в Шаньшань и наградил владетеля за верность. Владетели Кучи, Аксу и Уч-Турфана сдались на милость китайского полководца и предослали в его распоряжение 10 тыс. пехоты и конницы. С этими войсками Бань Юн вторгся в Турфан и в долине Ихэ разбил хуннского князя Юли, после чего Переднее Чеши подчинилось ему и выставило вспомогательное ополчение в 5 тыс. человек. Правительство оценило успехи своего полководца и послало ему подкрепление — 6 тыс. легкой пограничной конницы — для серьезной войны с самими хуннами.

В 125 г. Бань Юн разбил князя Заднего Чеши и захватил

8 тыс. пленных и свыше 50 тыс. голов скота, чем обеспечил прокорм своего войска. Князь и хуннский посол были захвачены и казнены. Бань Юн летом 126 г. покорил все мелкие княжества вокруг озер Баркуль и Эби-Нур, а зимой напал на ставку Хуянь-князя и разгромил ее. В числе пленных оказался родственник шаньюя, и Бань Юн приказал чешискому князю зарезать его, чтобы вызвать кровную месть между хуннами и чешистами. И действительно, шаньюй явился, чтобы отомстить за кровь, но был разбит и отогнан китайскими войсками. После этого Хуянь был вынужден перенести свою ставку на берег реки Хаву, т.е. Черного Иртыша²⁶.

В 127 г. наступил черед Харашара, горного гнезда антикитайских настроений. На него двинулись одновременно Бань Юн во главе 40 тыс. союзников и правитель области Дуньхуан, Чжан Лян, с 3 тыс. регулярных войск. Дело харашарцев было безнадежно, и они не стали сопротивляться. Чжан Лян первый подошел к Харашару, принял капитуляцию и донес правительству о своей победе и опоздании Бань Юна. Согласно китайским военным законам, за опоздание в походе полагалась казнь. Бань Юна арестовали и посадили в тюрьму, но император простил его. Остаток жизни Бань Юн посвятил литературе: он оставил описание Западного края в традиционной манере официальной историографии.

После падения Харашара Кашгар, Яркенд и Хотан признали власть Китая. Однако Западный край легче было завоевать, чем удержать. Несмотря на то, что в Хами была основана военная колония, уже в 132 г. «могущество китайского двора не сколько упало»²⁷.

В связи с этим и произвол китайских офицеров стал вызывать все большее возмущение. Так, например, в Хотане правитель Ван Гин, сменивший Бань Юна, по доносу убил князька. Население поднялось, окружило башню, в которой укрылись китайцы, и подожгло ее деревянные части. Вслед за тем восставшие ворвались в башню и убили китайцев, а голову правителя выставили на площади²⁸. Хотанцы остались безнаказанными.

Вокруг Чехи продолжалась война с северными хуннами. В 134 г. китайцы и их союзники захватили врасплох ставку северных хуннов и взяли много пленных, но в 135 г. хуннский князь Хуянь разбил китайские войска в Заднем Чехи. Правитель Дуньхуана отправил войска на помощь чешисцам, но они ничего не достигли.

Зато летом 137 г. правитель Дуньхуана с 3 тыс. воинов выиграл битву у Хуянь-князя на озере Баркуль. В честь победы он воздвиг на берегу озера камень с надписью²⁹.

Успех у Баркуля отročил падение китайской власти в Западном крае на 14 лет. Но в 151 г. Хуянь разграбил Хами. Китайский отряд, погнавшийся за хуннами, был полностью уничтожен на берегу озера Баркуль на месте былой победы. После этого Хуянь перешел в наступление и разгромил китайскую военную колонию в оазисе Хами, а затем отступил, прежде чем посланные из Дуньхуана войска успели его настичь³⁰.

В 153 г. чешисцы уничтожили военную колонию китайцев и, подобно хотанцам, не понесли наказания. У Китая уже не хватило сил удерживать Западный край. Но почему так иссякли его силы? Одной из причин было новое восстание кянов в 134 г. По размаху оно было значительнее предыдущего. Первые шесть лет все сводилось к партизанской войне, с одной стороны, и карательным мероприятиям — с другой; но даже такие мероприятия потребовали всех сил китайской легкой конницы, которая могла спасти положение в Западном крае. В 139 г. двум вновь назначенным китайским правителям была дана твердая инструкция — лаской и уважением местных обычаев примирить кянов с Китаем.

Не тут-то было. Оба правителя «по природе были жестокосердны, почему и не могли следовать сему наставлению»³¹. В результате их «притеснительных распоряжений» в 140 г. вспыхнуло всеобщее восстание. Потребовалась новая армия, но в 141 г. она была разбита, и ее вождь пал с двумя сыновьями. Снова обагрились кровью поля Северо-Западного Китая, запылали деревни, бежали со своих полей крестьяне, были разрушены императорские гробницы (в Шаньси находились усыпальницы династии Хань).

Кяны были обескровлены предыдущими войнами не меньше, чем китайцы. Регулярная конница сжимала их и загоняла в горы, где самое отчаянное сопротивление не могло спасти от голодной смерти. К 145 г. «кяны начали ослабевать»³². Подавление этого восстания стоило Китаю свыше восьми миллионов ланов серебра.

В 148 г. восстали верные союзники Китая — малые юэчжи. Очевидно, и их довели до отчаяния вымогательства и произвол чиновников. Снова были призваны баньшунские мани, и они разбили повстанцев. Страна была опустошена, и «поля покры-

ты костями убитых». А ведь именно эта область должна была служить базой наступления на запад.

Хуннам не удалось воспользоваться ослаблением Китая и восстановить свое господство в родных степях. Хунну перестало существовать. Будущее уже принадлежало молодому и крепкому народу, который в это время обрел вождя и знамя.

В 155 г. возникла первая сяньбийская держава.

Последние сведения о Западном крае относятся ко второй половине II в. После этого его история погружается во мглу. Но даже последние проблески представляют интерес, ибо сжимают границы «темного» периода.

После разгрома северных хуннов сяньби китайцам удалось вернуть влияние в Чэши. В Куче оно оставалось непоколебленным еще в 158 г.³³, ибо оазисы, прикрытые Тяньшанем, были недоступны для хуннов. Так тянулось до 168 г., когда произошел антикитайский переворот в Кашгаре. На подавление восстания в 170 г. были посланы 500 китайских солдат из Дуньхуана и контингенты союзников: чешисцев, карашарцев и ку-чусцев. Осада Кашгара оказалась неудачной, и Китай примирился с его потерей. Да и не имело больше смысла держать Западный край. Китайцам было не до него.

В 159 г. снова подняли восстание неукротимые кяны³⁴. Набеги и карательные экспедиции чередовались десять лет, причем китайцам помогали родовые раздоры среди кяньских старейшин, а кяням — интриги в среде китайских чиновников и офицеров. Закончивший эту изнурительную войну полководец Дуань Фань достиг успеха лишь тогда, когда применил методы прямого истребления противника. Он отказался от громоздких, дорогостоящих и крайне неповоротливых ополчений. Его войска комплектовались в Шэньси, жители которой были так же воинственны, как и кяны. «Он ослабил западные роды и прекратил опустошения на востоке. Но сколько изувечено при нападениях, побито при преследовании, сколько черепов рассеяно по высоким горам и оторванных членов разметано по крутым утесам! Остался один или не более двух из ста, которые могли спастись от острия стрел во мраке пещер или в густоте трав». Но победа пришла слишком поздно и стоила слишком дорого. Источник резюмирует: «Правда, что неприятели несколько усмирены, но зато престол Дома Хань поколебался в самом основании»³⁵. Ханьской династии не пришлось пожнать плоды этой победы. Как только восстание «желтых повя-

чок» всколыхнуло Китай, снова поднялись в Бэйди и Ханьчжунские кяны, и снова разгорелась горная партизанская война. Кянское сопротивление пережило ханьское величие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 126.
- ² Там же. С. 127.
- ³ Там же.
- ⁴ Шаванн (Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб, 1903. С. 35) и Хирт (Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Strassburg, 1900. S. 113) сопоставили название гор Яньчжань с названием столицы Яньчжаньского наместничества в северной части Шаньси. На ошибочность этого предположения указал Грумм-Гржимайло (Западная Монголия... С. 112—113), доказавший, что топоним Яньчжань ничего общего не имеет с городком в Шаньси — Яньжаньсяно. Однако ошибка Шаванна и Хирта была механически воспринята Франке (Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. I. 1930. S. 398). Исправление переходящей ошибки необходимо, так как она искажает весь ход событий.
- ⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 129.
- ⁶ Там же. С. 151.
- ⁷ Там же. С. 128.
- ⁸ Там же. С. 125—127.
- ⁹ Обручев В.А. Избранные работы по географии Азии. Т. I. М., 1951. С. 386.
- ¹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 259.
- ¹¹ Chavannes E. Trois generaux chinois de la dinastie de Han Orientaux // Pan Tch'ao T'oung Pao. Serie II. Vol. VII. 1906. P. 230.
- ¹² Ibid. P. 232.
- ¹³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 217.
- ¹⁴ Там же. С. 235, 237.
- ¹⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 129.
- ¹⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁷ Там же. С. 131.
- ¹⁸ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 29.
- ¹⁹ Там же. С. 32.
- ²⁰ Там же. С. 34.
- ²¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 132.
- ²² Chavannes E. Trois generaux chinois... P. 256.
- ²³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 151.
- ²⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 16.
- ²⁵ См.: Синха Н.К. и Банерджи А.Ч. История Индии. М., 1954. С. 81; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 152; История народов Узбекистана. Т. I. 1950. С. 119.
- ²⁶ См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 134—135.
- ²⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 220.
- ²⁸ Там же. С. 223.

Хунну

²⁹ *Chavannes E.* Dix inscriptions chinoises de L'Asie Centrale // Memoire presentes par divers savants. Académie des inscriptions et de belles-lettres». Série I. T. XI. Part 2. P., 1904. P. 209.

³⁰ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 238.

³¹ *Иакинф.* История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 56.

³² Там же. С. 59.

³³ *Chavannes E.* Dix inscriptions... P. 197.

³⁴ *Иакинф.* История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 60.

³⁵ Там же. С. 70.

XV. Последний удар

ТАНШИХАЙ

Воинственные сяньби были так неукротимы, что для того чтобы хоть немного организовать их, нужен был человек необычайно сильной воли. Такой человек нашелся, но самое удивительное то, что ему было, согласно источнику, только 14 лет.

Таншихай родился в 141 г. Отец его три года служил в войске хуннов и по возвращении домой обнаружил сына. Он потребовал объяснения у жены, и та рассказала, что однажды шла по дороге, услышала удар грома и взглянула на небо; тогда ей в рот упала градинка, она ее проглотила и от этого родился сын. Супруг оказался скептиком и отвернулся от ребенка, которого воспитала родня жены¹. Легенда часто украшает жизнь великого человека, но интересно другое: Таншихай был смолоду лишен поддержки рода, и все совершенное им позднее есть плод его личного таланта. Это важно отметить, даже допустив, что дата его рождения искажена преданием. За храбрость и выдающиеся способности в 156 г. он был избран старейшиной. Старейшин сяньби избирали без особой борьбы, так как власть их была ничтожна, но Таншихай и тут оказался исключением. Он построил для себя дворец, собрал многочисленную дружину и, самое главное, возглавил всех прочих сяньбийских старейшин. Время работало на Тансихая: сяньби начали понимать необходимость объединения, и осуществление его выпало на долю молодого вождя².

Консолидация принесла плоды немедленно. Таншихай «на юге грабил пограничные (с Китаем. — Л.Г.) места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фуюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14 000 ли (приблизительно 6,5 тыс. км. — Л.Г.), со всеми горами, реками и соляными озерами»³. Все эти завоевания были совершены в период с 155 по 166 г. Возможно, что Южная Сибирь была покорена в 168—173 гг.⁴, но об этих завоеваниях мы знаем слишком мало.

Даже из краткого сообщения ясно, что последний удар Северному Хунну был нанесен именно Тансихаем. На 6,5 тыс. км от Усури до меридиана Волги или Урала отодвинулась западная граница его державы, т.е. Таншихай выгнал хуннов из Джунгарии за Тарбагатай и оттеснил динлинов за Саяны, обеспечив монгольскому элементу преимущественное положение в Халхе и Чахаре. Положение это продержалось 400 лет. Динлины потерпели такое сильное поражение, что с этого времени о них больше не было слышно, а для хуннов начался новый период истории. Лишившись земледельческих районов в Западном крае, хунны двинулись на запад, чтобы отыскать новые, и при этом раскололись снова. «Малосильные» остались в Семиречье, где основали княжество Юебань, просуществовавшее до V в. н.э., а самые сильные ушли в Европу, где расправились с аланами, готами и добрались до Рима, окруженные новыми союзниками — уграми и кавказцами. Жестокий разгром хуннами многих европейских народов создал им на западе репутацию головорезов и разбойников⁵, в то время как китайские авторы характеризовали их как народ, наиболее культурный из всех «варваров».

Но вернемся к Сяньби.

Таншихай оказался не только военным вождем, но и организатором. Он ввел разделение сяньбийской державы на три части — центр и два крыла. Во главе подразделений были поставлены его помощники; от былого хуннского аристократизма и от сяньбийского сепаратизма не осталось и следа.

Система Тансихая была настоящей военной демократией, переходом от древней геронтократии к орде — строю средневековой Азии. Любопытно, что Тансихай не принял титула шаньюй и вообще никакого титула. Он был просто Тансихай, вождь степных племен, и действительно, они стекались к нему для борьбы с ненавистной китайской бюрократией. Ханьская

империя снова была вынуждена бороться за свое существование.

Войну с Китаем Таншихай вел весьма удачно. Начиная со 158 г. летучие отряды сяньби наводняли Северный Китай и производили «великий грабеж». В 166 г. многие южные хунны и ухуани передались на сторону сяньби. Китайцы, видя неспособность поставленного ими в Южном Хунну шаньюя Гюйгюйра, арестовали его, но это не поправило дел на фронте⁶. В 167 г. измученное набегам китайское правительство предложило Таншихаю мир на основании «договора мира и родства» и пришло за ним титул вана. Таншихай отказался вступить в переговоры⁷.

Наконец в 177 г. китайцы решили разбить врага на его территории, и 30-тысячное войско выступило за границу. Сяньби не бежали, как некогда хунны. Они грудью встретили китайский удар, и все три китайские колонны были разбиты наголову. Осенью 177 г. сяньби начисто разграбили Ляоси, а в 178 г. перекинулись в Хэси. От этого поражения Китай долго не мог оправиться. Четыре столетия кочевники безнаказанно хозяйничали в его пределах.

В 181 г. Таншихай умер на сороковом году жизни, и тогда обнаружилось, что вся держава покоилась на силе и обаянии его личности. Сын Таншихая — Холян пытался продолжать военную политику отца, но из этого ничего не вышло. Половина орды отказалась ему повиноваться, так как он «был жаден и развратен»⁸. Холян при осаде китайской крепости был застрелен из самострела. За его малолетнего сына стал управлять его брат, потом дядя и племянник поссорились, и держава окончательно развалилась в 235 г. Но удар, нанесенный Китаю Таншихаем, оказался очень сильным. Северные области Китая заселялись кочевниками, спешившими сменить суровые степи Сибири на теплые луга берегов Желтой реки. Южный же Китай был опустошен восстанием «желтых повязок», которое было подавлено с большим трудом.

ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ ХУННСКОГО НАРОДА

Шаньюй Хюли, кончивший жизнь самоубийством в 142 г., был последним шаньюем из рода Цзюйдихэу. Дэулэчу и Гюйгюйр, сменившие его, были просто ставленниками китайского двора, скорее чиновниками, чем правителями. Китайское правитель-

ство так мало считалось с ними, что само подрывало их авторитет среди подданных. Так, например, Гюйгюр был арестован и умер в тюрьме, его сын правил в 172—178 гг., но имя его забыли внести в государственные акты, и оно исчезло для истории. Его же сын Хучжен (178—179 гг.) был казнен китайским чиновником, который, правда, был наказан за превышение власти. Следующий шаньюй, Кянкюй (179—188 г.), был убит самими хуннами, опасавшимися, что он мобилизует их на войну против сяньби. Его сын Юйфуло бежал от мятежников в столицу (Лоян) и был утвержден шаньюем, но не смел вернуться в свои владения. В этот период уже началось восстание «желтых повязок» и мятежи воевод. В то время как шаньюй жил у Цао Цао, хунны приняли участие в гражданской войне на стороне повстанцев, но успехов не имели, и «южная орда опустела»⁹. Самостоятельная история Южного Хунну прекратилась в 215 г., когда шаньюй Хучуцунь был арестован, а для управления хуннами назначен наместник¹⁰.

В этот последний период (142—215 гг.) бросаются в глаза два явления: постепенный уход хуннов обратно на север и окитаивание оставшихся на месте. В степь ушли остатки повстанцев. Много хуннов перелазило Таншихаю в 158 г., и все последующие годы шло дезертирство из войск шаньюя. Это понятно: все энергичные люди, не желавшие менять свой образ жизни, тяготились гнетом китайских чиновников. Кочевники сяньби были им ближе и роднее, и они уходили на север. А это лишало шаньюев реальной опоры и заставляло их дорожить связью с китайским двором. Начиная с Гюйгюйра хуннское очередное престолонаследие заменяется прямым, что произошло, несомненно, в результате китайского влияния. Совместная жизнь с китайцами и смешанные браки изменяли постепенно тип и психику народа, и к III в. н.э. вместо одного хуннского народа возникли четыре ветви его.

1. Северные хунны, перемешавшиеся в Сибири с уграми, неукротимые и дичающие вдали от культурных центров.

2. Юебань — хунны, подвергшиеся сильному влиянию согдийской культуры.

3. Хунно-сяньби — смешанные роды в Халхе и Чахаре; этнический субстрат, из которого выработались позднее тюркоязычные и монголоязычные племена раннего средневековья.

4. Китайские хунны — находившиеся в процессе ассимиляции, которая закончилась, однако, лишь к V в. н.э.

Хунну

На смену хуннам выступили сяньби. Им удалось победить хуннов и даже самих китайцев, но этот период истории Средней Азии будет описан в самостоятельном исследовании.

Теперь нам остается вкратце проследить судьбу той ветви хуннов, которая стала известна в Европе под именем гуннов.

хунны и гунны

Западную окраину Великой степи в то время населяли два народа: в Предкавказье жили аланы, на нижней Волге и Урале — угры¹¹. Лесостепную полосу Западной Сибири занимали сабиры, принадлежавшие к угро-самодийской группе¹², а Приаралье — хиониты, осколок древнего европеоидного слоя¹³. Эти последние не были затронуты передвижением хуннов, которые, очевидно, прошли севернее; когда же сабиры проникли в Закавказье, то сходство их с хуннами было отмечено источниками¹⁴. Но не они, а приуральские угры были тем народом, который приютил беглецов и дал им возможность вновь собраться с силами. Именно с угорских территорий начали хунны свой новый поход на запад, причем угорский элемент составлял их основную боевую силу, и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались и слились в один новый народ — гуннов.

Со 155 г., когда северные хунны оторвались от победоносных сяньбийцев на берегах Волги, до 350 г., когда гунны начали упорную борьбу с аланами, их история совершенно неизвестна.

Самый факт перехода хуннов на запад казался невероятным, так как действительно более чем странно, что целый народ бросился бежать в «никуда». Но если допустить, что хунны знали о культуре Запада и сознательно передвинулись в области, заведомо непригодные для жизни, то все сомнения в переселении их теряют силу. Предлагаемый парадоксальный тезис основан на анализе находок в кургане Ноин-ула, сделанном Г.И.Боровкой. Он отмечает среди найденных произведений искусства немало привозных вещей, а также фрагменты тканей, которые нужно признать греческими¹⁵. Ткани, аналогичные по материалу, окраске, технике тканья и вышивке, изготовлялись в греческих колониях на берегу Черного моря для скифов и оттуда попадали к хуннам¹⁶.

А, как известно, с вещами приходят нередко и сведения о тех странах, где они сделаны, и поэтому нет никаких оснований

полагать, что хунны не знали, что ожидает их на западе. Наоборот, надо полагать, переход их был продуман и взвешен: отброшенные от границ Китая и Западного края, они должны были стремиться передвинуться к границе другой земледельческой культуры, так как изоляция обрекала их на нищету и гибель.

Пробиться сквозь толщу угров и аланов было очень трудно, и последствия этого сказались на изменении самого облика хуннов, ушедших на запад. За 200 лет с осколком хуннского народа произошли такие изменения, что долгое время ученые не решались отождествлять азиатских хуннов и европейских гуннов. Наконец этот вопрос был решен положительно¹⁷, но осталась нерешенной проблема несходства тех и других¹⁸.

С 350 г. гунны входят в сферу европейской медиевистики, но двухсотлетний процесс этногенеза столь интересен, что просто невозможно отмахнуться от рассмотрения его. Не имея никаких сведений по этому периоду, мы вынуждены применить метод интерполяции источников, т.е. сопоставить известные нам данные об азиатских хуннах с известиями европейских авторов IV в. — Аммиана Марцеллина и Иордана¹⁹.

Аммиан Марцеллин помещает племя гуннов «за Мэотийскими болотами у Ледовитого океана», который, по его мнению, был очень недалеко, т.е. подтверждается локализация гуннов на средней и нижней Волге. Из антропологических черт он отмечает безбородость, считая, что она достигается искусственно, и коренастость: «Все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или угодить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов». Коренастость — признак монголоидных племен Евразии, свойственный более уграм, чем даже монголам. Очень замечательно, что римский автор не упоминает о чисто монгольских чертах: скуластости, узких глазах. Эти черты не могли пройти незамеченными, если бы они имели место. Значит, дальневосточных монголоидов Аммиан Марцеллин не видел, а знал только хунно-угорских метисов.

Это соображение находит опору в лингвистических исследованиях. Наследниками гуннского языка принято считать чувашей²⁰. Б.А.Серебренников ставит вопрос о том, где следует искать истоки языка тюркских пришельцев на территорию Чувашии. Отмечая чувашско-монгольские и даже чувашско-тунгусские языковые связи, он приходит к следующему выводу:

«Один из тюркских языков, предок современного чувашского языка, находился, по-видимому, где-то в районе Байкальского озера, по соседству с какими-то монгольскими языками»²¹. Затем финно-угорские народы оказали влияние на язык тюркоязычных пришельцев²².

Согласно мнению Б.А.Серебрянникова, носители того тюркского языка, который стал предком чувашского, «мощной волной переселения народов были оттеснены в Европу и обосновались на нижнем течении Волги»²³. Впоследствии эта тюркоязычная общность распалась на два языка — болгарский и хазарский. Хазары остались на нижнем течении Волги, а болгары разделились на две части — одна из них проникла на юг, другая начала мигрировать по направлению к северу²⁴. Удивляет только предлагаемая автором гипотезы датировка — первая половина I тысячелетия до н.э.²⁵ Описанная картина воспроизводит ситуацию первой половины I тысячелетия н.э., т.е. приход хуннов и их дальнейшую судьбу в Восточной Европе.

О факте расового смешения, в результате которого возникли гунны, сообщает Иордан. «По преданию древности, я узнал следующее об их происхождении. Филимер, король готов и сын Гандариха Великого, пятый в порядке лиц, управлявших королевством готов по удалении их с острова Скандзы [Скандинавии], и под предводительством которого его народ вступил в землю скифов, узнал, что среди его народа [вероятно, скифского народа; про свой народ Филимер должен был все знать с детства] водятся какие-то ведьмы, которых он сам называл, на своем родном языке, алиарумнами.

По его приказанию они были изгнаны и осуждены блуждать в степях, далеко от лагеря готов. Нечистые духи, увидев ведьм, скитавшихся в пустыне, сочетались с ними и породили этот варварский народ — гуннов».

В этом сообщении характерна деталь «нечистые духи», т.е. пришлые кочевники, мужчины, ищущие женщин среди местного населения²⁶. Такое направление метизации более вероятно, чем любое другое. Достаточно представить себе отступавшую с боями орду, которая наверняка теряла обозы, чтобы понять, что женщины хунны в достаточном количестве привезти с Тарбагатая не могли. А раз так, то вполне понятно, что угорский тип должен был торжествовать в их потомстве над крайне-монголоидным и европеоидным-диским. Это предположение устраняет все возражения, основанные на несходстве этногра-

фических и антропологических признаков, и само по себе гораздо более соответствует политической ситуации в Средней Азии II—III вв., которая восстановаима благодаря сведению западных и восточных источников. Более того, высказанное предположение дает возможность установить, что различия в культуре и быте должны были возникнуть, и именно такие, какие отмечены источниками. Попробуем разобрать этот вопрос в деталях.

У хуннов было весьма упорядоченное кочевое скотоводство и родовое владение угодьями. Срубы в погребениях указывают на то, что на зимовках хунны строили себе избы. Ничего подобного нет у гуннов. Аммиан Марцеллин так описывает их быт: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода. У них нельзя найти даже прикрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить голод, холод и жажду; и на чужбине они не входят в жилище, за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей». Тут какое-то преувеличение. А как же живут гунны зимой? Но ниже есть ответ на наш вопрос. «Все они... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше»²⁷.

Итак, на сцену выступает старинная хуннская кибитка, корабль, перевезший их полторы тысячи лет назад через Гоби. Вообще весь быт напоминает больше беглецов Шун-Вэя, чем упорядоченную державу Модэ. Пища упростилась до предела: «Они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением». А за 300 лет до того хунны любили лакомиться китайским печеньем²⁸. Одежда их теперь холщовая или сшита из шкурок лесных мышей, а в юебаньских курганах полно шелка и керамики. Земледелия гунны не знают совсем, как будто их предки не заводили пашен; железа у них мало, и они употребляют кость для наконечников копий. Но самое главное отличие гуннов от хуннов — утеря

высоких форм организации и института наследственной власти: о серьезных делах «все советуется в обычном положении (т.е. верхом. — Л.Г.). Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути». Позднее институт наследственной власти у гуннов восстановился.

Трудно поверить, что этот народ — единоплеменники современных им юебаньских и ордосских хуннов, но это так. Военное поражение отбросило северных хуннов на 2000 лет назад, а метизация с уграми изменила и внешний вид их и психологический уклад. В новых тяжелых условиях жизни потерялась большая часть культурных достижений прошлого²⁹. Только военный строй был сохранен и дал на Западе столь же блестящие результаты, как и на Востоке.

Соседи гуннов — аланы — применяли, как юэчжи и парфяне, сарматскую тактику боя. Это были всадники в чешуйчатой или кольчужной броне с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к конской шее, так что в удар вкладывалась вся сила движения коня. По данному вождем сигналу отряд таких всадников бросался в атаку и легко сокрушал пехоту, вооруженную слабыми античными луками.

Преимущества нового конного строя обеспечили сарматам победу над скифами, но хунны Модэ и Лаошаня и гунны вождя Баламира, в свою очередь, одерживали дважды полную победу над ними. Сарматской тактике удара гунны противопоставляли тактику совершенного изнурения противника. Они не принимали рукопашной схватки, но и не покидали поле боя, осыпая противника стрелами или лояя его издали арканами. При этом они не прекращали войны ни на минуту, «разнося смерть на широкое пространство». Тяжеловооруженный всадник, естественно, уставал быстрее легковооруженного и, не имея возможности достать его копьем, попадал в петлю аркана.

Иордан сообщает, что гунны «завоевали аланов, утомив их непрерывной борьбой» (350—370 гг.). Очевидно, тем же путем добились хунны победы над юэчжами (208—161 гг. до н.э.).

Победив и присоединив к себе аланов, гунны стали во главе огромного племенного союза, в котором прямые потомки хуннов составляли незначительное меньшинство. В семидесятых годах IV в. они перешли Дон и победой над остготами открыли новый период истории, известный под названием «Великое переселение народов». Мы проследили судьбы хуннов от глубоких

истоков зарождения народа до его преобразования на новой земле. Обновление кровью доселе чуждых ему племен, переход на новые пространства и течение всеизменяющего времени закончили дело, начатое копьеносцами империи Хань и продолженное лихими наездниками Таншихая. Здесь мы вправе прервать повествование, так как вновь открытая страница относится уже к истории Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 154.
- ² «Влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера, могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» (Плеханов Г.В. О роли личности в истории. М., 1941. С. 31—32).
- ³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 154.
- ⁴ См.: Бичурин Н.Я. (Иакинф). Записки о Монголии. Т. III. СПб., 1828. С. 53.
- ⁵ Первое упоминание гуннов для юга России принадлежит Дионисию Периегету, писавшему в 160 г., и с этих пор название «гунны» не исчезает, повторяясь у Птолея в 175—182 гг. Это подтверждает мысль, что хунны, убегаая от Таншихая, достигли Европы и, видимо, не задержались в Приаральских степях, страшась сянбийцев. Менчен-Хелфен отводит этот довод, считая, что тут описка переписчика (ср.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926. С. 124—152; также: *Аммиан Марцеллин.* История. Т. III. Киев, 1908. С. 236 и сл.).
- ⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 137.
- ⁷ Там же. С. 155.
- ⁸ Там же. С. 159.
- ⁹ Там же. С. 138.
- ¹⁰ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 140.
- ¹¹ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 24.
- ¹² Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samoeden und die jenseitsischen Völkern // Acta Orientalia. Т. III. Budapest, 1953. S. 88—89, 99.
- ¹³ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. (ВДИ. 1959. №1). С. 134—135.
- ¹⁴ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. СПб., 1880. С. 181—182.
- ¹⁵ «Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Козлова». Л., 1925. С. 26.
- ¹⁶ Там же. С. 30—31.
- ¹⁷ См.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны.
- ¹⁸ *Maenchen-Helfen O.* The Huns and the Hsiung—nu...
- ¹⁹ *Аммиан Марцеллин.* История. Т. III. Кн. XXXI. С. 236—243; *Iordanis.* Romana et Getika. Berlin, 1882.
- ²⁰ *Barthold W.W.* 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Berlin, 1935. S. 30—31.

Хунну

- ²¹ Серебренников Б.А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Сб. статей. Чебоксары, 1957. С. 41.
- ²² Там же. С. 38.
- ²³ Там же. С. 42.
- ²⁴ Там же. С. 43.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Ср. *Maenchen-Helfen O.* The legend of origins of the Huns // *Bysantion*. Vol. XVII. 1945. P. 244—252.
- ²⁷ *Аммиан Марцеллин.* История. Т. III. С. 236—243.
- ²⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 57.
- ²⁹ Следует, однако, помнить, что Аммиан Марцеллин характеризовал только рядовую массу гуннов, причем, может быть, значительная доля его оценок относится к угорскому этническому субстрату. Приск, описывая двор Атиллы, дает совсем иную картину. См.: Сказания Приска Панийского в переводе Дестуниса // Ученые записки 2-го отдела императорской Академии наук. Кн. 7. Вып. I. СПб., 1861.

Словарь этнонимов

Алакчины — см. *Бома*.

Аланы (см. *Яньцай*) — предки осетин. Во II в. до н.э. обитали на северных берегах Аральского и Каспийского морей, затем распространились на Северный Кавказ и Дон. Аммиан Марцеллин считает их потомками массагетов (см.: кн. XXXI, § 12, с. 239).

Баянь — кочевое племя, жившее в Ордосе в III в. до н.э., предположительно жунское (см. *Жуны*).

Бикин — см. *Бома*.

Бома — китайское название народа алакчинов, обитавших в Южной Сибири от Алтая до Ангары.

Боты — самоназвание тибетцев, известно со II в. н.э. В «Перикле Эритрейского моря» — бауты (см.: *Томсон Дж.О.* История древней географии. М., 1953. С. 431).

Вэйби (сяньби) — название вэйби связано с китайским наименованием Вэй, принятым правящей династией Тоба по имени завоеванного этим народом древнего княжества.

Гаогюй — прозвище ряда телеских племен, в IV в. н.э. перекочевавших из Алашана и Наньшана в Джунгарию и Западную Монголию.

Глазковцы — условное название группы древнетунгусских племен, живших во II тысячелетии до н.э. в верхнем течении Ангары [см.: *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья (Глазковское время). М.; Л., 1955].

Гунны — чтение, принятое для названия народа, сложившегося из хуннов,

Хунну

отступивших на запад во II в. н.э., и угров, постепенно примкнувших к ним в III—IV вв. В V в. гунны были разбиты германцами-гепидами и распались на части (см.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926).

Гуси — хуннский род на востоке, около Ухуани.

Гяньгуань — см. *Кыргызы енисейские*.

Дансяны — тибетское племя, обитавшее к югу от Цайдама. Объединившись с жунами, они образовали народ тангутов (см.: *Иакинф.* История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 237—247; *Грум-Гржимайло Г.Е.* Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора. СПб., 1903).

Ди — большая группа европеоидных племен, жившая в Западном Китае (Шэньси, Ганьсу, Сычуань) с древнейших времен до V в. н.э. Позже смешались с китайцами (см.: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926; *Lattimore O.* Inner Asian frontiers of China. New York, 1940).

Дили — искаженное название телеских племен.

Динлины — европеоидный народ, обитавший в Южной Сибири в I тысячелетии до н.э. и I тысячелетии н.э. Вошел в состав кыргызов (см.: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия..., гл. I; *Гумилев Л.Н.* Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического общества. 1959. № 1).

Дунху — буквально: «восточные варвары». Населяли степи Юго-Западной Маньчжурии в III в. до н.э. Завоеваны хуннами в 208 г. до н.э. Потомки их — ухуань.

Жуны — древняя народность на севере и северо-западе Китая. В VII—III вв. до н.э. боролись с китайцами за гегемонию. После поражения слились с кочевыми тибетцами-дансянами; из этого слияния возникли тангуты.

Икюйские жуны — обитали между Хуанхэ и Вэй, севернее устья Вэй.

Карасуцзы — условное название обитателей Минусинской котловины с I 200 до 700 г. до н.э.

Кипчаки — динлинская народность на Западном Алтае и в прилегающих степях; потомки их — половцы, или куманы.

Кушаны — название объединения юэчжийских племен в Бактрии с I по III в. н.э.

Кыргызы енисейские — народ, сложившийся из динлинов и гяньгуней в Минусинской котловине в III—V вв. Тюркоязычны, по расовой принадлежности — европеоиды. Оседлые скотоводы и земледельцы. О культуре их см.: *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

- Кины** — китайское название тибетских кочевых племен, живших от верховьев Хуанхэ до Памира вдоль Куэнь-Луня до IV в. н.э.
- Линь** — хуннский род.
- Луфань** — кочевое племя, обитавшее в III в. до н.э. в северной Шаньси, потом передвинувшееся в Ордос. Происхождение — жунское (см. *Жуны*). Слились с хуннами во II в. до н.э.
- Мань** — китайское название разнообразных племен, обитавших в лесах южнее Янцзы.
- Массагеты** — не существовали. Название это есть только у Геродота и Страбона (причем последний переписал у первого) и означает буквально: «Большая сакская орда» (см.: *Тревер К.В.* История Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950. С. 46).
- Монголы** — условное название для группы монголоязычных племен. Самое слово возникло из политического термина XIII в., означавшего сторонников Чингисхана.
- Мувань** — сяньбийское племя в Южной Маньчжурии.
- Парфяне** (по-китайски — *аньси*) — полукочевой народ, в 250 г. до н.э. сбросивший власть македонян и захвативший Западный Иран. В 224—226 гг. н.э. низвергнуты персами. После этого самостоятельное парфянское княжество сохранилось в Северном Хорасане (см.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 265).
- Саки** — восточная группа североиранских кочевых племен, до II в. до н.э. кочевавших в современном Казахстане. В конце II в. саки прорвались в Восточный Иран и Северо-Западную Индию, где образовали несколько княжеств, пока не рассосались, ассимилированные местным населением. Родственны скифам-кочевникам.
- Сарматы** — североиранское кочевое племя, родственное парфянам. В III в. до н.э. победили скифов на юге России, потом слились с аланами.
- Сижу** — хуннский род.
- Скифы** — греческое название пяти разных племенных групп Причерноморья. Основная группа — царские скифы, народ североиранского происхождения.
- Сяньби** — монголоязычные племена, населявшие во II в. до н.э. — IV в. н.э. Западную Маньчжурию и Восточную Монголию.
- Тангуты** — полукочевые племена в Амдо и Восточном Тибете. Говорят на диалектах тибетского языка. Антропологически напоминают европеоидов. Потомки жунов и кянов.
- Танху** — название племени в Хэси, находившегося в подданстве у хуннов. Упоминается у Вэй Лио (см.: *T'oung Pao. Serie 2. Vol. VI. 1905. P. 522*).

Хунну

Тобасцы — сяньбийское племя в бассейне Онона, подвергшееся сильному влиянию культуры соседних тунгусов: они носили косы (отсюда прозвище, данное им китайцами, — косоплеты-тоба), один из их ханов имел тунгусское имя Шеигянь — буквально: «налим».

Тохары — название оседлого населения оазисов Восточного Туркестана и горных долин Припамирья.

Тюрки — понятие исключительно лингвистическое: группа разнообразных племен и народов, говорящих на сходных языках. Расового или этнического единства в этой группе нет.

Уэйе — княжество в южной части Джунгарии, на северных склонах Тяньшаня в I в. до н.э.

Угры — многочисленная группа монголоидных племен Западной Сибири и Поволжья с общим языком и культурой. Ныне частью отуречены, частью европеизированы (венгры).

Уйгуры (чиди) — одно из телеских племен, в IV в. перекочевавших из Хэси на север. В древности назывались чиди, т.е. «красные ди».

Усуни — белокурый и голубоглазый народ, во II в. до н.э. откочевавший из Хэси в Семиречье и живший там до III в. н.э., после чего остатки усуней были вытеснены в Тяньшань. Язык неизвестен. По культуре — кочевники.

Ухуани — монгольская народность в Южной Маньчжурии во II в. до н.э. — III в. н.э.; потомки дунху.

Хагясы — см. *Кыргызы енисейские*.

Хиониты — европеоидный народ, обитавший в низовьях Сыр-Дарьи.

Ху — в древности китайское название для кочевых племен к северу от Китая. Позднее это наименование перешло на западные народы, в том числе на согдийцев.

Хуге — хуннский род.

Хунны — народ, сложившийся из осколков родов ди, китайских эмигрантов племени ся и монголоидных племен, обитавших в степи по краям Гоби.

Хуньше — хуннский род в предгорьях Наньшаня и Алашаня.

Хуньхой — племя на средней Селенге во II—I тысячелетия до н.э.; вошло в состав хуннов.

Хючжуй — хуннский род на юге, у предгорий Алашани и Наньшани.

Хяньюнь — очень древнее степное племя II тысячелетия до н.э., затем слившееся с хуннами.

Цайли — совершенно не известное племя, обитавшее в Западной Монголии в III в. до н.э. Подчинено хуннами в 204 г. до н.э.

Циньцы — китайцы княжества Цинь, по культуре и быту несколько отличные от прочих китайцев.

Цини — см. *Кяны*.

Чешисцы — условное название. Восточные иранцы, жившие в Люкчунской впадине со II в. до н.э. по IV в. н.э.

Шаньжуны — обитали на склонах Южного Хингана в VII—III вв. до н.э.

Хэнь — хуннский род.

Чубань — хунны, осевшие в Тарбагатае во II в. н.э. Позднее передвинулись в Семиречье. В V в. покорены уйгурами и разбиты на четыре племени: чуюе, чуми, чумугунь, чубань.

Юнжи — народ, в V в. до н.э. заселивший Хэси. Во II в. до н.э. оттеснен хуннами в Среднюю Азию и занял Бактрию. Этническая принадлежность — согды, около V в. до н.э. совершившие завоевание Джунгарии (см.: *Гумилев Л. Н. С. И. Руденко и современная этногеография аридной зоны евразийского континента // Сб. Этнография народов СССР. Л., Географическое общество Союза ССР, 1971, С. 10—12*). Язык неизвестен. Его родиной была Джунгария.

Яньцай — китайское название народа, жившего на северо-восточных берегах Каспийского моря во II в. до н.э. Позднее переименовано в «Аланья», т.е. страна алан (см.: *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 229*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества.
ИРГО	— Известия Русского географического общества.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии.
МИА	— Материалы и исследования по археологии.

Синхронистическая таблица (XVI в. до н.э. — II в. н.э.)¹

Века	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. XVI	Низвержение династии Ся и установление династии Шан-Инь (по новой хронологии)	Выход Шун Вэя в степи. Глазковская культура в Прибайкалье	Изгнание из Египта гиксосов. Захват хеттами Вавилона
XV		Андроновская культура в Казахстане и в Саяно-Алтае	Египтяне покоряют Сирию
XIV	Образование княжества Чжоу		Война хеттов с египтянами в Сирии. Возвышение Ассирии

¹ Хронологические таблицы, составленные по синхронистическому принципу, облегчают пользование книгой как справочником (при условии предварительного ознакомления с текстом).

В графе 2 приводятся события, происходившие преимущественно в Китае, так как история Китая и Хунну весьма связана и даже переплетена. Здесь названы лишь крупные события, являющиеся вехами китайской истории, события мелкие, но непосредственно связанные с историей хуннов. История Китая известна лучше истории Срединной Азии, поэтому принятый метод отбора событий дает возможность выдержать одномасштабность. Пустые места означают эпохи мирного развития.

В графе 3 дается перечень событий, имевших место в Срединной Азии, отмеченных источниками.

Графа 4 имеет иное назначение: это как бы мост, соединяющий историю Востока и Запада. Поэтому здесь даются лишь очень немногие вехи римской истории, имеющие значение «привязки», и отдельные факты истории Индии, Парфии и Средней Азии, которые более или менее поддаются датировке, потому что полная история их за этот период еще не написана. В этой графе много численные пустые места отчетливо показывают пробелы в науке, а не просто мирные эпохи, как в предшествующих графах.

Синхронистическая таблица

Века	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. XIII		Образование державы Хунну от Чжили до оз. Варкуль	Походы ассирийцев на Урарту
XII	Разгром царства Шан-Инь и основание царства Чжоу. Покорение жунов	Переход хуннов через Гоби. Появление карасукской культуры в Саяно-Алтае	Походы ассирийцев на Урарту. Распад царства хеттов
XI			Возникновение Израильского царства. Упадок Ассирии.
X			Распад Иудеи и Израиля
IX	Народное восстание против Ли-вана. Регентство Чжоу-гуна и Чжао-гуна (Эпоха «Всеобщее согласие»)	Вторжение хуннов в Китай	Возвышение Ассирии
VIII	Распад царства Чжоу. Вторжения в Китай гуаньжунов и аньжунов и шаньжунов. Начало эпохи «Весны и осени»		Завоевание Египта нубийцами
VII	Гегемония лиги князей во главе с князем удела Цзинь. Набел жунов	Тагарская культура в Саяно-Алтае	Разгром Ассирии мидянами и халдеями. Уничтожение Иудеи
VI	Заклочение хунами мира с уделом Цзинь (569)		Создание персидской державы Кира
V	Покорение жунов и дунху. Начало эпохи «Брани царств» Реформа Шан Яна	Появление юэчжей на границах Китая	Греко-персидские войны Разгром Персии Александром Македонским. Изгнание греков из Индии Чандрагуптой

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. III в.	Объединение Китая. Основание общекитайской династии Цинь. Император Цинь Шихуанди	Вхождение хуннов в сферу влияния дунху	Образование парфянского царства
214	Строительство Великой стены	Завоевание Ордоса китайцами	Ганнибал в Италии
213		Гегемония дунху на востоке, юэчжей на западе. Ослабление Хунну	
211			В Бактрии власть берет Эвтидем, в Парфии Артабан I
210	Умер Цинь Шихуанди		
209	Власть захватывает Чжао Гао. Подавление восстания Чэнь Шэна и У Гуана	Модэ, убив отца, вступает на престол. Разгром дунху. Ухуань и Сяньби покорены хуннами	Антиох III отнимает у парфян Мидию и оттесняет их в степи
208	Восстание Сян Юя и Лю Бана	Победа хуннов над юэчжами	Антиох разбивает греко-бактрийцев
207	Низложение династии Цинь. Гегемония Сянь Юя		Антиох осаждает Бактры
206	Восстание Лю Бана и основании им Старшей династии Хань		Мир Антиоха с Эвтидемом
203	Гражданская война	Возвращение хуннами Ордоса Покорение кянов	Эвтидем завоевывает Парапамисад, Дрангиану и Арахосию
202	Победа Лю Бана и провозглашение империи Хань	Поход хуннов в Сяньи, покорение динлинов, кипчаков, кыргызов, хуньюй и цайли(?)	

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э.			
201	Сдача китайского князя Хань Синя хуннам	Поход хуннов на Китай	Конец Второй Пунической войны
200	Окружение хуннами китайского войска у деревни Байдын		
198			
197	Восстание сторонников Хань Синя в уделах Чжао и Дай (Северная Шаньси)		
196	Хань Синь приглашен для переговоров и предательски убит императрицей Люй Хоу	Договор «мира и родства» между Хунну и Хань Ожесточенная война юэчжей с хуннами	
195	Мятеж в княжестве Янь. Смерть Лю Бана. Регентство Люй Хоу	Вождь восстания княжества Янь Лу Гуан передается хуннам	
192		Модэ предлагает императрице Люй Хоу вступить в брак с ним	
191		Покорение Западного края и усуней	Разгром Антиоха III Селевкида римлянами. Основание Армении
187			Падение империи Маурья
186			Покорение Деметрием Бактрийским Арахосии, Парадамисад и всей долины Инда
184	Убийство наследника престола ванами Люй		

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э.			
181	Умерла Люй Хоу. Вступление на престол Вэнь-ди и истребление ванов-Люй	Упорная война хуннов с юэчжами	Сарматы проникли в Причерноморье
177	Восстание Хин Гюя	Набег чжуки-князя из Хэси на Китай	
176	Заключение договора «мира и родства» между Китаем и хуннами	Юэчжи разбиты хуннами	Переворот Эвкратиды в Бактрии и отпадение Греко-Индии
174		Умер Модэ; на престол вступил Лаошань	
171			В Парфии вступает на престол Митридат I
166		Удачный набег хуннов на Китай, начало войны	
165		Полная победа хуннов над юэчжами. Уход юэчжей за Западный Тяньшань, а усуней в Семиречье	
162		Мир между Хунну и Китаем на условии равенства	
161		Умер Лаошань; на престол вступил его сын Гюньчжень	Юэчжи отнимают Кашгар у саков. Война Греко-Бактрии с Греко-Индией. Парфяне отнимают у Бактрии Маргиану. Согдиана отпадает от Греко-Бактрийского царства
158		Возобновление набегов хуннов на Китай	
157	Умер Вэнь-ди	Признание автономии Усуни	
156	Вступление Цзинди на престол		

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. 155			Эвкрадид убит своим сыном Гелиоклом. Парфяне захватывают Мидию
154	Подавление восстания князей У, Чу и Чжао		
152	Договор между Хунну и Китаем о свободной торговле		
141	Умер Цзин-ди		Парфяне берут Селевкию
140	У-ди вступил на престол		Война Парфии с «кочевниками» на восточной границе
139	Начало путешествия Чжан Цяня		
138	Финансовые реформы: монополия «соли и железа». Запрещение всех философских школ, кроме конфуцианской, и борьба против религии		Умер парфянский царь Митридат Великий
133	Начало войны с Хунну	Поход хуннов на Китай и своевременное отступление, спасшее их от окружения	
31	Огромное наводнение в бассейне Хуанхэ		
129		Разгром китайских войск, вышедших в степь для уничтожения вольных рынков	Разгром Антиоха VII Сидета парфянами
128	Вэй Цин выгнал из Ордоса лауфань и баянь, учредив там область Вуюань (Шофан)	Набег хуннов на Китай. Ответный набег китайской конницы на хуннские кочевья	Падение Греко-Бактрии (завоевана юэчжами)
127	Укрепление берегов Хуанхэ		Первое вторжение саков в Парфию

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э.			
126	Возвращение Чжан Цзяня	Умер Гюньчжень. Его брат Ичисйе объявил себя шаньюем	
125		Хунны берут крепости Юймын и Шофан. Китайцы захватывают удел чжуки-князя в Тяньшане, на его земле учреждена область Цзю-цюань	
123		Наступление китайских войск и полный разгром их хуннами	Второе вторжение саков в Парфию при Миртидате II
122		Перенесение ставки шаньюя в Хангай	
121	В Алашани учреждена область Вувэй	Разгром хуннских кочевий в Алашани, поражение китайцев около Пекина	
120		Алашаньские князья передаются Китаю	
119		Поход китайцев на Хангай	
118	Заселение военнопоселенцами завоеванной полосы на север от Хуанхэ	Потеря Иньшаня и южного караванного пути до Лобнора	
117	Война с тибетцами-кянами. Ухуани подчинены Китаю и переведены во внутренние области его		
115	Поражение тибетцев-кянов		
114	На отнятых у тибетцев-кянов землях учреждена область Аньдин	Смерть Ичисйе; на престол вступил его сын Увэй	Парфяне захватывают Мерв. Саки оттеснены на восток
113	Покорение Южного Юе		
112	Учреждение областей Дуньхуан и Чжанйе	Две китайские армии вторгаются в северную степь и, не найдя хуннов, возвращаются	

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
о н.э. 110		Китайский посол предлагает шаньюю принять вассальную зависимость	
109	Поход на Чаосянь (Северная Корея)		
108	Убит царь Чаосяни, его государство уничтожено, а земли присоединены к Китаю	Китайская карательная экспедиция на Шаньшань и Гуши	
107	Мир с тибетцами-кянами		
106		Разделение Усуни на три самостоятельных владения	
105	Посол Чэ Лин убит в Давани (Фергане)	Умер Увэй; на престол вступил Ушилу. Заговор великого дуюя против шаньюя	
104	Неудачный поход Ли Гуан-ли на Давань за «небесными лошадьми»	Заговор дуюя раскрыт, заговорщики казнены	
103	Захват китайцами южного караванного пути	Китайская армия, выступившая в поддержку заговорщиков, слается хуннам. Набег на Китай	
102	Линия крепостей выдвигается в степь. Удачный поход за «небесными лошадьми»	Умер Ушилу; на престол вступил Гюйлиху. Хунны уничтожают китайскую линию крепостей	
101	Ли Гуан-ли получает титул «Эршиский полководец»	Умер Гюйлиху; избрание шаньюем Цзюйдихэу	
99	Нападение прокитайских шаньшаньцев на Чэши отбито хуннами	Поход Эршиского к Тяньшаню; китайцы разбиты. Капитуляция отряда Ли Лина	
98	Опала Сыма Цяня		
97	Решительное наступление Китая на хуннов	Китайская армия отбита	

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. 96		Цзюйдихэу умер; на престол вступил Хулугу	
92			Первые перегово- ры Парфии и Рима
90	Неудачный поход Ли Гуан-ли на хун- нов	Разгром хуннами ки- тайской армии. Набег на Хэси	
89		Предложение мира Китаю на условиях равенства. Ли Гуан-ли принесен в жертву	
88	Завоевание Чэши китайцами		
87	Умер У-ди. Вступ- ление на престол Чжао-ди		Умер Митридат II
86		Изгнание китайцев из Чэши хуннами	Армяне отнимают у парфян земли, ранее уступленные им.
85		Умер Хулугу. На пре- стол возведен Хуань- ди. Начало борьбы партий	Мир Суллы с Мит- ридатом IV
84			Захват армянами Сирии, Финикии, Киликии
80		Война против усуней, вступивших в союз с Китаем	
75			В Индии замена династии Сунга династией Канва. Митридат начинает войну с Римом
74	Умер Чжао-ди; на престол возведен Чан-ди, но низвер- гнут за жестокость		
73	Сюань-ди вступил на престол. Дого- вор с Усунью о войне против Хун- ну	Хунны покидают Чэши, а китайцы его занимают	

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. 72	Безрезультатный поход на Хунну	Сокрушительный набег усуней. Чэши опять передается хуннам. Неудачная попытка контрнаступления на усуней и китайцев. Поражение хуннов. Восстание динлинов и ухуаней против Хунну	Завоевание Понта Лукуллом
69			Вторжение Лукулла в Армению и падение Тигранакерта
68		Умер Хуань-ди; на престол вступил Хюйлюй-Цюанькюй. Восстание рода Сижу, передавшегося Китаю	
67	Основание военной колонии Гаочан на месте Чэши	Потеря Чэши хуннами	Митридат разбивает римлян при Зееле и отвоевывает Понт
66		Попытка хуннов завести пашни в Южной Джунгарии	Помпей разбивает Митридата и покоряет Сирию, Палестину. Конфликт Рима и Парфии
65		Восстание в Яркенде против Китая усмирено	
64		Неудачный поход хуннов на Чэши против китайцев. В Усуни умер Унгуйми, вступил на престол Ними и женился на Гяй-ю	
63	Кяны готовят восстание		
62	Китайцы вывели своих людей из Чэши, оставив князем своего ставленника	Неудачная попытка набег на Китай. Новый набег динлинов на Хунну	

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э.			
61		Снова набег динлинов на Хунну	
60	Просьба Хунну о мире оставлена без ответа. Восставшие князья разбиты Китайцы заняли весь «северный путь»	Умер Хюйлюй-Цюаньхой; на престол возведен Уянь-Гюйди.	
59		Казни вельмож Эмиграция вельмож. Восстание рода Югянь	
58		Опала Гуси-князя; восстание в пользу Хуханье. Самоубийство Уянь-Гюйди. Набег ухуаней на род Гуси	Саки разбиты Викрамадией
57		Восстание западных хуннов против Хуханье. Пять шаньюев	В Парфии убит Фраат. Распря детей Фраата: Митридата и Орода
56		Победа Хуханье над соперниками. На западе восстание Жунченя против Хуханье	
55	На востоке восстание Чжичжи против Хуханье		
54	Победа Чжичжи над Жуньченем и Хуханье	Митридат, вступивший в связь с Римом, разбит и казнен	
53	Посольства Хуханье и Чжичжи в Китай	Битва при Каррах; гибель Красса	
52	Хуханье перекочевывает на юг и подчиняется Китаю. Династические распри в Усуни и дипломатическое вмешательство Китая	Вторжение парфянов в Сирию	
51	Посольство Чжичжи в Китай с просьбой о союзе. Разделение Усуни на старший (прокитайский) и младший (прохуннский) уделы		

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. 50		Новые посольства обоих шаньюев в Ки- тай. Утверждение со- юза Хуханье с Китаем	Восстание цареви- ча Пакора против отца
49	Умер Сюань-ди; Юань-ди вступил на престол	Чжичжи разбивает усуней, покоряет угуйе (угров), гяньгу- ней и динлинов	
48		Чжичжи убивает ки- тайского посла	
47		Хуханье, заключив договор с Китаем и скрепив его клятвой, возвращается на север	
46	Восстановлено по- селение Гаочан	Царь Кангюя пригла- шает к себе Чжичжи для войны против Усуни. Чжичжи отко- чевывает в Кангой, но от тяжести перехо- да, мороза и вьюг те- ряет много людей	
45			Восстание Цеци- лия Басса в Сирии и вторжение пар- фян на помощь ему
42	Набег кянов на Китай отбит		
41			Захват Сирии пар- фянами
40			Квинт Лабиев ока- зывает поддержку парфянам, но раз- бит Антонием
39			Поражение парфян при Гиндаре. Ород II уступает престол сыну Фраату
38			Фраат IV казнит отца, братьев и многих вельмож
16	Поход китайцев против Чжичжи	Разгром и гибель Чжичжи у Таласа	Поход Антония в Атропатену и его поражение

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
До н.э. 34			Фраат овладевает Атропатеной и ставит царем Армении Арташеса, перебившего там римлян
33 32	Умер Юань-ди Чен-ди вступил на престол. Прибывает посольство из Кангюя		Фраат бежит к сакам. На престол вступает Тиридат
31		Умер Хуханье; на престол возведен Фучжулэй-жоди	
30			Фраат возвращается при поддержке саков. Тиридат бежит в Рим
29			Падение династии Канва в Индии. Единовластие в Риме
20		Умер Фучжулэй-жоди; ему наследовал Сусйе-жоди	Армения уступлена Парфией Риму; мир между Парфией и Римом
14	Восстание на железных рудниках		
12		Умер Сусйе-жоди; ему наследовал Гюйя-жоди	
11		Распри в Усуни между старшим и младшим князьями; оба убиты	
8		Умер Гюйя-жоди; ему наследовал Учжулю-жоди	
7	Умер Чен-ди		
6	Ай-ди вступил на престол		

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э.			
1	Умер Ай-ди; на престол вступил малолетний Пин-ди; регентша — императрица-бабка, у власти канцлер Ван Ман		
2	Китайцы установили «новый северный путь» через Джунгарию	Население Заднего Чехи бежало к хуннам	
3	Китайцы оккупируют земли у оз. Кукунор и сооружают крепостную оборонительную линию		
5	Пин-ди убит		
6	Жуцзы-ин возведен Маном		
7	Кяны нападают на китайскую военную линию, но их отбивают		
9	Узурпация власти. Ван Ман — император. План разделения хуннов на 15 мелких владений. Заманенный в Китай князь насильно произведен в шаньюю	Чиновник Ван Мана подменяет печать шаньюев	
10	Реализация Ван Маном программы реформ	В Чехи население и китайский гарнизон передались хуннам	На престол Парфии вступил Артабан III
11	Ван Ман собирает войска, чтобы «загнать хуннов в Динлин»	Война хуннов с Китаем. Полное опустошение пограничных областей	Август усыновляет Тиберия
12	Частичная отмена Ван Маном его реформ	Поставленные Маном шаньюю бегут в Хунну. Ман казнит заложников	

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э.			
13		Умер Учжюлю; на престол вступил Хянь	
14		Мир с Китаем, выдача перебежчиков и казнь их	Смерть Августа
15		Продолжение набегов хуннов на Китай. Восстание в Западном крае против Китая. Разгром Харашара китайцами. Отложение Западного края и подчинение его Хунну (кроме Яркенда)	
17			Присоединение Каппадокии к Риму
18	Восстание «краснобровых» в Шаньдуне	Умер Хянь; на престол вступил Юй	
19	Засуха и голод, восстание ширится		
21	Восстание перекидывается на низовья Янцзы		
22	Карательная армия разбита повстанцами		
23	Вспыхнуло восстание старой знати. Провозглашение императором Гэн-ши из династии Хань	Вторжение кянов в Ганьсу	
24	Ман направил на подавление армию, она разбита		
25	Гэн-ши взял столицу, Ман убит	Хунны поддерживают «краснобровых» против Гэн-ши. Яркенд отбил нападение хуннов	

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э. 26	«Краснобровые» взяли Чанань и убили Гэн-ши, а провозгласили Лю Пэн-цзы. Лю Сю усмирил «краснобровых» и принял титул Гуан У-ди. Младшая династия Хань. Мятеж Лу Фана	Хунны предлагают Китаю мир на основе равенства	
28		Лу Фан получил хуннскую поддержку	Образование Кушанского царства
30	Гуан У-ди предлагает шаньюю возобновление «мира и родства», но шаньюй требует паритетного договора		
31		Удачная война с Китаем	
32			Война Кадфиса I с парфянами и саксами
33	Безуспешное наступление на хуннов		
34	Кяны вторгаются в Шэньси, но терпят поражение и покоряются		Артабан III пытается овладеть Арменией. Парфяне выбиты из Армении грузинами
35			Восстание в Парфии
36	Покорение восставшей Сычуани		Бегство и возвращение Артабана III. Армения отходит к Риму
37		Вторжение хуннов в Китай и захват пограничных областей; хуннские кочевья внутри Китая	

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э. 38	Посольство из Западного края с просьбой освободить от хуннов и принять в подданство		Распри в Парфии
40	Лу Фан выдан, но оправдался	Князь Яркенда Хянь объявил себя наместником Западного края и принял титул шаньюя	
42	Подавлено восстание в Тонкине. Лу Фан вернулся к хуннам		
44	Набеги хуннов на Внутренний Китай		
45	Набеги хуннов на Северный Китай	Заднее Чэши поддалось хуннам. Набег сяньби и хуннов на Ляодун отбит. Шаньюй убил наследника престола, чтобы передать престол своему сыну	
46		Умер Юй; на престол возведен Удадихэу. После смерти Удадихэу на престол возведен Пуну. Голод, эпидемия. Хунны просят мира с Китаем. Ухуани разбили китайцев. Восстание ухуаней против хунну. Хянь разграбил Шаньшань и покорила Кучу, Шаньшань поддалась Хунну. Установлена гегемония Яркенда в Сиюе	

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э.			
47		Князь Би, отстраненный от престолонаследия, передался Китаю	
48		Восемь хуннских родов передалась Китаю и поставили шаньюем Би. Разделение хуннов	
49		Сяньби вступают в переговоры с Китаем. Ухуани подчиняются Китаю. Южные хунны вытесняют северных в Халху	
50		Договор Би с Китаем. Восстание сяньби против Хунну	Передвижение ала-нов в Восточную Европу
51		Северное Хунну просит у Китая мира, но безуспешно	
52			Грузинский царевич Радамист овладевает Арменией, но изгнан парфянами
55		Посольство северного Хунну в Китай. Умер Би; на престол возведен его брат Мо	Конфликт Рима с Парфией
56	Восстание кянов	Умер Мо; на престол возведен его брат Хань	
57	Умер Гуан У-ди	Хань берет Хотан	Восстание в Гиркании против парфян
58	Мин-ди вступил на престол. Восстание кянов подавлено	Сяньби передаются Китаю	Вторжение римлян в Армению. Взят приступом Арташат
59		Умер Хань, на престол возведен Ди, сын Би	Взят Тигранакерт

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э. 60		Восстание в Хотане. Хотанцы, а потом хунны осаждают Яркенд	Парфия начинает войну с Римом
61		Набег северных хуннов на Китай отбит южными хуннами. Хотанский князь покорил Яркенд	Капитуляция Пета в Рандее
63		Умер Ди; на престол возведен Су, сын Мо. Хунну покоряют Хотан Умер Су; на престол возведен Чжан, брат Ди	Армения уступлена Аршакидам. Мир Рима и Парфии
64		Набег северных хуннов на Китай	
65	Китайцы взяли Хами	Попытка некоторых южных князей передаться Северному Хунну	
66		Сиюйцы в союзе с хуннами нападают на Китай. Хами трижды переходит из рук в руки	
67		Постоянные набеги северных хуннов на Китай	Вима Кадфис II покоряет Греко-Индийское царство и верховья Ганга
71			Гибель Иудеи
73	Китайцы снова берут Хами. Бань Чао овладевает Шаньшанью и Хотаном	Поход китайских войск на Северное Хунну; хунны откочевывают к северу, не приняв боя	
74	Умер Мин-ди. Бань Чао захватывает Кашгар		

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э.			
75		Восстание против Китая в Харашаре, Куче и Чеши	
76	Чжан-ди вступил на престол. Восстание кянов	Чешисцы разбиты китайцами	
77	Китайцы очищают Чеши и Хами		
78	Восстание кянов подавлено		В Парфии восстание Пагора против Вологеса.
79			Канишка, вступив на престол Кушана, продолжает завоевание Индии
82			Престол Парфии захватывает Артабан IV
83		Гилос, один из северных хуннских старейшин, со своим родом передается Китаю	
84		Попытка северных хуннов завязать торговлю с Китаем сорвана южными хуннами	
85		Распри в Северном Хунну; эмиграция в Китай. Чжан умер, на престол возведен Сюань, сын Ханя. Китай организует коалицию против Северного Хунну. Динлины нападают на Северное Хунну с севера, а сяньби — с востока. Южные хунны нападают на северных с юга. Сиюйские князьки нападают на северных хуннов с запада	

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э.			
86	Восстание кянов. Бань Чао покорил Яркенд	Набег южных хуннов на северных	
87		Полная победа Сяньби над северными хуннами. Юлюшанью убит; 58 родов передаются Китаю	
88	Объявление войны Северному Хунну	Умер Сюань; на престол возведен Туньгухэ, брат Чжана. У северных хуннов голод и распри	
89	Хэ-ди вступил на престол	Разгром северных хуннов китайцами и южными хуннами при Илошане	
90	Китайцы выбивают северных хуннов из Хами. Чэши поддается Китаю. Бань Чао разбивает юэчжей, вторгшихся в Кашгар	Китайцы и южные хунны разбивают северного шаньюя и берут в плен его семью	
91	Куча, Гумо и Вэньсу покорены Бань Чао	Северный шаньюй исчез, его брат утверждён северным шаньюем. Мир	
92		Часть северных хуннов отступает за Джунгарские ворота	
93		Северный шаньюй казнен. Сяньби занимают земли северных хуннов, и те «сами принимают название сяньби». Сяньби берут Хами.	
		Умер Туньгухэ; на трон возведен Аньго, брат Сюаня. Он хочет убить Шигы, вождя южных хуннов	

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
II. э.			
94	Бань Чао подвергается разгрому Харашар. Все 50 княжеств покоряются Китаю	Сяньби и ухуани под руководством Китая подавляют восстание северных хуннов	
95		Повстанцы держатся в степи под руководством Фынхэу. Часть повстанцев возвращается, но вследствие репрессий восстает снова; восстание опять подавлено. Восстание в Заднем Чэши усмирено	
97	Сяньби нападают на Китай и грабят китайцев. Посланный Бань Чао Гань Инь проник до «Западного моря»(?)	Повстанцы из страха перед Сяньби по одиночке возвращаются в Китай	
98		Умер Шигы; на престол возведен Тхань, сын Чжана	
99		В Рим прибывает посол из Кушана	
100	Отставка Бань Чао		
101	Набег Сяньби на Китай отбит		
102	Умер Бань Чао. Разбиты кяны		
104		Посольство Северного Хунну в Китай оставлено без ответа	
105	Умер император Хэ-ди. Восстание в Сиюе против Китая	Новое посольство Северного Хунну в Китай тоже оставлено без ответа	Траян покоряет набатеев
107	Ань-ди вступил на престол. Восстание кянов в Лун-си прерывает движение на запад	Северное Хунну заняло Сиюй	

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э. 109	Ухуани нападают на Китай, терпят поражение и покоряются	Нападение северных хуннов на Китай и распространение их от оз. Баркуль до Балхаша	
110	Восставшие кяны наступают. Сяньби заключает договор с Китаем об открытии рынков		
111	Фулюйцы нападают на Ляодун		
112	Покорение Китаем Шаньшани и Чеши. Северные хунны выбивают китайцев из Чеши		Разгром Дакии
114		Правит род Хуян	Началась война между Римом и Парфией
115	Кяны усмирены, дорога на запад восстановлена	Набег сяньби на Китай	
116	Китайские войска теснят кянов	Кашгар вступает в союз с юэчжами. Война юэчжей с Китаем	Поход Траяна в Парфию. Восстание Диаспоры
117			
118		Разгром Фынхэу сяньбийцами. Люди его уходят к северным хуннам	
120		Фынхэу сдается китайцам	
		Сяньби нападают на Китай, но разбиты ухуанями. Новый набег сяньби и разгром китайцев. Еще один набег сяньби на Китай и поражение их. Сяньбийский князек Цичжигань покоряется	

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
121		Нападение отложившегося Цичжигяня на Китай отбито	
122		Удачный набег сяньби на Китай	
123	Бань Юн покоряет Чеши	Удачный набег сяньби на южных хуннов	Умер Канишка.
124	Умер Ань-ди	Умер Тхань; на престол возведен его брат Ба. Разгром южных хуннов сяньбийцами	Упадок Кушана Поражение саков в Индии
125	Шун-ди вступил на престол. Подавлено восстание кянов	Китайцы усмиряют Заднее Чеши	
126		Хуян разбит Бань Юном. Победоносное нападение Цичжигяня на Китай	
127	Бань Юн покоряет Харашар, Кучу, Яркенд и Кашгар	Цичжигянь разбит китайско-хунно-ухуаньскими войсками	
128		Умер Ба. На престол возведен его брат Хюли	
130		Сяньби разбиты хунно-ухуаньской армией	
131		В Хами китайцы заводят казенное хлебопашество	
132		Нападение китайцев на Сяньби	Восстание против римлян Бар-Кохбы в Иудее
133		Набег хуннов и китайцев на Сяньби и ответный набег на Китай	
134	Набег кянов и карательный поход китайцев.	Нападение китайцев и поражение северных хуннов. Ответное нападение северных хуннов; разгром китайских войск и подчинение Заднего Чеши	
135	Восстание борма в Сычуани		

Хунну

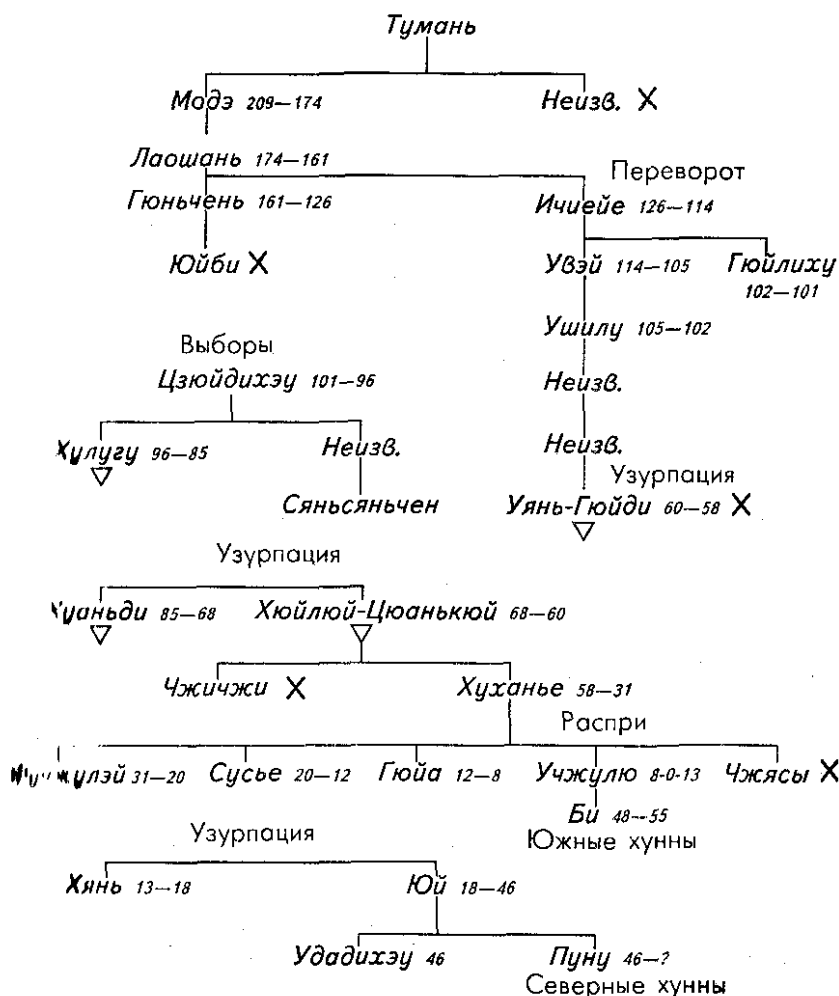
Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э. 136		Упадок китайского влияния в Сикюе и война между княжествами	Разгром Бар-Кохбы
137	Усмирение бома и нападение на кянов		
138	Кяны разбивают китайцев		
139	Китайцы разбивают кянов		
140	Восстание кянов; в Шэньси сожжена крепость Дачжонгуань	Восстание южнохуннских князей без ведома шаньюя под руководством Усы. Самоубийство шаньюя. Ухуани и тангуты присоединяются к восставшим хуннам.	
141		Повстанцы разбиты под Май Ухуани разбиты китайцами. Родился Таншихай	
142	Область кянов занята войсками	Усы грабит область Бинчжоу	
143		На престол возведен Дэулэчу. Усы убит наемными злодеями	
144		Повстанцы разбиты. Ухуани покоряются Китаю	
145	Чун-ди вступает на престол		
146	Чжи-ди вступил на престол. Убит полководец Лян Сяо	Умер Дэулэчу; шаньюем поставлен Гуйгуйр	
147	Хуан-ди вступил на престол и принял буддизм		
148	Восстание кянов и юэчжей разгромлено		

годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
49	Хуан-ди открывает гонения на конфуцианских и лаоцзиских ученых		
51		Хуан разрушает китайские военные поселения в Хами. Китайский правитель в Хотане убит народом за предательское убийство князя	
53		Восстание в Переднем и Заднем Чэши против Китая. Повстанцы уходят к хуннам	
55		Восстание южных хуннов против Китая усмирено. Восстание ухуаней против Китая усмирено. Таншихай избран старейшиной Сяньби	
57		Набег Таншихая на Китай. Таншихай останавливает динлинов на севере, отражает Фуую на востоке, наносит поражение Усуни на западе и подчиняет все бывшие владения Хунну	
58		Набег на Китай. Южные хунны восстают и присоединяются к Таншихаю, но их шаньюя арестовывают китайцы	
59	Набег кянов отбит	Набег на Китай и «великий грабеж»	
60	Набег кянов отбит	Первое упоминание о «гуннах» европейского автора Дионисия Периегета	
61			Война Парфии с Римом. Разгром римлян при Элогее

Хунну

Годы	Китай	Срединная Азия	Иран, Индия и др.
Н. э.			
162	Набег кянов		Римляне берут
163	Кяны разбиты	Набег Таншихая на китайские зависимые земли в Ляодуне	Арташат
164			Римляне берут
165	Набег кянов отбит		Селевкию и разрушают Ктесифон.
166		Набег Таншихая на границу Китая. Южные хунны и ухуани восстают против Китая и уходят к Таншихаю	Мир
167	Китай предлагает Таншихаю договор «мира и родства», но Таншихай отказывается		
168		Кашгар отложился от Китая	
169		Набег Таншихая на Южную Сибирь	
171		Неудачный поход китайских союзников Харашара, Кучи и обоих Чеши на Кашгар	
172		Умер Гюйгюйр; на престол возведен его сын	
174		Сяньбийский набег на Китай отбит	
177		Наступление китайцев на Сяньби тремя армиями. Китайцы разбиты наголову	
179		Шаньюем поставлен Хучжен, казненный китайским наместником, последний потом казнен за произвол.	
		Шаньюем поставлен Кянькюй	
181		Умер Таншихай. Его держава распадается на части. Вождами становятся его дети	

Генеалогическая таблица
кунских шаньюей

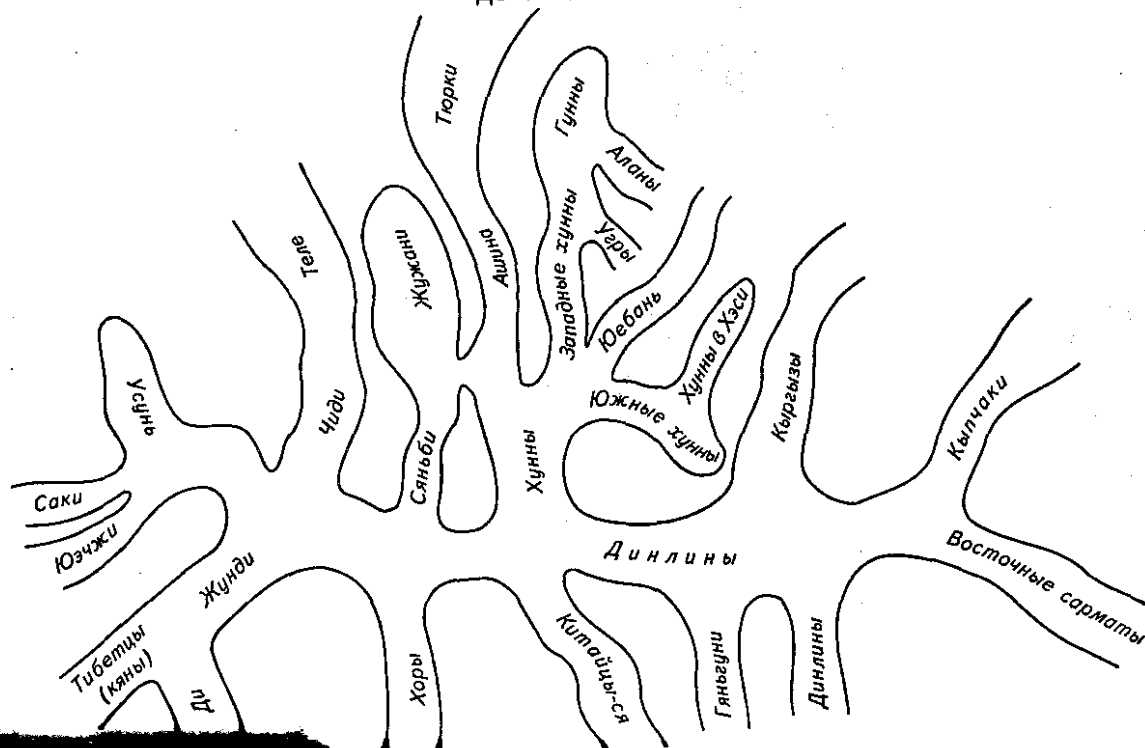

Легенда

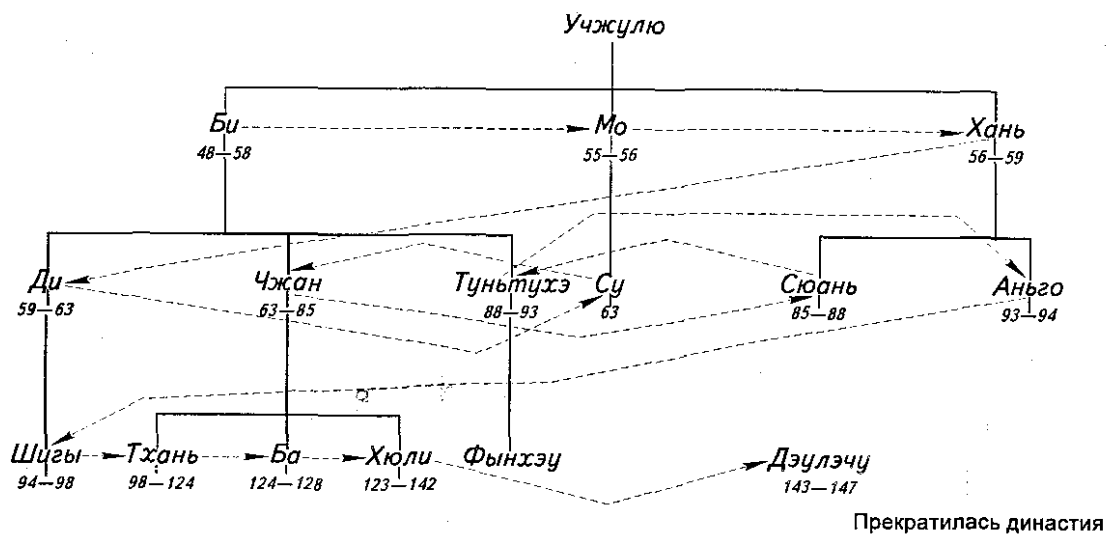
Чжуанькюй-яньжи

Насильственная смерть

Схема генеалогического древа тюрков до V века н.э.

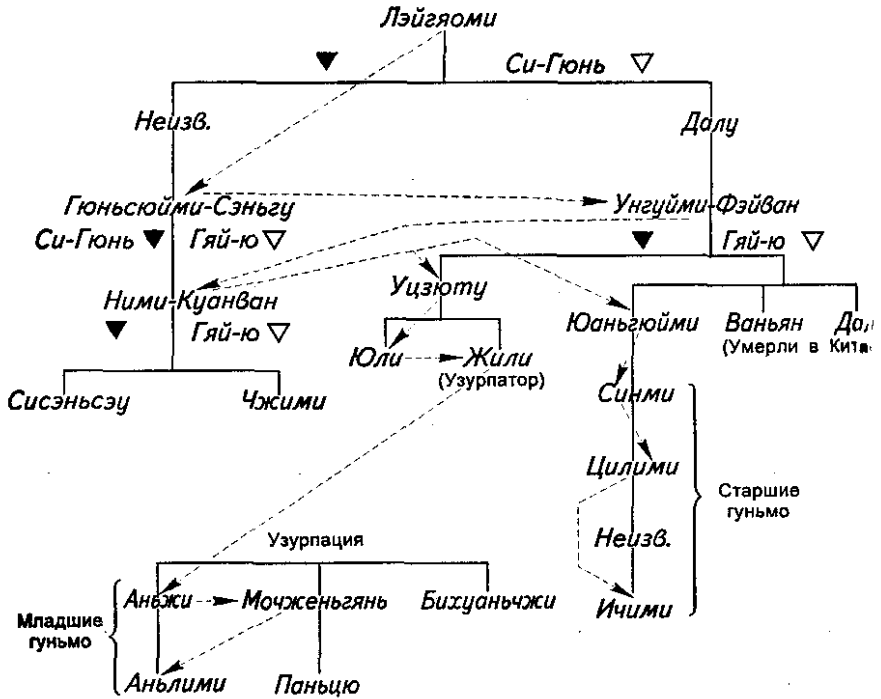
Генеалогическая таблица южнохуннских шаньюей

Легенда

..... Престолонаследие

Генеалогическая таблица усуньских гуньмо

Легенда

-> Престолонаследие
- ▽ Китайская царица
- ▼ Хунская царица

Троецарствие в Китае

Исследуя историю центральноазиатских кочевников, мы сталкиваемся с фактом, объяснить который невозможно, если не привлечь посторонние, казалось бы, сведения из истории соседних народов. С 200 г. до н.э. по 150 г. н.э. Ханьская династия Китая вела крайне активную внешнюю политику, закончившуюся разгромом державы Хунну [3]. И сразу после этого Китай ослабел настолько, что в IV в. исконные китайские земли в бассейне Хуанхэ попали в руки кочевников. Хунны, сяньбийцы, кяны (кочевые тибетцы), даже цзылу (помесь различных племен) [10] побеждали организованные китайские войска с невероятной легкостью. Вместе с тем никакого подъема в среде кочевников в это время не наблюдается, Наоборот, степи опустели вследствие засухи, достигшей кульминации в III в. н.э., и хозяйство кочевников находилось в упадке. Очевидно, причина победы кочевников лежит в самом Китае, и с этой точки зрения для историка-номадиста представляет особый интерес эпоха падения династии Хань и Троецарствия. Однако удовлетворить этот интерес нелегко, потому что имеющиеся пособия дают либо слишком краткий обзор событий, либо бесчисленное множество мелких фактов, которые очень трудно вставить в стройную систему [8, 11, 12]. Для наших целей непригодно ни то, ни другое. Нам нужно уловить вектор движения и описать механизм преобразования грандиозной империи в бесчинную деспотию. Общие фразы о кризисе феодализма не

дают никакого представления о ходе событий и причинах победы фамилии Сыма, вскоре погубившей Китай. События совершаются людьми, и с этой точки зрения люди интересны историку. Столь же сложно разобраться в лабиринте частных исследований, разбивающих монолитную эпоху на детали, вследствие чего из-за деревьев и кустов не видно леса. Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, мы приняли методику обобщения частных фактов, чтобы таким путем уловить закономерности, приведшие Китай от величия к уничтожению. В этом плане создана только одна работа — так называемый «роман» Ло Гуань-чжуна «Троецарствие», написанный в XIV в. [4]. Определение этого произведения как романа условно и неточно. В средневековом Китае исторические хроники писались по определенному канону, а все, что не удовлетворяло требованиям официальной науки, выносилось за их пределы. Ло Гуань-чжун написал книгу для широкого читателя и, естественно, пренебрег требованиями наукообразия. Он ввел в текст диалоги и психологические мотивировки поступков исторических персон, но, с нашей точки зрения, это не снижает, а повышает ценность исторической реконструкции. Однако мы следуем за Ло Гуань-чжуном только в направлении мысли, а не в оценках и выводах, и предлагаем несколько иную концепцию, основанную на научном видении XX в., которое отличается от понимания автора XIV в. Будучи ограничены размерами статьи, мы опускаем огромный библиографический аппарат и, опираясь на общеизвестные факты, взятые под принятым нами углом зрения, отсылаем интересующегося читателя к работам, которые содержат изложение фактов, нами только объясняемых или упоминаемых [1, 2, 5, 6, 7, 9, 13]*.

Евнухи. Хотя династия Хань перенесла немало потрясений, но до конца II в. она была крепка и стабильна. Ло Гуань-чжун считает, что виновниками упадка были, «пожалуй... императоры Хуан-ди и Лин-ди» [4, с. 13—14], но не объясняет, почему и из-за чего они оказались в этой роли. Следовательно, нужно искать эти причины.

Система Ханьской монархии состояла из трех элементов: центральное правительство, гражданская провинциальная администрация и постоянная армия. По отношению к этим элементам, составлявшим правящий класс, все прочие группы

* Приводить всю историографию нет необходимости.

китайского населения были в положении подчиненном и политических прав не имели, но они пополняли господствующую клику, выделяя из своей среды у — физически сильных и тренированных людей — для армии и полиции, и *вэнь* — людей, склонных к умственным занятиям, — для пополнения администрации. Последние все были конфуцианцами, что определяло направление ханьской политики и их собственное положение. Необходимость в чудовишно обширном образовании повела к появлению интеллигенции, тесно связанной с династией, которая эту интеллигенцию кормила.

Этой жесткой системе подчинялась огромная страна с разнплеменным населением и стойкими сепаратистскими тенденциями. Твердая власть обеспечивала подданным империи сравнительную безопасность от внешних врагов и относительный порядок внутри страны, а разобшенная кочевая степь не была страшна. Свойственная китайцам терпимость позволяла даосским мудрецам обретаться в провинции, тогда как конфуцианцы процветали при дворе. Все выглядело довольно благополучно, но новая опасность отравила здоровый, хотя и потрепанный уже организм.

Устойчивость правительства вполне зависела от лояльности чиновников, но последние были преданы своей стране, а не капризам правителя. Конфуцианцы руководствовались принципами этики, воспринятыми с детства, и ради них могли иной раз пожертвовать карьерой и деньгами. Поэтому они иногда высказывали и проводили мнения, шедшие вразрез с желаниями императора. Например, конфуцианцы резко выступили против проповеди буддизма, несмотря на то, что император Хуан-ди обратился в эту веру. Осуждали они и безумную расточительность императора Лин-ди, возводившего роскошные дворцы и пагоды. Короче говоря, правительство нуждалось не только в толковых, но и в покорных чиновниках. Оно их нашло, и они его погубили.

Практика использования евнухов для работы в канцеляриях была в Китае не нова, но во II в. н.э. она превратилась в систему. Евнухи из низших слоев населения заняли ведущие должности, сосредоточили в своих руках действительную власть и образовали своего рода касту. Их не стесняли никакие традиции. Они выполняли любую волю деспота и при этом составляли путем взяточничества огромные состояния, вызывая ненависть народа. Однако евнухам, державшим в руках прави-

тельство, подчинялась армия, и это давало им преимущество в борьбе, которая не могла не начаться.

Первыми выступили против евнухов ученые-царедворцы, т.е. конфуцианцы. В 167 г. полководец Доу У и тай-фу Чэнь-фань пытались составить заговор, но не сумели сохранить тайну и погибли сами. В 178 г. советник Цай Юн представил императору доклад с обличениями евнухов и был сослан в деревню. В восьмидесятых годах тай-фу Лю Тао повторил попытку Цай Юна и был казнен. Конфуцианская оппозиция, по своей природе ограниченная легальными формами протеста, оказалась несостоятельной перед внутренним врагом.

«Желтые повязки». Придворные евнухи переоценили свои возможности. Преследуя ученых и прижимая крестьян, они заставили тех и других блокироваться, иначе говоря, сами спровоцировали движение и дали ему вождей. В 184 г. некий Чжан Цзяо объявил себя «Желтым небом», т.е. «Небом справедливости», в противоположность «Синему небу» насилия, и началось восстание «желтых повязок». Сам Чжан Цзяо был человек, «которому бедность не позволила получить ученую степень». В основу нового учения легла философия Лао-цзы, но на народ большее впечатление производили наговорная вода, которой Чжан Цзяо лечил больных, и приписываемая ему способность вызывать дождь и ветер. К пророку стали стекаться последователи, более 500 его учеников ходили по стране, проповедуя «Великое Спокойствие» и вербуя приверженцев, число которых росло день ото дня. Они объединялись в дружины с полководцами во главе, дабы перед ожидаемым концом мира установить истинную веру. За полгода силы повстанцев выросли до 500 000 бойцов, причем в числе восставших оказались военнопоселенцы в Аннаме и хунны. Правительство потеряло контроль над страной. Ханьские чиновники прятались за городскими стенами.

Движение «желтых повязок» не было только крестьянским бунтом или политическим восстанием. Оно ознаменовалось также мощным идеологическим сдвигом: философская система Лао-цзы претворилась в религию — даосизм, вобравший остатки древнекитайского политеизма — почитания шэнов, языческих божеств. Этот даосизм сразу завоевал симпатии широких слоев крестьянства, и, таким образом, крестьянское восстание слилось с проповедью национальной религии, возникшей как противодействие чужеземному буддизму, нашедшему приют при дворе.

Понятно, почему именно учение Лао-цзы, а не конфуцианство было использовано в борьбе против ханьского режима. Сам этот режим был делом рук конфуцианцев, и они могли возмущаться лишь бездарным применением принципа, но не своим принципом. Истинные конфуцианцы — всегда немного регрессивны, так как они воспитаны на истории и уважении к предкам. Кроме того, конфуцианцы, получая образование, отрывались от безграмотного народа, поэтому они выступали в защиту династии против правящих вельмож то как заговорщики, то как руководители легитимистов, нигде не смыкаясь с народными массами. Даже перед лицом смертельной опасности, исходившей от евнухов, конфуцианцы оказались не в состоянии возглавить сопротивление; это сделали мистики-даосы, вбиравшие в себя творческие и беспокойные элементы из крестьянской массы, ибо для мистика не нужно учиться наукам, а нужны горячее сердце и пылкая фантазия, а когда к этому добавились социальная ненависть, обида за века притеснений и несправедливостей, отвращение к чужеземным фаворитам, то гражданская война свершившимся фактом.

Политической организацией даосов была теократия. В северной Сычуани создано, параллельно с восстанием «желтых повязок», самостоятельное даосское государство с династией учителей — проповедников даосизма; Чжан Лин проповедывал даосизм идейно, и «народ любил его» [4. Т. I. С. 737]. Чжан Хэн брал за уроки плату рисом, а Чжан Лу объявил себя правителем области и создал школу пропагандистов даосизма, называвшихся *гуй-цзу* — «слуги дьявола». От последователей даосизма требовались вера в своего господина и правдивость. Было введено публичное покаяние. В целях пропаганды устраивались странноприимные дома с бесплатным кровом и пищей. Наконец среди даосов были отшельники и ученые, жившие в горах и занимавшиеся изучением врачевания, магии и поэзии. Это была даосская интеллигенция, по своему развитию не уступавшая конфуцианской и несколько позже сыгравшая решающую роль в гражданской войне.

Однако несмотря на то, что страна выступила против династии, перевес сил был все-таки на стороне центральной власти, так как армия осталась на своем посту. С регулярными войсками — латными конниками и арбалетчиками — восставшие крестьяне тягаться не могли. Но, с другой стороны, войска, победив в битвах, не могли справиться с мелкими отрядами пов-

станцев, применявших тактику партизанской войны. Для борьбы с повстанцами требовались не карательные экспедиции, а планомерная война во всех провинциях сразу. Поэтому Лин-ди был вынужден дать губернаторам провинций чрезвычайные полномочия и разрешить набор добровольцев. Это разрешение и объединение военной и гражданской власти в одних руках сразу сделало каждого губернатора хозяином своей провинции. Вместо того чтобы биться с повстанцами, наместники сделали все от них зависящее, чтобы укрепиться на своих местах. Опору они нашли в крупных землевладельцах, богатых, но лишенных участия в политической жизни. На политическую арену вышли фамилии Юаней, Суней, Сяхоу и встали в один ряд со служилой знатью вроде Ма Тэна, Гунсун Цзана, Хэ Цзиня и с принцами крови из рода Лю. Даосское восстание захлебнулось в крови и окончательно заглохло к 205 году.

Солдаты. Летом 189 г., еще в разгаре усмирения «желтых повязок», скончался император Лин-ди. Он оставил двух малолетних сыновей — Бяня и Се. Сразу началась борьба: за Бяня стоял его дядя, полководец Хэ Цзинь, опиравшийся на свои войска, а Се поддерживала императрица-мать и евнухи. Сначала победил Хэ Цзинь. Императрица-мать была выслана и отравлена, но Хэ Цзинь не успел расправиться с евнухами. Они опередили его: заманили во дворец и убили. Тогда прорвалась ненависть армии к чиновничеству. Находящиеся в Лояне войска взяли приступом дворец и перебили всех евнухов, т.е. все правительство. На другой день в столицу явились регулярные войска из Шэньси, и полководец Дун Чжо захватил власть. Чтобы упрочить свое положение, Дун Чжо сместил с трона Бяня и заточил его; вскоре несчастный мальчик был убит, а на престол возведен Се под именем Сянь-ди. Таким образом, господство дворцовой клики сменилось военной диктатурой и конфуцианцы-легитимисты опять оказались в положении гонимых. Попытка полководца Дин Юаня восстановить порядок кончилась тем, что Дин Юань был убит одним из офицеров Люй Бу. В бесчинстве и разнузданности солдаты превзошли евнухов. Например, однажды Дун Чжо повел свое войско на поселян, справляющих праздник. Солдаты окружили ни в чем не повинных людей, перебили мужчин, а женщин и имущество поделили между собой. Населению столицы было объявлено, что одержана победа над разбойниками, но это никого не обмануло [4. Т. I. С. 68].

Если управление евнухов породило в стране недовольство, то солдатский произвол вызвал взрыв возмущения. На борьбу с Дун Чжо и армией поднялись крупные землевладельцы и провинциальная знать. Этот класс населения успел сформироваться в политическую силу при подавлении восстания «желтых повязок». Теперь он начал борьбу с правительством под лозунгом защиты императора и восстановления порядка. Но лозунг не отражал сущности дела: земщина боролась против разнузданной солдатчины за свои головы, земли и богатства. Во главе восстания встал Цао Цао, служивый офицер из землевладельческой шаньдунской фамилии Сяхоу; к нему примкнули братья Юань Шао и Юань Шу, богатые помещики, члены знатного и влиятельного рода Юаней, правитель округа Бэйпин — Гунсун Цзан, наместник Чанша — Сунь Цзянь и многие другие. Финансировали ополчение провинциальные богачи. Однако борьба с регулярной армией оказалась весьма тяжелой. Военные действия сосредоточились на подступах к Лояну. До тех пор, пока аристократы не привлекли к себе и не использовали профессиональных конных стрелков, кондотьеров, вроде Лю Бэя, Гуань Юя и Чжан Фэя, победа им не давалась, но численный перевес и сочувствие населения спасли их от поражения. Дун Чжо был вынужден очистить Лоян. Перед отходом он казнил 5 000 лоянских богачей и конфисковал их имущество; остальное население было выведено и угнано в Чанъань, куда Дун Чжо решил перенести столицу, а Лоян был сожжен.

Земское ополчение заняло развалины столицы и распалось. Между полководцами не оказалось и тени единства — каждый думал о себе и поспешил в свою область, страшась своих друзей. Только один Цао Цао бросился преследовать Дун Чжо. Но не ополченцам было равняться с регулярной армией: Дун Чжо заманил Цао Цао в засаду у Жунъяна и разбил его наголову. После этого ополчение развалилось окончательно, а полководцы вступили в борьбу между собой, стремясь округлить свои владения. Благодаря этому Дун Чжо укрепился в Чанъани и, имея в своем распоряжении императора, рассылал указы от его имени. Правда, этим указам не повиновались. Империя начала распадаться. В Чанъани царил террор. Дун Чжо был страшен своим приближенным больше, чем врагам. Вельможа Ван Юнь составил заговор, и с помощью уже известного нам Люй Бу Дун Чжо был убит. Власть захватил Ван Юнь, но так как он начал кидать ближайших офицеров Дун Чжо, они восстали со своими

частями. Мятежники взяли Чанъань и убили Ван Юня. Люй Бу прорвался с сотней всадников и бежал в Хэнань.

Теперь во главе армии оказались генералы Ли Цзюе и Го Сы. Они продолжали дело Дун Чжо. Против них выступили правители северо-западных областей — Ма Тэн и Хань Суй, но были разбиты и отогнаны от Чанъани. Смерть Дун Чжо оказалась переломным моментом в истории Китая. Ни один правитель области не хотел подчиняться мятежникам, держащим императора в плену. Но ни один не поднялся на защиту престола, и армия, успевшая деморализоваться и превратиться в разбойничью банду, спокойно проедала запасы, собранные в Чанъани. Вскоре генералы рассорились и вступили в борьбу между собой. Иначе и быть не могло, ибо пьяные от крови и вина солдаты не могли и не хотели сдерживать свои инстинкты и отказываться от привычки к убийству. На улицах и в окрестностях Чанъани вспыхнули кровопролитные схватки и воцарился полный беспорядок. Воспользовавшись этим, император с несколькими приближенными бежал от своей армии на восток. Там его с почетом встретил правитель Шаньдуна Цао Цао. Ли Цзюе, Го Сы и другие офицеры погнались за императором, но были встречены уже обученными войсками Цао Цао и разбиты наголову в 196 г. Так исчезла вторая опора династии Хань — армия. Ли Цзюе и Го Сы еще два года держались в Чанъани, пока их там не тревожили. В 198 г. их головы были доставлены Цао Цао, ставшему за это время *чэн-сяном*, т.е. главой правительства. Посмотрим, как это произошло.

Честолюбцы. Вернемся назад, к 191 г., когда армия очистила столицу и страну, развязав руки земскому ополчению. Ополчение развалилось, так как представлявшие его генералы отнюдь не были подготовлены к политической деятельности. Они были тесно связаны со своими земельными владениями и со своими многочисленными клиентами, но идея государственности была им чужда. Как только миновала угроза со стороны центральной власти, правители начали округлять свои владения. На севере, в Хэбее, схватились Юань Шао и Гунсун Цзан. На юге Сунь Цзянь, хозяин низовьев Янцзы, попытался завоевать владения Лю Бяо, расположенные между реками Янцзы и Хань, но был убит в битве. Его сын Сунь Цэ вступил в союз с правителем Хэнани и Аньхоя — Юань Шу и с его помощью подчинил себе много уездов к югу от Янцзы. В Шандуне вспыхнуло новое восстание «желтых повязок»; его усмирил Цао

Цао в 192 г. и включил сдавшихся мятежников в свои войска. В результате его армия оказалась одной из сильнейших, и это побудило его устремиться к дальнейшим завоеваниям: он напал на Суючжоу. Правитель Суючжоу, будучи не в силах организовать сопротивление, пригласил специалиста — прославленного воина Лю Бэя.

Лю Бэй явился со своей дружиной и побратимами Чжан Фэем и Гуань Юем; последний был талантливым полководцем. Выход Лю Бэя на политическую арену знаменовал новый сдвиг в общественных отношениях Китая. Лю Бэй принадлежал к совершенно обедневшему дворянству, по существу он был деклассирован и стал кондотьером. Таковы же, за исключением происхождения, были его «братья» — Чжан Фэй и Гуань Юй. Наступила эпоха, когда торговля шпагой стала приносить огромный барыш. Лю Бэй со своим отрядом прорвался сквозь армию Цао Цао и спас положение. В это самое время другой авантюрист, уже известный нам заговорщик Люй Бу, ударил в пил Цао Цао и заставил его снять осаду с Суючжоу. Судьба Люй Бу еще более показательна, чем карьера Лю Бэя. Люй Бу бежал из Чаньани с сотней всадников и некоторое время бродил по Китаю, предлагая свои услуги всем желающим. Знатные Юани отвергли выскочку, но Лю Бу все же нашел хозяина — Чжан Мо, правителя области Чэнлю, и с его помощью сформировал 50-тысячную армию. Воспользовавшись затруднениями Цао Цао, Люй Бу попытался выкроить себе владение в Шаньдуне. Чрезвычайно любопытна мотивировка авантюры, затеянной Люй Бу: «Поднебесная разваливается на части, воины творят, что хотят. ...Люй Бу сейчас самый храбрый человек в Поднебесной и вместе с ним можно завоевать независимость» [А. Т. I. С. 145]. Аналогичное мнение высказал крупный политик Лу Су. Идею общности Китая и идею династии можно было считать утерянными. В битве при Пуяне Люй Бу разбил Цао Цао, но не развил успеха, ограничившись захватом небольшого удела для себя. Этим он поставил себя на равную ногу с аристократами. В Суючжоу Лю Бэй сделал то же самое, приняв власть у старого и вялого местного правителя.

Появление новых соперников заставило аристократов почувствовать классовую солидарность, и Юань Шао выставил против Люй Бу 50-тысячное войско. Но еще до этого Цао Цао, перейдя в наступление, разбил шаньдунских «желтых» и Люй Бу, перед которым население Пуяна заперло ворота. Люй Бу

бежал к Лю Бэю, и тот принял его. Все эти события произошли до 196 года. Когда же император бежал из Чаньбани и попал в руки Цао Цао, последний стал чэн-сяном и начал рассылать указы от имени императора. Хитрой дипломатией ему удалось поссорить Лю Бэя с Люй Бу и Юань Шу. Юань Шу разбил войска Лю Бэя, а Люй Бу овладел его уделом. Лю Бэй с дружиной пришел на службу к Цао Цао и был принят, ибо кондотьеры были нужны всем претендентам.

Юань Шу был человеком недалеким, но честолюбивым. Увидев, что его сосед Цао Цао достиг в Китае высочайшего положения, Юань Шу решил, что он не хуже. Однако отобрать особу императора от Цао Цао было невозможно, оставался другой путь — Юань Шу объявил императором себя. Но он поспешил: никто из правителей, фактически независимых, не вступил с ним в союз. Со своими большими силами Юань Шу мог справиться с любым соседом в отдельности, но не со всеми вместе. Он рассорился с Люй Бу и попытался захватить Сюйчжоу, но талантливый вояка разбил его, а юго-восточный сосед Сунь Цэ снесся с Цао Цао и тоже выступил против узурпатора. Союзники охватили Хунань со всех сторон и взяли столицу Хоучун в 198 году. Довести войну до конца в одну кампанию не удалось, так как другие правители — Лю Бяо, Чжан Сю, и «желтые повязки» ударили по тылам Цао Цао. Юань Шу получил передышку, но воспользовался ею не он, а Цао Цао. В том же 198 году Цао Цао, подкупая направо и налево, сумел захватить и казнить Люй Бу и расправиться с Чжан Сю, а в следующем, 199 году, его войска под командованием Лю Бэя покончили с Юань Шу. Брат последнего — Юань Шао ничем не мог помочь ему, так как был занят войной с Гунсун Цзянем. Юань Шао победил и стал властителем всего Хэбэя.

Совсем иначе, нежели Юани, вели себя Сунь. Сунь Цэ, прозванный «маленьким богатырем», подчинил себе все низовья Янцзы. Он повел политику, настолько укрепившую его княжество, что оно стало настоящей неприступной крепостью. Сунь Цэ стал собирать к себе конфуцианскую интеллигенцию и раздавать ей должности. Царство У наследовало у империи Хань самый здоровый контингент ученой элиты, наименее тронутый общим разложением.

Такой отбор людей определил возможности княжества У: оно стало цитаделью сопротивления общему поступательному движению истории Китая, в то время шедшего к распаду. Поэ-

тому в царстве У было больше порядка, чем в других владениях, а это вместе с природными условиями создало из У естественную крепость. Однако это же обстоятельство ограничивало возможности его расширения, так как подавляющее большинство китайского народа было в то время «желтым», а даосская идеология не могла быть терпима в строго конфуцианском государстве. Действительно, Сунь Цэ производил казни даосов и разбивал кумирни [4. Т. I. С. 363]. Его наследник Сунь Цюань

«голубоглазый отрок» — несколько ослабил, но не изменил политику своего старшего брата, и это помешало ему овладеть всем течением Янцзы. Не бездарный Лю Бяо, а ненависть народная ограничила княжество У низовьями Янцзы (Цзяндун). Но об этом подробнее будет сказано ниже.

Роялисты. Попав из лагеря Ли Цзюе в руки Цао Цао, император Сян-ди не стал чувствовать себя свободнее. Правда, тут он имел приличную пищу и покой, но с ним абсолютно не считались. При дворе, перенесенном в Сюйчан (в Шаньдуне), было несколько придворных, помнивших блеск дома Хань. Император сговорился с одним из них, Дун Чэном, и тот составил заговор, чтобы убить Цао Цао и восстановить династию Хань. К заговору примкнули правитель Силяна (Ганьсу) Ма Тэн и Лю Бэй. Ма Тэн уехал в свой удел, а Лю Бэй с войском громил Юань Шу, когда заговор был раскрыт благодаря предательству домашнего раба Дун Чэна, и все заговорщики были казнены. Император опять оказался под арестом и на этот раз окончательно. Но успех дорого стоил Цао Цао: его враги получили идеологическое основание для борьбы с ним. Обаяние дома Хань еще не исчезло, и, прикрываясь им, Лю Бэй поднял свои войска и захватил Сюйчжоу. С ним вступил в союз Юань Шао, заявивший, что он стоит «за могучий ствол и слабые ветви» [4. Т. I. С. 285], т.е. за сильную центральную власть и ограничение власти удельных князей. Искренность Лю Бэя и Юань Шао была более чем сомнительна, но Цао Цао оказался между двух огней.

Силы повстанцев, даже одного Юань Шао, были больше, чем силы правительства. В Хэбэе были сосредоточены пограничные войска, ветераны, не потерявшие дисциплины. Ухуани были союзниками Юань Шао, так что тыл его был защищен. В боевых офицерах и опытных советниках не было недостатка, но при всем этом Юань Шао не годился в вожди. Он был храбр, решителен, знал военное дело, но в политике и человеческой

психологии не смыслил ничего. Аристократическое чванство мешало ему вслушиваться в слова подчиненных, храбрость переходила в упрямство, решительность — в нетерпение и отсутствие выдержки. Он часто отталкивал нужных людей, что и предредило результат столкновения. Зато Цао Цао отнюдь не был случайным человеком на посту чэн-сяна. Он также был аристократом, но без тени чванства. Цао Цао не раз терпел поражения, но благодаря железной выдержке ухитрялся извлекать из них пользу, как из побед: он проигрывал битвы и выигрывал войны. Он легко мог пожертвовать жизнью друга или брата, если это было ему нужно, но не любил убивать понапрасну. Он широко практиковал ложь, предательство, жестокость, но и отдавал дань уважения благородству и верности, даже направленным против него. Людей он привлекал и лелеял. Это были, конечно, не те люди, которые пробирались в У, к Сунь Цюаню: к Цао Цао стекались странствующие рыцари, авантюристы, карьеристы — люди века сего. Цао Цао шел в ногу со временем, и судьба улыбалась ему.

Война началась осенью 199 г. Цао Цао выставил заслоны, не решаясь сам атаковать превосходящие силы врага. Лю Бэй разгромил высланную против него армию, но, не поддержанный Юань Шао, не мог развить успех. Зима приостановила военные действия, а весной 200 г. Цао Цао перешел в наступление и наголову разбил Лю Бэя, который убежал к Юань Шао.

Собрав все силы, Цао Цао устремился на север, и в битве при Байма разбил авангард северян, но в тылу у него, в Жунане, вспыхнуло новое восстание «желтых повязок», и, усмирив его, он потерял темп наступления. Осенью 200 г. Цао Цао возобновил наступление и разгромил войска Юань Шао при Гуаньду, а летом следующего года — при Цантине. Тем временем неугомонный Лю Бэй перебрался в Жунань и возглавил разбитых «желтых», которые за 15 лет беспрестанной лесной войны превратились в разбойников. Он хотел ударить в тыл Цао Цао и взять беззащитный Суйчан. Цао Цао с легкими войсками форсированным маршем перекинулся в Жунань и разбил Лю Бэя. С остатками своей банды Лю Бэй ушел к Лю Бяо и поступил к нему на службу. Кондотьер еще раз переменял хозяина.

Весной 203 г. Цао Цао снова устремился в поход на север. Юань Шао умер, а его сыновья вступили в кровопролитные распри. Столица Хэбэя — Цзичжоу пала, дети Юань Шао бежали к хуаням, а потом дальше, в Ляодун. Ляодунский пра-

нитель, стремясь угодить победителю, обезглавил беглецов и отослал их головы Цао Цао. Застенные союзники Юаней — ухуани — были разгромлены войсками Цао Цао в 206 г., причем часть их была приведена во Внутренний Китай и там поселена. Хунны добровольно подчинились и прислали в подарок Цао Цао множество коней [4. Т. I. С. 419]. Наконец кончилось восстание «желтых повязок»: полководец «Черной Горы» Чжан-Чагочка сдался и привел своих сторонников.

Войско Цао Цао возросло до 1 000 000 человек за счет включения в его ряды сдавшихся северян и «желтых». Главной силой этого войска были латники и конные лучники; тех и других Цао Цао привлекал щедростью и возможностью быстрой карьеры. Равной ей армии не было в Китае, и казалось, гегемония Цао Цао — дело ближайшего будущего. Так думал сам Цао Цао и, усмирив север, бросился на юг, чтобы, во-первых, покончить с Лю Бэем, а, во-вторых, привести к покорности У, ставшее за это время независимым княжеством.

Отшельники. Усиление Цао Цао для некоторых групп населения Китая сулило серьезные осложнения. В первую очередь обеспокоились осколки дома Хань: принцы Лю Бяо в Цзинчжоу (область между р. Хань и р. Янцзы) и Лю Чжан в Ичжоу (Сичуань). Высокородные, но бездарные, они не знали, как предотвратить беду. Лю Бяо поддержал Лю Бэя, но в его дворец возникла сильная партия, требовавшая соглашения с Цао Цао, для чего было необходимо отослать голову Лю Бэя чэн-чуну. В У не было единодушия: гражданские чиновники стояли за мир и подчинение, так как в этом случае они бы остались на своих местах. Военные хотели сопротивляться, ибо в лучшем случае их ожидала служба в чине рядового в армии победителя. Исти были у военных, и У решило сопротивляться, используя для прикрытия реку Янцзы и свой великолепный флот.

В самом тяжелом положении оказались вдохновители и идеологи «желтого» движения — даосские отшельники. Цао Цао хотел простить и принять к себе разбойников «Черной Горы», помиловать и отпустить по домам бунтовавших крестьян Жунао, но для проповедников учения «Великого спокойствия», развязавших кровопролитную гражданскую войну, пощады быть не могло, и они это знали. Ставка даосов на массовое, т.е. крестьянское, движение оказалась битой. Против армии нужна была тоже армия — профессиональная, квалифицированная и послушная. Такой оказалась прижатая к стене дружина Лю Бэя.

Хотя Лю Бэй начал свою карьеру с карательных экспедиций против «желтых повязок», общая опасность сблизила анахоретов и кондотьеров. В 207 г. к Лю Бэю явились подосланные люди, назвавшие его советников «бледнолицыми начетчиками» [4. Т. I. С. 437] и посоветовали ему обратиться к истинно талантливым людям. Таким представился Чжугэ Лян, носивший даосскую кличку «Дремлющий дракон». Лю Бэй доверился ему, и события приняли неожиданный оборот.

Прежде всего Чжугэ Лян составил новую программу. От борьбы за гегемонию в Китае он отказался как от непосильной задачи. Север он уступал Цао Цао, восток Сунь Цюаню, с коим считал необходимым заключить союз, а Лю Бэю предложил овладеть юго-западом, в особенности богатой Сычуанью. Там Чжугэ Лян надеялся пересидеть трудное время. Принципиально новым в даосской программе было то, что расчленение Китая из печальной необходимости превращалось в цель. Средство для достижения цели этот аристократ духа видел в демагогии, в «согласии с народом». Чжугэ Лян имел крайне мало времени для подготовки к неизбежной войне, но использовал его с толком. Лю Бэй начали превращать в народного героя (чего не делает искусная пропаганда!), и это облегчило набор воинов из народа. Результаты сказались немедленно. Весной 208 г. Лю Бэй разбил заслон противника и захватил город Фаньчен. Цао Цао был этим озабочен и предпринял наступление большими силами, но Чжугэ Лян разбил его авангард у горы Бован. Осенью 208 г. выступили в поход основные силы Цао Цао, и одновременно скончался Лю Бяо. Власть в столице его области захватили сторонники правительства.

У Лю Бэй оказались враги в тылу, и сопротивляться было бессмысленно. Лю Бэй и Чжугэ Лян начали отступление, и за ними — беспрецедентный случай — поднялось все население: старики, женщины с детьми, бросив имущество, уходили с родины на чужой юг. Этого не ожидал Цао Цао; на севере его встречали как освободителя, он и здесь желал казаться гуманным правителем, а с ним и разговаривать не хотели. Между тем Лю Бэй и его генералы вели арьергардные бои и задерживали противника, спасая бегущее население. В конце концов войска Лю Бэйа были разбиты при Чанбане, но большая часть беженцев сумела переправиться на южный берег Янцзы, где Чжугэ Лян успел организовать оборону. Цао Цао приобрел территорию, но победа ему не далась.

Янцзы — река широкая, местами до 5 км, и форсировать ее без должной подготовки Цао Цао не решился. Правда, при каппитуляции Цзинчжоу он получил флот, но только что покоренные южане были ненадежны, а северяне сражаться на воде не умели. Пока Цао Цао подтягивал резервы, с низовьев Янцзы подошел флот У под командой опытного адмирала Чжоу Юя. Война перешла в новую фазу. В битве при Чибэ (Красные утесы) флот Цао Цао был сожжен брандерами южан, но их контрнаступление на север захлебнулось, так как северяне располагали превосходной резервной конницей. Выиграл только Лю Бэй, успевший в суматохе захватить Цзинчжоу и Наньцзян (общая к югу от Янцзы) и основать самостоятельное княжество.

Вряд ли Лю Бэй с Чжугэ Ляном удержались бы на небольшом треугольнике между реками Ханьшуй и Янцзы, тем более что союз с У сразу после победы был нарушен. Сунь Цюань сам претендовал на земли, захваченные Лю Бэем, и даже арестовал последнего, когда тот приехал для переговоров. Правда, арест был завуалирован: Лю Бэя женили на сестре Сунь Цюаня, но фактически это был арест, и Лю Бэю пришлось спасаться бегством. Лишенный союзника, Лю Бэй не смог бы отбиться от Цао Цао, но ему неожиданно повезло. В то время когда северяне готовились к выступлению и даже заключили союз с У, в 210 г. выступили северо-западные князья, долго державшиеся в тени. Правитель Силяна (Ганьсу) Ма Тэн — последний нераскрытый участник роялистского заговора — приехал в Сюйчан, чтобы представиться правителю, и попутно организовал на него покушение. Покушение не удалось; Ма Тэн и его свита заплатили жизнью за неудачу. Тогда сын убитого Ма Чао и друг Хань Суй подняли войска и взяли Чанъань. Цао Цао выступил против них со всей армией, но китайским латникам была тяжела борьба с кянскими копьеносцами — союзниками Ма Чао. Только переманив на свою сторону Хань Суя, Цао Цао добился победы. Ма Чао бежал к кянам, повторил нападение в 212 г., но был снова разбит и ушел к лаосскому вождю Чжан Лу в Ханьчжун.

Побратимы. Успех Лю Бэя был обусловлен двумя причинами. Во-первых, близость с даосами привлекала к нему симпатии народных масс, и благодаря этому после поражения он стал сильнее, чем был, ведь сдвинутые с места крестьяне примыкали только к нему. Во-вторых, его даосские связи не рекламировались, и в глазах всего Китая он выступал как борец за идею империи Хань. Идея эта пережила саму империю и, будучи уже

не актуальной, продолжала влиять на умы. Самому Лю Бэю и его братьям гораздо больше нравилось выступать в роли защитников империи, нежели во главе крестьянского восстания.

В 210 г. Лю Чжан, правитель западной Сычуани, обратился к Лю Бэю с просьбой помочь ему избавиться от даосов Чжан Лу, державшихся на востоке Сычуани и в Шэньси. По совету Чжугэ Ляна Лю Бэй ввел войска в Сычуань. Он мог легко схватить Лю Чжана и этого требовали его даосские советники, но он этого не сделал, мотивируя свой отказ тем, что Лю Чжан — член императорской фамилии Хань и его родственник. Напротив, он пошел на военный конфликт с Ма Чао, служившим тогда у Чжан Лу. Ма Чао не сжился с даосами и перешел к Лю Бэю. Немало труда стоило Пан Ту, даосскому советнику Лю Бэя, вызвать конфликт между Лю Бэем и Лю Чжаном, в результате которого Лю Чжан был взят в плен, и Сычуань досталась Лю Бэю и приехавшему к нему Чжугэ Ляну. Так создалась база для царства Шу.

Чжугэ Ляну приходилось не только бороться с явными врагами, но и преодолевать оппозицию своих ближайших соратников. С этого времени он не отходил от Лю Бэя, влияя на слабовольного вождя, а управление Цзинчжоу поручил талантливому вояке Гуань Юю, но последний был так же далек от понимания политики, как и Лю Бэй.

Положение нового царства было очень напряженным. Сунь Цюань требовал передачи ему Цзинчжоу, а Цао Цао двинулся войной на Чжан Лу и в 215 г. ликвидировал последний оплот даосизма. Чжугэ Ляну удалось путем частичных уступок толкнуть Сун Цюаня на войну против Цао Цао, но Цао Цао при Хэфее разбил южан (215 г.). Однако эта диверсия сорвала наступление на Сычуань и дала возможность Лю Бэю укрепиться.

Внутреннее положение в Северном Китае также было неспокойным. Император-марионетка Сян-ди в 218 г. сделал еще одну попытку избавиться от своего полководца. Несколько придворных составили заговор и подняли мятеж в Суйчане. Город загорелся. Войска, стоявшие за городом, увидев зарево, подошли и подавили мятеж. Еще раньше Цао Цао приказал казнить замешанную в заговор императрицу и женил Сян-ди на своей дочери. Несчастный император даже на ложе сна находился под наблюдением. В 215 г., укрепившись, Цао Цао принял титул Вэй-вана, чем легализовал свое положение, и двинулся против Лю Бэя.

Весной 218 г. объектом наступления северян стала Сычуань. Чжугэ Лян с Лю Бэем вышли из гор и начали контрнаступление. Благодаря стратегическому таланту Чжугэ Ляна и боевому опыту подобранных им младших военачальников, армия Цао Цао к осени была разбита, и Ханьчжун — бывшие земли Чжан Лу — достались Лю Бэю. Ободренный успехом Лю Бэй в 219 г. принял титул вана.

Усиление царства Шу обеспокоило Сунь Цюаня, и он заключил союз с Цао Цао. В 219 г. война продолжилась на другом участке: Гуань Юй внезапным нападением взял крепость Сяньин (на берегу р. Хань-шуй) и осадил Фанчен — крепость на дороге к Сюйчану. Войско северян, пришедшее на выручку Фанчэна, погибло от наводнения, и положение Цао Цао стало критическим. Но тут опять сказало происхождение трех братьев: при управлении Чжугэ Ляна население Цзиньчжоу горой стояло за него; после его отъезда в Сычуань этот союз нарушился, и массы впали в политическую апатию, ибо Гуань Юй был не их человеком. Это учел Сунь Цюань. Его войска ударили на Гуань Юя с тыла, с реки Янцзы. При этом население была обещана безопасность, а воинам Гуань Юя — амнистия. Войско Гуань Юя разбежалось, а сам он попал в плен и был казнен. Победители поделили захваченную область пополам. Эта победа настолько усилила У, что с этого времени в Китае надолго установилось политическое равновесие.

В 220 г. умер Цао Цао, а сын его, Цао Пэй, заставил Сян-ди отречься от престола и основал новую династию Цао Вэй. В ответ на это Чжугэ Лян возвел на трон в Сычуани Лю Бэя и дал название династии Шу Хань, т.е. принял программу восстановления империи Хань. Чжугэ Лян был опытный политик, он знал, что призрак погибшей династии может быть использован как знамя для борьбы с врагом, но по существу Шу так же мало походило на Хань, как и Вэй. Обе империи были явлениями новыми и боролись не на жизнь, а на смерть.

Узурпация Цао Пэя была непопулярна, и Чжугэ Лян хотел использовать момент для нанесения быстрого удара. План обещал успех, но был сорван Лю Бэем. В политике Лю Бэй не разбирался, а стремился отомстить за брата и вместо похода на север отправился с огромной армией в карательную экспедицию против царства У (221 г.). Сначала он имел успех, но талантливый молодой генерал Лу Сунь сумел задержать наступление Лю Бэя, отгеснить его в леса южнее Янцзы и лесным пожаром

уничтожить склады и лагеря шусцев. Деморализованное войско Лю Бэя было разбито при Илине в 222 г. Лю Бэй с остатками армии ушел в Сычуань и в 223 г. умер от горя. Третий брат, Чжан Фэй, был в начале похода убит двумя офицерами, которых он высек. Так кончили жизнь три названных брата, до сих пор почитаемые в Китае как духи — покровители воинов. Лю Бэю наследовал его сын, но вся власть в Шу сосредоточилась в руках Чжугэ Ляна.

Три царства. Инерция народного подъема, развалившего империю Хань, иссякала. Наступила эпоха кристаллизации. Тяжелое поражение при Илине поставило под угрозу существование Шу: если бы Лу Сунь развил успех, он мог бы овладеть Сычуанью. Но для этого ему были необходимы все наличные военные силы, а Цао Пэй не дремал. Он решил воспользоваться отсутствием войск на востоке и захватить У. Однако Лу Сунь прекратил наступление, своевременно вернулся с войсками на восток и в 222 г. при Жусюе разбил войско Цао Пэя. Чжугэ Лян, получив полную власть, заключил в 223 г. союз с У, благодаря чему новое наступление Цао Пэя на юго-восток захлебнулось.

Готовясь к продолжению борьбы с Вэй, Чжугэ Лян должен был обеспечить свой тыл. На юге Сычуани, в области Ичжоу, в 225 г. восстали местные правители и лесовики мань. Чжугэ Лян совершил поход на юг, расправился с мятежниками и великодушным обращением с пленными вождями маньских племен замирил воинственных «дикарей». С 227 г. Чжугэ Лян начал войну против царства Вэй.

Все три китайских царства имели различную структуру, что отмечено самими китайцами. Принципом царства Вэй были объявлены «Время и Небо», т.е. судьба. Фамилия Цао шла в ногу со временем, и время работало на нее. Цао Цао заявил, что «способности выше поведения», чем отверг конфуцианство. Отважные и беспринципные люди могли сделать быструю карьеру, а так как растущая деморализация все увеличивала число авантюристов, то в кадрах недостатка не ощущалось. Силой северян была конница и, гранича со Степью, они могли пополнять ее. Отказавшись от воинственных замыслов династии Хань, императоры Вэй установили мир на северной границе и союз с кянами.

Царство У стало империей в 229 г. Оно продолжало традиции Хань, предоставляя преимущества ученым конфуцианцам

и наследственной бюрократии. Как всякая консервативная система, политика У была обречена. При преемниках Сунь Цюаня к власти пришли временщики, например Чжугэ Кэ, убитый в 253 г. Развилась борьба придворных клик, интриги. Правительство не считалось с народом, ибо надеялось на мощь полиции и армии; налоги возрастали, но средства шли на придворную роскошь. Принципом царство У провозгласило «Землю и Удобство», т.е. преимущество территории, прикрытой великой рекой Янцзы, до поры предохранявшей его от захвата, но еще больше спасало У царство Шу.

Царство Шу было наиболее интересным и замечательным явлением. Принцип его — «Человечность и Дружба» — не получил воплощения. Возникло Шу из соединения высокого интеллекта Чжугэ Ляна и удалства головорезов Лю Бэя. Захватив вместе богатую Сычуань, они получили материальные возможности для совершения «великих дел». Для понимания обстановки нужно учесть географию. Сычуань — как бы остров внутри Китая. Плодородная долина окружена высокими утесами, и доступ в нее возможен лишь по горным тропинкам и подвесным мостам над пропастями. Население Сычуани было изолировано от общекитайской политической жизни и жило натуральным хозяйством. Все, что волновало Чжугэ Ляна и Лю Бэя, было чуждо жителям Сычуани, поэтому поддержка их была пассивной. Чжугэ Лян понимал это и всеми силами стремился вырваться на Срединную равнину, где он хотел найти отзвуки учения «желтых» и рыцарские понятия сторонников Хань; и с теми и с другими он мог найти общий язык. Ради этого он предпринял шесть походов с 227 по 234 год, но талантливый вэйский полководец Сыма И парализовал все его попытки. А тем временем сын Лю Бэя и его двор погружались в обывательщину и трясину провинциальной жизни. В Чэнду, столице Шу, фактическая власть перешла к евнухам, и, пока храбрецы гибли на войне, страна и столица благодушевствовали. У Чжугэ Ляна в Сычуани не нашлось преемников, и он передал свое дело перебежчику из Северного Китая Цзян Вэю. Цзян Вэй пытался продолжать дело Чжугэ Ляна, но не имел и половины его таланта. Шуские войска в 249—261 гг. стали терпеть поражения, дух их упал. Наконец северяне перешли в наступление. В 263 г. две армии двинулись на Сычуань, чтобы покончить с царством Шу. Первая, под руководством Чжун Хуэя, связала шускую армию Цзян Вэя; другая, под командованием талан-

тливой Дэн Айя, пробралась через утесы, без дорог. Воины, завернувшись в войлок, скатились по каменистому склону. Много их разбилось, но перед остальными открылась богатая страна, лишенная вождей и воинского духа. Импровизированное ополчение было легко разбито, и столица Чэнду в 264 г. сдалась без боя вместе с императором. Однако талантливые полководцы заплатили головой за свои победы. По распоряжению Сыма Чжао, вэйского чэн-сяна, Чжун Хуэй арестовал Дэн Айя, но поняв, что ему самому грозит та же участь, договорился с Цзян Вэем и восстал. Однако войска за ним не пошли и убили мятежных полководцев. Дэн Ай был освобожден из-под ареста, но в суматохе убит своим личным врачом. Сыма Чжао явился с войском в Сычуань и водворил там полный порядок. Принципы «Времени и Неба» победили идеалы «Человечности и Дружбы».

Воссоединение. Царство Вэй возвысили и укрепили старинная землевладельческая знать, к которой принадлежал сам основатель династии, и профессиональные военные, примкнувшие к Цао Цао ради личных выгод. Представители обеих групп отличались друг от друга по воспитанию, привычкам, вкусам, идеалам, т.е. по всем элементам мироощущения. До тех пор, пока шли постоянные войны и восстания третьей группы придворных начетчиков, две первые поддерживали друг друга, но когда положение утряслось, оказалось, что жить им вместе трудно.

Пользуясь родственными связями с династией, у власти стала знать. Это проявилось в опале полководца Сыма И, причем, хотя дело не обошлось без провокации со стороны Чжугэ Ляна, важно то, что провокация имела успех [4. Т. II. С. 395]. Однако отражать полчища Чжугэ Ляна без профессиональных войск оказалось невозможным, и Сыма И был вызван из ссылки и восстановлен в правах в 227 г. После смерти императора Цао Жуя в 239 г., руководителями его юного приемного сына Цао Фана стали Сыма И и Цао Шуан. Вождь «знати» Цао Шуан отеснил Сыма И от управления, тот, в свою очередь, произвел в 249 г. мятеж, и большая часть солдат и офицеров поддержала его. С этого времени фамилия Сыма стала в такие же отношения к династии Вэй, как раньше фамилия Цао к угасающей династии Хань. Сыма И умер в 251 г. Его дети Сыма Ши и Сыма Чжао продолжали его дело.

Землевладельческая знать ответила на *coup d'etat* мятежами

в 255 г. и в 256 г. Но 70 лет постоянной войны обескровили китайскую земщину и так сократили элиту, что она не имела больше решающего голоса. Власть теперь помещалась на лезвие меча. Сам Сыма И был военным еще старого закала; его дети — типичные «солдатские императоры», вроде римских того же времени, а сын Сыма Чжао, Сыма Янь, откинул всякие стеснения и, низложив последнего вэйского государя, сам взошел на престол в 265 г. Основанная им династия получила название Цзинь. Любопытно, что незадолго перед переворотом по базарам бродил человек в желтой одежде, называвший себя «Князем народа», и пророчествовал, что сменится император и настанет «великое благоденствие» [4. Т. II. С. 741]. Тут сказались отношение остатков «желтых» к событиям: они не могли простить династии Вэй победы над собой, но готовы были примириться с другой династией, с которой у них не было личных счетов. Усталость стала решающим фактором истории Китая.

Царство У постигла судьба восточных династий. В 265 г. на престол вступил Сунь Хао, оказавшийся подозрительным, жестоким и развратным. Роскошь дворца обременяла народ, а придворные жили в постоянном страхе, ибо впадшим в немилость сдирали кожу с лица и выкалывали глаза. Вместе с тем Сунь Хао, не умея оценить реальную обстановку, лелеял план завоевания всего Китая и в 280 г. пошел на конфликт с империей Цзинь. Мобилизовать в это время народ было для Сунь Хао «все равно, что гасить огонь, подбрасывая в него хворост» [4. Т. II. С. 749]. Зато Сыма Янь проявил великолепную выдержку и выступил лишь тогда, когда его разведка установила, что непопулярность правительства У достигла кульминации. Тогда он двинул на юг 200 000 воинов и весь речной флот, подготовленный в верховьях Янцзы. После первых стычек, в которых северяне одержали верх, южные войска стали сдаваться без боя; поход превратился в военную прогулку. Сунь Хао сдался на милость победителя, и в 280 г. Китай вновь оказался единым.

Цзинь была солдатской империей. «Молодые негодяи»* эпохи Хань после нескольких неудач достигли власти. К концу III в. колоссальная потенция древнего Китая оказалась исчерпанной. Все энергичные люди за время Троецарствия проявили себя и погибли. Одни (в желтых платках) — за идею «великого спо-

* Так в Китае той эпохи называли солдат, рекрутируемых из преступников.

Хунну

койствия», другие — за красную империю Хань, третьи — из-за верности своему вождю, четвертые — ради собственной чести и славы в потомстве и т.д. После страшного катаклизма Китай в социальном аспекте представлял пепелище — скопление ничем не связанных людей. После переписи в середине II в. в империи было учтено около 50 млн чел., а в середине III в. — 7,5 млн чел. Теперь обезличенной массой могло управлять даже самое бездарное правительство.

Переворот Яня покончил с конфуцианским наследием, если не де-юре, то де-факто. На всех постах оказались совершенно беспринципные, аморальные проходимцы, делившие свое время между обиранием подданных и развратными попойками. Это было время такого разложения, что Китай оправился от него лишь 300 лет спустя, очистившись пожарами варварских нашествий. Все порядочные люди с ужасом отвернулись от столь мерзкой профанации конфуцианской доктрины и обратились к Лао-цзы и Чжуан-цзы. Они демонстративно не мылись, не работали, отказывались от всякого намека на роскошь и пьянствовали, презрительно браня династию. Некоторые обмазывали себя грязью, чтобы своим видом показать презрение к порядку, но вся эта истерика не принесла ни малейшей пользы оппозиции и ни малейшего вреда династии. Зато ослаблялся Китай, количество талантливых людей с каждым поколением уменьшалось, а те, которые появлялись, не находили применения, и в IV в. династию Цзинь постигла заслуженная гибель от хуннских мечей, кянских длинных копий и сяньбийских острых стрел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
2. Ван Дань-чэнь. История крестьянских революций в Китае. Шанхай, 1953 // Современная китайская литература по общественным наукам. Реферативный сборник. М.;Л. АН. № 10. 1955.
3. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
4. Ло Гуань-чжун. Троецарствие / Пер. В.А.Панасюка под редакцией В.С.Колоколова. М., 1954.
5. Сунь Цзо-минь. Религия и крестьянские войны в истории Китая // Лиши яньцзю. Пекин, 1956. №5. СКЛПОН. Реферативный сборник № 20. 1957.

Приложение

**К вопросу об историческом синтезе
По поводу одной дискуссии**

С.И.Руденко

Несомненно, что составление подробной и обстоятельной истории Внутренней Азии и Дальнего Востока является актуальной задачей для современной исторической науки. Такая история нужна как для того, чтобы уяснить и уточнить общие закономерности исторического развития, так и для того, чтобы ориентироваться должным образом в современном состоянии стран и народов Азии. А между тем, не только нет самой «истории», но и подготовительных работ к ней явно недостаточно. С этой точки зрения обращает на себя внимание дискуссия по поводу книги Л.Н.Гумилева «Хунну», опубликованная в «Вестнике древней истории», 1962, № 3. С. 202—210.

Л.Н.Гумилев подошел к постановке и решению вопроса не как востоковед-филолог или археолог, а как историк, базирующийся на знании всемирной истории. Он рассматривает историю хуннов как компонент общего всемирно-исторического процесса. Этот подход, безусловно, оправдан, так как многоязычие источников по центрально-азиатским проблемам исключает возможность использования их в подлиннике одним исследователем. Необходимый охват мог быть достигнут лишь путем прямого сопоставления фактов, уже установленных и опубликованных на европейских языках, так как подавляющее большинство восточных текстов было неоднократно переведено и прокомментировано, сведения же эти до сих пор не были сведены в стройную систему. Книга Гумилева ставила перед

собой именно эту задачу. Поэтому не случайно, что большая ее часть была посвящена последовательному изложению событий политической истории, без точного учета которых невозможен более глубокий анализ экономики, социальной жизни и культуры.

В этой книге все события политической истории хуннов излагаются в связи с окружающей обстановкой на периферии хуннской державы и особенно в Китае, с которым хунны были тесно связаны как в экономическом, так отчасти и в культурном отношении.

Этой дискуссии предшествовали три рецензии, принадлежащие перу трех китайцев: К.Васильев — Л.Н.Гумилев. Хунну (Вестник древней истории, 1961, № 2, с. 120—124); Л.И.Думан, М.В.Воробьев. — Хунну. Срединная Азия в древние времена (Народы Азии и Африки, № 3, 1962, с. 196—201).

Упомянутые рецензии, дополняя одна другую, существенно отличаются как по содержанию, так и в своих выводах. К.Васильев отмечал в самом начале своей рецензии, что Л.Н.Гумилев в своем труде использовал не оригинальный текст древнекитайских хроник, а лишь его переводы, дал скорее схематический пересказ накопленных исторических научных материалов, нежели самостоятельное исследование. Особое внимание в рецензии уделялось неточностям в трактовке этнонимов и ряду фактических ошибок, как полагает рецензент, искажающих историческую действительность, в результате незнакомства автора с подлинниками древнекитайской историографии. Автору ставилось в упрек игнорирование статистики хуннского кочевого хозяйства, содержащегося в ханьских летописях, в которых можно видеть внутренние закономерности повышения и упадка великой степной державы. Отмечалось недостаточно критическое отношение к используемым автором археологическим материалам. Недостатки книги Л.Н.Гумилева, по мнению рецензента, кроются в трех причинах: в незнакомстве с оригиналами используемых источников, в незнакомстве с современной научной литературой на китайском и японском языках и некритическом восприятии ряда устаревших концепций. Вывод — книга Л.Н.Гумилева не вносит ничего принципиально нового в современную историографию древней Центральной Азии.

Л.И.Думан подчеркивал, что на русский и другие европейские языки переведены все важнейшие китайские источники,

относившиеся к истории хуннов. В последние десятилетия в результате работы советских, монгольских и китайских исследователей в научный оборот вовлечены ценные археологические и эпиграфические материалы. Тем не менее многие важнейшие вопросы истории хуннов — этногенез, общественное устройство на различных этапах политической истории и характер государственного образования, особенности взаимоотношений с оседлыми и кочевыми соседями, причины исчезновения с политической арены в Азии, связь между хуннами и гуннами — до сих пор не получили еще удовлетворительного разрешения. Поэтому появление книги Л.Н.Гумилева, пишет Л.И.Думан, охватывающей всю историю хуннов со времени первоначального складывания этого племени до того момента, когда его имя исчезло со страниц истории Азии, не может не вызывать интереса. Достоинство рецензируемой книги рецензент видит в последовательном изложении всей истории хунну, изменений в их общественном строе, развития их связей не только с китайским, но и с другими народами Восточной и Центральной Азии. События внутренней жизни этого племени, угрожавшего не только существованию многих кочевых народов, но и благополучию такого мощного государства древности, как империя Хань, освещаются Л.Н.Гумилевым на фоне истории китайского и других народов, что облегчает понимание вопросов внутренней и внешнеполитической деятельности хунну. Автор, по мнению рецензента, правильно отмечает, что история хунну не является придатком истории Китая, что это племя играло самостоятельную историческую роль и было создателем самостоятельной культуры. Подобно К.Васильеву, Л.И.Думан подробно останавливается на этнониме хунну, о чем ниже. Рецензент, не соглашаясь с автором в его трактовке эволюции общественного строя хуннов и превращения родовой их державы в военно-демократическую, не согласен и с характеристикой целей восстания «краснобровых» в Китае, какую дает им Л.Н.Гумилев. Отмечая роль спорных вопросов, Л.И.Думан в заслугу автора ставит последовательное изложение скудных сведений о хуннах, разбросанных в различных китайских источниках и переведенных в свое время Н.Я.Бичуриным. Автор дополняет эти сведения археологическими данными и стремится достаточно полно, насколько это позволяют доступные ему источники, осветить всю совокупность проблем истории, социальной, экономической и культурной жизни хуннов.

М.В.Воробьев начинает свою рецензию ссылкой на источники, какими пользовался Л.Н.Гумилев для своей работы, и приходит к заключению, что автор имел в своем распоряжении достаточный круг вполне надежных переводов важнейших первоисточников, что создало его теоретическим построениям вполне солидную источниковедческую базу. Полное использование китайских источников о хунну в оригинале — дело будущего. Далее рецензент последовательно, по главам, излагает содержание книги автора. Им подчеркивается смелая трактовка автором социального строя Хунну как патриархально-родовой державы, существенным элементом которой была консервация патриархально-родовых отношений, что определило появление такой формы, как держава, вместо рабовладельческого или раннефеодального государства. Рецензентом особо отмечается, что в противовес общераспространенному мнению о разбойничьем характере набегов хуннов и оборонительных войнах китайцев Л.Н.Гумилев выдвигает гипотезу, согласно которой причины военных конфликтов между Хунну и Китаем лежали в торговой политике правительств, невыгодной как для хуннов, так и для рядового китайского населения. В планомерных войнах хуннов с Китаем автор видит стремление первых свести на нет монополию внешней торговли. В заключение М.В.Воробьев пишет, что он нарочно избегал указаний на мелкие упущения и ошибки в фактах, на неудачные обороты. С его точки зрения важнее то, что автор представил написанный прекрасным литературным языком очерк истории хуннов и дал свою трактовку основных сторон этой истории, т.е. создал вполне оригинальную и нужную работу по древней истории Срединной Азии.

Теперь несколько замечаний по частным вопросам, затронутым рецензентами.

Л.Н.Гумилев, опираясь на Г.Е.Грум-Гржимайло, написал, что племена хяньюнь (сяньюнь) и хуньюй не были хуннами. Лишь после того, как с ними смешалась волна беглецов из Китая, образовался «прахуннский этнический субстрат, который стал хуннским лишь в последнюю эпоху», т.е. когда прахунны (в том числе хяньюнь и хуньюй) пересекли Гоби и опять смешались на этот раз с аборигенами Халхи. По этому поводу К.Васильев пишет, «что в современной востоковедческой науке преобладает отрицательное отношение к идентификации древних сяньюней и исторических сюнну, ибо особенности древнекитайской фонетики исключают возможность трансформации

одного этнонима в другой». Л.И.Думан, напротив, считает, что сяньюнь и хуньей тождественны хунну, так как в древности проведенные выше самоназвания в фонетическом отношении были близки друг другу, представляя собой изменение одного слова. Отсюда противников Китая в войне 822г. К.Васильев считает не хуннами, Л.И.Думан — хуннами, а Л.Н.Гумилев предками хуннов, но еще не хуннами. Налицо три равных и равноправных точки зрения, а не ошибка, которую следует просто исправить.

К.Васильев делает упор на наличие у хуннов работорговли, отрицаемой Л.Н.Гумилевым, а Л.И.Думан считает порядок, установленный Модэ, военной демократией. Л.Н.Гумилеву можно было бы поставить в вину то, что его аргументация, основанная не на цитатах, а на анализе хода событий, не четка, если бы не рецензия М.В.Воробьева, из которой ясно, что мысль автора понята и доказательства ее приемлемы.

Вряд ли можно считать убедительной точку зрения Л.И.Думана, что поголовная воинская повинность и создание системы чинов говорят о разложении родовых отношений и образовании военной демократии. У кельтов кланы выходили на войну поголовно, подчиняясь родовым вождям, и даже платили подати на их содержание. Зато в военно-демократическом обществе, например у франков, герцоги опирались только на свои дружины и кормили своих соратников за счет военной добычи. При этом вожди кланов получали свои должности по наследству, а королей у франков, готов и др. выбирала дружина. Л.И.Думан высказывает свое мнение как очевидное, но на самом деле его следует доказать.

Л.И.Думан правильно поправляет Л.Н.Гумилева, что фраза «хунны составляют великое государство», сказанная Бань-гу, относится к I в. до н.э., а не к I в. н.э. (Бичурин. Ук.соч., с. 121). Однако это не влияет на вывод, ибо перед этим сказано, что шаньюй Юй, восстановив военную мощь и прежние границы своей державы, сравнивая себя с Модэ. (Там же, с. 114).

Л.И.Думан пишет: «Утверждение (Л.Н.Гумилева), что вожди дунху не отличались от своих соплеменников ни богатством, ни положением не находит подтверждения в источнике». Однако см. Хоу-ханьшу, гл. 120: «Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами»; наследственного преемства у них нет. «От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем

имуществе, а не употребляют друг друга в услужение» (Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С. 142—143).

В то время как Л.Н.Гумилев и Л.И.Думан по существу усматривают у хуннов первобытно-общинную формацию, К.Васильев, следуя за современными японскими историками, считает, что общество хуннов было классовым и даже говорит о вспышках классовой борьбы, связанных с падением поголовья скота, что вряд ли соответствует действительности.

Никак нельзя согласиться с К.Васильевым будто бы историк обязательно при своих исследованиях должен пользоваться подлинными источниками на различных языках. Если бы это было так, то какой бы смысл был в переводах.

Те разногласия, которые обнаружились при оценке книги Л.Н.Гумилева, говорят только о том, что в истории хуннов остается еще немало нерешенных или недостаточно освещенных вопросов, подлежащих дальнейшему изучению. Дискуссия в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР, опубликованная в «Вестнике древней истории», в основном касалась рецензии К.Васильева на книгу Л.Н.Гумилева «Хунну», но в ней были затронуты не столько выводы Л.Н.Гумилева, сколько примененный им метод исследования, постановка проблем и подход к составлению исторического повествования о бесписьменных народах.

В дискуссии четко выявились две точки зрения: одна, выдвинутая филологами и, как это ни странно, некоторыми из археологов, и другая, защищавшаяся историками. Филологи отрицали самую возможность осмысления событий в том случае, если исследователь ознакомился с этими событиями не по первоисточникам, а по их переводам. Особо подчеркивалось, что переводы Н.Я.Бичурина китайских летописей, которыми пользовался Л.Н.Гумилев, устарели. Однако, во-первых, они совпадают с переводами Макговерна, сделанными совершенно независимо, а во-вторых перевод может устареть только в отношении терминологии, последняя же может быть уточнена только путем исторических обобщений. Так, например, фразу «хунны поехали купить себе жен» К.Васильев понимает как работорговлю, а не обычную уплату калыма при заключении брака. Буквальный перевод текста оказывается неточным и ведет к ложным выводам.

Историки, возражая филологам, правильно отметили, что

Приложение

принципиальная сторона спора не столько в оценке книги «Хунну», сколько в принципе исторического синтеза. Принятый Л.Н.Гумилевым метод не оригинален — при помощи его написаны все обобщающие исторические работы, и Л.Н.Гумилев просто применил его к истории Центральной Азии, чем заполнил один из пробелов во всемирной истории. Частные поправки, даже если они справедливы, возможны лишь после того, как написано обобщающее исследование, и, следовательно, являются дополнением к нему. Последнее особенно существенно потому, что автор древнего текста, как правило, не бывает беспристрастным и поэтому правдив и точен.

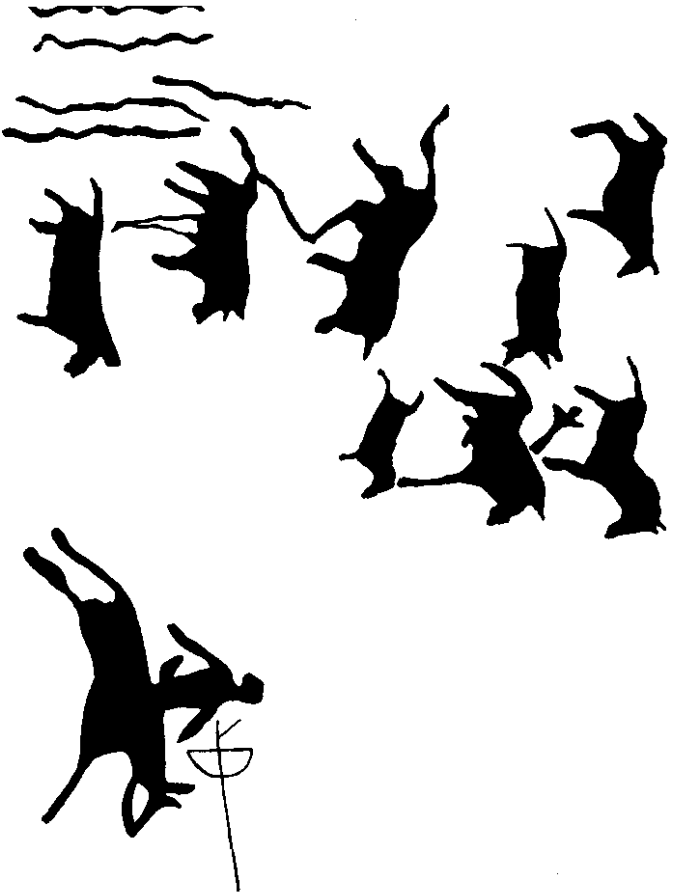
В заключение я хочу коснуться проблемы научной информации. Количество литературы, выпускаемой по разным отраслям знания, в наше время стало едва необозримым. Никакая библиография не выручает, так как практически невозможно для самого усидчивого ученого найти и прочесть десятки статей по вопросу, не относящемуся к теме его специального исследования. Поэтому потребность в работах обобщающих, дающих результаты проделанных исследований, особенно велика. В частности, составление летописи событий по истории хуннов потребовало от Л.Н.Гумилева ряда лет упорного труда. Летопись эта, сведенная в синхронистическую таблицу на 30 страницах, составляет полезный справочник, весьма удобный для восприятия и использования. Ни одному историку, занимающемуся смежной темой, например, археологией хуннов или их социальным строем, нет нужды повторять уже проделанную Л.Н.Гумилевым работу.

Польза книги Л.Н.Гумилева заключается также в том, что она вызвала дискуссию не только о хуннской проблеме, но и о принципах методического исследования.

Что касается источниковедческой стороны данной проблемы, то, если верить заявлению одного из выступавших на дискуссии, что в сведениях по истории хуннов, использованных Л.Н.Гумилевым, заключается чуть ли не $\frac{1}{100}$ того, что имеется в китайских источниках, то это обязывает филологов-китаистов перевести их и сделать доступными широкому кругу ученых и показать, что новые переводы действительно смогут скольконибудь существенно изменить представление о хунну и их истории, изложенное в книге Л.Н.Гумилева, как это говорилось и во время дискуссии.

БЕЛЮКУПАЯ ПАСА

Динлинская проблема

Пересмотр гипотезы Г.Е.Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов

Л.Н.Гумилев

Изложение гипотезы

Изучение древней истории Китая заставило Г.Е.Грумм-Гржимайло сделать несколько палеоэтнографических выводов.

1. «Белокурая раса, *динлины* китайцев, имела на заре китайской истории обширное распространение в Средней Азии ([5], с. 38).

Это утверждение построено на ряде наблюдений и нескольких гипотезах. Китайские летописцы знают народы *ди*, *дили* и *динлины* в долине р. Хуанхэ. По-видимому, это варианты произношения одного этнонима. Народ этот был не китайским. Себя китайцы в древности называли «черноволосыми», а динлины были белокуры и голубоглазы. Одно из этих племен называлось *чиди*, т.е. *красные ди*. Тип их, восстановленный на основании сводки сведений, «характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза» ([5], с. 34—35). Психический склад их отличался воинственностью и столь сильно развитым индивидуализмом, что динлинам никогда не удавалось создать своего государства. Они жили мелкими общинами, занимались охотой и рыбной ловлей и охотно продавали свои мечи, поставляя наемников китайским князьям. Формой брака была моногамия, религией — культ героев ([5], с. 34—35). Они весьма напомина-

ют древних кельтов и германцев, но языком их был как будто один из индокитайских.

2. «К динлинской расе принадлежат четыре древних народа Центральной Азии: кыргызы на верхнем Енисее, динлины в Прибайкалье, усунь, которых история застаёт у оз. Лобнор, но в момент передвижения их на запад — в северный Тянь-Шань, и бома в Саяно-Алтае» ([5], с. 5).

«Все эти четыре народа имели голубые (зеленые) глаза и белокурые (рыжие) волосы. Все эти народы были более или менее смешаны с соседями. К динлинам относятся енисейские остяки-кеты» ([5], с. 38).

3. «Появление динлинских племен на севере Гобийской пустыни связывается с проигрышем динлинами тысячелетней войны с китайцами. Племена ди зафиксированы в Китае в III тысячелетии до н.э. как аборигены» ([5], с. 14). «За 3000 лет часть динлинов была истреблена, часть бежала, часть смешалась с китайцами. Смешение произошло в эпоху Чжоу, XII в., причем чжоуские племена состояли в большой мере из ди. Этим объясняется наличие у древних китайцев высоких носов и пышных бород» ([5], с. 15—16).

4. «Другая часть разбитых динлинов отступила на юг, в джунгли Сикана и Юньнани. Там они превратились в лесные племена — мань китайских географов. Потомками их являются черные лоло, имеющие ряд европеоидных черт, а также племена цзеляны, яо-мяо, вонь, йе-жэнь, путэ и мосо» ([5], с. 28—33).

5. Потомками динлинов, смешанных с тибетцами, монголами и китайцами, являются тангуты в Амдо и окрестностях Ганьчжоу, воинственные горцы, больше похожие на кавказцев, чем на монголов. Тангуты¹ говорят на тибетском языке.

6. «Приближаясь по языку к народам индокитайской группы, динлины по своим физическим признакам и психическим особенностям принадлежали к той же белокурой расе, которая некоторыми антропологами считается первобытной в Европе» ([5], с. 38).

Этот последний вывод, наиболее рискованный, основан на следующем соображении: «Возможно ли допустить существование двух рас, различных по происхождению, но одаренных одинаковыми физическими признаками и психическими особенностями? Конечно, нет» ([5], с. 35). Для подтверждения последнего вывода приходится прибегнуть к положению об изменчивости расы в зависимости от природных условий, причем

полагать, что такое изменение может быть очень быстрым: в течение двух-трех столетий ([5], с. 34). Процесс исчезновения динлинов с исторической арены, если признать правильным все вышеприведенные выводы, закончился в начале II тысячелетия н.э.

Динлинская гипотеза вызвала сначала резкий отпор как в силу своей новизны, так и вследствие недостаточности аргументации. Правда, в то время аргументов за и против больше не было.

Прошло 40 лет — срок немалый. Материала накопилось, и многие положения уже поддаются проверке.

ПРОВЕРКА ДИНЛИНСКОЙ ГИПОТЕЗЫ

1. Динлины, народ, расово отличный от китайцев, несомненно существовал. *Ди* и *дили* действительно варианты одного этнонима в фонетической передаче. Однако здесь возможно уточнение: *ди* — аборигены северо-западного Китая; обитали они в горах северной Сычуани, в восточной Ганьсу и в Шэньси, причем в Ганьсу жили бэй-ди, т.е. северные ди ([4], с. 13). Надо думать, что основная масса ди жила южнее. Действительно, в эпоху У-ху (IV—V вв.) в северной Сычуани держалось княжество Ву-ду, населенное отраслью ди — племенем бома. Вполне вероятно, что это — осколок некогда многочисленного народа, часть коего вошла еще в эпоху Чжоу (I тысячелетие до н.э.) в состав китайцев. Дили были, по-видимому, родственны ди, так как второе их название — чи-ди, т.е. красные ди. Это был народ степной, кочевавший в Хэси (степь к западу от Ордоса) и, возможно, восточнее. Но в историческую эпоху в Ордосе и Иньшане их уже не было. В чистом виде нам этот народ неизвестен, но мы его встречаем как доминирующий компонент прежде всего в теле (возможно, вариация этнонима дили), т.е. племенной группе, в которую входили уйгуры, и, возможно, в народе усунь и как жун-ди, которых я считаю предками тангутов. Переселение их на север — явление сравнительно позднее: в III в. до н.э. они были разлучены со своими единоплеменниками в Сычуани и вытеснены в степь, а в IV в. н.э. перешли на север в Джунгарию ([4], с. 213—214). Однако, возможно, что они и ранее проникали на север. Археология фиксирует в «карасукскую эпоху» появление в Минусинской котловине северокитайского элемента ([11], с. 142).

Посмотрим, что дают нам современные палеоантропология и археология. С глубокой древности до начала исторически известного периода в Саяно-Алтае сменились три культуры: афанасьевская (до 2000 г. до н.э.), андроновская (2000—1200 гг. до н.э.) и карасукская (1200—700 гг. до н.э.). Каждой из этих культур соответствует особый расовый тип. «Афанасьевцы» имели «резко» выступающий нос, сравнительно низкое лицо, низкие глазницы, широкий лоб — все эти признаки говорят о принадлежности их к европейскому стволу. От современных европейцев «афанасьевцы» отличаются, однако, значительно более широким лицом. В этом отношении они сходны с верхнепалеолитическими черепами Западной Европы, т.е. с «кроманьонским» типом в широком смысле этого термина ([10], с. 65).

Наследниками «афанасьевцев» были племена «тагарской» культуры ([11], с. 128), дожившей до III в. до н.э., после чего они приняли в себя несколько монголоидных примесей и создали «таштыкскую» культуру. По поводу носителей этих культур Кызласов высказал оригинальное мнение, причислив их к уграм, и, больше того, всех угров Западной Сибири он выводит с Саян и Енисея, считая их потомками тагарских динлинов ([13], с. 13). Гипотеза Кызласова воспроизводится у Смирнова ([20], с. 23), но и этот автор не считает нужным аргументировать это спорное положение. С этим мнением нельзя согласиться. Кызласов хочет найти подтверждение своей концепции у Дебеца, но тот категорически заявляет, что долихоцефальные черепа обских угров «отличаются от европейских и имеют особую азиатскую форму» ([9], с. 71). Угорские же топонимы в Хакасии легче объяснить приходом угров туда, нежели наоборот.

Итак, есть все основания считать динлинов особым народом европейской, т.е. белой расы.

Но идентичность их с европейскими народами не подтверждается. Дебеч приходит к выводу, что «тип этот является недифференцированным общим прототипом европейского расового ствола» ([10], с. 67). Наконец важен третий вывод Дебеца: «Южная степная полоса (Сибири до Енисея) была заселена европейцами еще в палеолите» ([10], с. 68; [17], с. 56). Эти выводы, основательно аргументированные Дебечем, говорят против предположения о заселении южной Сибири эмигрантами с юго-востока, т.е. против отождествления динлинов и ди.

Носители «андроновской» культуры близки к «афанасьевцам» — динлинам, но не тождественны с ними. «Очагом фор-

мирования «андроновского» подтипа были казахстанские степи, и в Минусинском крае «андроновцы» являются западными пришельцами» ([10], с. 70). На западе элементы «андроновской» культуры переживают ее минусинский вариант, и поэтому представляется возможным видеть в «андроновцах» древних кипчаков — кюе-ше, народ, несомненно, динлинского происхождения ([5], с. 57—59). В древности китайцы знали об этом народе, видимо, очень мало. Он упомянут в числе племен, покоренных хуннами в 205—203 гг. до н.э. ([4] т. 1, с. 50). Вначале мы встречаем кипчаков на Алтае, но затем, когда они смешались с черноволосым народом «канглы», получились половцы русских летописей, или куманы венгерских хроник. Самое название «половцы» сопоставляется с цветом их волос — полковым, т.е. соломенно-желтым. Согласно сведениям китайских и мусульманских авторов подтверждают эту характеристику ([5], с. 57).

Таким образом, нет никаких оснований не рассматривать «андроновцев» — кипчаков как западный вариант динлинской расы, тем более что китайцы упоминают западных динлинов в бассейне Иртыша ([27], с. 560—561), которых они отличают от восточных, им хорошо известных ([5], с. 50). Связь их с ди не установлена, а отличие от европейских и азиатских арийцев несомненно.

В отличие от предыдущих расовый тип населения карасукской эпохи крайне смешанный. Имеется примесь узколицевого монголоидного элемента, относящегося к дальневосточной расе азиатского ствола ([10], с. 83). Такие расы сформировались в Китае в эпоху Ян Шао. Археология подтверждает данные антропологии: в карасукское время в южной Сибири встречаются вещи, сходные с северокайскими ([11], с. 114—116). Факт переселения с юга не вызывает теперь никаких сомнений, но любопытно и важно, что переселился уже смешанный народ. К узколицим южным монголоидам примешан европеоидный брахикранный тип, происхождение коего неясно, так же как и место его в систематике» ([30], с. 83).

Вопрос о монголоидном типе несложен, а вот этот загадочный брахикранный европеоидный элемент, пришедший из Китая, сам напрашивается на то, чтобы сопоставить его с ди, и тем самым возвращает нас к вопросу о тождестве ди и динлинов. Родиной динлинов китайцы считали «песчаную страну Шасай», т.е. пустыню Гоби ([5], с. 11). Если так, то динлины не

аборигены Китая, а давние обитатели Монгольской равнины. Дили же вытеснены в степь в историческое время. Значит, динлины не ди. Правда, китайцы часто называют ди динлинами ([5], с. 11), но никогда не называют динлинов ди. Вероятно, слово «динлин» было полисемантическим и имело нарицательное значение вместе с этнонимическим. В контексте оно звучит как метафора. Но вместе с этим динлины и ди имели какое-то расовое сходство. Какое?

Наличие европеоидного элемента разных типов в Сибири и в Китае как будто решает вопрос так: ди и динлины — народы европейского расового ствола, но различных расовых типов; сходные, но не идентичные.

Г.Е.Грум-Гржимайло совершенно справедливо замечает: «Длинноголовая раса, населявшая южную Сибирь в неолитическую эпоху, едва ли имела какую-либо генетическую связь с племенами ди, т.е. динлинами (?), жившими, как мы знаем, с незапамятных времен в области бассейна Желтой реки. Скорее в ней можно видеть расу, остатки которой и до настоящего времени сохранились на дальнем востоке Азии (айно)» ([5], с. 43). Но динлинами китайцы считали именно эту длинноголовую расу, а Саянские горы называли Динлин ([4], с. 107). Динлины исчезли с исторической арены в середине II в. ([5], с. 167), а дили — чи-ди вступили на нее в IV в. И надо полагать, что енисейские кыргызы были связаны именно с аборигенами Сибири, динлинами, а не пришлыми с юга ди. Южная ветвь динлинов, кочевавшая к югу от Саянских гор, перемешалась с хуннами, и не случайно китайцы внешним отличительным признаком хуннов считали высокие носы. Когда Ши Минь в 350 г. приказал перебить всех хуннов до единого, «погибло много китайцев с возвышенными носами» ([5], с. 15; [31], с. 350).

О судьбе западной прииртышской ветви динлинов прямых сведений нет, но, исходя из хода событий, можно догадаться, что они, смешавшись с уграми, составили народ сабир, который в V в. прорвался на Кавказ. Там сабиры долго торговали мечом, служа то императору Византии, то шахиншаху Ирана, пока не растворились среди кавказских народов.

Переходим к последнему и наиболее загадочному белокурому народу — северным бома. Бома населяли северные склоны Саяно-Алтая ([5], с. 51, 59). Известно о них, согласно переводу Шаванна, следующее: «Они ведут кочевой образ жизни; предпочитают селиться среди гор, поросших хвойным лесом, пашут

лошадьми; все их лошади пегие, откуда и название страны — Бома (пегая лошадь). К северу их земли простираются до моря. Они ведут частые войны с хагасами, которых очень напоминают лицом, но языки у них разные, и они не понимают друг друга. Дома строят из дерева. Покровом деревянного сруба служит древесная кора. Они делятся на мелкие кланы и не имеют общего начальника» ([26], с. 29). Перевод Иакинфа имеет отличия: масть лошадей — саврасая; верхом бома не ездили, а держали лошадей только для молока; войско бома исчислено в 30 тыс. чел. ([4], с. 350). Итак, это был народ по сибирским масштабам крупный. К счастью, мы имеем подлинные названия этого народа в китайской передаче: бице-бике и олочже ([4], с. 350). Отсюда становится понятно, что бома — просто кличка, и сопоставление сибирских бома с ганьсуйскими необоснованно, тем более что они пишутся разными иероглифами ([5], с. 13). Этнонимы их совпадают с *бикин* — древнее племя, упомянутое Рашид ад-Дином, и *алакчин*, о которых пишет Абуль-гази, что «у них все лошади пегие, а очаги золотые». Страну Алакчин он помещает на Ангаре ([5], с. 353—354). Таким образом, мы не можем причислять бома ни к дили, ни к динлинам.

Локализовав алакчинов, обратимся к антропологии Прибайкалья. Там в неолитическую эпоху, вероятно, очень затянувшуюся, намечаются три типа: 1) эскимоидный — на среднем течении Ангары, где нет европеоидной примеси, 2) палеосибирский — на верхнем течении Ангары и Лены и 3) европеоидный, просочившийся из Саяно-Алтая и смешавшийся с аборигенами. Область распространения этого типа в Прибайкалье ограничивается южными его районами, прилегающими к островам степей или черноземных почв, цепочка которых тянется от Минусинского края до Канской степи примерно вдоль линии нынешней железной дороги ([10], с. 58—61). Сходную картину мы наблюдаем в Красноярском крае ([10], с. 62). Итак, наличие северных бома, вернее алачинов и бикинов, подтверждается. Этническое различие их с динлинами при расовом сходстве не должно нас удивлять. Распространены они были, вероятно, очень широко: от Алтая до Байкала.

Что касается *кетов*, то европеоидность их сильно преувеличена. Дебеч их относит к енисейскому расовому типу азиатского ствола.

Тип он считает древним ([10], с. 313). Мои личные физиогномические наблюдения на Нижней Тунгуске подтверждают

эту характеристику. Большинство кетов оказались монголоидами, только один старик имел орлиный нос и высокий рост, но и он ничем не напоминал европейца. По культуре кеты примыкают к западносибирской (угорской) группе, и если и была у них европеоидная примесь, то рассматривать их как осколок динлинов нет достаточных оснований.

Перейдем на юг, в Китай.

К степной группе ди относятся: *теле*, *усуни* и загадочные *бай-ди*. О племенной группе теле, к которой принадлежат, между прочим, уйгуры, нет никаких сомнений, ибо первое их название было чи-ди, т.е. красные ди ([4], т. I, с. 214), и кочевали они первоначально в Хэси, откуда распространились по Халхе и Джунгарии. На китайском рисунке уйгур изображен «человеком с толстым носом, большими глазами и с сильно развитою волосяной растительностью на лице и на всем теле и, между прочим, с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями» ([5], с. 18). Ныне потомки теле уцелели только в Наньшане (пров. Ганьсу); у них нет косоглазия и желтизны в лице ([15], с. 96—97). Собственное название их сарыг-югуры, а китайцы называют их хуан-сифань, т.е. желтые западные тангуты ([15], с. 96—97), подчеркивая антропологическую, а не лингвистическую близость, ибо последней нет. Весьма важно, что такое же сходство отмечали китайцы и тибетцы, называя некоторые племена ди динлинами. Тут мы имеем скорее фигуральное выражение, чем этноним, так как уйгуров и кыргызов, близких по облику и даже языку, китайцы никогда не объединяли. Усуни нам известны как смешанный с саками и юэчжами народ. Это подтверждается палеоантропологией. Некоторые из добытых черепов относятся к средиземноморской, другие к памиро-ферганской расе ([10], с. 180). Однако находок так мало, что невозможно решить, принадлежат ли они собственно усуням или слившимся с ними сакам и юэчжам.

Вопрос об усунях вызвал появление разнообразной литературы ([1]; [2], с. 450—451; [3], с. 96—100; [5], с. 5—9; [21], с. 137; [29], с. 70; [32]), но почти вся она относится к историческому периоду, когда усуняне заняли Тянь-Шань. Для нас же интересно сейчас происхождение усуней и первоначальная их территория — «древние усуньские земли»². Эту территорию путешественник II в. до н.э. Чжан Кянь указывал между Дуньхуаном и Циляншанем, т.е. Восточным Тянь-Шанем ([5], с. 99). Это под-

тверждает Ши Цзи, устанавливая, что в конце III в. усунь бежали отсюда под давлением юэчжей ([5], с. 99). Это снимает мнение Аристово, считавшего усуней частью енисейских кыргызов, пришедших на Тянь-Шань из средней Монголии за полтора века до н.э. (по Грумм-Гржимайло [5], с. 5). Основанием для сопоставления кыргызов и усуней было описание типа последних: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их» ([4], т. 2, с. 190). Однако, учитывая сведения Чжан Кяня и Ши Цзи, справедливее видеть в усунях ветвь дили, а не сибирских динлинов, которым нечего было пробираться на Тянь-Шань таким кружным путем. Однако европеоидность усуней не подлежит сомнению, ибо позднейшие китайские ученые производят русских от удалившихся на север усуней ([18], с. 224—225). Поэтому надо считать, что в Древнем Китае тип усуней не вызывал сомнений.

Наконец *бай-ди*, т.е. белые ди. До 636 г. до н.э. они жили в Хуси вместе с красными ди, но в указанный год были выгнаны юнганским князем Вын Гуном ([4], т. 1, с. 43). О чи-ди (красных ди) мы впоследствии много слышим, но куда же девались белые?

Они обнаруживаются, как ни странно, на Памире, в Ишканиме и на склонах Гиндукуша, причем здесь они называются «бади», что местными персоязычными жителями осмысливается как «ветреные», от слова ветер. Нужно ли говорить, что это обычная попытка осмысления чужого слова. Столицей их был впоследствии город Бадиан, и к их числу принадлежали эфталиты; видимо, поэтому их называли «белые хунны» [6]. Внешний вид бади вполне соответствует предполагаемому типу ди: светлые волосы, плотное сложение, голубые глаза. Бади и их южные соседи африди напоминают больше кельтов, чем своих соседей афганцев и таджиков.

Напрашивается гипотеза, что, подобно тому как чи-ди отступали в степь на северо-запад, бай-ди отошли в горы на юго-запад.

Для проверки этой гипотезы обратимся во внутренний Китай и посмотрим, какое место занимал там в древности рыжеволосый элемент и каково его отношение к племенам жунов, из которых вышли и красные и белые ди.

Тезис о тысячелетней борьбе «черноволосых» китайцев с

«рыжими дьяволами» — ди в свете современной этнографической науки выглядит несколько иначе. Грумм-Гржимайло, с одной стороны, предполагает, что борьба рыжих автохтонов с черноволосыми пришельцами приняла решительный характер лишь в Чжоускую эпоху ([5], с. 16), а с другой, считает чжоусцев народом, смешанным из ди и китайцев, причем впоследствии роль ди сводилась к участию в междоусобных войнах китайских князей в качестве авангарда ([5], с. 16). Тут некоторое несоответствие. Затем он указывает, что многие китайские императоры имели орлиный профиль и пышную бороду. Справедливо. В «Троецарствии» точно так описаны многие герои, а один из них, рыжебородый Сунь Цюань, даже носил прозвище «голубоглазый отрок» ([14], с. 369). Но ведь это китайская аристократия, а когда же аристократия комплектуется из числа побежденных? Если борьба имела место, то надо считать, что победили ди, а этого не было.

Скорее возможно предположить, что тесное соседство обоих народов повело к взаимной диффузии и смешанным бракам. Черные волосы доминируют над светлыми, карие глаза над голубыми и низкий рост над высоким — с течением времени тип ди должен был уступить место китайскому, монголоидному типу, и предполагать грандиозную войну нет надобности. Но в принципе Грумм-Гржимайло прав, и попытки объяснить европеоидный облик древних китайцев альбинизмом несостоятельны: слишком много должно было быть альбиносов, и при этом с высокими носами и пышной растительностью на лице.

Некоторый свет на этот запутанный вопрос проливают западные античные источники, в частности Птолемей ([22], с. 437—439). Птолемей на территории современного Китая помещает два разных народа: *сины* и *серы*. Сины помещены южнее серов и названа столица их — Тина, лежащая в глубине от порта Каттигары.

Карта Птолемея столь приблизительна, если не сказать фантастична, что идентификация названий крайне затруднительна, но это для нашей темы не важно. Существенно другое: *сины*, несомненно, подлинны китайцы империи Цинь, и они не отождествляются с серами, поставлявшими шелк-серикум в Парфию и Римскую империю. Серы упоминаются раньше, чем *сины*, и в другой связи: греко-бактрийский царь Эвтидем около 200 г. до н.э. расширил свои владения на востоке «до владений фаунов (цянгов) и серов» ([23], с. 253). Впоследствии, ког-

да установилась торговля шелком по Великому караванному пути, название «серы» применялось к поставщикам шелка в бассейне Тарима, а не к самим китайцам ([22], с. 253; [34]).

Следующее, еще более важное сообщение о серах, которое Томсон расценивает как «нелепое» ([22], с. 427), основано на рассказе цейлонских послдов. Согласно их словам, серы — рослые, рыжеволосые и голубоглазые люди, живущие за Эмодом (Гималаями). Это сведение отвергает как невероятное Юль ([35], с. 200), но совершенно напрасно, ибо псевдо-Арриан («Перипл Эритрейского моря») упоминает пути из страны серов в Бактрию и оттуда к индийским гаваням ([22], с. 428). Таким образом, нет ничего удивительного в том, что цейлонцы встречали серов. Территория «Серики», согласно сводке, сделанной Томсоном, простирается от Кашгара до северного Китая, к северу от «баутов», т.е. тибетцев-ботов ([22], с. 431). Это

территория, занятая, как мы видели выше, ди, которых мы имеем право отождествить с серами как по территориальному, так и по соматическому признакам. Итак, мы видим, что теория Грумм-Гржимайло подтверждается дополнительными сведениями, которые не были им учтены.

Но имело ли место распространение европеоидного типа на юг Голубой реки? Книга «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна отмечает все раритеты: и голубой цвет глаз, и белые волосы и т.п. При описании южных маней³, т.е. лесных племен Сикана и Ырмы, таковые указания отсутствуют ([14], с. 336—373). Зато весьма примечательно описание внешности князя племени *фань*.

«Все маньские воины, волосатые и босые, были вооружены длинными копьями и луками, мечами, секирами и щитами; во главе их стоял князь племени *фань* по имени Шамока. Лицо Шамоки цветом своим напоминало кровь, голубые навывкате глаза его сверкали. Он был вооружен булавой из дикого терновника, окованной железом, у пояса висели два лука. Вид у него был необычайно воинственный и грозный» ([14], с. 285). Где же обитали фани? Одно упоминание локализует их в Шаньси ([5], с. 108), но Шамока и его воины происходили из Сычуани.

Обитающие там тангуты по-китайски называются *фань* ([4], т. 2, с. 118). Значит, вышеописанная внешность, вполне отвечающая предполагаемому облику ди, принадлежала обыкновенному тангуту.

Действительно, тангуты по типу ближе к европеоидам, чем к

монголоидам ([5], с. 27). Пржевальский нашел, что они похожи на цыган ([19], с. 221). То же утверждают Козлов ([12], с. 223) и Обручев ([16], а «тангуты — народ, возникший из смешения ди и цянов (тибетцев)» ([5], с. 26—27).

Однако материал, приведенный Грумм-Гржимайло о европеоидном элементе на юге Китая, столь обширен и разнообразен, что игнорировать его нельзя. Особенно ярко выражена европеоидность у племени *лоло*. Но племя это говорит на одном из наречий тибетского языка и вполне может быть поэтому причислено к тангутам. Грумм-Гржимайло считает их потомками сычуанских борма ([5], с. 29), но если так, то противоречия с Ло Гуань-чжуном нет, так как Ву-ду, государство сычуанских ди, среди которых был указанный род, пало в VI в., т.е. после эпохи Троецарствия. На помощь нам приходит фольклор — знаменитый роман о Гэсере. Гэсер — вождь шайки удальцов в племени, живущем крайне примитивно. Племя подверглось нападению каких-то чужеземцев и разгромлено; удальцы Гэсера также перебиты, и сам он скрывается в неизвестном направлении. По легенде, он живет под землей и ждет момента для восстановления социальной справедливости.

Тибетцы датировали Гэсера временем царя Тотори, т.е. IV веком ([25], с. 14)⁴. Это соответствует времени нажима тоба на тангутские царства Лин и Вуду. Возможно, что разгромленные тангуты частично убежали в южный Китай и черные лоло — их потомки. Но это не может относиться к аборигенам южного Китая, например к мяо и индокитайским лесным племенам. Итак, в этой части гипотеза Грумм-Гржимайло подтверждается, хотя и с некоторыми оговорками.

В связи со всем сказанным вскрывается загадочный этноним *жун*. Благодаря описке или неточному выражению Сыма Цяня, были попытки отождествить жунов с хуннами ([4], т. 1, с. 39), но мы видим, что всюду в источниках жуны выступают совместно с ди ([5], с. 45), так что их, может быть, правильно Иакинф переводит как единый народ — жун-ди. Больше того, есть легенда, согласно которой чи-ди и цюань-жуны были одного происхождения ([5], с. 15). Жуны и ди, по-видимому, так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые роды ди западными жунами. С древности, вплоть до III в. до н.э., жун-ди были распространены по всему северному Китаю, от оз. Кукунор до Иньшаня, где они назывались шаньжуны, т.е. горные жуны. Эти последние, будучи отрезаны от

основной массы своего народа, слились частью с восточными монголами дун-ху ([5], с. 85), частью с хуннами, что, видимо, и дало основание отождествлять два последних народа. Не менее интенсивно сливались они с китайцами и на западе с тибетцами. В последнем случае они превращались в исторический народ — тангутов. Таким образом, загадочная белая раса в Китае открывается: тангуты в древности имели значительно большее распространение, чем теперь, когда они сохранились как небольшой островок около оз. Кукунор.

Указанная точка зрения расходится с высказываниями европейских и американских историков. В частности, Мак-Говерн считает жунов и ди хуннами ([31], с. 87), удивляясь лишь, что их этнографические особенности не совпадают. Подробный и обстоятельный разбор этой темы дан у Латтимора ([30], с. 340—349), причем он приходит к выводу, что жуны и ди обитали внутри Китая и были горцы, а не кочевники, т.е. отнюдь не хунны, но о расовой их принадлежности он не говорит ничего.

Совсем игнорирует жунскую проблему Чебоксаров ([23, с. 30—70]), но напрасно, так как этим образуется пробел в поставленной им задаче — этногенезе китайцев. Полную определенность вносит цитата из Цзинь-шу (гл. 97), сообщающая, что хунны на западе граничат с шестью жунскими племенами ([3], с. 219), указывающая на то, что это разные народы.

Однако все авторы затрудняются определить различие жунди от китайцев внутри Китая и от хуннов вне его, тогда как из хода истории ясно, что это различие было очевидно для современников. Тут полностью решает вопрос точка зрения Грумм-Гржимайло, так как расовое различие, с одной стороны, очевидно, а с другой — не поддается формулировке при отсутствии научной антропологии, которой в Древнем Китае не было.

ОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

С тех пор как Грумм-Гржимайло поставил вопрос о тождестве «динлинской» и «северной» рас, прошло немало времени, и наши взгляды на антропологию радикально и вполне закономерно изменились. Прежде всего проблема расогенеза представляется нам гораздо более сложной и темной, чем нашим предшественникам 50 лет назад. Нам известна конвергенция признаков, причем генетически разные этнические группы могут в развитии давать сходные ситуации, сходные сочетания призна-

Белокурая раса

ков. Сами признаки рассматриваются нами по-иному: физические в зависимости от среды (например, рост составляет функцию питания и может варьировать, а цвет волос и глаз наследствен и изменяется мутационно); психические черты стоят в зависимости от образа жизни и уровня развития народа. Так, например, «сильно развитое чувство индивидуальности» динлинов, мешавшее им создать свое государство, неприменимо к древним европейцам, которые создали несколько разных типов государств, например, полисы, племенные союзы, варварские королевства и т.п. Даже кельты, наиболее, казалось бы, похожие на динлинов ([5], с. 70), имели деспотическую власть друидической церкви, подавлявшую светскую аристократию и объединявшую Галлию и Британию. Наоборот, по характеру жизни динлинов напоминают алгонкинские племена Северной Америки, бедуины доисламской Аравии и черноволосые иберы античной Испании. Они также были воинственны, продавали шпагу, не терпели деспотизма и легко переселялись из страны в страну. Но ясно, что сходство тут только внешнее.

Так же дело обстоит с физическим типом. Восточные арийцы, как долихоцефалы (туркмены), так и брахицефалы (согдийцы), черноволосы и никак на динлинов не похожи. Когда же динлины встретились с русыми арийцами, а это случилось в 1056 г. около г. Киева, то эти последние, несмотря на внешнее сходство, восприняли появление кипчаков как приход совершенно чуждых иноплеменников, а в то же время не только рыжих скандинавов, но и черноволосых греков русские считали народом, к себе близким. Дарвин совершенно правильно указывает, что при определении расы главнейшую роль играет физиогномика ([8], с. 275—303), а нюансы, отличавшие динлинов от арийцев, были, по-видимому, настолько значительны, что современникам и в голову не приходило считать половцев народом, родственным европейцам. Надо полагать, что наряду со сходством азиатской и европейской белокурых рас существовали и различия, достаточно глубокие для того, чтобы эти расы не смешивать.

Мне представляется это так. Существовали две расы, *динлины* в Сибири и *ди* в Китае, причем последнюю следует для ясности называть тангутской, хотя этнонимы *ди* и *дансян-тангут* не покрывают друг друга. Обе расы имели много черт сходства, что давало китайцам основание для фигурального наименования *бай-ди* динлинами. И тангуты и динлины так относятся к

североевропейской расе, как семиты Аравии или туареги (хамиты) Сахары, которые также, несомненно, принадлежат к белой расе, но отнюдь не к скандинавскому типу.

Предлагаемая точка зрения находит себе подтверждение в палеоантропологии. Дебец считает долихоцефальный южносибирский тип, т.е. динлинов, протоевропеоидным, «близким к ероманьонскому» ([10], с. 83), а сходство его с «северным» объясняет конвергенцией ([10], с. 128). Действительно, тип этот уходит в глубокую древность, предшествуя по времени формированию арийского языкового единства (середина III тысячелетия). Вместе с этим он отмечает европеоидный брахикранный тип, смешанный с монголоидным узколицым типом, причем эта смесь попадает в Сибирь из Китая примерно в XVII в. до н.э. («карасукцы»). В это время китайская история констатирует выселение из Китая на север сторонников низвергнутой династии Ся. В 1764 г. до н.э. царевич Шун Вэй и его спутники поселились с кочевниками и приняли их образ жизни ([4], с. 1, с. 40). Легенда подтверждается археологией, но они обе подтверждают гипотезу Грумм-Гржимайло. Очевидно, брахикранный европеоидный тип принесли из Китая ди. Другая разновидность ди — усунь — также короткоголова ([10], с. 180). Таким образом, можно констатировать, что «динлинская гипотеза», пройдя сорокалетнюю проверку, подтвердилась, хотя с важными оговорками и поправками. Теперь это уже теория».

Весьма жаль, что взгляды Грумм-Гржимайло встретили неблагодарно недоверчивое отношение и иногда игнорировались (Ярхо [24]). Этот пробел необходимо восполнить. Из числа многочисленных открытий Грумм-Гржимайло одна постановка и разработка динлинской проблемы достаточна, чтобы заслужить благодарность потомства.

Выводы

1. Гипотеза Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло о существовании в Центральной Азии в период до X в.н.э. европеоидного местного населения нашла подтверждение как в археологии на территории СССР, так и в новых исторических сведениях, касающихся территории Китая. Древняя белая раса в Центральной Азии действительно существовала. Южносибирская долихоцефальная (динлины) и северокитайская брахике-

Белокурая раса

фальная (ди) относились друг к другу как расы второго порядка европейского расового ствола.

2. Прямой связи с европейцами динлины не имели, являясь ветвью, отклонившейся еще в палеолите.

3. Наследники динлинов — енисейские кыргызы во II тысячелетии н.э. были поглощены монголами с юга и уграми с севера. Наследники жун-ди частично вошли в состав древних китайцев в I тысячелетии н.э., частично ассимилировались восточными тибетцами, образовав при смешении племени тангутов.

4. Степные динлины вошли в состав хуннов, сообщив им некоторые европеоидные черты (высокие носы, пышные бороды), а степные ди — усунь и теле — были ассимилированы монгольскими племенами в IX—XII вв. (после разгрома Уйгурского ханства в 840 г.).

5. История и этногенез народов Центральной Азии не могут быть ни поняты, ни продвинуты вперед вне учета исследований Грумм-Гржимайло.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самоназвание их *ми-хоу*; тибетское название *миняг*, китайское — *дансян*, монголо-тюркское — *тангут* ([5], с. 26).

² Грумм-Гржимайло ([5], с. 168) ищет «древние усуньские земли в Хангае, но я не могу согласиться с тем, что китайские ученые так сильно и единодушно ошибались. Напротив, юэчжи, которых он помещает в этом районе, видимо, пришли из Джунгарии, так как они соприкоснулись с княжеством Цинь лишь в IV в., что не могло бы быть, если бы они издревле населяли Хэси, куда китайцы проникали еще в VII в. до н.э.

³ *Мань* не этноним, а общее название всех лесовиков, живших к югу от китайцев (см. Грумм-Гржимайло [5], с. 27).

⁴ Может быть, даже начало V в., так как Тотори-нянцзан жил 120 лет ([33], с. 45—46). Ныне Дамдисурен [7] предложил идентификацию Гэсера с князем Госраем, жившим в XI в., но, помимо несходства имени, происхождения и биографий, эта концепция опровергается замечанием ладакской хроники до 950 г., что в это время в верхнем Ладаке княжили потомки Гэсера ([28], с. 47).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Н.А. Опыт выяснения состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов // Живая старина. III—IV. 1894.
2. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. СПб., 1896.

1. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
2. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—III. М.—Л., 1951—1953.
3. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
4. Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV веке нашей эры // Вестн. древн. ист. 1959. № 1.
5. Дамдисурен Ц. Исторические корни Гэсериады. М., 1957.
6. Дарвин Чарльз. Соч. Т. V. М., 1953.
7. Дебец Г.Ф. О древней границе европеоидов и американоидов в южной Сибири // Сов. этногр. 1947. № 1.
8. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.
9. Киселев С.В. Древняя история южной Сибири. М., 1951.
10. Козлов П.К. Монголия и Кам. М., 1947.
11. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха / Автореф. канд. дисс. М., 1953.
12. Ло Гуань-чжун. Троецарствие. Т. 1. М., 1954.
13. Малов С.Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам // Изв. Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. II. № 1. СПб., 1912.
14. Обручев В.А. В дебрях Центральной Азии. М., 1956.
15. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. М.—Л., 1955.
16. Паркер Э.Г. Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. СПб., 1903.
17. Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Т. 1. М., 1946.
18. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // Сов. археол. 1957. № 3.
19. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
20. Томсон Дж. История древней географии. М., 1953.
21. Чебоксаров Н.А. К вопросу о происхождении китайцев // Сов. этногр. 1947. № 1.
22. Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Хакасск. н.-и. инст. Абакан, 1947.
23. Bell Charles. The religion of Tibet. Oxford, 1931.
24. Chavannes Ed. Documents sur les T'ou-kiue (turcs) Occidentaux // Сб. Трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903.
25. Chavannes Ed. Le pays d'Occident d'après Wei-liao // T'oung Pao. Ser. II. V. 6. 1905.
26. Francke A.H. A History of Western Tibet. London, 1907.
27. Kingsmill W. The intercourse of China with Eastern Turkestan and adjacent countries in the second century before Christy // The Journal of the R. Asiatic Soc. of Great Britain and Ireland. New serie. XIV. London, 1882.
28. Lattimore Owen. Inner Asian Frontiers of China. New York, 1940.
29. McGovern. The early empires of Central Asia. London, 1939.
30. Shiratori K. Ueber den Wu-sum Stamm in Central Asien // Keleti Szemle. III. 1902.
31. Schlagintweit E. Die Könige von Tibet. München, 1860.
32. Soothill W.E. China and West. London, 1925.
33. Yule H. Cathay and the way thither / New ed., red. by H.Cordier. London, 1915.

Белокурая раса в Средней Азии

Г.Е.Грумм-Гржимайло

Можно считать доказанным существование в былые времена в Центральной и Северной Азии расы с зелеными глазами и рыжими волосами. Но что же случилось с ней?

Топинар

Поводом к составлению этой статьи послужили читанные В.И.Анучиным в Географическом обществе доклады об енисейских осятках, материалом же — по преимуществу данные, которыми я уже пользовался при составлении главы VIII (т. II) и глав II и III (т. III) «Описания путешествия в Западный Китай». В этих главах литература вопроса о белокурой расе Внутренней Азии оказалась почти исчерпанной, так что новым в настоящей статье является лишь несколько иная распланировка материала, дающая более полное освещение затрагиваемому в ней предмету и рельефнее выделяющая значение излагаемых в ней фактов. Подбирая эти последние, я, однако, не забывал, что история должна писаться *ad narrandum non ad probandum*.

Поставленный Топинаром вопрос еще очень мало разработан, и даже тому, что нам в этом отношении известно, я могу дать, в тесных пределах настоящей статьи, лишь самый поверхностный очерк. Тем не менее я все же попытаюсь, хотя бы в общих чертах, нарисовать картину постепенного поглощения монгольским морем территории, первоначально занятой этой расой.

Раскопки курганов и могил показывают, что уже в эпоху доисторическую в долине р. Селенги столкнулись два этнических антипода — крайняя короткоголовая (головной указатель — 93,6) и крайняя длинноголовая (тот же указатель — 68,4) расы¹. Первая отличалась большой высотой черепного свода, необык-

новенной шириной затылка и грубостью форм как нижней челюсти, так и всех частей черепа, вторая — значительной вертикальной сплюснутостью черепа, сильным развитием надбровных дуг и длинным и плоским теменем.

Но эти первобытные расы, из коих вторая, может быть, ближе всего подходила к австралийской, с течением времени исчезли, и им на смену в той же области явилась новая народность подлинноголового типа с умеренно-высоким черепным сводом, умеренным лбом и небольшим затылком. Но и эта народность не удержалась на Селенге и, вероятно, в начале нашей эры уступила свое место среднеголовому племени, отличавшемуся, при среднем росте, крепким телосложением, очень развитою мышечною системою и непропорционально большой головой с высоким черепным сводом. Еще позднее здесь появился новый народ короткоголового, судя по женским черепам, даже короткоголового типа, с узким лбом и ясно выраженной у большинства платицефалией. Наконец, в VI веке, а может быть и раньше, в той же области произошло новое перемещение этнических масс, причем очевидное преобладание получили крайние короткоголовые, отличавшиеся низким ростом, малыми размерами черепа, узким лбом и большинство — платицефалией.

Таким образом, в западном Забайкалье и в порубежной Монголии обнаружился процесс весьма последовательного вытеснения менее короткоголового элемента более короткоголовым, что должно было происходить частью насильственным, частью естественным путем при скрещивании.

Но куда же под напором короткоголовых отступили из долины р. Селенги племена длинноголового типа?

Раскопки могил в пределах Алтайско-Саянского нагорья указывают нам на эту горную область как на продолжительную стоянку длинноголовых. Сюда, надо думать, и должны были, главным образом, передвинуться если не автохтоны Забайкалья, то последующие длинноголовые насельники этой области, принадлежавшие, подобно длинноголовым алтайцам, к высшей расе, может быть, даже европейской, что доказывается как конформацией их черепов, так и гипсовыми масками, из коих некоторые отличаются замечательной красотой и чертами лица вполне европейскими².

Но что же это была за раса, и как велики были пределы ее распространения?

Для разрешения этого вопроса мы должны оставить область палеоэтнологии и обратиться к истории.

Она знакомит нас с четырьмя племенами, населявшими Среднюю Азию вне китайской стены и имевшими голубые (зеленые) глаза и белокурые (рыжие) волосы, а именно: усунями³, хагясами, динлинами и бома. Всего вероятнее, что усунни были народом смешанного происхождения⁴, о хагясах китайцы также передают, что они «перемешались с динлинами»⁵, что же касается бома, то их родство с динлинами будет доказано ниже. Таким образом, только этот последний народ и должен считаться носителем тех физических признаков, которые сближают рыжеволосую и длинноголовую расу Средней Азии с европейской.

О динлинах, как таковых, китайцы дают нам самые скудные сведения, но в «Бэй-шы» мы находим указание, что народное название красных ди (чи-ди) было ди-ли⁶, изменившееся в динлин⁷ по переходе их в конце IV века по Р.Х. на северную сторону Гобийской пустыни⁸, а это дает нам возможность восстановить всю многовековую историю этого народа и указать на те остатки его, которые и поднесь сохранились еще во многих глухих уголках Внутренней Азии.

Указание «Бэй-шы» подтверждается и китайской надписью на орхонском памятнике, воздвигнутом в честь Кюль-тегина в 732 году. Эта надпись гласит, что песчаная страна, граничащая с Китаем, т.е. южная окраина Гоби, была родиной динлинов⁹. Но она же, согласно китайским данным, была родиной и дили, иначе чи-ди.

Что динлины жили некогда и к югу от Гобийской пустыни, явствует также из того, что население области верховий Хуан-хэ (так называемые байланские цяны) вело свое происхождение от динлинов¹⁰.

Засим имеется указание, что и предками бома были дисцы. О бома, как одном из отделов ди, упоминает уже Сыма Цянь¹¹. Около 118 г. до Р.Х. дисцы бома покорены были китайцами и из занятых ими земель¹² образован был военный округ Вуду-цзюнь¹³. Бома в Вуду застали уже население, состоявшее из дисцев поколения ба (ба-ди), которые управлялись князьями из фамилии Ли. Столицей этого княжества был город Леян. При князе Ли-тэ «ба-ди» овладели Ляньчжоу в Чэнду-фу. Преемник Ли-тэ — Ли-сюн в 306 г. по Р.Х. провозгласил себя императором. Но уже сорок лет спустя это царство пало¹⁴, и на смену ему стало возвышаться царство дисцев «бо-ма». Этим бома в отли

чие от северных китайцы называли западными бома¹⁵. Должен оговориться, что иероглифы, коими писались названия этих племен, не одинаковы: в первом случае они означают «белая»¹⁶, а во втором — «бегая» лошадь¹⁷. Но когда идет речь о китайской передаче иностранных слов, то нельзя придавать этому факту большого значения; так, укажу, например, на народное имя дубо (tupo), которое также писалось различными иероглифами¹⁸. Как бы то ни было, о другом государстве бома, находившемся к северу от Вуду, история не упоминает¹⁹. Но если так, если сибирские²⁰ и ганьсуйские бома составляли части одного и того же народа, то это неоспоримо доказывает, что «динлин» и «ди» представляют лишь варианты одного и того же племенного прозвания.

Ди принадлежали к числу автохтонов Китая. Они составили даже ядро того народа, который в 1122 году до Р.Х. овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу (1122—225). Об этих чжоуцах у de Harlez'a говорится: «Toutes les contrées soumises au grand empereur (Yu) n'étaient point placées directement sous son autorité; plusieurs avaient conservé leur chef propre qui se reconnaissait simplement vassal du monarque suprême. Il en était ainsi spécialement de l'état de Tcheou situé au nord-ouest de la Chine actuelle, à l'ouest du coude formé par le Hoang-ho et habité par une population préchinoise. Ce dernier fait est attesté et *par la couleur des cheveux* de ce peuple qui est uniformément signalé comme étant *de couleur rousse*, et par les traditions chinoises soigneusement conservées²¹ et par le témoignage même du Shi-king dans les odes consacrées à la gloire de la maison de Tcheou»²². К этому следует добавить, что инородцев яо-мяо китайцы считают потомками чжоусцев²³ и что за таких же потомков выдают себя и инородцы вони²⁴.

Мне кажется, что всех этих свидетельств совершенно достаточно, чтобы считать доказанным, что динлины, дили и ди китайских летописей были одним и тем же народом. Этот факт объясняет нам также, почему современные китайцы в большинстве являются мезоцефалами, а в IV веке, подобно хуннам, даже чертами лица значительно отличались от монгольского прототипа. Закрываю это из следующих строк китайской летописи: «Ши Минь издал повеление предать смерти до сдиного хунна в государстве, и при сем убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами»²⁵. «Возвышенные носы» указывают на то, что в жилах хуннов и китайцев того

времени текла кровь той загадочной расы, к которой принадлежали динлины и которую я склонен считать родственной европейской. Основатель династии Хань (206 год до Р.Х.) был также человеком не монгольского типа: «Гао-ди имел орлиный нос, широкий лоб и был одарен обширным соображением», читаем мы о нем в «Ган-му»²⁶.

Вытеснение динлинов из долины Желтой реки началось, вероятно, с того момента, когда в ней осели китайцы, но только в Чжоускую эпоху борьба между автохтонами и пришельцами приняла решительный характер.

Динлины имели сердца тигров и волков, говорят нам китайцы, удивлявшиеся их мужеству и воинской доблести. Из них они набирали отряды телохранителей, из них же составляли всегда авангард своих войск. Когда император Гао-цзу услышал одну из их воинских песен, то воскликнул: «С этой именно песнью Ву-ван (1122 до Р.Х.) одержал свою победу!» и велел обучить ей музыкантов²⁷. Ханьчжунский полководец Шан-цзи держал однажды следующую речь в защиту ба-ди: «Ба-ди семи родов имеют заслугу в том, что убили белого тигра. Эти люди — храбры, воинственны и хорошо умеют сражаться. Некогда цяны, вступив в округа и уезды Хань-чуань, разрушили их. Тогда нам на помощь явились ба-ди, и цяны были разбиты наголову и истреблены. Поэтому баньшунские мани и были прозваны «божественным войском». Цяны почувствовали страх и передали другим родам, чтобы они не двигались на юг. Когда же впоследствии цяны вновь вторглись с большими силами, то мы только при помощи тех же ба-ди несколько раз наносили им поражения. Цзян Цзюнь Фынь-гун, отправляясь в поход на юг против ву-ли, хотя и получил самые отборные войска, но мог совершить свой подвиг лишь при помощи тех же ба-ди. Наконец, когда недавно произошло восстание в области И-чжоу (Юньнань), то усмирить бунтовщиков помогли нам опять-таки ба-ди. Эти подвиги и т.д.»²⁸. Динлины были свободолюбивым и подвижным народом, они распались на множество, по-видимому, очень мелких родов²⁹ и собирались для отпора врагу лишь в редких случаях и притом на самое короткое время — это говорит нам вся их история. Китайцы только потому и побеждали их, что имели обыкновенно дело не со сплоченным народом, а с отдельными его поколениями; к тому же они пользовались их взаимными счетами и искусно натравляли их друг против друга. Что динлины не были склонны к подчинению,

выше всего ставя свою индивидуальную свободу, видно из того, что они без колебания бросали свою поработенную родину и расходились — одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежития. Так, они с течением времени добрались с одной стороны до бассейна Брампутры, Иравалли и Салуэна, а с другой до Байкала, Алтая и южной Сибири.

К концу V века до Р.Х. вытеснение динлинов из нынешних Чжидийской и Шаньсийской провинций закончилось³⁰. К этому именно времени и должно быть отнесено, согласно китайским сведениям, первое переселение их на север³¹ — в Маньчжурию, к озеру Байкалу и в Алтайско-Саянский горный район. Действительно, уже за 200 лет до Р.Х. хунны застали там несколько динлинских владений, которые и покорили³².

Сопоставляя эти данные с результатами палеозтологических исследований Талько-Грынцевича в западном Забайкалье, мы должны приурочить хуннов, отличавшихся, как мы уже знаем, выдающимися носами, к тому среднеголовому, сильно сложенному типу, который оставил после себя глубокие могилы с погребением в срубках, по форме своей напоминающих иногда современные гробы. Действительно, у китайцев мы находим указание, что хунны хоронили своих покойников в гробах³³.

Что же касается динлинов, то культ погребения отличался у них особенной сложностью. Заботы об умершем не прекращались у них иногда в течение многих лет, причем гробницы устраивались в этих случаях так, чтобы покойника возможно было время от времени навещать. Делалось это с различными целями и, между прочим, для соскабливания отгнившего мяса с костей³⁴. У некоторых родов динлинов трупы, впрочем, сжигались. Распространен был также обычай не сразу предавать земле умершего, а предварительно хоронить труп или кости во временной гробнице³⁵ до похорон, устраивавшихся всей общиной. Тогда вырывалась общая могила, в которой и слагались иногда останки сотни людей³⁶. Таково происхождение так называемых «маяков» — курганов обширных размеров, заключающих общую могилу со множеством трупов³⁷. О погребении киргизов (хагясов) говорится лишь, что кости покойников собирались у них по прошествии года и тогда уже предавались земле³⁸. Засим надлежит еще заметить, что в некоторых случаях динлины воздвигали на могилах высеченное из камня или

резанное из дерева изображение покойного³⁹ — обычай, перенятый у них впоследствии тюрками⁴⁰.

Последнее, отмеченное историей, переселение динлинов на север относится к концу IV века по Р.Х. Алтайско-Саянское нагорье было в это время уже наводнено тюрками, смешавшись с коими динлины и образовали народ уйгурский. На это указывают сами китайцы, писавшие, что уйгуры именовались в прежнее время ди-ли⁴¹. Это же подтверждается и рисунком в «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэн»⁴², изображающим уйгура человеком с толстым носом, большими глазами и с сильно развитою волосяною растительностью на лице и всем теле и, между прочим, с бородой, начинающейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями. Характерная особенность: уйгуры, подобно древним киргизам, носили серьги — обычай, распространенный у динлинов, но не у тюрков. В «Землеописании периода Тай-пин (976—984)» также говорится, что уйгуры лицом походили на корейцев⁴³. Наконец, припомним, что целый отдел уйгурского народа носил некогда название «желтоголовых» уйгуров, уцелевших, может быть, даже до наших дней в лице белокурых мачинцев Кэрийских гор⁴⁴.

Насколько быстро были утрачены уйгурами особенности динлинского типа — неизвестно, относительно же киргиз имеется следующее мерилло: в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза преобладали у них настолько, что «черные волосы считались нехорошим признаком, а (люди) с карими глазами почитались потомками (китайца) Ли-лин»⁴⁵; к XVII же веку, когда с ними впервые столкнулись русские, киргизы оказались уже совершенно иным народом — черноволосым и смуглым.

Столь быстрая утрата киргизами, да и другими племенами динлинской расы, своего первоначального типа объясняется, впрочем, до известной степени той политикой, которой по отношению к ним держались их турецкие и монгольские завоеватели; так, еще во времена хуннов часть динлинов уведена была на юг, в Наньшань, где, смешавшись с цянами и да-ху (?), и образовала племя цзы-лу⁴⁶, засим, в конце VII века хан Мочжо выселил часть киргиз из долины реки Енисея, а их земли передал тюркам⁴⁷; так же позднее поступил с ними и Хубилай⁴⁸. Других случаев выселения киргиз нам неизвестно, но и этих двух в связи с практиковавшейся тюрками и уйгурами заменой их родовой администрации тюркской, частыми войнами и воз-

мушениями, сопровождавшимися избиением мужчин⁴⁹ и уводом в плен женщин, вполне достаточно, чтобы объяснить огромную убыль киргизского народа, засвидетельствованную для XIII века «Юань-ши»⁵⁰. Абуль-гази же писал: «Настоящих киргиз осталось ныне очень мало; но это имя присваивают себе теперь монголы (тюрки?) и другие, переселившиеся на их прежние земли»⁵¹. С этим-то конгломератом разных народностей под общим именем киргиз и должны были столкнуться русские при занятии Енисейской долины.

В X веке среди киданей жило еще белокурое племя, шедшее всегда в авангарде их победоносных полчищ⁵²; засим даже в конце XVIII века среди маньчжур встречались, и притом, по-видимому, нередко, субъекты с светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой⁵³, ныне же среди тунгузских народностей⁵⁴ этот тип более не встречается⁵⁵. Он удержался, однако, далее к востоку, в северной Корее, где и до настоящего времени, по свидетельству de Rosny, Caries, Oppert'a, Лубенцова, Петровского и других, светлые глаза, рыжие волосы, густые бороды и кавказские черты лица — явление далеко не редкое.

На западе, где в прежнее время динлинский элемент был, по-видимому, более многочисленным, светловолосый тип сохранился полнее, хотя и здесь он вымирает быстро. Ядринцев находит, однако, еще возможным писать, что татарско-монгольский тип, господствующий в южном Алтае, превращается на севере, в лесах Бийского и Кузнецкого округов, в почти европейский. В частности, он указывает на кумандинцев, в особенности же на живущих вдаль и без всякого общения с русскими инородцев Мрасской долины, которые, будучи отделены от телеутов и других алтайцев монгольской расы кочевьями так называемых черневых татар, успели в полной мере сохранить свой первобытный тип; многие даже поражали его своими как лен белокурыми волосами и голубыми глазами⁵⁶. Свидетельство Ядринцева не стоит одиноко и подтверждается показаниями Радлова, Адрианова, Клеменца и других путешественников, встречавших белокурых инородцев в Алтайско-Саянском горном районе, мне же тип этот не попадался, хотя я и искал его среди туземного населения долин Кемчика и Чуи.

К северу и западу от Алтая светловолосый элемент удержался доныне среди так называемых енисейских остяков⁵⁷ и каза-

ков Большой, Средней и Малой орд. Антропологические исследования Зеланда показывают, что казаки представляют смешанное население, так как к основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, с широким лицом и с приплюснутым носом, с темными глазами, присоединился другой — рослый, бородатый, с горбатым носом, с длинным лицом и светлыми глазами⁵⁸.

Динлинский элемент сохранился еще кое-где и на южной окраине Внутренней Азии.

В то время как в Чжилийской и Шаньсийской провинциях динлины были истреблены уже в V веке до Р.Х.⁵⁹, к западу отсюда, в провинциях Шэньси и Ганьсу, они сумели удержаться еще около тысячелетия. В 350 году по Р.Х. им удалось даже объединиться и на короткое время, под управлением династии Фу, образовать в западной половине Китайской империи могущественное государство Цинь из областей, входящих ныне в состав провинций Ганьсу, Шэньси, Сычуань и Юньнань, причем 62 владетеля южного и восточного Китая принуждены были признать себя их вассалами. Но уже в 394 году вследствие внутренних неурядиц это эфемерное царство распалось⁶⁰. Впоследствии получило некоторое значение другое динлинское владение — Ву-ду⁶¹, но и оно пало в 506 году в непрерывной борьбе с северным и южным Китаем. Засим динлины выступили еще раз на историческое поприще во второй половине X века, когда, имея во главе князей из монгольского дома Тоба, основали в Ордосе и Алашани царство Ся. Население этого государства, победоносно вышедшего из борьбы с китайцами и киданями, сумевшего поладить с чжурчженями и покоренного лишь монголами, было смешанным из монголов (тугухунь)⁶², китайцев, хуннов, тюрков шато и тукиэ⁶³, но ядро его составляли потомки динлинов, сами себя называвшие ми-хоу⁶⁴, у окрестных же народов более известные под именами: «минак» или «миняг» у тибетцев⁶⁵, «дансян» у китайцев и «тангут» у монголов и тюрков⁶⁶.

Что ми-хоу или, как их называет Hodgson⁶⁷, маниаки были потомками древних динлинов, видно из следующего:

Дансяны, обосновавшиеся в Ордосе, выселились сюда из долины Таохэ в 660 году под напором тибетцев⁶⁸.

У китайских историков мы находим указание, что дансяны, жившие в горах, служащих водоразделом рек Таохэ и Вэйшуй, были потомками динлинов бома царства Ву-ду⁶⁹ и что соседив-

шие с ними на западе байланские цяны были также известны тибетцам под именем динлинов⁷⁰.

Наконец, что племя миняг было не тибетского происхождения, подтверждает с своей стороны и Миньчжун-хутукта⁷¹.

Такой племенной состав Тангутского государства (Ся-го), в особенности же преобладание в нем динлинского элемента объясняет нам и происхождение современного типа ганьчжунского тангута, который ближе подходит к кавказскому, чем к монгольскому⁷².

Перехожу к той части инородческого населения южного Китая, которая известна под именем маней.

«Мань» не составляет этнического названия: оно означает лишь жителя лесов в отличие от «тань» — жителя безлесных гор и плоскогорий. Под этим именем у китайцев известны мелкие племена, по типу принадлежащие к различным расам, преимущественно же к монгольской и той, которая близко стоит к европейской, по языку же, согласно классификации Cust'a, к семействам тибето-бирманскому⁷³, мон-аннамскому и тай.

Выделить из числа маней племена европейской расы, а тем более такие, которые представляют смешанный тип, благодаря малому знакомству нашему с южным Китаем, пока невозможно; безусловно, однако, должны считаться потомками динлинов, кроме ныне уже отибетившихся поколений, ведущих свое происхождение, согласно китайским данным, от ба-ди, иначе — баньшуньских, бацзюньских и наньцзюньских маней, также — цзе-цяны, яо-мяо, вони⁷⁴ и рыжеволосые е-жень и путэ.

Рыжеволосый элемент и до настоящего времени удержался кое-где в юго-западном Китае, в глухих ущельях Гималаев и Индокитайских гор. По крайней мере такого рода указания мы находим у архим. Палладия Кафарова⁷⁵ и Потанина⁷⁶. Засим, о «тангутах»⁷⁷ окрестностей Лавранского монастыря, в Амдо, Бадзар Барадийн говорит как о народе типом лица, а иногда и белокурым цветом волос, в сильной степени напоминающем европейцев⁷⁸. Аналогичное замечание находим мы и у Desgodins: «On rencontre aussi un certain nombre d'individus au Thibet qui ont absolument le type caucasique ou européen, surtout dans leur jeunesse: figure ovale, front droit, yeux grands et horizontaux, pommettes non saillantes, nez aquilin. Une autre observation est celle-ci: c'est que presque tous les enfants à leur naissance ont les cheveux d'un brun pâle qui disparaît peu à peu et tourne au noir brillant vers l'âge de dix à douze ans. Quelques-uns concernent la couleur châtain

foncé toute leur vie. Les yeux thibétains sont bruns ou d'un jaune très foncé»⁷⁹. Наконец, Legendre пишет: «Ce type (Lolo) est généralement de haute taille, de 1 m. 70 à 1 m. 80, d'une rectitude parfaite, au tronc conique avec épaules larges, très effacées. Les membres supérieurs et inférieurs sont de proportions harmonieuses et bien développés. Autres caractéristiques: front haut et droit avec face régulière sans saillie des apophyses zygomatiques, donnant un ensemble d'un ovale parfait; oeil non oblique *plutôt clair* que marron à fente horizontale; sourcils très arqués avec plis frontaux interorbitaires profonds, affectant le plus souvent la forme d'un accent circonflexe; nez fin et busqué, à l'arête médiane très marquée; bouche bien dessinée, aux lèvres finement ourlées; menton droit, gracieusement arrondi, chez les femmes surtout, cou long et gracile. La couleur de la peau est généralement *blanche* avec teint très basané. Les jeunes filles présentent souvent un teint *rosé* sur le fond halé par le grand air. *L'oeil bleu foncé n'est point rare*⁸⁰; les cheveux sont noirs et très épais. Le type Lolo pur est un dolichocéphale»⁸¹.

Но если светлый цвет волос и утрачен многими поколениями, ведущими свое происхождение от динлинов, то того же нельзя сказать о других особенностях динлинского типа: высоком росте, могучем телосложении и чертах лица кавказского типа. Этими особенностями отличаются еще многие племена южного Китая; их подметили и о них, помимо китайцев⁸², согласно показывают почти все посетившие эту страну европейские путешественники: Colborne Baber⁸³, Desgodins⁸⁴, Francis Garnier⁸⁵, Kreitner⁸⁶, Rockhill⁸⁷, Bons d'Anty⁸⁸, Thorel⁸⁹, Deblenne⁹⁰, Козлов⁹¹ и другие.

Вышеизложенным ограничиваются те данные, которые в своей совокупности могут служить ответом на поставленный Топинаром вопрос.

Но к какому же типу следует отнести это белокурое племя Внутренней Азии?

Kollmann заметил о черепах, взятых из восточносибирских курганов, что хотя они и долихоцефальные, но отличаются от черепов европейских, имея специально азиатскую форму⁹².

Значит ли это, что динлины принадлежали к другой расе, чем белокурые европейцы, или только, что под воздействием монгольского элемента белокурая раса Средней Азии получила такие специфические особенности, которые выделяют ее из европейской среды? Ответа на этот вопрос мы пока не имеем, но для правильной оценки высказанного Kollmann'ом мнения надлежит принять во внимание нижеследующее:

Длинноголовый тип не может считаться пришлым в Среднюю Азию, так как он существовал там уже в неолитический период, по форме черепа напоминая низшие — канштадтскую и эгизгеймскую — расы Европы.

Белокурые народы Средней Азии⁹³ характеризуются следующими признаками: рост средний, но часто высокий (киргизы IX века, черные лоло), плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо (усуни); цвет кожи белый (ярко-белый у киргиз)⁹⁴ с румянцем на щеках (киргизы, черные лоло, амдосцы); белокурые волосы прямые, но иногда и кудрявые (енисейские остяки); нос выдающийся вперед, прямой, часто орлиный (енисейские остяки, хэй-лоло, многие отибетившиеся поколения Амдо и долин верхнего Янцзыцзяна); светлые глаза (динлины, усуни, киргизы, динлины(?) среди киданей, маньчжуры в XVIII веке, енисейские остяки, некоторые маньские племена). Это те же признаки, которые характеризуют и белокурую расу Европы. Возможно ли, однако, допустить сосуществование двух рас, различных по происхождению, но одаренных одинаковыми физическими признаками и психическими особенностями?⁹⁵ Конечно, нет.

Склоняясь к тому, что динлины составляли обособившуюся ветвь белокурой европейской расы, я не могу обойти молчанием и вопроса об их языке.

Язык енисейцев и, конечно, их предков динлинов⁹⁶, представляет, как выразился Ramstedt, «eine kleine bunte Oase zwischen den einförmigen, einfachen agglutinierenden Sprachen aller ihrer Nachbarn»⁹⁷, причем неизвестно даже, в какую семью языков правильнее было бы его отнести⁹⁸.

Но какое же значение может иметь этот факт при разрешении расового вопроса?

Языки, одни — целиком, другие — частью, передаются от одной расы к другой, от одного народа к другому, причем утрата родного языка происходит тем скорее, чем он труднее для усвоения, менее выработан и приспособлен к передаче бесконечных оттенков мысли. Закон этот общий и распространяется в одинаковой мере на победителей и побежденных. Примером могут служить, не говоря уже о динлинах, маньчжуры, утратившие свой язык, нейстрийские франки, перенявшие галло-римское наречие, ославянившиеся болгары, народы, известные у нас под общим именем кафров, говорящие на языке «банту», но отличающиеся друг от друга по типу, и т.д. Остается также

открытым вопрос, которая из четырех рас, одновременно населявших Европу, говоря на праарийском языке, сумела передать его остальным трем. Всего вероятнее, что это не были длинноголовые блондины⁹⁹, а если так, если вместе с тем подтвердится и общность происхождения европейских и азиатских блондинов, то вопрос о динлинском языке получает совершенно особый интерес и значение.

Лингвистические признаки, как говорит Брока¹⁰⁰, дают только указания, но не решение вопроса о различии или общности происхождения народов. Не будучи постоянными, признаки эти раскрывают лишь одну из фаз, пройденных историей рас. Они столь же драгоценны, как данные истории и этнические и археологические признаки, но их нельзя сравнивать с анатомическими и физиологическими признаками, сохраняющимися, несмотря на скрещивание и влияние окружающей среды, а эти последние не противоречат гипотезе о принадлежности динлинов к белокурому европейскому типу.

СПб. Январь. 1908

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалом для последующих строк служили печатавшиеся в Протоколах и Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества отчеты Талько-Грынцевича о произведенных им в западном Забайкалье раскопках. Сводные данные результатов этих раскопок читатель найдет в вып. 1 тома VIII означенных «Трудов» (1905), а также в статье *Talko-Hryniewicz* «Materialy do paleoetnologii mogil Azyi Wschodniej», помещенной в «Materialy antrop.-archeol. i etnograf. Akad. Umiejtnosci w Krakowie», III, Dz. 1.

² Адрианов. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска // Известия Импер. Русск. Географического общества. 1883. Вып. 3. С. 250; Клеменц. Древности Минусинского музея. С. 28—29. На европейский тип лица енисейских киргиз указывает и легенда, записанная ок. 1050 года Гардизи (*Бартольд*. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. С. 108), о происхождении киргиз от славян.

³ Северное Принаньшанье представляет узкий пояс оазисов, вкрапленных в пустыню. Я считал поэтому недопустимой гипотезу о существовании на этой территории бок о бок двух таких могущественных племен, как усуней и юечжи (Описание путешествия в Зап. Китай. III. С. 27). Если бы еще, как допускал это Lassen (*Alterthumskunde von India*. III. С. 368), кочевья юечжей проникали внутрь Наньшаньского нагорья, охватывая бассейн верховий Желтой реки! Но этого не было, ибо, если верить Чжан Цяню, кочевья усуней и юечжи занимали область между Дунь хуаном и хр. Циляншань (*Shiratori*. Ueber den Wu-sun Stamm in Centralasien // Keleti

Szemle. 1902. III. С. 103) и граничили на юге с владениями жо-цянов (в хр. Алтын-таг) и других цянских поколений (в горных долинах Наньшаня); последнее видно из следующего места Хань-шу: «Die übrigen kleinen Leute, die zusammen nicht flüchten konnten, unterwarfen sich das Volk K'iang in dem Nan-schan». (*Shiratori*. Op. cit. С. 106). Вот почему я придал большее значение, чем оно того заслуживало, тому месту «Си-ши-цзи», где говорится о местности к западу от Каракорума как древней усуньской земле (*Bretschneider*. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. I. С. 123). Замечание же о. Иакинфа (Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. III. С. 6), что Лаошан нанес поражение юечжам уже в пределах Западного Туркестана, и приведенная тем же автором выдержка из Шы-цзи об убийстве усуньского гуньмо хуннами (Op. cit. III. С. 12) внесли такой хаос в китайские известия об усунях и юечжи, что для того, чтобы согласовать их, мне пришлось пренебречь несоответствием некоторых хронологических данных. Согласно Шы-цзи (*Иакинф*. Указ. соч. III. С. 7) и пояснений о. Иакинфа (там же), бегство юечжи на запад произошло за два с небольшим столетия до Р.Х., ввиду чего последующие столкновения с ними хуннов должны были происходить уже в Притяньшанье, чему не противоречило и письмо Модэ к китайскому императору (*Иакинф*. Указ. соч. I. С. 23). А так как опубликованные Иакинфом выдержки из китайских летописей не говорят ни о кровавых распрах, происходивших между юечжами и усунями в долине Булунцзира, ни о бунтах усуней, которые могли бы вызвать со стороны хуннов такую меру, как убийство гуньмо, то вывод, к которому я пришел, а именно, что шанью, убивший старого гуньмо, а затем воспитавший его сына и поручивший последнему «охрану границы при западной стене», был Модэ, был логически правильным, хотя и не вполне согласовавшимся с датой смерти (105 г. до Р.Х.), этого второго гуньмо. Но ведь в темную историю усуней, написанную Чжан Цянем со слов хуннов, могла и вкратце такая ошибка, как отождествление гуньмо, приведшего свой народ к оз. Иссык-Кулю, с гуньмо, правившим этим народом в чжанцянево время! Ныне все эти противоречия до известной степени рассеяны Ширатори (Op. cit.).

⁴ *Аристов*. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. С. 121, а также: Живая старина. 1894. Вып. III и IV. С. 459 и след.; *Shiratori*. Op. cit. С. 135—140.

⁵ *Иакинф*. Указ. соч. I, 2. С. 443.

⁶ В «Вэй-лэ» говорится, однако, что сами себя ли называли хо-чжэ (*Chavannes*. Les pays d'Occident d'après le Wei-liao // T'oung-Pao. Série II. Vol. VI. 1905. P. 522).

⁷ *Д.Позднеев* (Исторический очерк уйгуров. С. 11) пишет: «даже самое имя динлин звучит в позднейшем (?) дили». См. также выше, где говорится: по Бэй-Вэйской истории динлины потомки чи-ди.

⁸ Имя динлин хотя и появляется в истории позднее чи-ди, но не в IV веке по Р.Х., а в конце III века до Р.Х. См.: *Иакинф*. Указ. соч. I, 1. С. 17.

⁹ *Shiratori* (Die chinesische Inschrift auf dem Gedenkstein des K'ue-t'e-k'in am Orkhon. Tokio, 1899. С. 6, прил.) переводит это место в следующих выражениях: «In der Region der sandigen Grenzlande, in der Ting-ling Heimatland, erhoben sich kriegerische Helden unter euren früheren Königen». Той части надписи, которая нас интересует, Schlegel (La stèle funéraire du Teghin Gi-

- ogh // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1892. III. С. 54) дает такой перевод: «Dans la région de Cha-sai, dans le pays de Ting-ling», etc., не сопровождая его каким-либо указанием на бывшее местонахождение страны Шасай. Васильев первоначально переводил ее так: «Im sandigen Nachbarreiche, im Vaterlande (des Volkes) Ting-ling» (*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. 1895. С. 168), но засим заменил этот перевод менее определенным: «В заграничном песчаном царстве, родине (народа) Дин-лин» (*Сборник трудов орхонской экспедиции*. 1897. III. С. 7).
- ¹⁰ «Есть еще Байланские цяны, которых туфанцы называют динлинами» (*Иакинф*. История Тибета и Хухунора. I. С. 242).
- ¹¹ *Chavannes*. Les pays d'Occident d'après le Wei-lio // *T'oung-Pao*. II série. Vol. VI. 1905. P. 528.
- ¹² Ныне уезд Чэнсянь области Цзечжоу, в пров. Ганьсу.
- ¹³ *Ивановский*. Материалы для истории инородцев юго-западного Китая. I. 12. С. 100. См. также: *Chavannes*. Ibid. С. 521.
- ¹⁴ *Ивановский*. Указ. соч. I. 1. С. 15—16; *d'Hervey de Saint-Denys*. Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin. II. С. 51—53.
- ¹⁵ *Pfizmaier*. Die Unternehmungen der früheren Han gegen die südwestlichen Fremdgebiete // *Sitzungsberichte d. Kais. Akad. d. Wissenschaften*. Phil.-hist. Classe. V. 45. 1864. S. 297.
- ¹⁶ *Chavannes*. Ibid.; *Ивановский*. Там же. С. 100.
- ¹⁷ *Schott*. Ueber die ächten Kirgisen // *Abhandlungen der phil.-hist. Klasse d. Königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin*. 1864. С. 472; *Chavannes*. Documents sur les Tou-kieu occidentaux // *Сб. трудов орхонской экспедиции*. VI. 1903. С. 29.
- ¹⁸ *Hirth*. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk // *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. 2-te Folge. 1899. С. 40; см. также: *Васильев* // *Сб. трудов орхонской экспедиции*. 1897. III. С. 15.
- ¹⁹ Ма Дуань-линь упоминает, однако, об одной ветви племени бо-ма, жившей к западу от Шу (Чэн-ду-фу) и к востоку от Жаньмань (Маочжоу). См.: *Ивановский*. Там же. С. 93—94; *Pfizmaier*. Ibid. Не княжество ли это Боми по р. Ланьцаньзян, о котором пишет Крейтнер (*Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien*. 1877—1880. I. С. 290)? См. также: Миньчжул-хутукта. География Тибета. С. 41.
- ²⁰ Северные бома были также известны под именами би-цэ и о-ло-чжэ (ngo-lo-tche; ср. с наименованием нголок — народа, живущего ныне в верховьях Хуанхэ). См.: *Chavannes*. Documents sur les Tou-kieu occidentaux // *Сб. трудов орхонской экспедиции*. VI. 1903. С. 29.
- ²¹ *Legge*. The Chinese classics. IV. С. 484 (цит. по de Harlez).
- ²² Les religions de la Chine // *Le Muséon*. 1891. X. С. 158; La nationalité du peuple de Tcheou // *Journal Asiatique*. 8 série. 1892. XX. С. 335—336. См. также: *Terrien de Lacouperie*. Les langues de la Chine avant les chinois // *Le Muséon*. 1888. VII. С. 215.
- ²³ *Ивановский*. Указ. соч. I. 2. С. 99.
- ²⁴ *T'ang Tsai-fou*. Les mariage chez une tribu aborigène du Sud-Est du Yun-nan // *T'oung-Pao*. Série II. Vol. VI. 1905. Passim.
- ²⁵ *Иакинф*. Статистическое описание Китайской империи. II. С. 74—75.
- ²⁶ *Иакинф*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. С. 19.

- ²⁷ *Ивановский*. Указ. соч. I. 1. С. 19.
- ²⁸ *Ивановский*. Там же; *d'Hervey de Saint-Denys*. Op. cit. II. С. 57—58.
- ²⁹ *Plath*. Fremde barbarische Stämme im alten China. С. 464; *Георгиевский*. Первый период китайской истории. С. 237.
- ³⁰ *Plath*. Op. cit. С. 457—471.
- ³¹ *Георгиевский*. О корневом составе китайского языка в связи с вопросом о происхождении китайцев. С. 68, 79.
- ³² *Иакинф*. Указ. соч. I. 1. С. 17.
- ³³ *Иакинф*. Там же. С. 16.
- ³⁴ *Ивановский*. Указ. соч. I. 2. С. 92. Ср. с описанием харгойской могилы, сделанным Агапитовым в «Известиях Вост.-Сиб. Отдел. Импер. Русск. Геогр. общ.». XII. № 4, 5. Обычай соскабливать мясо с костей существовал и в Европе (*Нидерле*. Человечество в доисторические времена. С. 81, 148, 272).
- ³⁵ *Ивановский*. Указ. соч. I. 1. С. 90.
- ³⁶ *Ивановский*. Указ. соч. I. 2. С. 96—97.
- ³⁷ См., например: *Андрианов*. Путешествие на Алтай и за Саяны // Записки Импер. Русск. Геогр. общ. 1888. XI. С. 388. Ср. *Нидерле*. Человечество в доисторические времена. С. 82 (пещеры погребения), 128—129 (ossuarium в дольменах).
- ³⁸ *Schott*. Op. cit. С. 435; *Иакинф*. Указ. соч. I. 2. С. 446.
- ³⁹ *Ивановский*. Указ. соч. I. 2. С. 5—6, 31, 77.
- ⁴⁰ Думаю, перенятый тюрками, а не наоборот, так как иначе трудно было бы объяснить себе существование того же обычая у потомков динлинов, населяющих южный Китай.
- ⁴¹ *Иакинф*. Указ. соч. I. 2. С. 246—248. Также сказано: «гао-гюйцы суть потомки древнего поколения Чи-ди» (там же). Этой версии противоречит, однако, «Тан-шу», где говорится, что в IV веке уйгуры именовались телэ (*Chavannes*. Documents sur les Tou-kioüe occidentaux. С. 87). Так как уйгуры сменили на р. Селенге хуннов, то им и должны принадлежать могилы, содержащие черепа, в среднем выводе, подкороткоголового типа. Вывод этот сложился благодаря женским черепа преимущественно короткоголового типа, что указывает как будто на то, что народ подлинноголового типа (динлины), победив короткоголовое племя (тюрков), присвоил себе их женщин. По росту субъекты этого типа могил также различались между собой, так как в них наряду с очень высокими (184 см) попадались индивидуумы и весьма низкого роста (135 см). (*Талько-Гринцевич*. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами // Труды Троицкос.-Кяхт. отд. Приамурск. отдела Импер. Русск. Геогр. общ. 1905. VIII. 1. С. 40). Последнее согласуется с указанием «Тан-шу» на малый рост уйгуров (*Chavannes*. Ibid.).
- ⁴² Тот же рисунок помещен и в «Сань-цзай-ду-хуй» См.: *Грумм-Гржимайло*. Описание путешествия в Западный Китай. Т. III. С. 63; *Позднеев Д.* Историч. очерк уйгуров; *Schlegel*. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara-Balgassun // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1896. IX.
- ⁴³ *Schott*. Zur Uigurenfrage // Abhandlungen der königl. Akad. der Wissensch. zu Berlin. Phil.-hist. Klasse. 1875. С. 48; *St. Julien*. Notices sur les pays et les peuples étrangers // Journal Asiatique. 4 série. 1847. IX. P. 199.
- ⁴⁴ *Пржевальский*. Четвертое путешествие в Центральной Азии. С. 420 и след.

Белокурая раса

- ⁴⁵ *Иакинф*. Собр. свед. о нар., обит. в Ср. Аз. в древн. вр. I. 2. С. 443.
- ⁴⁶ *Chavannes*. Les pays d'Occident d'après le Wei-lio // T'oung Pao. II série. VI. 1905. P. 525—526. Ср. с. 520.
- ⁴⁷ *Radloff*. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1895. III. С. 425, 441—442.
- ⁴⁸ *Schott*. Ueber die ächten Kirgisen // Abhandl. d. königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin. 1864. С. 461.
- ⁴⁹ Уже в «Тан-шу» мы находим указание, что у киргиз «мужчин было менее, нежели женщин» (*Иакинф*. Указ. соч. I. 2. С. 443).
- ⁵⁰ *Schott*. Ibid. С. 453.
- ⁵¹ *Schott*. Ibid. С. 445.
- ⁵² *Schott*. Ibid. С. 444.
- ⁵³ *Barrow J.* Travels in China. 1804; цит. по *Топинару*. Антропология. С. 441.
- ⁵⁴ Кидани принадлежали, впрочем, к числу смешанных племен с преобладанием, если судить по языку, монгольского элемента. См.: *Shiratori*. Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker // Известия Импер. Акад. наук. 1902. XVII. 2. С. 19—29.
- ⁵⁵ О длинноголовых среди тунгусов см.: *Schrenck L.* v. Reisen und Forschungen im Amur-Lande. III. Die Völker des Amur-landes. I. С. 304—310.
- ⁵⁶ Об алтайцах и черневых татарах // Известия Импер. Русск. Геогр. общ. 1881. XVII. 4. С. 233.
- ⁵⁷ *В. Анучин* (Предварительный отчет по поездке к енисейским остякам в 1905 году // Известия Русск. комитета для изучения Средн. и Вост. Азии в историч., археолог., лингвист. и этнограф. отношениях. 1906. № 6. С. 43—44), между прочим, пишет: «Я видел несколько остяков, которых по внешнему виду всякий отнесет к арийцам». Дети их часто белокуры, но с годами волосы их темнеют; встречаются и курчавые. Прорез их глаз, нередко серых и голубых, — открытый и горизонтальный. Нос у них прямой и тонкий, но попадают субъекты и с орлиными носами и даже курносые.
- ⁵⁸ Цитировано по *Крживицкому*. Антропология. С. 346. Ср. *Strahlenberg*. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in soweit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, etc. Stockholm, 1730. С. 165, который утверждает, что в его время казаки были по преимуществу рыжеволосым народом.
- Всего вероятнее, что эту примесь дали не усуней, которые оттеснены были жеужанями из центрального Тянь-Шаня на юг (о *Иакинф*. Указ. соч. III. С. 162), а динлины, с которыми хунны столкнулись к югу от оз. Байкала, но которые, судя по китайским известиям, позднее, а именно уже в III веке, населяли местность к северу от Кангюя, т. е. южную Сибирь. Об этих динлинах в «Сань-го-чжи», т. е. в «Истории периода трех государств», говорится, что они могли выставить 60 тысяч человек отборного войска и занимались скотоводством. Ошибка, пишется далее в том же источнике, смешивать их с динлинами, живущими к северу от (прежних кочевий?) хуннов. Так как эти динлины живут к югу от северного моря, а северные динлины к западу (к северо-западу?) от усуней, то ясно, что это не один и тот же народ. Впрочем, и происхождение их, по-видимому, разное (*Позднеев Д.* Исторический очерк уйгуров. С. 9; *Chavannes*. Les pays d'Occident d'après le Wei-lio // T'oung-Pao. Série II. 1905. Vol. VI. P. 560—561). *Chavannes* справедливо замечает, что в данном случае китайский автор хотел согласовать новейшие сведения о динлинах с более ранними; ничто, однако,

не подтверждает факта существования этого народа к югу от оз. Байкала позднее хуннской эпохи; наоборот, общий ход исторических событий и раскопки в долине р. Селенги указывают, что динлины были вытеснены отсюда еще хуннами и, вероятно, тогда же удалились на запад.

⁵⁹ *Plath*. Die fremden barbarischen Stämme im alten China. С. 463, 465 и след.

⁶⁰ *Иакинф*. История Тибета и Хухунора. I. С. 113—119.

Впрочем, и в более раннее время динлины достигали иногда значительно-го могущества; так, в эпоху Чжань-го (480—223 до Р.Х.) один из их князей вел борьбу с другими претендентами на императорский престол (*Plath*. Op. cit. С. 463).

⁶¹ См. выше. Замечательно, что здесь до настоящего времени удержалась княжеская династия Ян, не забывшая былого могущества царства Ву-ду (*Потанин*. Тангутско-тибетская окраина Китая. I. С. 243). Таким образом, так называемые тангуты ведомства Ян ту-сы должны считаться прямыми, хотя и отибетившимися, потомками динлинского рода бома. О динлинах Ву-ду китайцы упоминают и позднее, а именно под 1074 годом (*Ивановский*. Указ. соч. I. I. С. 151).

⁶² См.: *Грум-Гржимайло*. Описание путешествия в Зап. Китай. III, где на с. 50—60 доказывается, что тугухунь были монголами и что прямыми их потомками являются чжаоры (далды). Ср.: *Schiratori K*. Op. cit. С. 8 и след.

⁶³ *Devéria*. L'écriture du royaume de Si-hia ou Tangout // Mémoires présentés par divers savants à l'Acad. d. inscript. et belles-lettres. I série. XI. 1. 1898. P. 170.

⁶⁴ *Pfizmaier*. Die fremdländischen Reiche zu den Zeiten der Sui // Sitzungsberichte d. Kais. Akad. d. Wiss., philos.-hist. Classe. 1881. В. 97. S. 452.

⁶⁵ *Schmidt*. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi. С. 388; *Васильев*. История и древности восточной части Средней Азии с X по XIII в. // Труды восточ. отд. Импер. Археологического общ. 1859. IV. С. 86. Даже царство Тангутское называли они Минягским. См.: *Huth*. Geschichte der Buddhismus in der Mongolei. II. С. 27. Монголам наименование «миняг» было, однако, также известно; так, у Санан-Сэцэна читаем: «Den tangutischen Tschingssang-Nojan liess er hinrichten und brachte das Volk Minak zur Ruhe und Ordnung» (*Schmidt*. Op. cit. С. 121; см. также с. 103, 287).

⁶⁶ О физических особенностях населения царства Ся нам почти ничего неизвестно. Только о Тоба Юань-хао говорится, что он имел средний рост и возвышенный нос. Марко Поло о тангутках рассказывает: «Les femmes sont moult belles et blanches de toutes façons» (*Pauthier*. Le livre de Marco Polo. I. С. 205).

⁶⁷ Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet. II. С. 65.

⁶⁸ *Иакинф*. История Тибета и Хухунора. I. С. 241.

⁶⁹ *Иакинф*. Там же. Сноска вторая.

⁷⁰ *Иакинф*. Там же. С. 242.

⁷¹ «На восток, по переправе из Литана через р. Наг-чу, находится царство Миняг... Жители этой страны не суть настоящие тибетцы». Они отличаются от последних наружностью и языком (География Тибета. С. 46).

Тюрки, по-видимому, также видели в тангутах отдельный от тибетцев народ. Об этом свидетельствует надпись на памятнике в Кошо-Цайдаме, поставленном в 734 году тюркскому кагану Могилянью (*Радлов и Мелиоранский* // Сборник трудов Орхонской экспедиции. 1897. IV. С. 24, 17).

Белокурая раса

⁷² Пржевальский (Монголия и страна тангутов. I. С. 223) нашел у них некоторое сходство с цыганами. То же утверждает и Bell (The great Central Asian trade route from Peking to Kashgaria. С. 68).

⁷³ К этому семейству относятся и миняги.

⁷⁴ Отсылаю читателя к прекрасному бытовому очерку «Le mariage chez une tribu aborigène (ho-ni) du sud-est du Yun-nan», помещенному в «T'oung-Pao», II série. Vol. VI. 1905. P. 572—622, в переводе с китайского T'ang Tsai-fou. О физических особенностях этого племени Francis Garnier («Voyage d'exploration en Indo-Chine. I. С. 437; цит. по: *Devéria. La frontière sino-annamite. С. 136—137*) пишет следующее: «Ils (Hoh-ni; вони у Ивановского) ressemblent comme costume aux Khas-khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les têtes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental».

⁷⁵ О торговых путях по Китаю и подвластным ему владениям // Записки Имп. Русск. Геогр. общ. 1850. IV. С. 257—258.

Вэй-юан, составивший план обороны Китая со стороны современной Индии, говорит, между прочим, и о путях, ведущих от юго-западного участка юньнаньской границы в эту последнюю. По его словам, эти пути идут в обход территории неподвластных Китаю рыжеволосых дикарей. Что это за племя — неизвестно, но едва ли он разумел при этом качинов (это светловолосое племя, как теперь думают, иранского происхождения), так как последние живут севернее, а именно, в долине верховий р. Иравади.

⁷⁶ Известия Имп. Русск. Геогр. общ. 1899. IV. С. 390.

⁷⁷ Рокхиль заметил, что вслед за монголами мы неправильно прилагаем наименование «тангут» к племенам, хотя и говорящим по-тибетски, но по своему происхождению отличным от тангутов (В страну лам. С. 53). Полагаю, что это замечание заслуживает того, чтобы на него было обращено самое серьезное внимание.

⁷⁸ Путешествие в Лавран // Известия Имп. Русск. Геогр. общ. XLIV. 1908. С. 202. Между прочим, он пишет: «Между ними часто попадаются бородачи и усачи и люди с совершенно белым цветом кожи лица». См. также табл. V, прилож. к отчету Б. Барадийна, — фотографический снимок с перерожденца Гоман-цан, совершенно устраняющий сомнения в том, что в Амдо до сих пор сохранился еще европейский тип.

⁷⁹ Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires. С. 255. (2-е изд.).

⁸⁰ «Вернейшим указателем присутствия белокурого типа в крови служат голубые глаза» (Топинар. Антропология. С. 439).

⁸¹ Deux années au Setchouen. 1906. P. 476. Цит. по: *Cordier. Les Lolos ... // T'oung-Pao. Série II. Vol. VIII. Déc. 1907. P. 682—683.*

⁸² См., например, Bridgman, который под названием «Sketches of the Miautsze» напечатал в «Journ. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», 1859, III, Dec., выдержки из одного китайского сочинения об инородцах южного Китая. О голо (т.е. лоло) в этом сочинении говорится: «Они высоки ростом, смуглы, имеют впалые глаза, орлиный нос, отпускают длинные бакенбарды, но сбивают усы». (Цит. по: *Cordier. Les Lolos ... // T'oung-Pao. P. 599; см. мое примечание 81*). Тем же китайским источником пользовался и Playfair (The Miaotzu of Kweichou and Yunnan from Chinese-Descriptions // China Review. V. 1876. P. 97).

⁸³ На с. 58 «Travels and Researches in the interior China» (цит. по: *Devéria. La frontière sino-annamite. С. 143*) вот что он пишет о хэй-лоло: «Черные лоло

ростом значительно превосходят китайцев; возможно даже, что в этом отношении они превосходят любой из европейских народов. Почти без исключения они превосходно сложены, очень стройны, с сильно развитой мускулатурой. Их неутомимость и та легкость, с какой они взбираются на крутые утесы своих гор служат издавна темой для китайских пословиц. Их большие, горизонтально расположенные глаза придают особую выразительность их овалному, смуглому от загара лицу. Их скулы выдаются мало, их орлиный нос довольно широк, их подбородок заострен и очень характеристичен».

⁸⁴ Op. cit. О мосе или мосо *Desgodins* пишет: «Quand aux traits physiques, ils sont bien altérés et ne représentent plus le vrai type mosso; cependant on peut encore le reconnaître à certains caractères: front plus fuyant, nez plus aquilin, les os maxillaires inférieurs moins écartés, menton plus fuyant que chez le thibétain. Ces différences donnent quelque chose de plus délicat à la figure des enfants et des jeunes gens» (С. 256).

⁸⁵ На с. 437 «Voyage d'exploration en Indo-Chine», I (цит. по: *Devéria*. Op. cit. С. 136) он пишет о вони (ho-nhi) следующее: «Ils ressemblent comme costume aux Khas-khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les têtes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental».

⁸⁶ Op. cit. С. 293 (о племени Ра-уü).

⁸⁷ В страну лам. С. 120, 159.

⁸⁸ См.: *Cordier*. Op. cit. С. 625.

⁸⁹ В «Voyage d'exploration en Indo-Chine», II, с. 324—327, *Thorel* поместил под заглавием «Savages à type caucasique du Sud de la Chine» антропологическую заметку о черных лоло, из коей я извлекаю следующие существенные места.

Черные лоло кавказского типа походят на индо-европейцев не только физически, но и костюмом, весьма отличным от костюма окрестных племен. Они высоки ростом и отличаются могучим мускулистым телосложением. Их плечи широки, корпус перехвачен в пояснице, а не представляет четвероугольный обрубок, как у большинства индокитайских племен. Эта последняя особенность характеризует главным образом женщин, обуславливая грациозность всех их движений. Их конечности отличаются пропорциональностью и очень развитыми мышцами. Цвет их кожи — смуглый, но светлее, чем у индусов. Черты их лица энергические, выразительные и законченные; лицо правильное, овальное, с довольно высоким и прямым лбом, покатым только в верхней своей части, и явственно выраженными лобными буграми и надбровными дугами. Глаза впалые. Нос прямой, иногда с горбинкой. Рост средний, реже — небольшой, с тонкими губами. Челюсти ортогнатичны. Зубы ровные, вертикально поставленные, средней величины, прочные. Подбородок довольно широкий, выдающийся. Борода густая, почти всегда курчавая или волнистая, переходящая на шею, чего у монголов никогда не бывает. Брови также густые.

Женщины силой и внешностью вполне соответствуют мужчинам и, несмотря на свой высокий рост, отличаются чрезвычайно легкой походкой. Без сомнения, смешением с этими дикарями должен быть объяснен тот общепризнанный факт, что китайцы являются народом, в жилах которого течет немало крови белой расы.

⁹⁰ «Лоло показали мне среднеголовыми с наклоном к длинноголовос-

Белокурая раса

ти, сильнее всего выраженной у «го-бу». (*La mission lyonnaise d'exploration commerciale en Chine. 1895—1897. P. 375; цит. по: Cordier. Op. cit. C. 667*).

⁹¹ Монголия и Кам. I. 2. С. 272.

⁹² Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie (Moscou, 1892). II. Procès verbaux. P. 29.

⁹³ У китайцев под именем «рыжих» известны все нечерноволосые племена, начиная с белокурых и кончая темнорусыми.

⁹⁴ *Schott. Ueber die ächten Kirgisen. C. 432.*

⁹⁵ Я уже имел случай говорить о том, что динлины отличались очень развитым чувством индивидуальности; тою же расовою особенностью характера отличается и белокурый тип Европы. Динлины были воинами по натуре, по призванию. Будучи подвижными, энергичными, деятельными и в то же время не отличаясь привязанностью к родине, они покидали последнюю, когда условия жизни в ней изменялись, и расходились все дальше в поисках стран, где их социальная жизнь в форме мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла иметь еще место. Где бы, однако, динлины не жили, их главными и излюбленными промыслами были охота и рыбная ловля, которые вполне удовлетворяли их бродячим наклонностям, их предприимчивой натуре, в высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни в семье, ни в кругу своих рабов (*Colborne Baber. Travels and Researches in the interior of China. Глава IV*) и подчиненных. В силу этих расовых особенностей и неразвитой у них чувственности динлины являются в Азии единственным народом, у которого моногамия составляла первичную и основную форму брака. Вообще на динлинах вполне оправдывается та общая характеристика белокурой расы, которую дает нам Larouge (см. *Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Зап. Китай. II. C. 282—284*).

⁹⁶ Об языке динлинов не имеется сведений в литературе. Китайцы называли его птичьим. Птичьим же называли они языки моссо (*Ивановский. Материалы для истории Юго-Западного Китая. I. 2. C. 45*, где говорится: «в их языке много птичьих звуков»), пу-женей (*Ивановский. Указ. соч. C. 61*) и друг. Может быть, к этой характеристике может иметь отношение замечание *Desgodins* (Op. cit. C. 374) о языке племени мэлам: «Il n'est pas monosyllabique, surtout dans les mots qui sont indigènes ou du moins qui n'ont pas une origine thibétaine. La prononciation n'est pas douce et uniforme comme celle du thibétain, mais, sans être rude, elle est extrêmement saccadée; chaque syllabe est accentuée séparément, de sorte que parfois et surtout quand on parle vite et avec animation, on croirait entendre parler des bégues».

⁹⁷ Über den Ursprung der sog. Jenisej-ostjaken // *Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXIV. 1907 №2. S. 2.*

⁹⁸ При всем том *Ramstedt* находит в этом языке элементы, сближающие его с семьей индо-китайских языков.

⁹⁹ *Kollmann. Les races humaines de l'Europe et la question arienne // Congrès international d'archéologie préhist. et d'anthropologie à Moscou. 1892. I.*

¹⁰⁰ Цит. по *Топинару. Антропология. C. 415.*

ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ

Цзинь-шу

РАССУЖДЕНИЯ ЦЗЯН ТУНА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ВАРВАРОВ

Исцев, маней, жунов и дисцев называют [варварами], живущими в четырех сторонах света. Согласно системе девяти видов повинностей, их земли находились в поясах, несущих повинности обузданных и неопределенные повинности¹, и, судя по смыслу [летописи] Чунь-цю, [правители должны] сближаться с различными владениями и противостоять исцам и дисцам.

Их язык непонятен, установленные подношения² отличались от наших, у них существовали другие законы и обычаи, они относились к совершенно другой группе людей, некоторые из них жили за самыми отдаленными областями, за пределами наших гор и рек, по речным долинам с крутыми склонами, в труднодоступных местах; так как их земли были отрезаны от земель Срединного государства, не было взаимных нападений, на них не налагались подати и трудовые повинности, их не заставляли принимать нашу систему летосчисления. В связи с этим и говорится: «Обладающий добродетелями Сын Неба защищает в землях варваров, живущих в четырех сторонах света»³; когда Юй устроил земли девяти областей, [владения] западных жунов одно за другим восхваляли его⁴.

По характеру [варвары] алчны и жадны, злы и дерзки, не шают человеколюбия. Среди живущих в четырех сторонах света варваров эти черты особенно свойственны жунам и дисцам. Будучи слабыми, они выражали покорность из страха, будучи

сильными, вторгались в наши земли и поднимали мятежи. Даже во времена мудрых и высокоодаренных мужей, при правителях, обладавших огромными добродетелями, никто не мог руководить ими с помощью благотворного влияния, привлечь на свою сторону с помощью милостей и добродетелей. Когда они были сильны, иньский император Гао-цзун устал от гуйфанов⁵, чжоуский Вэнь-ван страдал от [племен] куньи и сяньюнев⁶, [ханьский] император Гао-цзун попал в трудное положение на горе Байдэн⁷, императору Сяо-вэню пришлось располжить войска в Башане⁸.

Когда они были слабы, к Чжоу-гуну явились с данью послы от далеких девяти владений, император Чжун-цзун принял во дворце шаньюя⁹, и даже при слабых императорах Юань-ди (49—33 гг. до н.э.) и Чэн-ди (33—7 гг. до н.э.) варвары, живущие в четырех сторонах света, выполняли повинности гостей.

Все это — должный результат; поэтому, когда сюнну добивались разрешения охранять пограничную укрепленную линию, Хоу Ин изложил причины, почему этого нельзя допускать¹⁰, а когда шаньюй преклонил колени во дворе Вэйян, Сяо Ванчжи предложил не считать его за слугу¹¹. Вот так обладающие добродетелями правители относились к исцам и дисцам. Принимая их, они не забывали о мерах предосторожности, а к защите от них готовились постоянно. Хотя [варвары] били челом и являлись с подношениями, оборона пограничных городов не ослаблялась; хотя [варвары] совершали грабительские набеги и творили насилия, но [императоры] не посылали войска в дальние походы¹², ибо хотели только покоя для жителей страны да мира на государственной границе.

Когда [династия] Чжоу допустила ошибки в делах управления, владетельные князья присвоили себе право самостоятельно совершать карательные походы, поэтому крупные [владения] стали поглощать мелкие, началось взаимное уничтожение, границы пожалованных владений стали непрочными, а интересы правителей владений — различными; жуны и дисцы, используя благоприятную обстановку, смогли проникнуть в Срединное государство, причем иногда правители владений в собственных интересах привлекали их на свою сторону обещанием выгод, старались успокоить и приласкать их. Именно поэтому бедствия, вызванные владениями Шэнь и Цзэн¹³, опрокинули родоначальный дом Чжоу, а из-за того, что Сян-гун

перехватил циньские войска, неожиданно возвысились цяны и жуны¹⁴...

В период Чунь-цю (770—403 до н.э.) племена ицзой и дали жили на территории владений Цинь и Цзинь, племена лухунь и иньжун обитали в междуречье Ишуй и Лошуй, а племена соумань причиняли вред на восток от реки Цзишуй¹⁵. Все они вторгались во владения Ци и Сун, угнетали владения Син и Вэй. Как южные мани, так и северные дисцы попеременно вторгались в Срединное государство, и их нападения были непрерывны, словно долгая нить. Циский правитель Хуань-гун (685—654 до н.э.) отогнал варваров, защитил погибавших и продлил жизнь умирающим. На севере он напал на шаньжунюв, чтобы расчистить дорогу для владения Янь. Поэтому Конфуций и говорил, что к заслугам Гуань Чжуна надо добавить подвиг, избавивший от обычая запахивать полу одежды на левую сторону¹⁶.

В конце периода Чунь-цю и в начале периода Чжань-го владение Чу поглотило маней, владение Цзинь уничтожило лухуней, Улин-ван, правитель владения Чжао, надевший на себя одежду хусцев, освоил земли до Юйчжуна¹⁷, правитель владения Цинь, возвысившийся в Сяньяне, истребил [племя] ицзой. Когда [циньский император] Ши-хуан объединил Поднебесную, на юге он присоединил к себе земли байюэсцев¹⁸, на севере прогнал сюнну¹⁹. При нем количество воинов в горах Улин²⁰ и по Великой стене исчислялось тысячами тысяч человек, и, хотя существовали обременительные и многочисленные военные и трудовые повинности, а грабители-разбойники неистово бесчинствовали, ему удалось добиться кратковременного успеха: рабы-жуны отступили, и в ту пору Срединное государство не слышало больше о варварах, живущих в четырех сторонах света.

Когда возвысилась династия Хань, она основала столицу в Чанъане, а округа, расположенные среди застав, назвала Саньфу²¹; на этих землях, согласно Юй-гун (название главы в Шаншу, букв. «подношения, установленные Юем». — В.Т.), располагалась область Юнчжоу, а при родоначальном доме Чжоу здесь находились старые столицы Фэн и Хао²².

Когда Ван Ман потерпел поражение и появились отряды «краснобровых»²³, Западная столица²⁴ была разрушена и пришла в запустение, а народ разбежался.

В эру правления Цзянь-у (25—56) Ма Юань, назначенный

на должность правителя округа Лунси, выступил в карательный поход против взбунтовавшихся цянов, разбил и переселил их в область между заставами на пустующие земли в округах Фэнъи и Хэдун, и они стали жить среди хуасцев²⁵. По прошествии нескольких десятков лет, когда их численность увеличилась, они обрели богатства и силу, но страдали от притеснений со стороны ханьцев.

В 1-й год эры правления Юн-чу (107—113) главный воевода конной охранной стражи Ван-Хун, посланный в Западный край, отправил набранных по разверстке цянов и дисцев в качестве охраны переселяемых [ханьцев]²⁶. Это вызвало страх среди цянов, они стали разбегаться и возбуждать друг друга, что сразу вызвало выступление жунов, живших в двух областях; они перебили военачальников и старших чиновников, вырезали и разрушили города и поселения.

Дэн Чжи, выступивший в карательный поход [против цянов], бежал, побросав доспехи и покинув воинов²⁷, а повозки с трупами павших на поле боя тянулись вереницей. После этого различные племена жунов резко усилились. На юге они вторгались в земли Шу и Хань, на востоке грабили округа Чжао и Вэй, ударили на заставу Чжигуань и подошли к округу Хэнэй. В результате пришлось посылать на переправу Мэнцзин для отражения цянов пять отрядов войск во главе с Чже Чуном, командовавшим Северной армией. Так прошло десять лет, варвары и сясы устали, и только благодаря Жэнь Шану и Ма Сяню их удалось одолеть²⁸.

То, что цяны причиняли серьезные бедствия и в течение многих лет их не могли утихомирить, отчасти объясняется тем, что у обороняющейся стороны не было правильных методов борьбы, а военачальники не обладали необходимыми способностями, но не было ли это связано и с тем, что разбойники, [жившие на наших землях], являлись как бы болезнью внутренних органов, надмышечным воспалением подмышки, а ведь застарелую болезнь трудно лечить, да и лечебные меры были приняты слишком поздно.

После этого остатки цянов при каждом удобном случае опять вторгались во внутренние земли и поднимали мятежи. В результате Ма Сянь, привыкший к победам, потерпел сокрушительное поражение²⁹, а Дуань Ину пришлось сесть на военную колесницу и сражаться как на востоке, так и на западе³⁰. Жившие в области Юнчжоу жуны всегда являлись бедствием для го-

сударства, но в середине периода правления [Поздней Хань] их набеги стали особенно сильными.

Во время смуты в конце династии [Поздняя] Хань земли между застав были полностью опустошены, а в начале возвышения династии Вэй, которая разграничилась с династией Шу-Хань, жившие в пределах государства жуны оказались одни на этой, а другие на той стороне.

Вэйский император У-ди приказал военачальнику Сяхоу Мяоцаю³¹ покарать взбунтовавшихся диских вождей Агуя и Цяньваня, но в дальнейшем, поскольку ему пришлось отказаться от округа Ханьчжун, он переселил племена, жившие в округе Уду, в земли Циньчуань³², желая укрепить государство с помощью ослабевших грабителей, чтобы защититься от шуских рабов. По-видимому, это был расчет, продиктованный обстоятельствами; он носил временный характер, и с его помощью нельзя было добиться выгод для десяти тысяч поколений³³. Если глянуть на это сегодня, то окажется, что он уже причинил вред.

Земли между заставами плодородны и обильны, пахотные поля относятся к первому разряду высшей категории, к тому же солончаковые почвы орошаются реками Цзиншуй и Вэйшуй, изрезаны каналами Чжэнгоцой и Байцуй³⁴, на них в изобилии произрастают различные виды проса, каждый му земли дает один чжун зерна, народ воспевает изобилие; здесь находились столицы всех императоров и ванов³⁵, и никогда не было слышно, что этот район подходит для жунов и дисцев. Они не являются нашими соплеменниками, поэтому всегда вынашивают в сердцах измену.

Стремления и поведение жунов и дисцев несхожи со [стремлениями и поведением] хуасцев; пользуясь упадком [жунов и дисцев], их переселили на земли, несущие повинности в отношении императора, там чиновники и народ обижают их, пользуясь их слабостью, и чувство обиды и ненависть проникли у дисцев и жунов до мозга костей. Когда они расплодятся, возрастет их численность, их можно будет без труда склонить к мятежу. Жадные и буйные, да к тому же охваченные возмущением и гневом, они найдут удобные лазейки и, дождавшись благоприятного случая, сразу проявят своеволие и поднимут мятеж. А живут они в пределах государства, не отделены от него естественными препятствиями, так что нападать станут врасплох, [примутся] захватывать лежащие открыто богатства и

смогут причинить огромные беды; вред от их насильственных действий даже невозможно предвидеть. Так должно неизбежно произойти, ибо уже имеет подтверждение [прошлыми] событиями.

Если говорить о целесообразных действиях в данный момент, то следует, пока еще наше могущество велико, а военные и трудовые повинности еще не отменены, переселить различные цянские племена из округов Фэньи, Бэйди, Синьпин и Аньдин в земли сяньлинов³⁶, ханьбинов³⁷ и сичжи³⁸, а дисцев из округов Фуфэн, Шипин и Цзинчжао вернуть обратно в земли к западу от гор Луншань и поселить в округах Иньпин и Уду. Переселяемых следует снабдить зерном на дороге так, чтобы им хватило до прибытия к месту жительства, каждого присоединить к его основному кочевью, возвратив на старые земли. Следует дать приказ главным воеводам в зависимых владениях и военачальникам, успокаивающим варваров, чтобы те предоставили им спокойные места для жительства. Таким образом, жуны и цзиньцы не будут жить рядом, те и другие получают свои места для проживания. С одной стороны, это будет соответствовать смыслу выражения: в древности «[владения западных жунов] одно за другим восхваляли его»³⁹, а с другой — явится планом, который принесет процветание на вечные времена. Пусть даже у варваров возникнет желание вызвать беспорядки в Ся и придется поднять тревогу, завидев пыль, поднятую копытами их лошадей, но они будут находиться далеко от Среднего государства, будут отрезаны от него горами и реками, так что и предприми они грабительский набег, вред от него не будет слишком большим.

Именно поэтому Чжао Чунго⁴⁰ и Цзы-мин⁴¹ смогли во главе войск численностью в несколько десятков тысяч воинов распорядиться жизнями различных цянских кочевий, совершать карательные походы, но не воевать, сохранить свои войска и одерживать только победы. Хотя [в то время] разрабатывались планы, строились хитроумные расчеты, в спорах в храме предков рождались дальновидные замыслы, однако успеха они добились потому, что хуасцы и варвары жили в разных местах, между жунами и сясцами существовали различия и важные стратегические пункты было легко оборонять.

Те, кто порицает меня, твердят, что в землях между заставами — беда, уже два года, как воины находятся под открытым небом, войска утомились, охраняя границу, сто тысяч бойцов

устали от битв, от наводнений и засух, уже несколько лет неурожай, народ голодает, свирепствуют заразные болезни, безпрерывно унося людские жизни.

Злые бунтовщики-[цзяны] уже обезглавлены, раскаявшиеся в преступлениях изъявили покорность, они проявляют искренность и охвачены страхом, чувствуя себя в опасности.

Народ испытывает лишения и оттого печален, все обеспокоены одним, все ожидают покоя и отдыха, словно росы и дождя во время засухи. Поистине его следует успокоить, дав пожить в мире, а про меня говорят, что я хочу ввести трудовые повинности и набрать тех, кто будет их отбывать, начать новые работы, [говорят, что я собираюсь] приняться за новое предприятие, дабы заставить усталый народ переселять грабителей, которых он ненавидит, принудить людей, не имеющих зерна, переселять варваров, лишенных пищи. Высказывают опасения, что и приложив все силы, задуманное дело не довести до успешного конца; говорят, что цзяны и жуны разбрелись в разные стороны, поэтому у них не может быть общей цели, и будто бы я, пока еще не ликвидированы последствия причиненного ими вреда, уже снова по неразумению накликаю новые беды.

Отвечаю: «Цзяны и жуны лукавы и хитры, самочинно управляют друг другом, нападают на города и сражаются в открытом поле, наносят ущерб правителям областей и округов, созывают воинов и собирают войска, делают это круглый год и в холод, и в жару. Однако ныне их неродственные племена распались, как черепица, родственные племена рассыпались, как комок земли, старые и малые связаны и превращены в рабов, молодые и здоровые изъявили покорность, и они не в состоянии объединиться в одно целое, подобно разлетевшимся птицам или разбежавшимся зверям.

Может быть, у них остались еще силы и они, раскаявшись в совершенных преступлениях, вернулись к добру, проявили уступчивость и изъявили покорность, памятуя о наших добродетелях и оказанных милостях? Или они попросту оказались в безвыходном положении, истощили все свои умственные и физические силы, боятся, что наши войска истребят их? Отвечу: у них не осталось сил и они поступили подобным образом, оказавшись в безвыходном положении. Если это так, значит, мы можем распоряжаться их жизнями и заставлять их поступать так, как мы считаем нужным.

Тот, кто занимается своим делом с радостью, не меняет за-

нятий, довольный местом живет, не стремится к переезду. Ныне они сами сомневаются в своей безопасности, их гонит страх, поэтому мы можем управлять ими с помощью военной силы и заставить нигде не нарушать наших распоряжений. Поскольку одни из них погибли, другие рассеялись, они находятся далеко друг от друга и не представляют единого целого, к тому же каждый двор в землях между заставами их враг, так что мы можем переселить их в отдаленные места, чтобы они больше не думали о наших землях.

Совершенномудрые обдумывают дела, заранее, до свершения, принимают меры, пока беспорядки еще не возникли, поэтому царит спокойствие, хотя еще и не объявлен истинный путь, добродетель не выставлена напоказ, но достигнут успех. Беда может быть превращена в счастье, поражение — в победу, попавший в трудное положение обретает спасение, столкнувшийся с несчастьем преодолевает его. Так почему те, кто возражал мне, когда свершалось злосчастье, не думают о новых временах, когда необходимо внести изменения в управление, не хотят приложить усилие, чтобы сменить колею, а едут по старой, хотя повозка на ней уже опрокидывалась?

В землях между заставами проживает более тысячи тысяч человек, и если прикинуть, то окажется, что жуны и дисцы составляют половину населения. Для того чтобы переселить их, необходимы продукты питания. Раз среди них найдутся такие, у кого нет и просяной каши с подливой, следует ссыпать им все зерно, какое имеется в землях между заставами, дабы они могли из поколения в поколение размножаться, и, тогда, несомненно, наши трупы не заполнят канавы и рвы, пресекутся бедствия от их набегов и грабежей. Переселенцы по дороге на новые места жительства будут снабжаться в округах, через которые будут проезжать, а когда присоединятся к своим единоплеменникам, начнут сами помогать друг другу, так что жители земель [бывшего владения] Цинь⁴² получают свою половину зерна. Стало быть, помощь уезжающим позволит увеличить количество зерна в казенных амбарах, у тех, кто останется на месте, возрастут запасы в хранилищах; ослабнет давление на земли между заставами, исчезнут рассадники воров и разбойников, пропадет угроза ежеминутных потерь, круглый год можно будет пользоваться выгодами. А испугаемся малых затруднений, временных мер, забудем о великом расчете, который принесет спокойную жизнь на вечные времена, пожалеем кратковремен-

ных усилий и оставим для многих поколений грабителей-разбойников, — значит, не сможем сказать, что поняли общее стремление и успешно завершили дело, заложили основы государства и передали власть последующим поколениям, поддерживали алтарь для жертвоприношений духам Земли и злаков, подумали о своих сыновьях и внуках.

Хусцы в области Бинчжоу — это фактически жестокие и злые разбойники-сюнну. В правление ханьского императора Сюань-ди (74—49 гг. до н.э.) они страдали от голода и холода, среди них произошел раскол. Их государство распалось на пять частей, из которых в дальнейшем остались только две. Оказавшись слабым и находясь в опасности, шаньюй Хуханье не мог сам поддержать свое существование, а поэтому поселился возле укрепленной линии, прислал своего сына в заложники и, проявив уступчивость, изъявил покорность.

В эру правления Цзянь-у (25—56) южный шаньюй снова попросил разрешения сдаться и покориться [династия Хань], после чего ему было велено войти внутрь укрепленной линии и поселиться к югу от пустыни⁴³. Через несколько поколений сюнну опять взбунтовались, поэтому военные колесницы Хэ Си и Лян Узиня несколько раз ходили против них в карательные походы⁴⁴.

В эру правления Чжун-пин (184—189) в связи с восстанием желтоповязочных разбойников шаньюй хотел двинуть войска, но народ кочевий не согласился с этим и убил шаньюя Цянцзя⁴⁵. После этого Юймифуло обратился за помощью к династии Хань, чтобы покарать появившихся разбойников, но по-прежнему, поскольку [в Хань] происходили беспорядки и царил смута, действовал по собственному усмотрению, пользуясь благоприятным случаем⁴⁶. Он ограбил округа Чжао и Вэй и доходил до округа Хэнань. В эру правления Цзянь-ань (196—220) правому сянь-вану Цюйби было приказано обманным путем представить [шаньюя] Хучуцюаня в заложники, а кочевьям было разрешено раздельно жить в шести округах⁴⁷. В эру правления Сянь-си (264—265), поскольку одно кочевье было слишком сильным, его разделили между тремя вождями. В начале эры правления Тай-ши (265—274) количество вождей было увеличено до четырех. После этого Лю Мэн поднял восстание во внутренних землях⁴⁸ и установил связи с разбойниками за укрепленной линией. В недавнее время произошел мятеж, поднятый Хао Санем в Гуяоане⁴⁹.

Ныне численность пяти частей сюнну дошла до нескольких десятков тысяч дворов, а количество людей превосходит количество западных жунов. По природе своей они смелы, в искусстве пользоваться луком и ездить на коне вдвое превосходят дисцев и цянов. В случае, если неожиданно поднимется пыль от копыт их лошадей, область Бинчжоу оцепенеет от ужаса.

Живущие в округе Синъян[гао] цзюйлисы в прошлом обитали за укрепленной линией округа Ляондун. В эру правления Чжэн-ши (240--249) правитель области Ючжоу Гуаньцю Цзянь напал на взбунтовавшихся [гаоцзюйлисов] и переселил сохранившиеся остатки [народа]⁵⁰. Вначале при переселении насчитывалось около сотни дворов, но затем их сыновья и внуки размножились, и сейчас количество дворов исчисляется тысячами. Пройдет еще несколько поколений, и их численность увеличится до огромных размеров, [точно так же произойдет и с сюнну].

Даже теперь, когда люди лишены возможности заниматься своими делами, некоторые бегут и поднимают бунты, а ведь случается, что собаки и лошади кусаются с жиру. Разве исцы и дисцы могут не поднять мятеж?! Их беспокоят только слабость и недостаток сил.

Правителя владения волнует не то, что [народ] беден, а то, что [титулы и жалованье] распределены несправедливо, его печалит не то, что у него мало (земли и людей), а то, что (среди народа) отсутствует спокойствие⁵¹. Земли среди четырех морей обширны, чиновники и народ богаты, разве можно позволить разбойникам-варварам жить здесь, ведь со временем они захватят и земли, и богатство.

Учитывая все сказанное, следует издать указ о высылке [варваров] и возвращении их на прежние земли. Они перестанут тревожиться, что мы задерживаем их, удовлетворят свою тоску по родным местам, освободят нас, хуасясцев, от малых печалей, это явится той милостью для Срединного государства, которая позволит успокоить [владения чжухоу], лежащие в четырех сторонах света⁵², распространит проявленную добродетель на вечные времена и явится наилучшим планом».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно системе, изложенной в *Чжоу-ли*, в центре лежало владение Сына Неба, вокруг которого располагались девять поясов, носивших общее на-

вание цзю цзи — «девять видов владений» [42, с. 1047—1048], или цзю фу «земли, несущие девять видов повинностей» [42, с. 1193].

Владение Сына Неба представляло собой квадрат с длиной сторон 1000 ли и не входило в число девяти видов владений. Оно носило название *ванци* «владение вана» или *гоцзи* — «владение государства». Далее тянулись девять поясов шириной 500 ли каждый.

Пояса носили следующие названия: 1. *Хоу-фу* — [земли, несущие] сторожевые повинности, или *хоуцзи* — сторожевые владения. Сторожевые повинности состояли в проверке всех приходящих в центральную зону и слежке за ворами и грабителями. 2. *Дяньфу* — [земли, несущие] повинности по обработке полей, или *дяньцзи* — владения, занимающиеся обработкой полей. Повинности по обработке полей состояли в возделывании земли и внесении налогов в пользу вана. 3. *Наньфу* — [земли, несущие] повинности, связанные с выполнением обязанностей, возлагаемых ваном, или *наньцзи* — владения, выполняющие обязанности, возлагаемые ваном. 4. *Цайфу* — [земли, несущие] повинности по сбору и представлению вана редких вещей, или *цайцзи* — владения, собирающие и представляющие вану редкие вещи. 5. *Вэйфу* — [земли, несущие] повинности по защите вана, или *вэйцзи* — владения, защищающие вана. 6. *Маньфу* — [земли, несущие] повинности по обузданию варваров, или *маньцзи* — владения, обуздающие варваров. 7. *Ифу* — [земли, несущие] повинности варваров, или *ицзи* — владения варваров. 8. *Чжэньфу* — [земли, несущие] повинности, требующие защиты, или *чжэньцзи* — владения, требующие защиты. Эти земли были расположены далеко от центрального владения Сына Неба, и ему для осуществления своих прав требовалось прибегать к вооруженной силе. 9. *Фаньфу* — [земли, несущие] повинности по созданию заслона, или *фаньцзи* — владения, служащие заслоном.

В предлагаемой Чжоу-ли схеме ничего не говорится о землях, несущих повинности обузданных и неопределенные повинности, но о них упоминается в *Шан-шу* (4, с. 222). Наиболее отдаленные владения выполняли повинности перед Сыном Неба, преклоняясь перед его моральным воздействием, которое служило сдерживающим началом. Отсюда и возник гермин *яофу* — повинности обузданных, в котором *яо* приравнивается к *юшу* — «сдерживать», «связывать», «обуздывать». Под неопределенными повинностями (хуанфу) подразумевались обязанности кочевников являться ко двору для представления вновь вступившим на престол чжоуским владетельным князьям, и, поскольку для этого нельзя было установить никаких сроков, эти повинности получили название «неопределенные».

Легендарный император Яо, состарившись, приказал Шуню управлять делами от имени Сына Неба, чтобы посмотреть, какова будет воля Неба. Шунь привел в соответствие сезоны и месяцы и выправил обозначения дней, ввел одинаковые музыкальные тона, меры длины, объема и веса, урядочил пять ритуалов (церемонии при жертвоприношениях, церемонии, связанные с печальными событиями, церемонии при приеме гостей, церемонии военные и церемонии, связанные с радостными событиями), установил подношения правителю пятью видами яшмы, шелком трех цветов, двумя живыми и одной мертвой тварью (26, л. 16-б—17-а).

В *Чжоу-ли* все подношения строго расписаны; владетельные князья подносили куски шелка, обернутые в шкуры, сановники — ягнят, вышине

чиновники — диких гусей, рядовые чиновники — фазанов, простолодины — домашних уток, а ремесленники и торговцы — петухов (42, с. 664).

Ягненок, никогда не отбивающейся от стада, считался символом преданности сановника правителю; дикий гусь, совершающий перелеты в строго определенное время года, символизировал способность действовать в нужное время; фазан до смерти не изменяет своим привычкам, и его стойкость служила примером для чиновников: домашняя утка, не улетающая от дома, — символом постоянства и привязанности к родным местам; петух должен был напоминать ремесленникам и купцам о необходимости своевременно выполнять свои обязанности.

Подношения говорили об отношениях между правителем и его подданными, которые у кочевников, соседей Китая, носили совершенно другой характер.

- ³ На 23-м году правления луского Чжао-гуна (521 г. до н.э.) Нан-ва, главный советник правителя владения Чу, опасаясь нападения владения У, усилил оборонительные стены вокруг чуской столицы. Это вызвало возражения сановника Шэнь Сюя, который рассматривал постройку стен вокруг столицы как признак надвигающейся гибели владения. Он, в частности, говорил: «В древности Сын Неба защищался в землях варваров, живущих в четырех сторонах света, а когда власть Сына Неба слабела, он защищался на границах с владетельными князьями. Владетельные князья защищались в землях окружающих их с четырех сторон соседей, а когда власть владетельных князей слабела, они защищались на окружающих их с четырех сторон границах своего владения. Все внимательно следили за окружающими их с четырех сторон границами и заключали с окружающими их с четырех сторон соседями договоры о помощи. В результате люди спокойно трудились в полях, работы, совершаемые в три сезона года, успешно завершались, народ не знал печалей, связанных с внутренними неурядицами во владении, и не испытывал страха перед внешними вторжениями» (43, с. 2042—2043).

Основная мысль Шэнь Сюя состоит в том, что защитить владение, укрепляя оборонительные сооружения вокруг столицы, невозможно, для этого необходимо поддерживать дружественные отношения с соседями, основанные на моральном авторитете.

- ⁴ Как рассказывается в *Шан-шу*, когда Юй ликвидировал последствия страшного наводнения и привел в порядок область Юнчжоу, «одевающиеся в шкуры [жители владений] Куньлунь, Сичжи, Цзюй и Соу, относящиеся к западным жунам... восхваляли его» (46, с. 210). Цзян Гун приводит это свидетельство *Шан-шу*, чтобы сказать, что хотя Юй не выходил за пределы Китая, но западные жуны, жившие на землях, несущих неопределенные повинности, восхваляли его, преклоняясь перед его авторитетом.
- ⁵ Согласно «Книге перемен», иньскому императору Гао-цзуну потребовалось три года, чтобы одержать победу над племенем гуйфан (41, с. 339).
- ⁶ По свидетельству Сыма Цяня, «на следующий год [Вэнь-ван] пошел походом на цюаньжунов» (26, гл. 4, л. 5-6). Цюаньжуны — одно из северо-западных племен. Они называются также *цюань* или *кунь*.
- ⁷ Гао-цзу попал в трудное положение на горе Байдэн. Об этом событии Сыма Цянь рассказывает: «В это время [император] династии Хань, только что водворивший спокойствие в Среднем государстве, дал Синю,

носившему титул Хань-вана, новое владение Дай с местопребыванием в Май. Крупные силы сюнну напали на Май и окружили город, после чего Синь, имевший титул Хань-вана, сдался сюнну. После перехода Синя на сторону сюнну они повели войска на юг, пересекли [Горы] Гоучжу, напали на [округ] Тайюань и подошли к Цзиньяну.

[Император] Гао-ди, лично возглавив войска, выступил против сюнну. В это время была зима, стояли сильные морозы, шел снег, из каждого десятка воинов два или три потеряли, отморозив, пальцы. Маодунь, притворившись побежденным, стал отступать, заманивая ханьские войска. Когда ханьские войска начали его преследование, Маодунь устроил засаду из отборных воинов, а слабых выставил [вперед]; тогда все ханьские войска, насчитывавшие 320 тыс. воинов, главным образом пехотинцев, устремились в погоню за разбитым противником.

Гао-ди раньше других прибыл в Пинчэн; сюда еще не подошла вся пехота. Воспользовавшись этим, Маодунь выпустил 400 тыс. отборных всадников, которые окружили Гао-ди [на горе] Байдэн, и в течение семи дней ханьские войска, находившиеся в горах и в предгорьях, не могли оказать друг другу ни военной помощи, ни помощи продовольствием. Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых [лошадях], на восточной стороне — на серых с белыми пятнами на морде, на северной стороне — на вороных и на южной стороне — на рыжих лошадях. Гао-ди отправил гонца, поручив ему тайно передать яньчжи (жене шаньюя) богатые подарки, и яньчжи сказала Маодуню: «Вы, два государя, не мешаете друг другу. Если ныне и будут захвачены ханьские земли, все равно ты, шаньюй, никогда не сможешь жить на них. Кроме того, у правителя Хань также могут быть хитрые замыслы, подумай об этом, шаньюй».

Маодунь условился с Ван Хуаном и Чжао Ли, военачальниками Синя, носившего титул Хань-вана, о сроке соединения войск, но войска Ван Хуана и Чжао Ли не прибыли, а поэтому он стал подозревать, что они вступили вговор с [императором] Хань. В связи с этим он вспомнил слова яньчжи и снял в одном месте окружение. Тогда Гао-ди приказал своим воинам, держа в руках натянутые луки, обращенные стрелами в сторону врага, выходить через открывшийся проход и так в конце концов соединился с основными силами» (26, гл. 110, л. 11-б—12-б).

В 158 г. до н.э. «сюнну предприняли крупное нападение на округа Шанцзюнь и Юньчжун, в которые вторглось по 30 тыс. конницы; они многих убили, угнали в плен и ушли обратно. В связи с этим [император] Хань приказал армиям трех военачальников расположиться в округе Бэйди, в [горах] Гоучжу в округе Дай и в проходе хребта Фэйхулин в землях Чжао, и также на случай вторжения хусцев укрепить оборону в различных пунктах вдоль границы. Кроме того, были назначены три военачальника, которые в качестве меры предосторожности против хусцев расположили войска в Силу, к западу от Чаньяня, в Цзимэне, к северу от реки Вэй, и в Башане» (26, гл. 110, л. 20-а—20-б).

Чжун-цзун — храмовый титул ханьского императора Сяо-сюаня (74—49 гг. до н.э.). В 60 г. до н.э. среди сюнну вспыхнула борьба за власть, которую остиаривали пять шаньюев. Основными претендентами были шаньюй Хуханье и Чжичжи. Потерпев поражение, Хуханье решил признать себя слугой династии Хань.

«В 52 г. до н.э. шаньюй Хухань приблизился к укрепленной линии в [округе] Уюань и выразил желание представиться императору в первой луне 3-го года [эры правления Гань-лу]. [Император] Хань направил Хань Чана, воеводу колесниц и конницы, встретить шаньюя, а также приказал семи округам, через которые должен был проезжать шаньюй, выставить каждому по две тысячи всадников и построить их вдоль дороги.

В первой луне шаньюй представился Сыну Неба во дворце Ганьцюань. [Император] Хань милостиво удостоил его особым церемониалом, поставив выше правителей пожалованных владений. Во время представления он был назван [только] вассалом, без упоминания имени. Ему пожаловали головной убор и пояс, верхнее и нижнее платье, золотую печать на зеленом шнуре, украшенный яшмой меч, кинжал, лук, четыре комплекта стрел, десять алебард в чехлах, колесницу с сиденьем, седло и уздечку, 15 лошадей, 20 цзиней золота, 200 тыс. монет, 77 комплектов одежды, 8 тыс. кусков шелковых тканей с затканым и вышитым узором, узорчатой тафты, крепя и разного шелка, а также 6 тыс. цзиней шелковой ваты» (10, гл. 94, л.3-б—4-а).

¹⁰ В 33 г. до н.э. шаньюй Хухань снова явился ко двору и «выразил желание оборонять укрепленную линию от [округа] Шангу на западе до [округа] Дуньхуань и передавать охрану из поколения в поколение на вечные времена. В связи с этим он просил отозвать командиров и воинов, охранявших пограничную укрепленную линию, чтобы дать отдых народу Сына Неба. Сын Неба приказал передать это предложение сановникам на рассмотрение, и все участвовавшие в обсуждении нашли сделанное предложение выгодным. [Только] телохранитель Хоу Ин, сведущий в пограничных делах, считал, что нельзя соглашаться с предложением Хухань. Когда император спросил о причинах [несогласия], Хоу Ин ответил: «Начиная с династий Чжоу и Цинь сюнну занимались насилиями и творили зверства, вторгались и грабили пограничные земли, причем особенно сильно страдала от них во время своего владычества династия Хань. Как я слышал, находящаяся на севере укрепленная линия доходит до [округа] Ляодун, а за ней более чем на 1000 ли с востока на запад тянутся горы Иньшань, покрытые роскошной травой и густым лесом, изобилующим птицей и зверем. Именно среди этих гор шаньюй Маодунь нашел себе прибежище, здесь он изготовлял луки и стрелы, отсюда совершал набеги, и это был его заповедник для разведения диких птиц и зверей.

При императоре Сяо-у (141—87 гг. до н.э.) против сюнну были посланы войска, которые отобрали эти земли и прогнали сюнну на севере от пустыни, [затем были] воздвигнуты пограничные укрепления, поставлены наблюдательные вышки и сигнальные маяки, построены города за укрепленной линией и расставлены гарнизонные войска для их защиты, после этого пограничные районы стали пользоваться относительным спокойствием.

Земли к северу от пустыни равнинные, в них мало травы и деревьев, большая часть занята великой пустыней, поэтому, если сюнну предпримут набег, они найдут мало укрытий. К югу же от укрепленной линии дороги проходят по глубоким горным ущельям, и двигаться по ним сравнительно трудно. Старики, живущие на границах, говорят: «После того как сюнну потеряли горы Иньшань, они всегда плачут, когда проходят мимо них».

Распустить пограничных воинов, охраняющих укрепленную линию, — значит показать варварам путь к большой выгоде. Вот первая причина, почему нельзя [снимать гарнизоны].

Иные высокие добродетели Вашего Величества распространились вширь и, как небо, покрыли сюнну, поэтому сюнну, сохранившие благодаря нашим милостям жизнь, явились со склоненной головой и признали себя вассалами. Но характер варваров таков, что, оказываясь в трудном положении, они держатся униженно и покорно, а сделавшись сильными, становятся гордыми и непослушными — таковы их врожденные свойства. Из-за того, что раньше были распущены войска, стоявшие в городах за укрепленной линией, и сокращено число наблюдательных вышек и сигнальных маяков, имеющих в настоящее время средств достаточно лишь для наблюдения [за противником] и подачи огневых сигналов. А ведь в древности и в мирное время не забывали об опасности. Вот вторая причина, почему нельзя распускать войска.

В Срединном государстве есть учения о правилах приличия и поведения, существуют казни, предусматривающие телесные наказания, и все же несвободный народ нарушает установленные запреты, а разве может император заставить свой народ не нарушать договора! Вот третья причина. С тех пор как Срединное государство стало уделять большое внимание постройке застав и мостов в важных стратегических пунктах для контроля над чжухоу, удалось пресечь честолюбивые устремления подданных государя. Постройка пограничных укреплений и размещение пограничных гарнизонов направлены не только против сюнну, но и против зависимых владений. Те, кто перешел на нашу сторону, некогда принадлежали к сюнну, и я боюсь, что, вспомнив о прошлом, они убегут. Вот четвертая причина.

С совсем недавно случилось так, что западные цяны, оборонявшие укрепленную линию, установили сношения с ханьцами, но чиновники и народ, стремясь к наживе, стали притеснять цянов и захватывать принадлежащий им домашний скот, жен и детей, чем вызвали ненависть цянов, которые восстали и подняли бунт, не прекращавшийся в течение ряда поколений. Если распустить воинов, обороняющих стены укрепленной линии, то начнутся [взаимные] оскорбления и споры. Вот пятая причина.

Многие из участвовавших в прошлых походах [против сюнну] затерялись [в их землях] и не вернулись назад, поэтому их сыновья и внуки, которые живут в бедности и находятся в стесненном положении, могут однажды бежать к своим родственникам. Вот шестая причина.

Кроме того, рабы и рабыни, принадлежащие пограничным жителям, печалятся о своей тяжелой жизни, среди них много желающих бежать, и они говорят: «Ходят слухи, у сюнну спокойная жизнь, но что поделаешь, если поставлены строгие караулы!» Несмотря на это, иногда они все же убегают за укрепленную линию. Вот седьмая причина.

Воры и разбойники жестоки и лукавы, они нарушают законы, объединяются в шайки, и если, оказавшись в безвыходном положении, [они] убегут на север за укрепленную линию, их уже нельзя будет наказать. Вот восьмая причина.

С тех пор как возвели укрепленную линию, прошло более ста лет. Она не вся состоит из земляной стены, в некоторых местах — там, где проходят

горы, — [просто] навалены камни и бревна, образующие заграждения на реках в горных долинах. Когда заграждения мало-помалу разрушались, воины исправляли повреждения, и количество труда и средств, израсходованных за длительное время, невозможно даже подсчитать. Боюсь, что участвующие в обсуждении, не продумав все глубоко от начала до конца, хотя бы одним махом сократить повинности, связанные с отбыванием пограничной службы. Однако пройдет десяток лет, и если в ближайшее столетие возникнут вдруг какие-либо осложнения, а заградительные укрепления будут разрушены, наблюдательные вышки и сигнальные маяки уничтожены, придется снова посылать гарнизоны для их исправления. Восстановить же сразу труд нескольких поколений невозможно. Вот девятая причина.

Если распустить пограничных воинов и сократить караулы, шаньюю, поскольку он будет оборонять и защищать укрепленную линию, несомненно, станет считать, что оказывает Хань большую милость, а поэтому его требованиям не будет конца, и если хоть в чем-то не удовлетворить его желания, трудно и предположить, что может произойти. Заводить же ссоры с варварами — значит наносить ущерб безопасности Срединного государства. Вот десятая причина.

Высказанные сановниками мнения не представляют собой дальновидного плана, с помощью которого можно сохранить на вечные времена полное спокойствие и управлять инородцами, внушая им страх нашим величием» (10, гл. 94, л. 7-б—9-б).

- 11 Приезд Хухань с выражением покорности вызвал при ханьском дворе обсуждение церемониала его приема. Об этом в *Хань-шу* сообщается: «Надо сказать, что, когда сюннуский шаньюю Хухань явился ко двору, император приказал своим сановникам обсудить церемониал его приема. Главный помощник [Хуан] Ба и главный цензор [Юй] Динго сказали во время обсуждения: «Согласно установлениям совершенных правителей, при проведении церемониала [представления] и оказания милостей императором сначала идет столичный округ, а после него владения чжухоу, сначала владения чжухоу, а после них варвары. В *Ши-цзине* говорится:

«[Царь] совершал церемонии без нарушений,

Стоило ему посмотреть, как все выполнялось;

Сян-ту был могуществен,

И за пределами четырех морей царил полный порядок».

Совершенные добродетели Вашего Величества заполняют все между небом и землей. Ваша слава распространилась на все четыре стороны [света]; склонившись перед этой славой, решив стать на правильный путь, сюннуский шаньюю явился ко двору принести поздравления и поднести драгоценности, чего не бывало с глубокой древности. Для него должен быть церемониал, как для правителей пожалованных владений, но его надо поставить ниже их».

[Сяо] Ванчи считал, что «на шаньюя не распространяется [наша] система летосчисления, поэтому его называют правителем равного нам государства. Его следует принять с церемониями, предусмотренными не для вассалов, и поставить выше правителей пожалованных владений. Если [сейчас], когда иноземные варвары бьют челом и признают себя вассалами, Срединное государство проявит уступчивость и не станет называть их

вассалами, возникнут дружественные связи, которые позволят держать их на привязи и принесть счастье, даруемое за смирение».

В *Шу-цзинь* говорится: «Жуны и ди несут неопределенные повинности», а это означает, что они являются для выражения покорности нерегулярно и непостоянно. Если в будущем потомки сюнну улетят, как птицы, или скроются [в норы], как мыши, и прекратят приносить подношения ко двору, они не будут мятежными вассалами. Проявление искренности и услужливости в отношении варваров принесет нескончаемое счастье и явится дальновидным планом, рассчитанным на десять тысяч поколений».

Сын Неба принял это предложение и издал указ, в котором говорилось: «Я слышал, что Пять императоров и основатели трех династий не распространяли управление на тех, кто находится вне сферы их влияния. Шаньюй сюнну, признавший себя нашим вассалом на севере, явится в первой луне во дворе для представления, но мне свойственны недостатки, и я не могу покрыть всех своими добродетелями. Его следует принять с церемониями, предусмотренными для гостя, поставить выше правителей пожалованных владений и во время представления назвать вассалом без упоминания имени» (10, гл. 78, л. 9-6—10-6).

¹¹ Военачальник Ван Мана, Янь Ю, предостерегая его от войны с сюнну, говорил: «Я слышал, что сюнну причиняли вред с давних пор, но я не слышал, чтобы во времена глубокой древности против них непременно совершались походы...

Когда во времена чжоуского Сюань-вана сяньюни вторглись [в Срединное государство] и дошли до Цзиньяна, военачальникам было приказано выступить против них, но, достигнув границы, войска возвратились обратно. Сюань-ван смотрел на вторжения жунов и дисцев как на укусы комара или овода и только отгонял их. Поэтому Поднебесная назвала его мудрым, а его поступки считались средним планом действий» (10, гл. 94-6, л. 24-а).

Ю-ван (782—771 гг. до н.э.) — последний правитель Западной Чжоу, был женат на дочери правителя владения Шэнь, от которой у него родился сын И-цзю, считавшийся законным наследником престола. Ю-ван полюбил дворцовую служанку Бао-сы, от которой у него родился сын Бо-фу. После этого Ю-ван решил отстранить законную жену, низложить ее сына, Бао-сы объявить главной женой, а Бо-фу сделать наследником.

Это вызвало протесты правителя владения Шэнь, который во имя справедливости призвал на помощь владение Цзэн и племена цюаньжунов и вместе с ними напал на Ю-вана у горы Лишань. Ю-вана убили, а на престол под титулом Пин-вана был возведен И-цзю.

Пользуясь благоприятным случаем, цюаньжуны захватили земли в районе озера Цяоуху, поселились между реками Цзин и Вэй и оттуда стали нападать на Срединное государство. На помощь Пин-вану против оказавшихся столь коварными недавних союзников пришел циньский Сян-гун. Несмотря на поддержку, в 770 г. до н.э. Пин-вану все же пришлось перенести столицу на восток в Лои, а бывшие чжоуские земли к западу от гор Ци он пожаловал Сян-гуну, которому, прежде чем осуществить свои права, предстояло изгнать оттуда цюаньжунов.

¹² *Син-гун* (628—621 гг. до н.э.) — правитель владения Цинь. В 628 г. до н.э. Му-гун, правитель владения Цинь, решил неожиданно напасть на владение Чжэн, несмотря на увещевания мудрых советников Цзянь-шу и Бай-

ли Си. Командующими войсками были назначены Мэнмин Ши, сын Байли Си, и Сици Шу и Бои Бин, сыновья Цзянь-шу.

В день выступления войск в поход Байли Си и Цзянь-шу стали оплакивать уходящих. Му-гун, услышав плач, разгневался и сказал: «Я посылаю в поход войска, а вы стенаниями расстраиваете их. Что это значит?» Оба старца ответили: «Мы не смеем расстраивать воинов нашего правителя, но вместе с войсками уходят наши сыновья, а мы стары и, если наши сыновья задержатся с возвращением, боимся, что больше не увидимся. Вот почему мы проливаем слезу» — и удалились, сказав сыновьям: «Если ваша войска потерпят поражение, то случится это в теснине у горы Сяошань».

Когда циньская армия подошла к владению Хуа, ей встретился чжэнский торговец Сянь Гао, который гнал на продажу в Чжоу двенадцать быков. Увидев циньских воинов, торговец испугался, что они убьют его или возьмут в плен, поэтому он поднес циньцам своих быков, сказав: «Услышав, что ваше великое владение намерено покарать Чжэн, правитель Чжэн усердно совершенствует оборону и готовится к защите и послал меня поднести вашим уставшим командирам и воинам этих двенадцать быков».

Три циньских военачальника стали говорить друг другу: «Мы намеревались внезапно напасть на Чжэн, но чжэнцы уже обнужили нас. Продолжая поход, мы, пожалуй, не достигнем цели». Они уничтожили Хуа. Хуа было владением, расположенным на границе с Цзинь.

В это время в Цзинь соблюдали траур по Вэнь-гуну, но он еще не был захоронен. Его старший сын Сян-гун с гневом сказал: «Правитель Цинь оскорбляет меня, сироту, воспользовавшись трауром, он разрушил наше Хуа». Затем Сянь-гун надел черные грубые траурные одежды и повел войска в поход, преградив путь циньским войскам в теснине у горы Сяошань. Здесь он разгромил циньские войска, ни один из циньских воинов не сумел спастись. Взяв в плен трех циньских военачальников, Сян-гун вернулся обратно (26, гл. 5, л. 14-а—15-а).

Разгром циньских войск способствовал усилению живших рядом цянгов и жунов.

¹⁵ *Цзишуй* — одна из четырех крупных рек Древнего Китая, протекавшая по территории современных уездов Динтао и Цзюйе в провинции Шаньдун.

¹⁶ Отрывок, начинающийся со слов «Как южные мани...» вплоть до слов «запахивать полы одежды на левую сторону», заимствован из жизнеописания Вэй Сяня (10, гл. 73, л. 18-6).

Гуань Чжун (?—645 г. до н.э.) — он же Гуань-цзы, известный философ и политический деятель древнего Китая.

В 662 г. до н.э. шаньжуны напали на владение Янь, которое обратилось за помощью к правителю Ци, Хуань-гуну. Соединенными усилиями удалось остановить и прогнать шаньжунов, но насколько велика была угроза, нависшая над Китаем, можно судить по словам Конфуция: «Если бы не [советник Хуань-гуна] Гуань Чжун, нам пришлось бы ходить с неуложенными волосами и запахивать полу одежды на левую сторону» (17, с. 314). По мнению Конфуция, Китаю угрожали иноплеменное господство и связанный с ним отказ от национальной одежды как символа независимости.

¹⁷ На 20-м году правления правитель владения Чжао Улин-ван напал на западе на хусцев и занял принадлежавшие им земли вплоть до Юйчжун (26, гл. 43, л. 26-а). *Юйчжун* — местность, находившаяся на террито-

рии современного хошуна Джунгар в автономном районе Внутренняя Монголия.

¹⁸ *Байюэ* — южные племена, в древней китайской литературе выступают под общим названием *юэ* или *байюэ*, сто юэ или все юэ. О присоединении юэсцев к империи Цинь Цзя И (201—169 гг. до н.э.) советник ханьского императора Вэнь-ди рассказывает: «На юге [Ши-хуан] захватил земли всех [племен] юэ, учредив на них округа Гуйлинь и Сянцзюнь. Вожди [племен] юэ, склонив головы и повязав шеи бечевками, вверили свои судьбы мелким чиновникам» (26, гл. 6, л. 44-а).

¹⁹ «Ши-хуан послал Мэн Тяня на север строить Великую стену и прочно удерживать рубежи на ней. Мэн Тянь отбросил сиюнну на семьсот с лишним ли, после чего хусцы уже не осмеливались спускаться к югу, чтобы пасти там своих лошадей, а их воины не смели натягивать луки, чтобы мстить за обиды» (26, гл. 6, л. 44-а).

²⁰ *Улинь* — горы на юге Китая в провинциях Гуандун и Гуанси.

²¹ *Саньфу* — при династии Хань общее название земель, занимавших центральную часть современной провинции Шэньси и включавших три округа — Цзинчжао, Фэнъи и Фуфэн.

²² В послесловии к гл. 4 «Исторических записок» говорится: «[Чжоуский] Чэн-ван велел Чжао-гуну погадать, где быть столице, чтобы поместить в ней девять треножников, однако столицами Чжоу все еще оставались Фэн и Хао. Только когда шаоаньжуну нанесли поражение Ю-вану, дом Чжоу переехал на восток в Лои» (26, гл. 4, л. 41-6).

При чжоуском Вэнь-ване столица находилась в Фэн, лежавшем к востоку от современного уездного города Хусянь в провинции Шэньси, а при У-мане — в Хао, находившемся к юго-западу от уездного города Чанъянь в той же провинции.

²³ «*Краснобровые*» — отряды крестьян, поднявшие в 18 г. восстание против Ван Мана. Получили свое наименование потому, что красили брови красной краской.

²⁴ *Западная столица* (Сиду) — так называли Чанъянь в противоположность лежавшему на востоке Лояну, который назывался Восточной столицей (Дунду).

²⁵ *Ма Юань* (14 г. до н.э. — 49 г. н.э.) — потомок чжаоского военачальника Чжао Шэ, носившего титул Мафу-цзюнь. Начал служебную карьеру с небольшой должности в округе. Конвоируя важного преступника, пожалел его и выпустил на свободу, а сам бежал в округ Бэйди, где занялся скотоводством и быстро разбогател. Дальнейшую жизнь Ма Юаня лучше всего характеризуют его же слова: «Мужчина обязан умереть в открытом поле на границе, а его тело должно возвратиться для погребения [на родину], обернутое в шкуру лошади. Разве он может лежать на кровати, поддерживаемый руками сыновей и дочерей!»

При Ван Мане получил назначение на должность начальника округа Синьчэн, а после гибели Ван Мана перешел на сторону императора Гуаньфу. Вел успешную борьбу с цзянами, о которой рассказывается: «Начиная с конца правления Ван Мана, западные цзяны, совершавшие грабительские набеги на пограничные районы, вторглись в пределы [Срединного государства] и стали жить в пределах укрепленной линии. Большинство уездов в округе Цзиньчэн оказалось в руках варваров. В связи с этим Лай

Си сделал императору доклад, в котором говорил, что бедствия, причиняемые округу Лунси набегами варваров, могут быть прекращены только Ма Юанем.

В 11-м году (эры правления Цзянь-у, 35 г.) император издал указ с личной печатью о назначении Ма Юаня на должность начальника округа Лунси. Ма Юань выслал 3 тыс. пехотинцев и всадников, которые напали на сяньлинских цянов и разбили их в уезде Линьтао, убив несколько сот человек и захватив свыше 10 тыс. голов лошадей, крупного рогатого скота и овец. После этого свыше 8 тыс. цянов из различных кочевий, охранявших укрепленную линию, явились к Ма Юаню и сдались ему.

Различные кочевья цянов, насчитывавшие несколько десятков тысяч человек и собравшиеся вместе для совершения грабительских набегов, оказали Ма Юаню сопротивление в ущелье реки Хаовэй. Ма Юань вместе с Ма Чэном, носившим звание военачальника, прогремевшего военными доблестями (*янью цзянцзюнь*), напал на них. Цяны вместе с женами, детьми и обозами перенесли лагерь в пересеченную местность в долине Юньу. Ма Юань, скрытно пройдя по проселочным дорогам, неожиданно напал на лагерь. Напуганные цяны рассеялись и бежали в долину Таньгигу, преследуемые Ма Юанем.

Приведя отборные войска, цяны собрались на горе, лежавшей на севере долины. Ма Юань, построив войска, устремился к горе, послал несколько сот всадников в обход горы для нападения на цянов с тыла. Используя ночную темноту, его воины пустили огонь, били в барабаны и громко кричали. Рабы-цяны обратились в паническое бегство. Всего было убито более тысячи человек. Ма Юань, поскольку у него было мало воинов, не мог преследовать бегущих, а собрал оставшееся зерно и скот и вернулся обратно.

В Ма Юаня попала стрела, пробившая насквозь голень. Император указом с личной печатью выразил Ма Юаню сочувствие за понесенные лишения и пожаловал несколько тысяч голов крупного рогатого скота и овец.

В это время придворные советники, считая, что земли к западу от уезда Поцян в округе Цзиньчэн весьма далеко, что в них грабителей много, предложили отказаться от них. Ма Юань представил доклад, в котором говорил, что в землях к западу от уезда Поцян большинство городов укреплено прочными стенами и в них легко обороняться, почва плодородна, широко распространено искусственное орошение. Если позволить цяннам жить в [уезде] Хуанчжун, они будут без конца причинять бедствия, поэтому от этих земель нельзя отказываться.

Император, найдя слова Ма Юаня правильными, приказал начальнику округа Увэй вернуть в округ Цзиньчэн всех беглецов. Всего вернулось свыше 3 тыс. человек, каждому из которых было велено поселиться в родном поселении. По докладу Ма Юаня были поставлены старшие чиновники, исправлены городские стены, построены небольшие наблюдательные укрепления, приняты меры поощрения устройства заливных полей, людей убеждали заниматься земледелием и скотоводством, поэтому все в округе радостно принялись за [привычные] дела.

Затем Ма Юань послал цянского вождя Ян Фэнпи уговорить живущих за укрепленной линией цянов, те явились как один с выражением желания установить дружественные отношения. Кроме того, с изъявлением покор-

ности явились дисцы, восставшие против Гунсунь Шу. Ма Юань представил челобитную, в которой просил восстановить всех в титулах хоу и вонов, предоставить вождям прежнюю власть и пожаловать им печати со шнурами. Император принял сделанное предложение, после чего войска Ма Чэна были распущены.

На 13-м году (эры правления Цзянь-у, 37 г.) цаньланские цяны в округе Уду совместно с различными кочевьями цянов, жившими за укрепленной линией, совершили грабительский набег и убили старшего чиновника. Ма Юань во главе 4 тыс. воинов напал на них и дошел до уезда Дидао. Цяны заняли гору, а войска Ма Юаня расположились на равнине, лишив цянов воды и травы, и не вступали в сражение. Оказавшись в трудном положении, вожди цянов во главе нескольких десятков тысяч дворов бежали за укрепленную линию, а свыше 10 тыс. человек из разных кочевий сдались Ма Юаню. После этого в землях к западу от гор Луншань воцарилось спокойствие (33, гл. 24, л. 8-б—10-б).

¹⁰ В 106 г. позднеханьский император Шан-ди назначил Лян Цзиня (?—112 г. н.э.) помощником пристава по делам Западного края. Когда он прибыл в Хэси (общее название земель к западу от Хуанхэ), во владениях Западного края вспыхнуло восстание и было совершено нападение на ханьского генерал-губернатора Жэнь Шана, находившегося во владении Шуэ. Жэнь Шан оказался в критическом положении, поэтому Лян Цзинь получил приказ срочно выступить ему на помощь во главе 5 тыс. цянских и хуских всадников. Жэнь Шану удалось отбить восставших собственными силами, но двор, очевидно считавший его виновным в восстании, назначил на его место Дуань Си, а должность воеводы конной охранной стражи получил Чжао Бо. Оба расположились в г. Тоганьчэне во владении Гуйцы. Это был небольшой город, и Лян Цзинь понял, что его трудно оборонять. Он обратился к Байба, правителю Гуйцы, и, обманывая его, попросил для себя разрешения разместиться в столице, с тем чтобы вместе защищать ее, на что получил согласие. Однако, войдя в столицу, он сразу же пригласил в нее Дуань Си и Чжао Бо, которые не замедлили явиться. После соединения с Лян Цзином силы китайцев составили 9 тыс. воинов. Это привело к восстанию населения, которое осадило столицу. За несколько месяцев ханьским военачальникам удалось подавить восстание и восстановить порядок, но связь с Китаем оказалась прерванной.

Обсуждая при дворе создавшееся положение, сановники нашли, что владения Западного края далеко от Китая, в них постоянно происходят восстания, а содержание пахотных полей требует огромных расходов. В результате в 107 г. было принято решение упразднить должность генерал-губернатора Западного края, Дуань Си и Чжао Бо отозвать, а пахотных поселенцев вернуть обратно (33, гл. 47, л. 25-а—26-б).

Выполнение этого решения было возложено на воеводу конной охранной стражи Ван Хуна, который направил для встречи переселяемых отряд, набранный по разверстке среди цянов. Набор воинов возмутил цянов, и без того страдавших от произвола китайских властей, что привело к общему восстанию, с которым местные власти не могли справиться (33, гл. 87, л. 21-а—21-б).

¹¹ На усмирение восстания цянов (см. примеч. 26) были посланы военачальник колесниц и конницы Дэн Чжи и полковник, карающий запад, Жэнь

Шан во главе 50 тыс. воинов, которые должны были встретиться в округе Ханьян (административный центр — город Цзи, лежавший на месте современного уездного города Фуцян в провинции Ганьсу). События развивались следующим образом:

«Весной следующего года (108 г.), когда войска различных округов еще не прибыли в Ханьян, несколько тысяч чжунских цянов первыми напали на войска Дэн Чжи и нанесли им поражение к западу от города Цзи, убили более тысячи человек.

Зимой этого же года Дэн Чжи приказал Жэнь Шану и канцеляристу-телохранителю Сыма Цзюню сразиться во главе окружных войск с дьяньлинскими цянами, насчитывавшими несколько десятков тысяч человек, в уезде Пинсян. Войска Жэнь Шана потерпели сильное поражение, потеряв более 8 тыс. убитыми.

После этого вождь дьяньлинских цянов объявил себя Сыном Неба, собрал в округе Бэйди цаньланских цянов, живших в уезде Уду, привлек на свою сторону войска различных племен в округе Шанцзюнь и землях к западу от Хуанхэ, в результате чего значительно усилился. На востоке он напал на земли округов Чжао и Вэй, на юге вторгнулся в область Ичжоу, убил начальника округа Ханьчжун Дун Бина, совершал грабительские набеги на район Саньфу и перерезал дороги, ведущие в округ Лунси. В уездах, входивших в округ Хуанчжун, цена проса поднялась до 10 тыс. монет за дан, умерло неисчислимо количество людей. Двор не мог обуздать цянов, перевозка продовольствия для войск была весьма затруднительна. В связи с этим император издал указ, приказывая Дэн Чжи отвести воинов и оставить Жэнь Шана в качестве командующего войсками» (33, гл. 87, л. 21-б--22-б).

²⁸ В 115 г. Жэнь Шан был назначен начальником охранной стражи телохранителей, а Ма Сянь — приставом, надзирающим за цянами, и им было поручено возглавить борьбу с цянами, которую они и довели до победного конца.

²⁹ В 141 г. Ма Сянь, имея около 6 тыс. всадников, напал на цянов и подошел к горе Егушань. В происшедшем сражении отряд Ма Сяня был разбит, сам он вместе с двумя сыновьями погиб на поле боя (33, гл. 87, л. 34-б).

³⁰ Дуань Ин — известный позднечаньский военачальник, успешно воевавший на западе с цянами, а на востоке с сяньбийцами (33, гл. 65).

³¹ Сяхоу Мяоцай — вэйский военачальник; настоящее имя — Юань (Мяоцай — его прозвище). В 212 г. Ма Чао осадил Вэй Кана, правителя области Лянчжоу в г. Цзи. Ма Чао, уроженец области Силян, в которой из поколения в поколение жили его предки, пользовался доверием цянов и хусцев. Сяхоу Мяоцай выступил на помощь Вэй Кану, но Ма Чао успел занять г. Цзи, поэтому Сяхоу Мяоцай остановился в 200 ли от города. В сражении с подошедшим Ма Чао он потерпел поражение, к тому же Ма Чао поддержал вождя дисцев Цяньвань, обосновавшийся в г. Синго. Сяхоу Мяоцай вынужден был отвести войска.

В 213 г. чиновники Чжао Цюй и Инь Фэн, договорившись с Цзян Сюем, служившим Ма Чао в звании военачальника — успокоителя исцев, хотели отстранить Ма Чао. Когда, приступив к действиям, Цзян Сюй занял г. Лучэн, Чжао Цюй предложил разгневанному Ма Чао выступить на его усмирение. Однако едва Ма Чао выступил в поход, как Чжао Цюй запер во-

рота г. Цзи и открыто поднял мятеж. Ма Чао пришлось бежать, но вскоре, получив помощь от Чжан Лу, находившегося в округе Ханьчжун и пользовавшегося поддержкой крестьянских повстанческих отрядов, он вернулся обратно и осадил город Цишань.

Цзян Сюй обратился за помощью к Сяхоу Мяоцаю, который не замедлил явиться. Ма Чао снял осаду с Цишаня и отступил, но оставался его сторонник Хань Суй, сидевший в Сяньцине. При приближении Сяхоу Мяоцаю он бежал в г. Люэян. Военачальники предлагали Сяхоу Мяоцаю напасть либо на Хань Суя, либо на диского вождя Цяньваня, находившегося в Синго. Однако Сяхоу Мяоцаю ответил: «У Хань Суя отборные воины, а город Синго защищен прочными стенами, поэтому, напад на этот город, мы не сможем быстро занять его. Лучше напасть на цянов, живущих по реке Чанли. Большинство цянов, живущих по реке Чанли, находится в войсках Хань Суя, поэтому они, несомненно, бросятся спасать свои семьи. Лишившись поддержки цянов, Хань Суй останется один, а чтобы избежать этого, он выступит на помощь чанлиским цянам, и мы сможем сразиться с ним в открытом поле, где непременно захватим его в плен».

Двинувшись во главе легковооруженных воинов, Сяхоу Мяоцаю напал на чанлиских цянов, на помощь которым поспешил Хань Суй. В разыгравшемся сражении Хань Суй потерпел поражение, после чего Сяхоу Мяоцаю осадил г. Синго. Цяньвань бежал к Ма Чао, а его воины сдались (45, Вэй-шу, гл. 9, л. 4-б—5-б).

¹² *Циньчуань* — другое название — Гуаньчжун, т.е. земли между заставами.

¹³ В 219 г. в войне с Лю Бэем Цао Цао (император У-ди) потерпел поражение, и ему пришлось отказаться от округа Ханьчжун. Опасаясь, что Лю Бэй может привлечь на свою сторону дисцев в округе Уду, Цао Цао переселил оттуда более 50 тыс. диских юрт в округа Фуфэн и Тяньшуй. В дальнейшем это действительно принесло Китаю беды, поскольку выдвинулся диский род Фу, представители которого создали на территории Китая династию Ранняя Цинь (351—394).

¹⁴ *Чжэнгоцзой* — название ныне не существующего канала. Построен в период Чжань-го (403—221 гг. до н.э.). Владение Хань, боявшееся владения Цинь, хотело приостановить его продвижение на восток. С этой целью оно подговорило владение Чжэн, славившееся искусством постройки ирригационных сооружений, предложить владению Цинь построить оросительный канал длиной более 300 ли. Весь расчет строился на том, что постройка такого большого сооружения истощит Цинь и у него не останется сил для движения на восток. Постройка канала (Чжэнгоцзой — букв. «канал владения Чжэн») позволила Цинь оросить более 40 тыс. циней солончаковых земель и собирать с каждого му урожай в размере одного чжуна. Это вопреки расчетам Хань способствовало еще большему усилению Цинь, которое в конце концов уничтожило все владения (26, гл. 29, л. 3-а — 3-б).

Канал начинался у горы Чжуншань к северо-западу от современного уездного города Цзинъян в провинции Шэньси, шел на восток и, пройдя по территории уездов Саньюань, Фупин и Пучэн, соединялся с рекой Лошуй. Канал Байцзой начинался от реки Цзинхэ в провинции Шэньси и проходил по территории современных уездов Цзинъян, Саньюань, Лилин, Гаолин и Линьтун. Построен при династии Хань Бай-гуном, отчего и называется *Байцзой* — канал Бай-гуна.

³⁵ Столица чжоуских ванов находилась в Фэн и Хао, столица императора Цинь — в Сяньяне, столица императора Хань — в Чанъане. Все столицы были расположены в змелях между заставами.

³⁶ *Сяньлин* — одно из племен западных жунов, занимавших земли от современного уезда Линься в провинции Ганьсу до озера Кукунор.

³⁷ *Ханьбин* — одно из племен западных жунов. При династии Хань было уничтожено, а на его землях создали уезд Ханьбин, входивший в состав округа Тяньшуй. Главный город уезда находился к югу от современного уездного города Тяньшуй в провинции Ганьсу.

³⁸ *Сичжи* — одно из племен западных жунов, называемое также «цычжи». Жило на территории современного уезда Гуйдэ в провинции Цинхай.

³⁹ См. примеч. 4.

⁴⁰ *Чжао Чунго* (138—52 гг. до н.э.) — прозвище Вэнсунь, уроженец уезда Шангуй в округе Лунси. Как искусный наездник и великолепный стрелок из лука был зачислен в охранную стражу императорских телохранителей. Отличался смелостью, усердно изучал трактаты по военному делу, хорошо знал обстановку среди различных племен варваров.

При императоре У-ди (141—87 гг. до н.э.) отличился в походе эршиского военачальника против сюнну, за что был назначен старшим чиновником при военачальнике колесниц и конницы. В правление императора Чжао-ди (87—74 гг. до н.э.) за усмирение восстания цянов в округе Уду был назначен начальником охранной стражи телохранителей, а через некоторое время за пленение сюннуского князя Сици-вана получил звание военачальника арьбергартных войск. Вместе с сановником Хо Гуаном способствовал вступлению на престол императора Сюань-ди (74—49 гг. до н.э.), за что получил титул Инпин-хоу.

В 62 г. до н.э. вожди различных цянских кочевий, договорившись между собой о дружбе, стали откочевывать в земли к северу от реки Хуаншуй, чтобы, заручившись поддержкой сюнну, выступить против Китая. Ханьский двор отправил к цянам посла Ицой Аньго, который обезглавил более тридцати их вождей, что привело к общему восстанию цянов. Чжао Чунго, которому в момент описываемых событий было уже за семьдесят, просил императора поручить ему усмирение мятежа. В результате осторожных и умных распоряжений Чжао Чунго мятеж цянов был подавлен (10, гл. 69).

⁴¹ *Цзы-мин* — прозвище ханьского сановника Фэн Фэнши, уроженца уезда Лу в округе Шандан. В конце правления императора У-ди как юноша из добронравной семьи был назначен телохранителем. В это время династия Хань стремилась укрепить свое влияние в Западном крае, а поэтому было решено вернуть туда находившихся при ханьском дворе лиц из различных владений. Проводить их должен был Фэн Фэнши.

До этого во владении Соцзюй, находившемся в Западном крае, умер правитель, сын которого Ваньнянь, родившейся от его жены, усуньской принцессы, находился при китайском дворе. Соцзюйские старейшины желая снискать благосклонность китайского двора и стремясь сохранить дружественные отношения с усунями, просили ханьского императора Сюань-ди поставить Ваньняня во главе владения. Согласившись, император отправил Ваньняня в Соцзюй, приказав послу Си Чунго проводить его. Поскольку Ваньнянь оказался плохим и жестоким правителем, соцзюйцы

убили его и, договорившись с правителем соседних владений, восстали против Китая.

Фэн Фэнши, считая, что владение Соцзюй может создать угрозу для Китая, самовольно, ссылаясь на императорский указ, поднял войска других владений, напал на Соцзюй, занял его столицу и возвел на престол нового правителя, послушного Китаю. За это ему была пожалована должность дворцового советника.

В 42 г. до н.э. жившие в пределах Китая цяны подняли мятеж, на усмирение которого был послан Фэн Фэнши. Вскоре мятеж был подавлен, а Фэн Фэнши получил титул хоу без пожалования земельного владения (10, гл. 79, л. 1-а—6-а).

Основными землями владения Цинь являлись земли между заставами.

В 48 г. среди сюнну произошел раскол, и они разделились на северных и южных. На пост шаньюя южных сюнну был возведен Би, внук шаньюя Хуханье. Не обладая достаточной силой, Би явился к укрепленной линии с выражением покорности и заявил о желании защищать границы Хань от набегов северных сюнну (33, гл. 89, л. 5-а).

В 50 г. борьба с северными сюнну сложилась для Би неудачно, поэтому император указал ему переехать и поселиться в уезде Мэйцзи (к юго-востоку от совр. Джунгарского аймака в автономном районе Внутренняя Монголия) в округе Сихэ (33, гл. 89, л. 8-а).

В 109 г. шаньюй южных сюнну Ваньши шичжу ти поднял восстание. Против него были посланы войска, действия которых описаны в «Истории Поздней Хань» в жизнеописании Лян Цзиня.

«Зимой на 3-м году (эры правления Юн-чу) южный шаньюй и вождь ухуаней подняли восстание. В связи с этим великий управитель сельским хозяйством Хэ Си был назначен исполнять обязанности военачальника колесниц и конницы, а начальник охранной стражи телохранителей Пан Сюн был назначен его помощником. Они получили приказ вместе с начальником округа Ляодун Гэн Куем, командовавшим войсками из сяньбийцев, напасть на восставших во главе пяти отрядов охранной стражи и телохранителей и 20 тыс. воинов, собранных в десяти пограничных округах. Ляо Цзинь на основании императорского приказа был назначен исполнять обязанности залаяского военачальника.

Пан Сюн и Гэн Куй вместе напали на сюннуского *юцзянь жичжу-вана* и нанесли ему поражение. Тогда шаньюй сам повел войска и окружил начальника охранной стражи телохранителей Гэн Чжуна в Мэйцзи. Непрерывные сражения продолжались несколько месяцев. Когда нападения сюнну стали особенно ожесточенными, Гэн Чжун разослал письма с просьбой о помощи.

В первой луне следующего года Лян Цзинь, имея более 8 тыс. воинов, поспешил на помощь и около города, в котором прежде находилось управление зависимыми владениями, вступил в сражение с ухуаньским вождем, занимавшим у сюнну пост левого военачальника, нанес ему поражение, обезглавил главарей, убил свыше 3 тыс. человек, взял в плен жен и детей и захватил много имущества. Шаньюй лично возглавил семь или восемь тысяч всадников и окружил Лян Цзиня. Одетый в латы, Лян Цзинь стремительно напал на шаньюя, сокрушая все на своем пути; после этого варвары отошли в Хуцзэ.

В третьей луне войска Хэ Си вошли в город Маньбо в округе Уюань. Тяжело заболевший Хэ Си не мог продвигаться вперед, поэтому он послал Пан Сюна, Лян Цзиня и Гэн Чжуна с 16 тыс. пехотинцев и всадников атаковать Хуцзэ. Когда соединенные войска начали наступление, шаньюй испугался и послал к Лян Цзиню левого *юцзянь жичжу-вана*, изъявляя желание сдаться. Во время сдачи Лян Цзинь выстроил войска, а шаньюй без головного убора, босой, со связанными за спиной руками, совершив земной поклон, представил заложника (33, гл. 47, л. 27-а—28-а).

⁴⁵ «В 4-м году эры правления Чжун-пин (187 г.) бывший правитель округа Чжуншань Чжан Шунь поднял восстание и, возглавив сяньбийцев, стал производить набеги на пограничные округа. Император Линди приказал южным сюнну выслать войска, чтобы вместе с Лю Юем, правителем области Ючжоу, покарать восставших. Шаньюй выслал в область Ючжоу конницу во главе с левым сянь-ваном. Однако его народ испугался, что шаньюй без конца будет посылать войска, а потому в 5-м году (эры правления Чжун-пи, 188 г.) правые кочевья ило, сючжугэху, байматун и другие, более 100 тыс. человек, подняли восстание и убили шаньюя (Цянцюя) (33, гл. 89, л. 32-6).

⁴⁶ *Юймифуло* — в «Истории Поздней Хань» его называют Юйфуло, сын убитого шаньюя Цянцюя, стал шаньюем в 188 г. О нем рассказывается: «Соотечественники, убившие его отца, подняли против него восстание и с общего согласия возвели на престол шаньюя гудухоу из фамилии Сюйбу, в то же время Юйфуло явился во дворец императора и обвинил себя во всем происшедшем.

В это время император Лин-ди скончался, в Поднебесной возникли большие беспорядки, в связи с чем шаньюй (Юйфуло) с несколькими тысячами всадников совместно с мятежниками из Байбо (база «желтых повязок») предприняли набег на округа, расположенные в районе Хэнэй. Однако все население укрылось в укрепленных пунктах, набеги не приносили добычи, поэтому войны терпели неудачу» (33, гл. 89, л. 33-а).

⁴⁷ К шести округам относились Пинъян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандан и Лэпин.

⁴⁸ В Цзинь-шу коротко сообщается: «В 7-м году эры правления Тай-ши (271 г.) вождь сюнну Лю Мэн поднял мятеж и ушел за укрепленную линию (33, гл. 3, л. 6-6). Весной в первой луне 8-го года эры правления Тай-ши (272 г.) военный инспектор Хэ Чжэнь выступил в карательный поход против сюннусада Лю Мэна и нанес ему несколько поражений. Вождь левого кочевья Ли Кэ убил Лю Мэна и сдался Хэ Чжэню» (32, гл. 3, л. 7-а).

⁴⁹ По свидетельству *Цзинь-шу*, «в 4-м году эры правления Юань-кан (294 г.) сюннусец Хао Сань поднял мятеж и напал на округ Шандан, в котором перебил старших чиновников. Осенью в восьмой луне Хао Сань сдался во главе войска и был убит главным воеводой округа Фэнъи» (32, гл. 4, л. 2-6). Гуюань — уездный город, находившийся к югу от современного уездного города Циньюань в провинции Шаньси (19, с. 731).

⁵⁰ *Гуаньцю Цзянь* (?—255) — военачальник династии Вэй (220—265). При императоре Мин-ди (226—239), находясь в Лояне, ведал вопросами, связанными с сельским хозяйством. В это время император стал собирать крестьян для постройки дворца, против чего выступил Гуаньцю Цзянь, представивший доклад, в котором указывал, что в настоящий момент

главная задача состоит в борьбе с голодом и нищетой, а постройка дворца не способствует ее разрешению. Недовольный, Мин-ди перевел Гуаньцю Цзяня на должность правителя Цзинчжоу.

В эру правления Цин-лун (233—236), когда император разрабатывал планы усмирения округа Ляодун, он перевел Гуаньцю Цзяня, как деятельного чиновника, на должность правителя области Ючжоу. На этом посту Гуаньцю Цзянь подчинил ухуаней и принимал активное участие в усмирении мятежа, поднятого Гунсунь Юанем.

В 245 г. выступил во главе 10 тыс. всадников покарать Гуна, правителя владения Гаоцзюйли, совершавшего набеги на вэйские земли, и, нанеся ему крупное поражение, вернулся обратно. В следующем году Гуаньцю Цзянь предпринял вторичный поход против Гуна, который бежал. В погоне был послан Ван Ци, правитель округа Сюаньту, который, пройдя по землям воцарившихся более тысячи ли, дошел до южных границ суэней, где поставил памятник с описанием подвигов Гуаньцю Цзяня. В 1905 г. этот памятник был найден вблизи города Цзиань в провинции Гирич.

Позднее Гуаньцю Цзянь был назначен на пост военачальника — правителя востока и выехал в область Янчжоу. Находясь на этом посту, он выступил вместе с Вэнь Цинем, правителем области Янчжоу, против Сыма Ши, захватившего власть при дворе вэйского императора. Восстание закончилось неудачно. Войска Вэнь Циня потерпели поражение, а Гуаньцю Цзяню пришлось бежать. В дороге он спрятался в траве на берегу реки, где был убит из лука одним из крестьян, который затем отрубил ему голову и отправил ее в столицу (45, Вэй-шу, гл. 28, л. 4-6—11-6).

¹¹ Заимствовано из *Лунь-юя* (с. 352).

¹² Заимствовано из *Ши-цзиня* (с. 1524).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
2. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
4. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
5. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М., 1974.
6. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
7. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. Курс русской истории. М., 1956.
8. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
9. *Шицзин* / Пер. А.А.Штукина. М., 1957.

На китайском языке

10. Бань Гу. Хань-шу (История династии Хань). Пекин, «Бо-на», 1958.
11. Ван Миншэн. Шици ши шанцюэ (Обсуждение семнадцати династийных историй). Шанхай, 1959.
12. Вэй Чжэнь. Суй-шу (История династии Суй). Пекин, «Бо-на», 1958.

Последний век империи

Р.Ю.Виннер

РИМСКАЯ АФРИКА В ОГНЕ ВОССТАНИЙ

Из всех окраин Римской империи самой беспокойной была африканская, состоявшая из собственно Африки, бывшей области Карфагена, Нумидии и Мавритании (нынешних Туниса, Алжира и Марокко). Здесь римляне составляли только небольшой высший слой крупных земледельцев (посессоров), денежных людей (фенераторов) и чиновников, присылаемых из Рима. Большинство населения, все трудящиеся классы состояли из покоренных пунийцев, ливийцев и берберийских племен, нумидийцев и мавров. Романизация, помимо приморских городов, не сделала здесь особенно больших успехов: язык погибшего старого Карфагена, пунийский говор, сохранил еще полную силу, держалась и вера в туземных богов, которых тайно почитали принявшие официально христианство африканцы. Большая масса населения относилась враждебно к римской администрации; в особенности ненавидели римских посессоров и ростовщиков колонны и рабы, работавшие в огромных имениях (так называемых *saltus*), угнетаемые поборами и тяжелой барщиной.

Глухая вражда между эксплуататорами и эксплуатируемыми разгорелась в открытую борьбу со времени реформ Диоклетиана — Константина, когда трудовое население ощущало на себе всю тяжесть новых налогов и увеличенных натуральных поставок; оно страдало еще от римского способа взимания податей

через посредство откупщиков, которые притесняли плательщиков ссудой за большие проценты, а несостоятельных должников обращали в кабалу, продавали в рабство, держали в оковах или ставили на тяжелую работу.

Недовольные, кто был посмелее, кто жил поближе к степной окраине, убегали к степной окраине, убегали к кочевникам, нумидийцам и маврам; эти, в свою очередь, далеко не вполне подчинившиеся Риму, всегда были готовы к разбойничьим набегам на богатые имения и города провинции; беглецы и рабы охотно примыкали к ним при нападении на прежних своих господ. Скоро тут стали составляться большие отряды повстанцев, угрожавшие зажиточному оседлому населению, в особенности посессорам и ростовщикам.

К социальным столкновениям в римской Африке присоединялась еще вражда религиозных партий. Со времени гонений на христиан Диоклетиана от католиков, искавших примирения со светской властью, отделились последователи Доната, ревнители, которые прославляли мученичество за веру, возвеличивали исповедников, не страшившихся пыток и казни. Донатисты объявили свою церковь единственно «святой», в противоположность «предателям», как они называли католиков. Они находили себе всего более сочувствия в низших классах, среди бедноты, ремесленников, крестьян, особенно рабов, задавленных черной работой. В эту среду легко проникала идеология донатистов. Угнетенные нуждой, налогами и барщиной, колоны, рабы и кабальные должники применяли к себе учение о величии мученичества и святости страдания. Убегавшие в степь и возвращавшиеся оттуда грозными мстителями, повстанцы избирали себе это учение кличем борьбы; в то время как испуганные их нашествиями посессоры и ростовщики звали их *циркумцеллионами* (бродягами), сами они называли себя *агонистиками*, т.е. борцами за веру, воинами Христа.

Агонистики объявили беспощадную войну посессорам и ростовщикам; они нападали на господские виллы, грабили, жгли, разоряли их, вторгались в города, где должники расправлялись с кредиторами. Непокойно стало на больших дорогах: встречая господ, повстанцы выгоняли их из экипажей, сажали на их место сопровождавших своих хозяев рабов; так, едва живых, увозили они посессоров в другие края, где под ударами бича те должны были вертеть тяжелые жернова.

В 30-х годах IV века, под конец правления Константина, из

степей стали надвигаться на культурные области внушительные массы инсургентов, составившиеся из беглецов и кочевников, под начальством двух берберийских князей, Аксилы и Фазира, которые называли себя «вождями святых». Римское правительство вынуждено было послать в Африку крупные военные силы. В 340 г. близ города Октавы произошло большое сражение, в котором римские легионеры своей регулярной тактикой одолели повстанцев, вооруженных по большей части палицами, топорами, колющими и пращами. Но борьба продолжалась. Лишь семь лет спустя (347) произошла новая большая битва при городе Баган, которая привела к окончательному разгрому восстания. Теперь обнаружилось, как много было у агонистиков отчаянной решимости: они бились за венец мученичества, с потерей надежды на спасение; среди оставшихся в живых началась мания самоубийств: они бросались на мечи, низвергались с высоких скал, отдавались самосожжению.

После зверских истребительных экзекуций римлян революционное движение в Африке лет на двадцать заглохло, но по-прежнему оставались все основания для возмущения крепостных колонов и рабов. К 70-м годам IV века стали опять собираться большие отряды агонистиков, угрожавшие крупным именьям и богатым городам. Снова в их среде действуют восторженные проповедники, возвещающие близкое наступление Страшного суда и затем тысячелетнее царство Христова; в ожесточенных боях участвуют женщины, борцы воспламеняют себя пением религиозных гимнов. Донатисты разделились теперь на два лагеря: епископы больших богатых городов держат сторону посессоров и ростовщиков, епископы глухих деревенских округов отдают свое сочувствие трудящимся и бедным крепостным колонам и рабам. Одно время во главе отряда повстанцев действовал донатистский епископ Оптат из Тамугады; после захвата больших имений он занялся разделением их на мелкие участки, которые роздал работавшим тут раньше крепостным колонам и рабам, получившим теперь полную свободу.

Непрерывные восстания делали Африку, Нумидию и Мавританию самым непрочным владением империи. У местного населения вовсе не было имперского патриотизма. В следующем, V веке страна легко сделалась добычей варваров, германского племени *вандалов*, которые переправились на Африканский материк из Испании.

НАЧАЛО ВЕЛИКИХ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ
И НАШЕСТВИЙ ВАРВАРОВ НА ИМПЕРИЮ

Раздираемая церковными спорами, бедневшая людьми и средствами империя не могла выдержать натиск варваров, который начинается с последней четверти IV века. Эти нашествия получили у историков Нового времени название «Великого переселения народов». В самом факте передвижения больших племен по Средней Европе не было ничего нового. Рим испытал целый ряд нападений с севера, начиная от нашествия кимбров и тевтонов. Переселения, начавшиеся в конце IV века, отличались лишь тем, что на культурные страны нагрянули особенно значительные по числу массы варваров; далее — тем, что переселившиеся восточногерманские племена — готы, вандалы, бургунды, лангобарды, гепиды и др. — забирались в самую глубину империи; наконец тем, что переселенцы проходили огромные расстояния: так, готы с берегов Балтийского моря прошли сначала в Черноморские степи, а потом с Днепра и Дуная прошли последовательно по всем трем южноевропейским полуостровам — Балканскому, Апеннинскому и Пиренейскому; вандалы из Прикарпатской области прошли через северную Италию, южную Галлию, Испанию, переправились в Африку, добрались до Карфагена.

Толчок к Великому переселению народов был дан с востока появлением в Европе монгольского племени *гуннов*. В свою очередь эта беда обрушилась на Европу благодаря событиям на далекой восточной окраине Азии: современники Римской империи, китайские императоры Ханьской династии (206 до н.э.), одержали блестящие победы над кочевыми монгольскими племенами, разгромили их военные лагеря и загордились от них *Великой стеной* (система китайских укреплений была похожа на одновременный с ними римский вал, но оказалась более внушительной и прочной, чем защита римлян). Для главных врагов Китая, степных племен *хиунгу* (по европейскому произношению *hунн*), закрылись окончательно плодородные, богатые, тесно населенные области по рекам Хуанхэ и Янцзы. Кочевники разделились: одна их группа (так называемые «белые» гунны) двинулась в обход высочайших гор Средней Азии на Индию; другая через южносибирские степи прошла «Великими воротами народов» (между Уральским хребтом и Каспийским морем) в Восточную Европу.

В середине IV века, когда в империи правили сыновья Кон-

стантина, гунны напали на сарматский народ — алан, занимавших низовье Волги. Часть алан бежала на Кавказ (остаток их — нынешние осетины у горы Казбек), другая присоединилась к гуннам. Увлекая за собой толпы покоренных, гунны перешли Дон и обрушились на большое восточногерманское племя готов, утвердивших свое господство на всем протяжении от Дона до Карпат и Нижнего Дуная (в свою очередь готы незадолго до того пришли в Черноморские степи с берегов Балтийского моря). Старый вождь Эрманарих, создавший могущество готов, прославленный в воинских песнях и сказаниях, в отчаянии покончил с собой. Так же как аланы, разделились и готы: в то время как остготы (восточные) были вынуждены последовать за гуннами, вестготы (западные) бежали еще дальше на запад.

Своей многочисленностью, своим яростным натиском гунны вызывали везде неслыханный ужас. Грекам и римлянам бросалась в глаза их некрасивая наружность, их приземистые, широкоплечие фигуры, их скуластые безбородые лица с приплюснутым носом, их грубая одежда из невыделанных шкур, их жадность до сырого мяса; поражало, что у них даже нет юрт; в то время как женщины и дети жили в кибитках, служивших при передвижении, мужчины почти не расставались со своими невзрачными, но быстрыми, как ветер, лошадками. Сражались гунны не сплоченными рядами, а врассыпную, окружая врага со всех сторон, увлекая его притворным бегством, затем внезапно оборачиваясь и переходя к нападению; они метали пращами заостренные кости, ловили и запутывали противника арканами, рубили кривыми саблями.

Отступая от гуннов, вестготы с женами и детьми, со стадами и всем своим скарбом подошли к нижнему Дунаю и потребовали у римлян допущения их на имперскую территорию. Империя в это время была разделена между двумя правителями: Валентом, императором восточной половины, и его племянником Грацианом, императором западной части империи. Валент согласился предоставить готам Мезию (ныне Болгария) при условии, что они выдадут оружие; до тех пор пока пришельцы не наладят на уступленной земле хозяйство, было обещано кормить их из имперских запасов. Однако имперские чиновники, принимавшие переселенцев в подданство, дали себя подкупить и втайне оставили варварам оружие; в то же время они обманули готов, не доставивши им продовольствия. С голоду готы стали продавать в рабство жен и детей, наконец бросились грабить

имперские города и селения, не оставляя, по словам современника, «ничего, кроме неба и земли». Они позвали к себе на помощь гуннов и алан; к варварам присоединился всякого рода недовольный, притесняемый и обиженный люд — беглые крепостные из имений магнатов, горнорабочие, несостоятельные должники, осужденные на каторжные работы, и рабы.

Император Валент находился в это время в Антиохии. Спешно он переправился в Европу и, не дожидаясь помощи Грациана, пошел навстречу врагу. Окруженный превосходящими силами варваров, он был разбит при Адрианополе и погиб; готы подошли к самому Константинополю (378). В этом отчаянном положении Грациан, лично малоспособный человек, сделал счастливый выбор: отправляя военные силы на Балканский полуостров, он предоставил главнокомандующему, испанцу Феодосию (Theodosius), императорскую власть над Востоком. Своими искусными действиями Феодосий умирил готов, но все-таки уступил им в главном: варвары были приняты на поселение во Фракии, Мезии и Македонии в качестве федератов, т.е. союзников Рима, обязанных служить ему против других германских народов. Правда, федератами служили германцы и раньше, но прежде они занимали лишь небольшие пограничные области; теперь наступила перемена в том смысле, что федератов поместили во внутренних областях империи, близко к центру.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ И ЗАВОЕВАНИЕ ЗАПАДА ВАРВАРАМИ

Феодосий, прозванный Великим (379—395), был последним выдающимся правителем целостной Римской империи, по своему таланту равный Диоклетиану и Константину; его положение было, однако, несравненно труднее, чем его предшественников. Он искал опоры в христианской церкви, отсюда его ревность в утверждении православия, к которому склонилось теперь большинство епископов. Феодосий созвал в 381 г. в Константинополе Второй вселенский собор, на котором ариане еще раз подверглись осуждению; собственноручно разорвал император сочинения еретиков. Во всем старался он угодить епископам: приняты были энергичные меры, чтобы истребить язычество, под страхом смерти были воспрещены жертвоприношения в храмах, гадания по внутренностям животных, пре-

следовались такие невинные обряды, как зажигание факелов, украшение жилищ гирляндами цветов в праздники.

Торжество христианской церкви над светской властью особенно ярко обнаружилось в следующем происшествии 390 года. В Фессалониках военный командир, германец Ботерих, велел схватить одного из цирковых возниц, который был любимцем публики; раздраженная против германцев толпа растерзала военного начальника. Тогда Феодосий, в свою очередь разгневанный этим самоуправством, загнал народ в цирк и перебил до 7000 человек. В это время наиболее влиятельным церковным деятелем и столпом православия был Амвросий, архиепископ Милана, известный своей святой жизнью. Он высказал суровое осуждение поступку императора, к чему присоединились и некоторые епископы. Император должен был смириться перед судом иерархов и принести свои оправдания. Усердие Феодосия в истреблении язычества еще более усилилось. В 391 г. с одобрения императора александрийский епископ Феофил (Theophilus) принялся за разгром великого храма Сераписа в Александрии: монахи, вызванные из пустыни, стали во главе разъяренной толпы и взяли громадное укрепленное здание штурмом, разрушили его до основания, сожгли при этом большую часть знаменитой Александрийской библиотеки, заключавшей в себе ученое и литературное творчество античной Греции.

Феодосию приходилось фактически вступать в дела правления Западной империи, так как императоры — братья Грациан и Валентиниан II были люди слабые и ничтожные. Все труднее становилось оберегать западные области от натиска варваров, и защиту можно было проводить только при помощи варваров, находившихся на римской службе. Легионы давно уже набирались из одних иноплеменников: германцы сражались против германцев. И не только простыми солдатами служили варвары, но они занимали также должности центурионов и высших командиров. Варвары, можно сказать, заволокли собой империю. Даже северные костюмы стали входить в моду и вытеснять легкую античную одежду, которая состояла из безрукавной рубашки и плаща: в конце IV века в Риме многие обыватели щеголяли в ярких куртках и широких шароварах. Император Грациан очень благоволил к инородцам: дела правления он передал франку Меробауду, окружил себя аланскими стрелками и сам, нарядившись аланом, целыми днями рыскал с ними на охоте. Это братание императора с варварами вызвало сильное

недовольство в среде римлян и стоило Грациану жизни: его низверг провозглашенный в Британии императором Максим, который двинулся на Рим, чтобы покончить с другим братом — Валентинианом II. Максим встретился в Италии с войсками Феодосия, который разбил узурпатора и восстановил власть Валентиниана II; для управления делами на Западе он оставил франка Арбогаста.

Сначала казалось, что выбор сделан удачно: Арбогаст правил твердой рукой, отбил нападение своих единоплеменников франков, перешедших через Рейн, но когда Валентиниан захотел освободиться от опеки варвара, Арбогаст его сверг, убил и назначил императором ритора Евгения. Опять пришлось Феодосию вмешаться в дела Западной части империи: он явился лично, разбил Арбогаста при Аквилее на севере Италии. Арбогаст покончил самоубийством, Евгению отрубили голову. Феодосий соединил в своих руках обе части империи, но уже через 4 месяца после этого успеха умер (395). Перед смертью он успел разделить империю между двумя своими малолетними сыновьями: Аркадию дал Восток, Гонорию — Запад; при Аркадии управление было отдано галлу Руфину, к Гонорию был приставлен вандал Стилихон. Романизованный германец, Стилихон пользовался особым доверием Феодосия: он был женат на приемной дочери императора, Серене; ему Феодосий поручил верховное командование над войсками в обеих частях империи.

Раздел 395 года был последним и окончательным: две половины империи уже не соединялись более вместе; но Западная империя после этого просуществовала всего 80 лет, Восточная же — тысячу лет с лишком (395—1453).

Тотчас же вслед за смертью Феодосия вестготы вышли из повиновения империи. Поднятый ими на щит и провозглашенный конунгом Аларих вторгся в Македонию и Грецию, разорил Афины и Коринф. Стилихон пришел на помощь Восточной империи, но вместо благодарности встретил недоверие. Константинопольский двор принял Алариха на свою службу и, чтобы отделаться от опасного соседа, посоветовал ему искать счастья на западе. Аларих двинул все племя вестготов, намереваясь через северную Италию пробиться в Галлию. Заволновались также вандалы, бургунды и другие восточногерманские народы, жившие за Дунаем. Стилихону пришлось напрячь все силы для отражения варваров. Не успел он отбить Алариха и прогнать его военные силы назад на Балканский полуостров,

как на Италию напали орды задунайских германцев под начальством Радагайса. Стилихон стянул все войска, какие только оставались в империи, отозвал легионы из Британии, Галлии и с Рейна, набрал отряды среди самих азиатских гуннов. При осаде Радагайсом Флоренции удалось его окружить; Стилихон принудил германского вождя сдаться и большую часть пленных варваров продал в рабство.

Таким образом, спасая Италию. Стилихон лишил защиты Британию и Галлию. Однако Италию ему тоже не удалось убедить. Пришел снова Аларих и потребовал выкуп в 4000 фунтов золота. Стилихон, чтобы найти эти деньги, обложил налогом богатых сенаторов-землевладельцев. Не желая разоряться на защиту империи, римские аристократы обвинили Стилихона в измене и в стремлении к верховной власти; Гонорий велел его схватить и казнить. Теперь Алариху ничто не мешало идти на Рим. Подступив к столице, вождь вестготов потребовал выкуп в виде нескольких десятков тысяч фунтов золота и серебра, груза перца, 4000 шелковых рубашек и 3000 выкрашенных в красную краску овчин для лучших своих воинов. Император находился в это время на берегу Адриатического моря, в Равенне, защищенный с суши обширными болотами, и мало беспокоился о судьбе Рима. Столица сдалась Алариху и подверглась разграблению. Готы ушли с огромной добычей и многочисленными пленниками (410).

Это было неслыханное дело. Пожар и захват «Вечного города», главы Вселенной, предвещал в глазах людей того времени близкую кончину мира. Встрепенулись сторонники язычества: во время осады Рима готами они обращались к гадалеям; в разорении города они видели месть покинутых старых богов. По убеждению христиан, напротив, город пострадал потому, что в нем еще слишком много скрывалось греха и ложной веры. Многим казалось, что на земле совершился великий суд Божий. Монах Иероним, находившийся в это время в далеком Вифлееме, плакал об участи Рима: «Мой голос пресекся, когда я услышал, что покорен город, которому покорялась вся земля. Когда погас самый яркий светоч и голова римской державы отсечена от туловища, когда вместе с Римом погиб весь мир, я поник духом и уже не вижу нигде добра, меня точно пожирает внутреннее пламя».

Совершенно иначе отнесся к гибели столицы другой персоязычный писатель, ученый епископ африканского Гиппона

(Нирро, ныне Бон) Августин. «Не надо, — говорил он, — приходить в отчаяние от тяжелых испытаний судьбы. Все равно как при шатании стен от землетрясения люди быстро спасаются в спокойные места, так христиане, видя разрушение сего мира, должны устремиться к превращению земных богатств в сокровища небесные». В сочинении «De civitate Dei» Августин дает мрачную оценку римской старине, всему тому, что римляне в своей истории считали дорогим и славным. Добродетели и подвиги древних, не знавших истинного Бога, — суэта и высокомерие. Рим построен на кровопролитии: один из братьев-основателей, Ромул, убил другого — Рема. Кровопролитием Рим захватил себе всюду господство. Великие завоеватели мира — Александр, Сципионы — были лишь великими разбойниками. Все государства земные, все, что сложено руками человеческими, хрупко и непрочо, здесь свирепствует дьявол, внушая людям дурные страсти — гордость, властолюбие, жадность. В то время как земные государства разрушаются одно за другим, растет и множится государство Божие, его общину образуют святые на небе и верующие на земле, его принципы — мир и справедливость, его главная добродетель — смирение, его глава — Христос; оно не прейдет веки.

ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ

Все беды, которые принесло с собой Великое переселение народов, обрушились на Рим и на западные области империи.

Аларих умер вскоре после разорения Рима, а его преемник Атаульф заключил с императором соглашение, в силу которого вестготам предоставлялась Аквитания (юго-запад Франции) с главным городом Толозой (Тулуза). Увлеченный блеском римской культуры, Атаульф оделся в римский костюм, взял себе в жены захваченную в плен сестру Гонория; он уверял, что хочет силами готов восстановить прежнюю славу и могущество римской державы. Все эти возвышенные речи не мешали варварам подворваться среди империи полными господами. В северо-восточной Галлии утвердились перешедшие через Рейн франки; в юго-восточной Галлии по реке Роне осели бургунды; вестготы, кроме Аквитании, заняли по другую сторону Пиренеев северо-восточную часть Испании. Еще раньше в Испанию пробилось племя вандалов. Под начальством предприимчивого и необузданно жестокого вождя своего Гейзериха вандалы переправи-

лись через пролив, отделяющий Испанию от Африканского материка, и, пройдя мавританским берегом (ныне Марокко и Алжир), обрушились на цветущую область Карфагена (ныне Тунис).

Вестготы и бургунды осели в провинциях империи с согласия Рима в качестве «гостей и сотрапезников», присоединившихся к римским владельцам земель и домов; в каждом владении пришельцу отводились две трети земли или дохода, одна треть оставалась старому владельцу (раньше, когда империя была сильна, пришлому варвару давали одну треть, а римский владелец сохранял две трети). Другие германцы, например вандалы и франки, водворились без всякого соглашения. Но как те, так и другие сильно потеснили старых собственников. Вместе с разорением прежних землевладельцев пришли в упадок и города, где господа проживали большую часть года. У самих варваров не было никакого интереса к городской жизни: они селились в деревнях, продолжали ходить в своих овчинах, и только те, кто был побогаче, выкрашивали тулуп в пурпурный цвет. Перемене владельцев нисколько не противились рабы, а также колонны, прикрепленные к господской земле крестьяне: скорее они были даже рады приходу варваров, так как это избавляло их от всех тягостей римского управления — от повинности чинить дороги, поставлять подводы, доставлять припасы в армию и платить налоги. И духовенство также не приходило в уныние от водворения германцев. Правда, варвары местами сильно пограбили ризницы в церквях, но зато епископы утешались тем, что у них прибавилась многочисленная паства, и притом такая, в которой они надеялись найти людей простых, со свежими чувствами, более доступных проповеди, чем утонченное, избалованное римское общество.

В распоряжении западного императора Валентиниана III (425—455) остались только Италия и небольшая часть Галлии (середина и северо-запад), но и эти владения не были застрахованы от новых нашествий. Вандальский конунг Гейзерих завладел главной житницей Рима — Африкой; он завел свой флот, занял Сицилию и стал грозой всего Средиземного моря. Между тем гунны, которые дали толчок Великому переселению, перешли из черноморских степей на запад и раскинули свои лагери в Дунайской равнине. Во главе гуннской орды около 440 стал темнолицый Аттила, прозванный «бичом Божиим». Его главная ставка с массой драгоценностей находилась в Паннонии

При Аттиле состоялось множество гадателей разных религий, но вождь заставил также следовать за собой одного пленного епископа, чтобы «святой человек принес счастье его войску».

Восточный император откупился от гуннов уплатой 6000 фунтов золота и обещанием ежегодных взносов. Тогда Аттила, увлекая за собой остготов, двинулся на запад вверх по Дунаю, переправился через Рейн и вторгся в Галлию. Его встретил Аэций, который в молодости был заложником у Алариха и у гуннов; главные силы римского вождя состояли из союзных вестготов и франков. Произошла на полях Каталаунских (у нын. Шалона в Шампани) огромная битва народов, в которой германцы сражались за и против Рима (451). В решительную минуту победного натиска вестготы потеряли убитым своего старого конунга Теодориха; сын его Торисмунд, пылая мстью, собрал свой народ, чтобы штурмовать укрепленный лагерь Аттилы, где гуннский вождь уже приготовил костер для самосожжения. Но Аэций боялся успеха вестготов еще больше, чем победы Аттилы, и убедил Торисмунда вернуться домой под предлогом подавления заговора, который он сам же возбудил среди вестготов. Благодаря этому Аттила спасся от гибели и ушел на Дунай. В следующем году гуннский вождь напал на Италию. От разграбления Рима его удержали только большими подарками, причем во главе определенного к нему посольства стоял папа Лев I, только что проявивший свой авторитет на Халкидонском соборе, а теперь оказавшийся также хорошим дипломатом. Аттила отступил и скоро погиб загадочной смертью на другой день после свадебного пира. Гунны положили его в три гроба — золотой, серебряный и железный — в знак того, что железом он одолел другие народы, а золото и серебро доставил своему племени.

После Аттилы гуннская орда немедленно распалась. Его смерть не спасла, однако, Рим. Ничтожный император Валентиниан III, последний из рода Феодосия, убил Аэция, которому он завидовал, собственной рукой, и за то был растерзан военной свитой Аэция. Между тем в устье Тибра вошел вандалский флот Гейзериха. Снова отправилось посольство с папою Львом I во главе, но на этот раз безуспешно. Варвары вступили в Рим (455) и произвели основательный грабеж: все драгоценности из императорского дворца, храма Юпитера и других великолепных зданий были унесены, между прочим — богатая добыча, которую в свое время Тит захватил в иерусалимском храме.

После этого в течение 20 лет сменилось несколько императоров, которые оказались в руках германских варварских вождей, защищавших Италию. Все сношения метрополии с провинциями прекратились; римские гарнизоны, не получая жалования из казны, разбежались; по великолепным римским дорогам нельзя было ни ездить, ни возить товары из-за беспрепятственных грабежей германских дружин, которые вырвались на волю после распада царства Аттилы. В 475 г. один из варварских вождей, Орест, бывший секретарь Аттилы, женатый на знатной римлянке, возвел в сан императора своего малолетнего сына Ромула, в шутку прозванного Августулом, т.е. маленьким Августом. Солдаты, подчиненные Оресту, поняли это назначение в том смысле, что Италия обращается в германское королевство, и потребовали себе доли земель и доходов, подобно варварам, севшим в Галлии, Испании и на Дунае. Отказ Ореста повел к возмущению германцев; вождь восставших Одоакр, из племени ругиев (или скиров), убил Ореста, отправил маленького императора, носившего два знаменитых римских имени, на прожитие в Кампанию, на дачу, когда-то принадлежавшую Марию и Лукуллу, наделил германских воинов землей, а сам в качестве германского конунга сел в Равенне (476); знаки императорского достоинства (пурпурную тогу и т.п.) Одоакр отослал в Константинополь. Десять лет спустя (486) Хлодвиг, вождь салических франков, завладел остатком римской провинции Галлия.

Эти события впоследствии историки Нового времени назвали падением Западной Римской империи. Но современники не заметили в них чего-либо особенно нового и решительного. Германцы уже в течение двух столетий служили империи, занимали ее войско, получая в вознаграждение землю; в течение последних 100 лет их конунги возводились в сан консулов, патрициев, заменяли римских наместников. Никому не приходило в голову, чтобы империя могла прекратиться: в Константинополе по-прежнему оставался император. Восточный император считал себя теперь властелином всей Римской империи; он имел только средств, чтобы отвоевать Запад.

ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА, ПОСЛЕДНИЙ ВЕК ИМПЕРИИ
АРАБЫ, МУХАММЕД (476—632)

На Балканском полуострове место вестготов заняли остготы, освободившиеся после смерти Аттилы. Во второй половине

V века остrogоты стали беспокоить Восточную империю так же, как за 80 лет до того вестготы. Император Зенон (474—491) повторял ту же политику, которую тогда применили к Алариху, т.е., чтобы отделаться от германцев, направил их внимание на Италию. Среди остготов выдавался молодой вождь Теодорих, который провел свое отрочество в Константинополе в качестве заложника. Теодорих, хотя и не получил вовсе образования, но проникся необычайным уважением к римской культуре. Императору он заявил: «Италия и город Рим, столица и глава мира, — в руках конунга-варвара, который притесняет твой сенат и целую половину империи; пошлите меня с готами, лучше я получу власть от тебя в подарок». Зенон принял Теодориха на римскую службу, осыпал его почестями, возвел в сан патриция и консула и предложил ему в качестве римского наместника отвоевать у Одоакра Италию.

Все племя остготов, с женами, детьми и имуществом, на больших крытых телегах двинулось вдоль берега Адриатического моря по знакомой германцам дороге. Теодорих вступил в северную Италию, разбил Одоакра трижды в открытом поле, но не мог взять крепкую Равенну, где тот заперся. Одоакр предложил мир и раздел Италии. Теодорих согласился, но уже через несколько дней предательски нарушил договор, собственноручно заколов на пиру безоружного Одоакра. Остготский конунг принял к себе на службу одоакровых германцев; как им, так и своим воинам он выделил часть земель римских посессоров (493).

Теодорих был самым выдающимся из германских вождей своего времени. Хотя он выступил в Италии в качестве уполномоченного от восточного императора, но править стал здесь совершенно независимо от Константинополя. Он получил оттуда обратно знаки императорского достоинства, отосланные Одоакром, оделся в пурпур. Сознывая себя как бы равным восточному государю, он писал императору Анастасию (491—518): «Нас соединяет благоговенная любовь к городу Риму, от которого мы оба, связанные одним именем (*princeps Romanus* и *basilicus ton Romaion*), не можем себя отделить. Между нашими двумя государствами, которые при прежних властелинах всегда составляли одно тело, не может продолжаться несогласие. Во всем римском мире пусть царствует одна воля, одна мысль». Теодорих так и остался неграмотным варваром: для подписи бумаг ему подавали шаблон с вырезанными буквами, и он ма-

зал по этой дощечке черной кистью. Но он окружил себя советниками из римлян, и это были самые интеллигентные люди тогдашней Италии: его главным министром был ученый Кассиодор, сенатор из старинной римской фамилии, написавший потом высокопарным стилем «Историю готов в подборе из блестящих подвигов». Другим его советником был Боэций, также знатный римлянин, «последний философ античности». Под их руководством продолжали работать римские канцелярии, и указы остготского конунга выходили в прежнем стиле и форме. Своей дочери-наследнице Амалаевинте Теодорих дал образование чисто римское. Одному германскому вождю он послал искусно сделанные часы и отправил мастеров, «чтобы варвары узнали изобретения древних и покинули свой дикий образ жизни».

Преклоняясь перед римской культурой, Теодорих, однако, хотел сохранить воинскую силу своих германцев, тем более что они составляли незначительное меньшинство среди туземного населения Италии. Между готами и римлянами было проведено строгое разделение в правах и обязанностях. Военную службу несли только готы, но они зато и не допускались к делам управления; наместники, сенаторы, сборщики податей были по-прежнему римляне. Между готами и римлянами было еще одно отличие, уже не зависевшее от воли Теодориха: готы были ариане, следовательно, еретики в глазах католических, или ортодоксальных, римлян. Государство Теодориха было самым крупным из королевств, основанных переселившимися с востока германцами: оно занимало всю Италию, а за ее пределами простиралось на севере до Дуная (т.е. включало в себя нын. Швейцарию, Тироль и Баварию), на востоке захватывало Иллирию у восточных берегов Адриатического моря. Теодорих старался установить связи с другими германскими конунгами и занять положение главы в этом германском мире: сам он женился на сестре франкского вождя Хлодвига, свою сестру и двух дочерей своих отдал замуж за конунгов — вандалского, вестготского и бургундского. Когда Хлодвиг разбил вестготов и погнал их перед собой, Теодорих выступил посредником, остановил полный разгром вестготского королевства и не дал франкам захватить юго-восточный угол Галлии (ныне Прованс).

Несмотря на все эти блестящие успехи внешней политики Теодориха, внутреннее положение остготского королевства было непрочным. Туземное население ненавидело готов, католи-

ческие епископы относились к ним, как к еретикам, крайне враждебно. Недовольные поддерживали тайные сношения с Восточной империей. Под конец правления Теодориха стали возникать заговоры против его жизни; он их подавлял со страшной жестокостью, но враги не унимались, и как только умер Теодорих (525), началась деятельная политика восточного императора Юстиниана, направленная к тому, чтобы вернуть себе Италию.

Иной, более прочный характер приобрело господство франков, утвердившихся в северо-восточной Галлии. Между тем как готы и вандалы оторвались от старой родины и поселились среди римского населения, франки, хотя и передвинулись частью в Галлию, но сохранили свои поселения за Рейном и связи с другими германскими племенами, притом они перешли в Галлию большой массой. Первым успехом Хлодвига, вождя из рода Меровингов, по старинному обычаю никогда не стригших своих волос, было завоевание римской провинции между Луарой и Сеной, где удерживался еще в качестве наместника Сиagriй в течение 10 лет после захвата Рима Одоакром. После своей победы на западном фланге Хлодвиг обратился на восток против племени алеманнов, живших за Рейном (в нынешнем Бадене и Вюртемберге), и покорил их.

В связи с этой войной находится обращение франков в христианство. Несмотря на увещания своей жены, христианки Клотильды, покинуть старую веру (в бога буйного ветра и войны Водана), Хлодвиг долго не соглашался обратиться к Христу. Согласно рассказу Григория Турского, жившего сто лет спустя, Хлодвиг во время битвы с алеманнами поднял руки к небу с молитвой: «Я призывал своих старых богов, но они меня покинули. Если ты, Иисусе Христе, дашь мне победу над врагами и я узнаю силу твою, испытанную народом, который тебе поклоняется, я поверю в тебя и окрещусь именем твоим!» Когда епископ Ремигий, собираясь крестить Хлодвига, рассказал ему о страданиях Христа, конунг воскликнул: «Если бы я был тут с моими франками, я бы отмстил за него!»

Принятие христианства не укротило жестокий нрав франков. Хлодвиг продолжал коварно истреблять своих соперников, других франкских вождей, придумывая все новые предлоги: одного он убил будто бы за трусость, другого он сначала подговорил убить своего отца, а потом выступил мстителем за убитого и поразил убийцу. Объединив таким образом все земли, заня-

тые франками, он обратился против бургундов, занимавших юго-восточную часть Галлии, и вестготов, владевших западом и югом. Выступая против этих арианских народов, Хлодвиг опирался на сочувствие католического духовенства Галлии. В борьбе с бургундами у Хлодвига не было удачи, но вестготов он разбил, отнял у них Бордо и Тулузу; к северу от Пиренеев они удержали только Септиманию (Лангедок) благодаря поддержке могущественного Теодориха остготского.

Захваченную у вестготов богатую добычу Хлодвиг подарил церкви города Тура (Tours), где находилась гробница Мартина, наиболее почитаемого в Галлии святого. Епископ турский Григорий, написавший 100 лет спустя большую хронику франкских завоеваний, прощает Хлодвигу все злодеяния за его благочестие. По его словам, «каждый день Бог отдавал в руки Хлодвига его врагов и увеличивал его королевство, потому что он шел с сердцем праведным перед Господом и делал угодное перед его очами».

В начале VI века Западной Римской империи более не существовало. На ее месте образовались пять больших государств германцев: в Северной Африке — вандалское, в Италии — остготское, в Испании — вестготское (изгнанные из Галлии вестготы покорили зато весь Пиренейский полуостров, подчинив себе поселившихся в северо-западном углу нынешней Астурии и Галиции свевов), в Галлии — франкское и бургундское. Британию заняли в несколько приемов германские выходцы из племени англосаксов, которые, покидая низовья Эльбы, переплывали на ладьях Северное море.

СТЕПНАЯ ПОЛОСА СТАРОГО СВЕТА И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ

Кочевые скотоводческие народы заняли видное место в судьбе Старого света. Во всю ширину от Великого океана до Атлантического протянулась, с некоторыми только перерывами, длинная полоса песчаных и каменистых пустынь, где нет дождей, а есть только редкие ливни: на одном конце этой полосы Гоби, на другой Сахара, между ними пустыни Средней Азии, Ирана и Аравии, прерываемые узкими морскими заливами, речными долинами и оазисами. Среди пустынь и вдоль них каймой расположены травянистые степи. От середины этой полосы в Средней Азии отделяется ветвь песчаных и травянистых равнин, которая идет через Восточную Европу, захватывая область

больших русских рек и доходя до среднего течения Дуная и до Альп. Таким образом степные равнины как бы с двух сторон облегают Средиземное море.

До сих пор человек отвоевывал у пустынь лишь небольшие клочки под пашни и сады, и всюду путем упорного труда и сложных приемов (особенно искусственного орошения). Там, где эта работа ослабевала, пустыня вторгалась опять и засыпала песками обработанные земли (так было, например, в Средней Азии). Напротив, без приложения усиленного труда на больших пространствах среди пустынь и по их краям могли жить бродячие скотоводческие племена. Все их богатство в стадах; их скот, однако, иной, нежели в земледельческих странах: не крупный рогатый, требующий обильного корма, а главным образом мелкий, малоприхотливый — козы и овцы и, помимо того, животное, чуждое земледельческим странам, — верблюд; первые доставляют человеку пищу и одежду, последний служит для передвижения.

По мере того как стада съедают дикую растительность, скотоводы вынуждены постоянно передвигаться. В их движениях есть правильность. Большие переходы совершаются 2 или 4 раза в году; весной они спешат в такие места, где от дождей раньше всего вырастает трава, летом — где она менее выгорает и где дольше держится вода, зимой — в закрытые долины и леса, чтобы найти топливо и защитить скот от буранов. Обычно в этих движениях скотоводы делают круг и возвращаются на старые места. Имущество их легко перевозимо: самое жилище — шатер, юрта из войлоков, натягиваемых на шесты и решетки, — складывается и грузится на вьючное животное вместе с другими запасами в сундуках и мешках.

Кочевники передвигаются небольшими лагерями, состоящими из близких между собой семей и родов. Несколько соседних лагерей образуют племя, которое владеет известным пространством для кочевки. Летнюю стоянку выбирают обычно так, чтобы лагери, составляющие племя, находились недалеко друг от друга и чтобы можно было сходиться на общие собрания для обсуждения дел и подготовки похода или для праздников, сопровождаемых скачками, состязаниями певцов и т.д. Скотоводы часто достигают известного благосостояния, стада их быстро растут. Но богатство их вместе с тем непрочно: от бескормицы, вызываемой засухой или буранами, происходят надежи скота, и тогда население вымирает или впадает в нищен-

ту. Народ в пустыне привыкает подолгу голодать или довольствуется самой жалкой пищей: толченными в порошок костями и т.п. И все же кочевники избегают труда и, где только возможно, обращаются к грабежу.

ЗАВОЕВАНИЯ КОЧЕВНИКОВ

Нигде кочевники не жили вполне одиноко и самостоятельно. Главная причина в том, что кочевники не могут обходиться без растительной пищи. По временам они сами сажают какую-нибудь породу злаков, которая быстро вырастает без всякого ухода, при одном только орошении от снегов, тающих на горных склонах. Но чаще они выменивают у ближайших к ним земледельцев и садоводов зерно, чай и растительные ткани на шкуру и кожи, которые производят сами. Это заставляет их входить в постоянные сношения с оседлыми народами и держаться соседства с ними. Легко, однако, кочевники переходят к насильственному захвату богатств, накопленных земледельцами. В столкновениях с земледельцами кочевники имеют большой перевес: малозанятые, подвижные, они храбры, хорошо владеют оружием и быстро могут собираться большими скопищами.

Отдельными отрядами или сплоченными массами они устраивают набеги на соседние земледельческие области и увозят к себе все что возможно: золото, утварь, одежду, оружие, угоняют скот и наконец захватывают в плен людей, чтобы воспользоваться их искусной и старательной работой. Такие набеги иногда регулярно повторяются с промежутками, чтобы дать ограбленной стране оправиться и затем вновь взять с нее дань.

Но раз кочевники объединены в большую силу, они находят более выгодным покорить запасливых и трудолюбивых соседей и заставить их платить в известные сроки определенный налог в разных продуктах. При этом завоеватели могут остаться на старых местах кочевья; тогда они присылают к покоренным своих наместников и сборщиков, но нередко также поручают сбор дани и управление прежним начальникам побежденной страны. Или степняки садятся сами среди покоренных в особых военных лагерях; сохраняя свои обычаи, они живут сплоченно и берегут награбленные богатства, их окружает рабочее крепостное население. (Такой характер имели большие «кру

ги», или «кольца», авар, поселившихся в VI веке на среднем Дунае и подчинивших себе славян.)

Так из двух разных народов, оседлого и кочевого, составляется одно государство: первый образует трудящийся класс, земледельческий и ремесленный, второй — военный; к последним принадлежат также купцы. Уже раньше, в пору своей одинокой жизни в степи, кочевники бывают вынуждены вести отдаленные торговые сношения, чтобы обеспечить себе необходимые припасы. Для этого у них имеются и средства перевоза — сильный вьючный скот. После захвата и объединения больших земель они пролагают новые пути торговли: воины и купцы кочевников заносят свое оружие, свои товары, а вместе с тем и свою веру и обычаи в далекие концы света. В короткое время образуется огромная держава. Но она может так же быстро разрушиться, если сила завоеваний, сдерживающая целое, ослабнет, или если их опрокинет новый, свежий приток кочевников из степи.

В наше время количество степного населения совершенно ничтожно сравнительно с населением окружающих земледельческих и промышленных стран Европы, Передней Азии, Северной Африки, Индии и Китая. В первое тысячелетие н.э. положение в Старом Свете было иное. По обеим ветвям степной полосы двигались крупные кочевые массы. Напротив, население земледельческое и оседлое далеко не было так многочисленно и крепко. Степняки постоянно врываются в его жизнь и подчиняли себе большие области, принадлежавшие ему. Особенно Средняя Азия высылала новые и новые кочевые племена, частью соединявшиеся между собой, частью теснившие и сменявшие друг друга. В европейской ветви большой степной полосы следом за гуннами (в V в.) появились авары (в VI—VII вв.), болгары (в VII в.) и мадьяры, или венгры (с IX в.). Они останавливались на западной окраине европейских степей по среднему и нижнему Дунаю; отсюда из укрепленных лагерей они совершали набеги, часто очень далекие, на Балканский полуостров, на Германию, иногда еще дальше — на Галлию и Италию. Позади них на востоке, в черноморских и прикаспийских степях, держались хазары, печенеги и половцы (в IX—XII вв.). Их набеги были направлены на земли по Днепру, Дону и Волге.

В VII веке области, расположенные по главной азиатско-африканской ветви большой степной полосы, объединились

под властью одного крупного кочевого народа — арабов, близкого по происхождению и языку к евреям. Объединение это сопровождалось распространением новой веры, сплотившей самих арабов.

АРАВИЯ И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ

Страна арабов величиной почти с треть Европы, но кормит не более 6 миллионов населения. Она составляется из большого Аравийского полуострова и прилегающей к нему с севера Сирийской пустыни, которая заключена между восточным берегом Средиземного моря и равниной Евфрата. Страна распадается на области разнообразного характера. Южный угол полуострова Йемен («счастливая страна») плодороден, богат тропической растительностью; его население, сравнительно густое, занималось земледелием и садоводством и пользовалось издавна хорошим достатком. Середина, огромный Неджд («платокгорье»), отличается крайне слабым орошением. Рек нет, их заменяют широкие сухие русла (уади), по которым иногда несутся дождевые потоки. Население держится около колодцев; на западном берегу и в середине плоскогорья, где их больше, есть крупные поселки, пашни и сады. В остальной части растительность быстро сходит и выгорает; жителям приходится бродить со своими стадами от одного водохранилища к другому. Огромные пространства, особенно по окраинам плоскогорья, остаются совершенно пустынными. Только весной, после дождей, на короткое время вырастает зелень и открывается пастбища для скота.

Быт обитателей этого края, бедуинов («жителей пустыни»), веками оставался один и тот же. Верблюды — весь капитал бедуинов: удивительно приспособленный к этой жизни верблюд может несколько дней не пить, он перевозит тяжести и людей, дает молоко и шерсть, помет его служит топливом. Все расчеты у степных арабов производились по числу этих животных. Бедуину верблюд кажется вещим животным: когда выходит вся вода и люди не знают, куда идти, они пускают вперед верблюда и следуют за ним. Бедуины делились на племена, племена на колена, колена на роды и семьи. Это деление, независимое от земли, вполне отвечало их подвижной жизни. Передвижения совершались племенами (не более 1000 человек) или коленами. Члены колен и племен считались родственниками. Каждое пле-

мя звало своего главного бога Аллахом; это имя перестало быть собственным и стало нарицательным. Оно помогало сближению племен: сколько бы ни соединялось их вместе, над ними оставалось имя одного бога.

ГОРОДА АРАВИИ

От бедуинов средней части полуострова отличались жители Хиджаса («границы»), западной прибрежной полосы вдоль Аравийского залива. Здесь шла дорога из Йемена в Египет, Сирию и к Евфрату; часть населения забрала в свои руки торговлю произведениями севера и юга. Из византийских и персидских владений везли в Аравию хлеб и ремесленные изделия, с арабского юга — золото, драгоценные камни, тропические плоды, благовонные вещества. Караванные грузы составляли большие ценности, и торговля приносила огромные выгоды. Более всего выдвинулись при этом купцы Мекки — города, который образовался в главном месте остановки караванов. Оживленные сношения с соседними землями привлекли в эту область множество иностранцев: сирийские евреи и христиане, особенно ремесленники, селились в северной части Хиджаса, более всего около города Ясриба.

В Мекке самые богатые купцы составили *курейш* — союз для охраны торговли. У курейшитов было священное знамя; в большом доме сходилась совет старейших и собирались главы правящих семей, здесь же принимали почетных гостей, справляли свадьбы и отсюда выезжали торговые караваны. Главным пунктом объединения служило святилище Мекки — Кааба. Это — здание почти кубической формы, увешанное темными материями, посреди обширного двора, обнесенного колоннадой; в северную стену храма вделан черный камень, который, по преданию, был передан ангелом или Адаму, первому человеку, или Аврааму, общему праотцу арабов (потомков Исмаила) и евреев. Для того чтобы оградить себя от грабежей бедуинов, курейшиты заключали союз со степными племенами и приглашали степняков на свои праздники в Мекке. В Каабе, где почитался бог Мекки Хобал-Аллах, стояли также изображения богов племен, которые заключили дружбу с мекканцами. Привлекаемые на периодические торги, степные арабы продавали в Мекке скот и покупали ковры, оружие и другие произведения сирийского ремесла, привозимые курейшитами. На четыре месяца в

году прекращались разбойничьи набеги и устанавливался всеобщий мир в Аравии; к мекканским святыням подходили со всех сторон богомольцы, получавшие возможность потом спокойно вернуться домой. Курейшиты устраивали для приезжих блестящие конские скачки и музыкально-поэтические состязания. Самые удачные стихи степных арабов вышивались шелком на занавесах, украшавших потолок Каабы.

Такими приманками курейшиты старались обеспечить господство и привилегии своей касты. Они скопили в своих руках огромные богатства, владели землями, стадами и большим числом рабов, держали в денежной зависимости от себя окружающие город степные племена, а также городских ремесленников и мелких торговцев; выдавая ссуды, они брали непомерные проценты (от 100 до 400%).

АРАБСКИЕ КОЛОНИИ И ВЛИЯНИЕ НА АРАБОВ ЧУЖЕЗЕМНЫХ КУЛЬТУР

Арабская пустыня на севере вплотную прилегала к культурным странам Восточной Римской империи и персидского государства. Соседи арабов давно терпели от степных бедуинов, но старались вместе с тем воспользоваться их воинской силой. Восточноримские императоры в Сирии, персидские шахи в Двуречье образовали из арабов военную границу: вдоль пустыни с той и другой стороны были поселены арабские воины, подчиненные своим князьям-начальникам; западные поселенцы служили империи против персов, восточные — персам против империи. Часть этих арабов в Сирии и на Евфрате приняла христианство. Арабы занимали в обеих державах передовые посты: и в империи и в персидском государстве на них главным образом опиралась военная защита. Таким образом, завоевание Передней Азии арабами было уже подготовлено и обеспечено; момент его наступления отсрочивался только благодаря тому, что арабы были расколоты надвое. Как только совершилось объединение арабов, живших на Аравийском полуострове, оба лагеря, угрожавшие друг другу, пока они находились на службе посторонних сил, немедленно соединились и бросились на своих господ.

Около 600 г. арабы далеко перешли пределы своей родины. Они вступили в сношения с другими народами и религиями, с греками и персами, с евреями и христианами. В языческую сре-

ду арабов стали проникать великие религии культурных народов. Еще в начале VI века, незадолго до Юстиниана, христианские проповедники из Египта направились в Абиссинию (по-арабски Гебеш), горную область северо-восточной Африки, лежащую против Йемена. Приняв христианство, воинственные абиссинские цари покорили южную Аравию, где уже успела распространиться иудейская вера. Тогда арабы обратились к помощи персов, и Хосров Нуширван отправил в Йемен войско и наместников. Скоро, однако, арабы разочаровались в персах; многие, убегая от тягостей персидского управления, стали переселяться к своим более диким единоплеменникам в Хиджас и Неджд. Курейшиты, управлявшие Меккой, оказались в затруднительном положении: нелегко было найти занятие для вновь прибывшей бездомной массы и уберечься от ее воинственности.

Наплыв южан имел еще одно последствие для севера. Беглецы принесли северным арабам религиозные понятия христиан и иудеев. В Аравии появились *ханифы*, отшельники, своим примером чистой непорочной жизни подкреплявшие учение о едином божестве, бесконечно высоко поднимающемся над узкой жизнью разрозненных родов и племен. Ханифы возвышали свой голос также против господства в городах Аравии аристократического строя, против привилегий жреческой касты курейшитов; они требовали уничтожения грубого языческого культа, из которого извлекала выгоду аристократия, требовали восстановления «чистой» религии праотца Авраама, объединения всего населения Аравии в одну религиозную общину и равенства всех перед единым божеством. Вместе с тем ханифы выступали во имя массы бедняков: это была борьба против ростовщичества и всяких злоупотреблений, которые применялись в городской торговле и вели к эксплуатации населения. Под влиянием ханифов началась проповедь Мухаммеда — объединителя арабского народа.

Современные проблемы хуннологии

Н.Н.Крадин

1

Хунну (кит. *сюнну*) — кочевой скотоводческий народ, обитавший в эпоху древности в степях Центральной Азии. На рубеже III—II вв. до н.э. они создали первую степную империю, которая объединила многие этносы Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. В течение двух с половиной веков продолжалось драматическое противостояние между Хунну и южным соседом — ханьским Китаем. Несмотря на то, что ханьцев было в несколько десятков раз больше, чем кочевников, хунну удалось остановить циньскую и ханьскую агрессии на Север и заставить китайцев выплачивать под видом «подарков» крупные платежи шелком, изделиями ремесла и продуктами оседлого сельского хозяйства. В конце I в. н.э. хуннская эра во Внутренней Азии закончилась, но с этого времени начинается новый этап их истории — гуннская инвазия в Европу и их опустошительные завоевания в Старом Свете.

Имеются две категории источников, освещающие различные стороны истории хунну: письменные и археологические. К первым относятся ряд китайских исторических хроник, в которых имеются специальные разделы, посвященные хунну¹. Анализ летописей позволил воссоздать политическую историю хунну, реконструировать отдельные стороны их экономики, социальных отношений, культуры, отношений с соседями, этнической истории, а также решить ряд других важных вопро-

сов². Однако информационный потенциал письменных источников во многом еще остается неиспользованным.

Археологических материалов намного больше, и они продолжают увеличиваться³. Введение в научный оборот этой категории источников позволило существенно дополнить сведения письменных источников данными об оригинальной культуре древних кочевников Монголии, неизвестных ранее сторонах экономики хуннского общества (земледелие и ремесло), военном деле, хронологии и пространственном распространении археологических памятников культуры хунну, этнических, торговых и других связях хунну с соседними народами⁴. Большинство из этих вопросов обсуждались на крупном международном конгрессе «*Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*», который состоялся в августе 1996 г. в российской «столице» хуннологии — г. Улан-Удэ⁵. На некоторых, с моей точки зрения, наиболее интересных проблемах хотелось бы остановиться несколько более подробно.

II

К сожалению, по-прежнему остается дискуссионным вопрос об истоках хуннского этноса и времени складывания надплеменной политической организации. Традиционная нарративная историография уводит начальные этапы истории хунну во II тыс. до н.э., отождествляя их с народами «жун» и «ди», проживавшими к северу от китайцев начиная с эпох Шин и Инь. Однако в последние годы ряд ученых подверг сомнению достоверность летописных текстов, относящихся к доханьской истории Хунну⁶. Также нет единства и в вопросе предков хунну. Одни исследователи видели истоки хуннской культуры в населении, оставившем так называемые «плиточные могилы» на территории Монголии и Забайкалья (Г.П.Сосновский, Л.Н.Гумилев, Н.Сэр-Оджав). Другие авторы усматривают черты протохуннской культуры в ряде «скифо-сибирских» памятников Саяно-Алтая и Казахстана (Н.В.Полосьмак, Ю.А.Заднепровский). Наконец третья группа ученых связывает истоки хуннской культуры с так называемыми культурами «ордоских бронз», складывающихся примерно с XIII в. до н.э. (С.С.Миняев, С.А.Комиссаров, А.В.Варенов, П.Б.Коновалов, многие китайские археологи)⁷.

Современные археологические данные не подтверждают точку зрения относительно этнической близости хуннской культуры и «плиточниками». Датировка памятников культуры плиточных могил на основании типологического, статистического и радиоуглеродного методов показывает хронологические границы существований культуры в пределах с XIII до VI вв. до н.э., что свидетельствует о хронологическом разрыве в несколько сотен лет между поздними памятниками культуры плиточных могил и хуннскими памятниками⁸. Также дискуссионен вопрос о соотносимости хуннских памятников со «скифо-сибирскими». Действительно, многие из так называемых черт «звериного» скифского стиля (олени с подогнутыми ногами, грифоны) попадают в культуру «ордоских бронз» с запада, однако многие черты погребального обряда и предметы искусства (ажурные поясные пряжки, пряжки, изображающие свернувшегося тигра) имеют местную специфику⁹. Большинство авторов не без основания полагают, что территория первоначального распространения «протохуннской» культуры (культур) включала северную часть провинции Шаньси, Ордос и степи к северу от Иньшаня.

Совсем недавно новосибирскому исследователю А.В.Варенову удалось существенно углубить данные относительно ареалов распространения «протохуннского» населения. Изучая изображения различных предметов вооружения на так называемых «оленных камнях» — стилизованных каменных скульптурах воинов, — он предположил, что если рассматривать различные категории оружия (кинжалы, топоры, ножи) не по отдельности, а в совокупности, то можно наметить устойчивые группировки находок в пределах ограниченной территории. Результаты анализа подтвердили первоначальное предположение. На территории китайских провинций Шэньси, Шаньси, Хэбэй и частично Ляонин удалось вычленить пять таких локальных групп. Вполне вероятно, что это отражает существование во II — начале I тыс. до н.э. «варварских» объединений. К сожалению, в настоящее время имеющихся археологических данных еще недостаточно. Поэтому, по мнению А.В.Варенова, пока не представляется возможным отождествить эти группы с северными «варварскими» народами, известными по надписям на знаменитых гадательных костях¹⁰.

Тем не менее, по-видимому, уже в V—III вв. до н.э. у хунну складываются предпосылки для последующей политической

интеграции. В период, непосредственно предшествовавший воцарению Модэ (рубеж III—II вв. до н.э.), хуннское общество предстает как сложившаяся централизованная политическая система с существующей социальной стратификацией, разработанной иерархической системой управления, сложившимися институтами высшей власти (титул правителя хунну *шаньюй*, институт наследования власти и др.). Косвенным образом последний тезис подтверждают исследования китайских археологов хуннских (или хунноподобных) памятников во Внутренней Монголии в период «борющихся царств». Уже в эту эпоху в хуннском обществе существовали значительные социальные различия, прослеживаемые в погребальном обряде. Погребения кочевой аристократии и вождей содержали многочисленные украшения из золота и бронзы (только в могильнике Алучжайдэн (аймак Ханцзинь) было 218 предметов общим весом более 4 кг), встречаются предметы специально сделанные для вождей (пластина с надписью титула «*шао фу*», украшения для церемониальной шапки, которые носили хуннские вожди, и др.).

Непосредственное образование империи и расцвет хуннского общества принято связывать с именем второго известного из летописей шаньюя хунну Модэ. В своих «Исторических записках» Сыма Цянь передает интересный рассказ о приходе Модэ к власти. Согласно рассказу, Модэ был старшим сыном и наследником правившего в конце III в. до н.э. шаньюя Тоуманя. Однако со временем Тоумань решил завещать свой титул другому сыну, от более молодой и любимой жены (*яньчжи*). Для этого он решил хитростью избавиться от Модэ. Последний был направлен к кочевникам Алтая в качестве почетного заложника (номады практиковали такую форму мирного договора), а сам тем временем коварно напал на них. Обманув своих охранников, Модэ выкрал коня и ускакал на нем в Халху. Тоумань был вынужден по достоинству оценить храбрость своего сына. Он вернул ему в управление «тьму» — 10 тыс. всадников.

Модэ прекрасно понимал, что шаньюй только и ждет удобного момента, чтобы избавиться от него. Спасти в этой неравной политической игре можно было только опередив своих противников. Но для этого сначала нужно было обзавестись надежными сторонниками.

Первым делом Модэ начал военные тренировки в своем «тумене». Изготовив для себя особые свистящие стрелы, однажды во время стрельбы он заявил: «Всем, кто откажется стрелять

вслед за мной, будут отрублены головы». Через некоторое время Модэ выстрелил в своего любимого коня. Некоторые из его воинов испугались. Тогда Модэ приказал отрубить нарушителям дисциплины головы. Вскоре он выстрелил в свою самую любимую жену. И снова тем, кто отказался стрелять, отрубили голову. Прошло еще какое-то количество времени, и однажды на охоте Модэ пустил свою свистящую стрелу в красивого аргамака своего отца. Все его соратники выстрелили вслед за ним. Модэ понял, что теперь они пойдут за ним и в огонь, и в воду. Осталось только подождать подходящего случая.

Вскоре такой случай представился. Была объявлена большая охота. Выбрав удобный момент, Модэ с группой преданных ему сподвижников подъехал на расстояние выстрела к отцу и пустил в него свистящую стрелу. Шаньюю моментально превратился в подобие большого ежа. Затем Модэ захватил ставку, казнил своего младшего сводного брата — официального наследника, его мать и всех вождей, отказавшихся подчиниться ему. После этого он объявил себя шаньюем.

Узнав о перевороте у хунну, правитель восточных соседей дунху направил посла с дерзким требованием отдать чудо-коня, принадлежавшего покойному шаньюю Тоуманю. Все приближенные Модэ советовали отказать дунхусцам, но Модэ сказал: «Разве можно для сохранения дружбы с соседним народом жалеть какого-то коня?» Дунхуский правитель посчитал, что Модэ боится войны, и выдвинул еще более оскорбительное требование — отдать для него одну из шаньюевых жен. Все приближенные шаньюя были страшно возмущены. Однако Модэ произнес: «Разве можно из-за сохранения добрососедских отношений с соседним государством жалеть какую-то женщину?» — и приказал отправить к дунху любимую (!) яньчжи.

Правитель дунху решил, что ему все дозволено, и стал по-прежнему захватывать кочевки хуннских скотоводов в приграничных землях. Еще через некоторое время он прислал своего посланника с требованием отдать ему пустующие территории между владениями хунну и дунху. Модэ вновь собрал в своей ставке совещание приближенных лиц. Часть из приближенных посоветовала отдать данные территории, плохо пригодные для скотоводства. Шаньюю пришел в ярость и гневно вскричал: «Земля есть основа государства, разве можно отдавать ее!» После этого он повелел отрубить головы незадачливым советчикам и приказал всем воинам под страхом жестокой смерти седлать

коней. Дунху не ожидали нападения и были наголову разгромлены, а их правитель убит.

Как правило, данный рассказ принимается исследователями за реальное изображение событий. Однако правильнее было бы подходить к нему критически¹¹. Дело в том, что он больше подходит на вымысел, чем на правду. Во-первых, политические перевороты готовятся в тайне. Здесь же все подготовительные мероприятия осуществлялись при большом стечении народа, и Тоумань вряд ли бы не узнал о них.

Во-вторых, почему убийство Модэ любимой (!) жены не оказалось безнаказанным? Чем он объяснил такой жестокий поступок своему отцу и родственникам жены? Почему его не коснулся обычай «кровной мести»?

В-третьих, не много ли «любимых» жен? Одну из них Модэ застрелил, другую отдал правителю дунху. В летописях фигурирует еще одна любимая яньчжи, которая уговорила Модэ выпустить из ловушки армию Гао-ди, попавшую в окружение поблизости от горы Байдэн в 200 г. до н.э.

В-четвертых, как он смог организовать столь жестокий безнаказанный террор в своих владениях? «Степное ухо» быстро распространяет все новости по степи. Почему ни шаньюй, ни его приближенные не только не остановили террор, но даже не узнали о репрессиях, творящихся в одном из уделов хуннской конфедерации?

В-пятых, если бы каждый предводитель пасторального общества так же рьяно рубил головы своим воинам и приближенным, как это делал Модэ, то вскоре он остался бы и без тех, и без других.

В-шестых, как Модэ посмел на глазах приближенных отца убить его любимую лошадь? Общеизвестно, какое значение имеет дляномада конь, и нанести удар чужому скакуну — значит оскорбить его хозяина.

Наконец, в-седьмых, весьма сомнителен сам факт отцеубийства. В истории кочевого мира в борьбе за престолонаследие часто встречались случаи убийства братьев, кузенов, дядей и других родственников с последующей узурпацией престола. Практически все основатели степных империй были узурпаторами. Но вот отцеубийство больше характерно для фольклора, чем для реальной истории кочевников Центральной Азии.

Впрочем, существование шаньюя Тоуманя как реального исторического лица также может быть поставлено под сомне-

ние. Во всяком случае его имя придает персоне первого шаньюя полуполюгендарный характер. Если это верно, то почему мы не можем допустить, что Тоумань — это некий собирательный образ, а Сыма Цянь относительно факта отцеубийства оказался введенным в заблуждение своими информаторами? Тем более что вся история хуннского этноса до интронизации Модэ, изложенная в летописных текстах, слишком затуманена и противоречива.

В целом история возвышения Модэ очень напоминает сказку или эпическое произведение. Сюжет имеет четкую композиционную структуру, делится на две части. В первой излагается ход событий прихода Модэ к власти, во второй повествуется об его взаимоотношениях с правителем дунху и войне с ним, которая заканчивается, как это часто бывает в литературных произведениях, счастливым концом. Все события в обеих частях разворачиваются по принципу цепи, причем напряжение постепенно нарастает, пока наконец в максимальной стадии оно не заканчивается каким-либо действием. Такой способ построения сюжета, названный В.Я.Проппом «эффектом кумулятивности», был широко распространен в различных формах фольклорных произведений¹².

Второе принципиальное сходство истории возвышения Модэ с фольклорными произведениями заключается в принципе троичности¹³. Все события цепи повторяются трижды (прямо как в сказке про Сивку-бурку), но каждый раз с кумулятивным нарастанием напряжения. Сначала Модэ стреляет в своего коня (первая проверка своих воинов при стрельбе по разным мишеням композиционно не соответствует трем последующим случаям, и поэтому я ее опускаю), затем в жену и в коня своего отца. Только на третий раз он добился единодушной поддержки своих воинов. Во второй части он отдает коня, жену и только на третий раз садится на коня и отправляется в поход на дунху.

Третье сходство с фольклорными произведениями присутствует в композиционной структуре. В фольклоре конь и жена являются традиционными элементами, которые грозят забрать у главного героя враги, начиная от степных эпических сказаний «Джангара» или «Гэсэра» и заканчивая русскими народными сказками об Иване-царевиче и Сером Волке. Дважды приходится Модэ расставаться с «любимыми» женами и «любимыми» скакунами.

Четвертое сходство истории возвышения Модэ с фольклор-

ными произведениями заключено в характеристике главного героя и других персонажей. В эпосе и в сказках все главные герои положительные. Они выражают, как правило, идеалы этнического или массового сознания. Даже если главному герою по ходу действия приходится совершать поступки, которые осуждаются в действительности (убийство отца или старших братьев — сюжет более распространенный в сказках, чем в жизни), это никак не отражается на его фольклорном имидже¹⁴.

В случае с Модэ мы видим полную аналогию вышеказанному. По логике рассказа все его должны были люто ненавидеть. Он узурпатор-отцеубийца и кровавый тиран, запятнанный в крови подданных. Однако ни «легенда» о воцарении, ни последующая история царствования Модэ вплоть до его естественной смерти в 174 г. до н.э. не дают оснований считать его соответствующим данному образу (здесь напрашивается определенная параллель с литературным образом Чингисхана и его реальной ролью в истории образования монгольской империи).

Следовательно, излагаемая Сыма Цянем в «Исторических записках» версия прихода Модэ к власти представляет собой не пересказ реальных событий, а записанную китайским хронистом с чьих-то слов легенду. Сыма Цянь начал создавать свой многотомный труд спустя столетие после описываемых событий. Кочевники не знали письменности. Основным источником исторической памяти для них являлся эпос. Китайцам же в указанное время было не до северного соседа. В Среднем государстве было «смутное время». Поэтому вполне вероятно, что до Сыма Цяня дошел рассказ, слышанный им (или его информатором) от какого-либо хуннского сказителя или певца. В рассказе причудливо переплетаются элементы реальных исторических событий и элементы поэтического, эпического произведения. Где же здесь правда, а где вымысел, сказать очень сложно. Возможно, косвенным подтверждением правильности такого подхода к рассказу о Модэ являются некоторые параллели вышеупомянутого сюжета с легендой об Огуз-хане.

Таким образом, история о приходе Модэ к власти, рассказанная Сыма Цянем, не может считаться достоверным изложением событий, происходивших в Монголии на рубеже III—II вв. до н.э. Определенно можно сказать, что Модэ пришел к власти путем узурпации престола, а после этого им были разбиты дунху, которых он заставил платить дань.

Здесь можно поставить новые вопросы, из которых наиболее важными представляются два. Первый вопрос связан с датированием всех событий, упомянутых в легенде. Увы, в фольклорных произведениях время не соответствует реальному времени. Оно подчинено сюжету и изменяется в соответствии с событиями, происходящими с главными героями. Но еще более сложен второй вопрос: кто является создателем «черной» легенды о шаньюе Модэ? В сущности, этот вопрос является ключевым и от него зависит разгадка всей проблемы в целом.

III

Если сравнить численность населения Хуннской державы и Китая, то грозные и воинственные в обычном представлении степняки предстают лишь небольшой этнической группой. Номады имели максимально до 1,5 млн. чел.¹⁵ (это приблизительно соответствует численности населения одного ханьского округа), тогда как численность Ханьской империи доходила почти до 60 млн. чел.¹⁶

Каким же образом хуннский «Давид» смог на протяжении почти трех столетий противостоять китайскому имперскому «Голиафу»? Таких причин две: оригинальный способ организации власти в форме «кочевой империи» и не менее самобытная пограничная политика кочевников в отношении Китая.

Что же представляла из себя империя шаньюя Модэ? Согласно описанию Сыма Цяня, она была разделена на три части: центр, левое и правое крылья. Крылья, в свою очередь, делились на подкрылья. Вся высшая власть была сосредоточена у шаньюя. Параллельно он управлял центром — племенами «метрополии» степной державы. Ему подчинялись 24 высших должностных лица, которые руководили крупными племенными объединениями и одновременно имели воинское звание «темников» (т.е. «десятитысячников»). Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя — наследник престола. Его соправителем и руководителем правого крыла являлись три наиболее близких родственника правителя степной империи. Только они имели высшие титулы «князей» (ванов). «Князья» и еще шесть наиболее знатных темников считались «сильными» и имели в своем подчинении не менее 10 тыс. всадников. Остальные темники реально имели менее 10 тыс. конников.

На низшем уровне административной иерархии находились местные племенные вожди и старейшины. Официально они подчинялись 24 наместникам из центра. «Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувзев, данху и цецзюев»¹⁷. Однако на практике зависимость племенных лидеров была ограничена. Ставка находилась достаточно далеко, а местные вожди располагали поддержкой родственных им племенных групп. Поэтому влияние на местную власть имперских наместников было в известной степени ограничено, и они были вынуждены считаться с интересами подчиненных им племен. Каково же было общее число данных племенных групп в пределах хуннской имперской конфедерации, источникам не известно.

Использование китайским историком для описания административно-политической структуры хуннского общества как военных (темники, тысячники, сотники), так и традиционных (князья разных рангов, дувэи, данху и пр.) терминов дает основание предположить, что системы военной и гражданской иерархии существовали параллельно. «Это давало империи Хунну две системы рангов, причем каждая имела различные функции. Система недесятичных рангов использовалась для политической администрации племен и территорий в пределах империи, которые включали группы многих размеров. Система десятичных рангов использовалась во время войны, когда большое количество воинов из разных частей степи объединялось вместе в единую командную систему»¹⁸.

Данный дуализм отразился и на специфике кочевой государственности в целом. Последняя являлась одновременно и государством и негосударством. Ее государственный характер («узаконенное насилие») ярко проявляется в отношениях с внешним миром (организация для изъятия прибавочного продукта у соседей; организация для сдерживания давления извне; специфический церемониал во внешнеполитических отношениях). Однако во внутренних отношениях кочевые «государства» (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях; правитель кочевого общества не обладает монополией на применение насилия. Такое государство можно назвать *ксенократическим* (от греч. «ксено» — наружу и «кратос» — власть)¹⁹.

Косвенным показателем вышеизложенного может служить отсутствие в Хуннской империи эксплуатации основного населения посредством взимания налогов. Несомненно, в хуннском обществе существовала сложная сеть горизонтальных и вертикальных распределительных отношений. Шаньюй периодически получал от своих подданных богатые подношения. Однако было бы неправильно рассматривать их как эксплуатацию. Все подаренное, а также все военные трофеи и все богатые подарки китайских императоров снова раздаривались шаньюем для повышения собственного престижа и власти в обществе.

Власть хуннских шаньюев, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась не на внутренних, а на внешних источниках²⁰. Шаньюй являлся верховным военачальником хуннской конфедерации и имел монополию на представление державы во внешнеполитических и иных связях с другими странами и народами. В этом плане он являлся посредником, который перераспределял «подарки», дань и полученную во время набегов добычу. В делах же внутренних он обладал гораздо меньшими полномочиями. Большинство политических решений принималось племенными вождями.

Американский антрополог-кочевниковед Т.Барфилд весьма подробно проанализировал механизм хуннской империльной машины²¹, который функционировал примерно следующим образом. Шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен — членов «имперской конфедерации». Далее, используя угрозы набегов, он вымогал от Хань «подарки» (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине) и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных). Т.Барфилд полагает, что ханьские политики, вероятно, рассчитывали на простую человеческую алчность и надеялись, что шаньюй опьянеет от количества и разнообразия редких диковинок и будет их копить в своей сокровищнице на зависть подданным или растраниривать их на всяческие сумасбродства. Однако китайские интеллектуалы-книжники не поняли основ власти степного правителя. Психология кочевника отличается от психологии земледельца и горожанина. Поскольку статус правителя степной империи зависел, с одной стороны, от возможности обеспечивать дарами и благами своих подданных и, с другой стороны, от военной мощи державы, чтобы совершать набеги и вымогать «подарки», то причиной постоянных требований шаньюя об увеличении подношений

была не его личная алчность (как ошибочно полагали китайцы!), а необходимость поддерживать стабильность военно-политической структуры. Самое большое оскорбление, которое мог заслужить степной правитель, по мнению Т.Барфилда, это обвинение в скупости. Поэтому для шаньюев военные трофеи, подарки ханьских императоров и международная торговля являлись основными источниками политической власти в Степи. Следовательно, протекающие через их руки «подарки» не только не ослабляли, а, напротив, усиливали власть и влияние правителя в «имперской конфедерации».

Из ханьских «подарков» самую большую ценность представлял шелк. Общее количество шелка, которое в годы расцвета хунну поставлялось в Степь, достигало астрономической величины в 10 000 кусков. Если исходить из предположения Т.Барфилда²², согласно которого один кусок равнялся одному *пи* (9,24 м), то общее количество шелка, возможно, составляло 92 400 м. Даже при самых приблизительных подсчетах очевидно, что этот шелк расходовался не только на шитье одежды для шаньюевого двора, но и на массовые раздачи племенным вождям. Не исключено, что некоторая часть шелка была запущена хуннскими шаньюями в прибыльный внешнеторговый оборот на северной трассе Великого шелкового пути, который начинает функционировать примерно с конца II в. до н.э.

Однако основное население «имперской конфедерации» также испытывало потребность в получении продукции из земледельческого мира. Номадам был необходим шелк для одежды, зерно и некоторые другие сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия и металл. По этой причине шаньюй был вынужден отстаивать интересы своего народа перед стремящимся к автаркии южным соседом и вымогать право на торговлю, угрожая возобновлением набегов на пограничные провинции Китая.

Таким путем шаньюй мог поддерживать свою власть среди скотоводов, не прибегая к войне или к грабегам. Его роль как посредника между Хань и степняками стала такой же важной, как и его статус верховного военного главнокомандующего. Поэтому хуннские шаньюи тщательно охраняли свою исключительную монополию на осуществление международных политических отношений с Китаем от имени всех племенных федератов степной «империи». Нарушители монополии на осуществление внешней политики шаньюя сурово наказывались.

В то же время политические отношения между племенами и

центральной властью нельзя считать чисто консенсусными. Империя Хунну являлась конфедеративной по сути, но она не была простой федерацией надплеменных сегментов. Иерархия и единоначалие входили в число принципиальных черт ее политического устройства. Будучи военным *ксенократическим* государством, Хуннская империя всегда нуждалась в централизованной системе управления. Персона шаньюя в этом плане являлась для подданных ниспосланным с неба гарантом политической стабильности империи.

IV

В историографии исследования хунно-китайских отношений сложились два принципиально противоположных подхода. В одних работах (главным образом, китайских авторов) хунну выступают как грабители и завоеватели, которые несли своим южным соседям смерть и разрушения. Другая точка зрения представлена работами Л.Н.Гумилева и его последователей, которые полагают, что агрессивная внешняя политика кочевников была вызвана необходимостью противостоять экспансионистскому давлению китайской цивилизации.

Анализ письменных источников показывает, что в реальности все было гораздо сложнее. И Хань и Хунну отстаивали свои собственные интересы, которые диктовались как адаптивной необходимостью, так и субъективными амбициями политических лидеров обеих стран. Начнем с политики империи Хань. Теоретически внешнеполитических стратегий в отношении кочевников могло быть только две: либо активное давление с последующей войной до победного конца, либо тонкий дипломатический мир с признанием определенных уступок варварам. Однако войны «за тысячи ли» не принесли китайцам успеха. Поход первого ханьского императора Лю Бана в 200 г. до н.э. и хунно-ханьская война (130—58 гг. до н.э.), развязанная императором У-ди и столь красочно и подробно описанная Л.Н.Гумилевым²³, только продемонстрировали неспособность ханьского имперского правительства решить хуннской вопрос силовыми методами. Затраты на снаряжение больших военных экспедиций в Степь даже для китайского государства были очень обременительны, кочевники имели в степной войне ряд важных преимуществ, а результаты в конечном счете не оправдывали себя. Любая армия, даже разгромившая кочевников, должна

была вернуться домой, так как чтобы закрепиться в Халха-Монголии, нужно было перейти от земледелия к кочевому скотоводству²⁴.

Менее расточительной оказалась политика мирного «умиротворения» номадов — политика откупа. Таким путем ханьское правительство надеялось избегать не только дорогостоящих войн и массовых разрушений в северных провинциях Китая, но и рассматривало «подарки» кочевникам как своеобразный способ ослабить и разрушить хуннское единство изнутри. Разработанная при ханьском дворе специальная стратегия «пяти искушений» (кит. «хэцинь») преследовала следующие цели: 1) дать кочевникам дорогие ткани и колесницы, чтобы испортить их глаза; 2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты; 3) усладить номадов музыкой, чтобы закрыть их уши; 4) построить им величественные здания, хранилища для зерна и подарить рабов, чтобы успокоить их желудки; 5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание тем племенам хунну, которые примут китайский протекторат²⁵.

К данным «пяти искушениям» можно добавить еще одно универсальное средство, которое стыдливо не упомянуто конфуцианскими интеллектуалами, — это алкоголь. Спаивание полудивилизованных народов в ходе колонизации периферии — явление, неоднократно отмечавшееся в историографии, начиная от контактов скифов с греческими полисами вплоть до освоения Дикого Запада американскими пионерами. Вино было одним из традиционных составляющих ханьского экспорта неизбалованным благами «цивилизации» неприветливым кочевникам. Согласно политике хэцинь китайцы поставляли ежегодно хуннскому шаньюю 10 000 даней рисового вина, что соответствовало одному миллиону литров²⁶. При ежедневной норме потребления это составляло более 2 700 литров в день. Даже если гипотетически допустить, что хуннское войско составляло 300 000 лучников, о которых пишут китайские летописи, то при ежедневном потреблении алкоголя на каждого представителя хуннской высшей военной элиты (от тысячников и выше) приходилось более 8 литров рисового вина!

Хуннская внешнеполитическая доктрина была основана совсем на иных структурных принципах. Наиболее обстоятельно она была проанализирована Т. Барфилдом²⁷. Он выделяет три ее главных компонента: 1) умышленный отказ от завоевания разграбленных китайских земледельческих территорий даже после

больших побед; 2) грабительские набеги, производимые с целью запугивания китайского правительства; 3) чередование войны и мира для того, чтобы увеличить размер «подарков» и торговых привилегий от Китая. Рассмотрим эти компоненты более подробно.

Эта политика была основана на осознании преимуществ номадами своего подвижного образа жизни, способного наносить неожиданные удары по китайской территории и столь же стремительно отступать вглубь степи. «Когда они видят противника, то устремляются за добычей, подобно тому как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение и терпят поражение, то рассыпаются, как черепица, или рассеиваются подобно облакам», — писал о стратегии северных соседей Сыма Цянь²⁸.

Номадам в силу их меньшей численности гораздо выгоднее было держаться от своего грозного соседа на расстоянии. Совершая быстрые кавалерийские набеги, номады концентрировали на одном направлении большое количество всадников. Это давало им, как правило, определенные преимущества в сравнении с менее маневренными китайскими пешими войсками. Когда основные силы ханьцев подходили, кочевники были уже далеко. В степной войне хунну имели ряд тактических преимуществ. «Хуннско-парфянский» лук, вероятно, был лучшим луком конца I тыс. до н.э. Поэтому ближнему бою с ханьскими солдатами и арбалетчиками они предпочитали дистанционную стрельбу из лука на скаку, которой начинали обучаться еще в раннем детстве и к зрелости достигали большого мастерства. Ханьские солдаты значительно уступали номадам в этом умении. Им приходилось обучаться стрельбе с лошади уже в зрелом возрасте.

Для вымогания все более и более высоких прибылей хунну пытались чередовать войну и набеги с периодами мирного сожительства с Китаем. Первые набеги совершались с целью получения добычи для всех членов имперской конфедерации номадов независимо от их статуса. Шаньюю требовалось заручиться поддержкой большинства племен, входивших в конфедерацию. Следовательно, каждый воин имел право на добычу в бою. После опустошительного набега, как правило, шаньюю направлял послов в Китай с предложением заключения нового договора «О мире и родстве», или же номады продолжали набеги до тех пор, пока китайцы сами не выходили с предложением заключения нового соглашения.

Согласно договору: 1) хуннская держава признавалась практически равной по статусу Хань; 2) китайцы должны были ежегодно поставлять в ставку шаньюя богатые подарки, шелк, вино, рис и зерно; 3) шаньюй получал невесту из императорского дома (правда, в этом его обманули); 4) официальной границей между Хунну и Хань устанавливалась Великая стена²⁹. После заключения договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались. Однако размер «подарков», выплачиваемых согласно политике *хэцинь*, не оказывал существенной роли на экономику хуннского общества в целом. Судя по косвенным данным, ежегодная «дань» Хань составляла 10 000 *даней* рисового вина, 5 000 ху проса и 10 000 *кусков* шелковых тканей.

Среднегодовой паек зерна для взрослого мужчины по китайским нормам составлял 36 ху. При таком нормировании данного количества зерна ежегодно могло хватать лишь для 140 чел. Если использовать хлебные продукты только в качестве пищевой добавки (например, в размере 20% от нормы), данного количества зерна могло хватить для питания в течение года примерно 700 чел. Очевидно, что императорские поставки хлеба могли предназначаться только для удовлетворения нужд шаньюевой ставки³⁰. Таким образом, императорские «подарки» продуктами были недостаточны для удовлетворения запросов всего хуннского общества. «Подарки» и дань оставались на верхних ступенях социальной пирамиды, не достигая низовых этапов племенной иерархии.

Для удовлетворения нужд всех членов «имперской конфедерации» и поддержания внутренней стабильности шаньюй был вынужден отстаивать экономические интересы простых кочевников. Он мог это делать двумя способами: набегами на Китай или же посредством приграничной торговли, с помощью которой простые кочевники могли бы выменивать необходимые для них продукты и изделия ремесла. Через определенный промежуток времени, когда награбленная простыми кочевниками добыча заканчивалась или приходила в негодность, скотоводы снова начинали требовать от вождей и шаньюя удовлетворения их интересов. В силу того, что китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, шаньюй был вынужден «выпускать пар» и отдавать приказ к возобновлению набегов.

С некоторой долей условности можно проследить периодичность таких набегов. После 200 г. до н.э. три года на хунно-ки-

тайской границе держался мир. Затем в 196 г. до н.э. был совершен новый набег, и вновь заключен договор с Хань. Далее до 177 г. до н.э. у нас нет данных о периодичности набегов, но по косвенным данным известно, что время от времени кочевники все-таки вторгались на территорию Хань.

Следующий крупный договор между Хунну и Хань, который упоминается в «Ши цзи», был заключен в 176 г. до н.э. Десятилетие на границе был мир. Лишь в 166 г. хунну снова оседлали коней и, возможно, до 162 г. до н.э. несколько раз совершали набег. Новый договор был заключен в 162 г., и до 158 г. граница оставалась спокойной. В 158 г. до н.э. хунну снова ограбили северные провинции, и в следующем году в спешном порядке был заключен новый договор «О мире и родстве».

Такая периодичность подтверждает, что главная причина набегов хунну на Китай находится в необходимости дополнения скотоводческой экономики растительной пищей, шелком и продукцией ремесленного производства. Ярким подтверждением всего вышесказанного служит то, что после того как при императоре Сяо-цзине наконец-таки были открыты пограничные рынки, начиная со 157 г. до н.э. в течение четверти века не было ни одного набег на Китай. Кочевники мирно сосуществовали с земледельцами, приводя на рынки скот и выменивая там его на необходимую земледельческую и ремесленную продукцию. Почти четвертьвековой мир показал, что далеко не всегда отношения между оседлым и степным мирами должны принимать резко антагонистическую форму. Только после того, как император У-ди спровоцировал в 133 г. до н.э. пограничный конфликт, отношения между Хунну и Хань изменились в худшую сторону.

Новый мирный этап хунно-китайских отношений можно отсчитывать с 53 г. до н. э., когда шаньюй Хуханье принял вассалитет Ханьской империи. Официально политика *хэцинь* была заменена системой «даннических» отношений. Хунну обязывались признавать сюзеренитет Хань и платить дань. За это император обеспечивал свое покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. В действительности вассалитет номадов, замаскированный в терминах, отражавших китайское идеологическое превосходство, был старой политикой эксплуатации Китая на расстоянии.

«Дань» шаньюя имела только номинальное значение. Зато ответные «благотворительные» дары были даже намного больше, чем при системе *хэцинь*³¹. Увеличился также и общий объ-

ем поставок шелка в Степь. Кроме того, по мере необходимости шаньюй получал от Китая сельскохозяйственные продукты для поддержки своих подданных. Так, в 52 г. до н.э. номадам было передано 34 000 ху зерна. Этих продуктов должно было хватить тысяче человек почти на целый год. Однако скорее всего они были предназначены для поддержки большого числа кочевников в голодное время. Легко подсчитать, что при использовании данных продуктов в течение одного — двух месяцев как дополнительного источника питания их должно было хватить гораздо большему числу скотоводов³².

Последний этап отношений между империей Хань и имперской конфедерацией Хунну по своему содержанию схож с первым. Он начался с 9 г. н.э., когда поводом к разрыву отношений послужили территориальные претензии тогдашнего правителя Китая узурпатора Ван Мана и его оскорбление хуннского шаньюя. Уже в следующем году хунну совершили первый набег на Китай. Нашествия совершались и в последующие два года. В 13 г. был заключен мирный договор, по которому шаньюй получил богатые подарки. Однако в следующем году кочевники снова взяли за оружие. Новый мирный договор был заключен в 15 г. Следующие походы хунну на Китай упоминаются в 18 и затем в 25—28 гг. Однако, судя по косвенным данным, набеги продолжались все эти годы. В Китае начались внутренние волнения, которые вылились в восстание «краснобровых», и кочевники, пользуясь безнаказанностью, грабили пограничное население, вмешивались во внутренние дела Китая.

После свержения Ван Мана и некоторой стабилизации китайцы попытались заключить в 24 и 30 гг. мирные договоры с кочевниками, однако, несмотря на дары, номады продолжали совершать набеги. По словам китайских послов, шаньюй Хэдуэрши «держался высокомерно, сравнивал себя с Маодунем, отвечал послу дерзко и заносчиво»³³. В 33 г. китайцы попытались сменить тактику и совершить карательный поход в Халху. Но рейд оказался безрезультатным. А кочевники, окрыленные победой, через некоторое время даже переселились за Великую стену и разбили там свои лагеря совсем рядом с китайцами. Отсюда было удобнее совершать рейды по ханьским округам.

Судя по всему, в отличие от начальных отношений Хуннской державы и Китая номады несколько изменили акцент своей внешнеполитической стратегии в сторону активизации набегов на территорию Хань. Мне кажется, это было связано с

ослаблением пограничной мощи Китая и нестабильной политической ситуацией внутри страны. Если раньше северные границы Китая охраняла мощная сеть сигнально-караульных служб, города и наиболее ответственные участки Великой стены охраняли хорошо вооруженные гарнизоны, то в ранний период Младшей династии Хань (с 23 г.) содержание такой армии было китайскому правительству не по средствам. Следовательно, набеги оказывались более безопасными и безнаказанными, чем ранее. В источниках проводится мысль, отражающая эти изменения. Как бы ни велики были «подарки» ханьского двора, их количество все равно уступало военной добыче кочевников от набегов. Один из высокопоставленных чиновников подчеркивал в своем докладе императору: «Стоимость захваченного грабежами исчислялась миллионами монет в год, в то время как подарки по договору о мире, основанном на родстве, не превышали 1000 цзиней золота»³⁴. Набеги продолжались вплоть до упадка Хуннской державы.

v

Долгое время представления о хунну были основаны главным образом на сообщениях китайских летописцев, отражавших в своих сочинениях официальную политику китайского правительства. Поэтому неудивительно, что в их описаниях хунну предстают неотесанными и жадными варварами, имеющими «лицо человека и сердце дикого зверя». С точки зрения летописца, номады как бы воплощали в себе комплекс всех возможных и невозможных человеческих пороков: они не имеют оседлости и домов, письменности и системы летосчисления (а значит, и истории!), земледелия и ремесла. Они едят сырое мясо и с пренебрежением относятся к старикам, не заплетают волосы по китайскому обычаю и запахивают халаты на противоположную сторону. Наконец они женятся даже на своих собственных матерях (!) и вдовах братьев³⁵. Ну как можно относиться с уважением к такому народу!

Археологические исследования позволили преодолеть тенденциозность древнекитайских хроник. Отсчет хуннской археологии ведется с 1896 г., когда троицкосавским врачом и краеведом Ю.Д.Талько-Грынцевичем были начаты раскопки погребальных памятников в окрестностях г. Кяхта. Всего им было исследовано около 100 хуннских могил. Впоследствии по-

иск и раскопки хуннских погребальных памятников велись многими исследователями СССР/России (А.В.Давыдова, П.К.Козлов, П.Б.Коновалов, С.С.Миняев, Г.П.Сосновский, С.А.Теплоухов и др.), Монголии (Ц.Доржсурэн, Х.Пэрлээ, Н.Сэр-Оджав, Д.Цэвэндорж и др.), Китая (Го Сусинь, Сюн Суньжуй, Тянь Гуанцзинь, У Энь и др.), Японии (Эгами Намио, Като Симпей) и ряда других стран. К настоящему времени на территории Монголии и Забайкалья обнаружено более 3,5 тыс. хуннских могил, более 500 из которых уже раскопаны³⁶.

Наиболее известный из хуннских погребальных памятников — это могильник знати в Ноин-Уле (примерно в 90 км к северо — северо-западу от столицы Монголии Улан-Батора). Он исследовался в 1924—1925 гг. Монголо-Тибетской экспедицией под руководством известного русского путешественника и исследователя П.К.Козлова. В результате раскопок были получены сенсационные археологические материалы³⁷, которые продемонстрировали всему миру предвзятость оценок китайскими хронистами культуры своих северных соседей. Находки с большим успехом демонстрировались на международных выставках в Берлине (1929 г.), Ленинграде (1935 г.), Лондоне (1937 г.). Особенно уникальные и хорошо сохранившиеся находки были обнаружены в кургане № 6: изысканные ковры, одежды, шелковые ткани, золотые и бронзовые украшения, предметы труда и быта. Удалось даже точно определить дату сооружения этого кургана. На одной из находок (лаковой чашечке) была сделана надпись, которая указывала место (Шанлинь) и дату (2 г. до н.э.) ее изготовления. Не без оснований исследователи считают, что в этом кургане был похоронен хуннский шаньюй Учжунлю (8 г. до н.э. — 13 г. н.э.), которому данная чашечка была преподнесена вместе с другими богатыми дарами во время его визита в Шанлинь в 1 г. до н.э.³⁸

Внешний вид гробниц хуннской аристократии весьма внушителен. Для погребения покойного выкапывалась глубокая яма, как правило, прямоугольной формы, которая сужалась ступами на глубину 10—15 м. С южной стороны в яму вел пологий «шлейф»-дромос. На дно ямы ставился двойной деревянный сруб, внутри которого помещался гроб. Изнутри сруб и гроб украшались коврами и шелковыми драпировками, на пол ставился многочисленный богатый сопроводительный инвентарь, ритуальная пища. На поверхности после засыпки ямы сооружалась каменная кладка. Некоторые курганы имели более

сложную внутреннюю конструкцию. Так, например, курган № 54 в Ильмовой пади был разделен одной продольной и четырьмя поперечными каменными стенками-перегородками на 10 равных камер. Эти стенки-перегородки были сооружены одновременно с засыпкой ямы после установления гроба и возводились параллельно с засыпкой всей ямы³⁹.

Погребение менее знатных лиц характеризуется более простым погребальным обрядом, меньшим количеством сопроводительного инвентаря и украшений. Простых кочевников хоронили в небольшой яме (примерно до 2 м), куда ставился деревянный гроб. В загробный мир покойника сопровождали предметы вооружения и сбруи, орудия труда, пища. Сверху погребения сооружалась небольшая каменная кладка.

К сожалению, поселения и городища хунну изучены гораздо хуже погребальных памятников. В настоящее время на территории Монголии и Бурятии обнаружено более 20 хуннских стационарных населенных пунктов, примерно половину из которых составляли укрепленные городища⁴⁰.

Самое изученное — Иволгинское городище, расположенное неподалеку от г. Улан-Удэ. Городище представляло собой неправильный прямоугольник со сторонами примерно 200 на 300 м. С трех сторон оно было защищено четырьмя невысокими валами с частоколом наверху и тремя рвами между ними, с четвертой стороны городище защищала река. Многолетними археологическими исследованиями вскрыто около 8 тыс. кв. м, что составляет почти пятую часть от общей площади городища, исследовано более 50 жилищ, а также много иных хозяйственных и пр. сооружений⁴¹.

Установлено, что большинство жителей городища занимались земледелием, оседлым животноводством и рыболовством. В результате раскопок обнаружены сошники, мотыги, серпы, зернотерки, рыболовные крючки и грузила, многочисленные кости рыб и, главным образом, домашних животных (собаки, овцы, крупный рогатый скот, свиньи). Наряду с сельским хозяйством часть жителей занималась и ремесленным производством. По концентрации в отдельных жилищах находок разных категорий можно проследить специализацию их обитателей. В одном из жилищ обнаружено большое число изделий и заготовок из кости, в другом — железные орудия труда и формочки для отливки металла, в третьем — много керамики и керамического брака, в четвертом — панцирные пластины и другие

предметы вооружения. Примерно в центре городища находилось самое большое жилище, которое предположительно связывается с «домом наместника»⁴².

Технологический уровень хуннской металлургии был более высоким в сравнении с соседними культурами Великой Степи. Ремесленники Хуннской державы наладили массовое изготовление железных изделий: орудий труда, кинжалов, наконечников стрел и копий, упряжи, предметов быта. Высокого мастерства достигли и хуннские бронзолитейщики, косторезы и ювелиры. Искусство хунну сочетало самобытные местные традиции с мотивами так называемого «звериного стиля» скифо-сибирских степных культур Евразии⁴³. Преобладали зооморфные мотивы: изображения различных диких и домашних животных — грифон, козел, баран, тигр, олень, лошадь и т.д. Изучение химического состава хуннских бронз показало, что для их отливки использовались сложные сплавы, неизвестные соседним с хунну культурам, что также свидетельствует о самостоятельном очаге хуннской ремесленной традиции⁴⁴.

Рядом с Иволгинским городищем был расположен могильник, в котором в 216 могилах захоронены 244 человека. Раскопки могильника показали, что для населения городища была характерна многоступенчатая имущественная дифференциация. По особенностям погребального обряда выделяются пять иерархических групп у мужчин и четыре у женщин⁴⁵. Интересно заметить, что в погребениях двух самых бедных групп у мужчин и двух самых бедных групп у женщин отсутствуют кости баранины (типичный признак монголоязычных кочевников). Возможно, это свидетельствует об иноэтничности данных групп и более низком социальном статусе. Многонациональный характер населения городища подтверждают конструктивные особенности иволгинских жилищных сооружений и антропологический анализ. По всей видимости в состав населения входили: 1) представители хуннского этноса; 2) потомки местных аборигенов («плиточники»?); 3) китайцы из числа многочисленных перебежчиков и военнопленных⁴⁶.

VI

Традиционно принято выделять природные (глобальное усыхание степи, падеж скота вследствие джуртов или эпизоотий и т.д.), внешние (нашествие врагов, военное поражение, эконо-

мическое отставание и пр.) и внутренние (демографический взрыв, ведущий к миграции, центробежные импульсы и междоусобицы и т.п.) причины кризисов степных держав⁴⁷.

Различные гипотезы⁴⁸, высказанные относительно причины гибели Хуннской державы, сосредоточены, главным образом, вокруг двух из вышеперечисленных причин: 1) возможно, упадок хунну и их миграция на запад были вызваны различными глобальными (усыхание степей) и локальными (джут, нашествие саранчи и пр.) природно-климатическими катаклизмами (Г.Е.Грумм-Гржимайло, А.Тойнби, Л.Н.Гумилев и др.); 2) разделение державы вызвано внутренней борьбой различных партий в хуннском обществе («военной», «автократической» «антикитайской» против «придворной», «конфедеративной» «прокитайской») (О.Латтимор, Л.Н.Гумилев, Т.Барфилд) или же «перегревом» этногенетических процессов, когда избыточная пассионарная энергия разрывает этническую систему — борьбой «пассионариев», ведомых военными вождями, против «гармоников», возглавляемых старейшинами южан — носителями прежних традиций (Л.Н.Гумилев).

Не исключено, что все эти версии дополняют друг друга. Правда, многое тем не менее остается непонятым. Действительно, распад Хуннский империи приходится на пик максимального усыхания⁴⁹. Однако современные палеогеографические данные не позволяют однозначно ответить на вопрос, совпадают ли ритмы усыхания-увлажнения с ритмами расцвета-упадка кочевых империй⁵⁰.

Не очень понятно и то, насколько повлияли на гибель империи засуха и нашествие саранчи, поразившие в середине 40-х гг. I в. в течение нескольких лет Монгольские степи. «Земля на несколько тысяч ли лежала голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство их умерли или пали»⁵¹. Но климатические стрессы в хуннской истории бывали и ранее. Тем более что за эти годы никто из внешних соседей не совершил на Хунну ни одного набега.

Быть может, ключ к разгадке находится во второй причине? Да, хуннская держава распалась, и этому должны были послужить какие-то причины. Но какие? Династийные усобицы, борьба различных политических группировок элиты или же необратимые энтропийные этнические процессы? Не исключено, что в данной ситуации играла роль несколько более общая закономерность, которую можно проследить в той или иной

степени во всех империях кочевников Евразийских степей — существование в кочевых обществах практики полигамии и специфической для кочевников «удельно-лествичной» системы наследования.

Дело в том, что воспроизводство элиты у кочевников осуществлялось в геометрической прогрессии, намного опережая реальные экологические возможности скотоводческого образа жизни. Если теоретически допустить, что некий представитель кочевой аристократии имел как минимум пять сыновей от главных жен, то при таких же темпах воспроизводства он должен был бы иметь 25 внуков и 125 правнуков! При таких темпах прогрессии через 60—70 лет наследники могли так расплодиться, что на каждого правнука должна была приходиться доля менее 1% от первоначального состояния основателя династической линии. Но это всего при пяти сыновьях! Можно напомнить, что Чингисхан имел, например, 500 жен и наложниц. Его старший сын Джучи имел 140 сыновей. Пятый из великих монгольских ханов Хубилай имел 22 сына от четырех главных жен и еще 25 сыновей от наложниц.

Разумеется, в реальности все было сложнее. Многие умирали от болезней, сурового климата, погибали в военных походах (в 40 лет мужчина считался ветераном). Далеко не все потомки имели право на наследование статуса, равного положению своего родителя (как правило, преемником мог быть старший сын от главной жены или он и его единокровные братья). Но всегда находились исключения для любимчиков или детей от молодых любимых жен. Что же касается многочисленных близких и дальних родственников правителя державы (это касается и хуннских шаньюев), то в их жилах текла голубая «королевская» кровь, и все члены «золотого» рода имели право претендовать на место в политической иерархии.

Так или иначе, возможности обеспечить всех достаточным количеством подчиненных людей и скота были строго лимитированы продуктивностью пастбищ. Нелишним будет напомнить, что средняя плотность населения в кочевых обществах во многие десятки раз меньше плотности населения в доиндустриальных земледельческих цивилизациях.

Можно согласиться с мнением П.А.Сорокина, выявившего на большом сравнительно-историческом материале, что воспроизводство элиты вследствие слабой селекции приводит к политической нестабильности, социальным беспорядкам и к

революции⁵². Можно проследить два таких кризиса в хуннском обществе. Первый раз возникшая между представителями знатных хуннских родов конкуренция привела к гражданской войне 58—36 гг. до н.э., а во второй раз — к окончательному распаду империи в 48 г. н.э. на северную и южную конфедерации⁵³.

Обе конфедерации по социальному устройству были похожи между собой. У тех и у других существовало деление на два крыла (вместо троичной структуры при Модэ), система аналогичных высших и других рангов, одинаковая система наследования⁵⁴. Правда, северная хуннская конфедерация изначально была раза в два — три крупнее.

Северный шаньюй пытался следовать традиционной дистанционной политике кочевников в отношении Китая. В 51, 52 и 55 гг. он тщетно пытался заключить «Договор о мире, основанном на родстве». Императорский двор упорно не шел на заключение договора, а ханьские «подарки» были ничтожно малы в сравнении с демонстративно щедрыми дарами южному шаньюю. Это существенно снижало престиж северного шаньюя в глазах подданных; алчные до шелка, изысканных продуктов и иных диковинок кочевники понемногу стали откочевывать в пределы южной конфедерации.

Шаньюй был вынужден сменить тактику. Примерно на рубеже 50—60-х гг. I в. н. э. северные хунну возобновляют набеги на Китай. Набеги оказались результативными. Трудно сказать почему, но в данной ситуации южные хунну не смогли выполнить функции буферной политики между Монгольской степью и Китаем. В результате в 63 г. н.э. ханьская администрация пошла на заключение официального договора с шаньюем северной конфедерации, а также на открытие приграничных рынков. Данное решение оказалось политической ошибкой китайских дипломатов. Официальное признание со стороны Китая существенно подняло престиж северного шаньюя. С юга потянулись недовольные китаизацией номады. Набеги и грабежи продолжались. Кочевники до того затерроризировали приграничное население, что, по словам Фань Е, в Хэси ворота городов держались закрытыми даже в дневное время.

Положение изменилось только в конце 70-х гг. I в. н.э. В этот период «северные варвары ослабли, их сообщники отложились». Возможно, это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, косвенные данные указывают на ослабление власти и престижа северного шаньюя. С 83 г. н.э. упоминают-

ся случаи откочевок на юг. С каждым годом их становилось все больше и больше. Можно предполагать, что ухудшение положения шаньюя было связано с тем, что: 1) прекращение набегов прекратило приток в Халху земледельческо-ремесленной продукции; 2) южные хунну перекрыли и другой канал поступления нескотоводческой продукции в Степь; они активно мешали приграничной торговле между ханьцами и северными хунну; 3) не исключено, что откочевки являются также и следствием начавшихся усобиц. Во-вторых, как часто бывает, вмешалась природа. В 88 г. Халха-Монголию постигло нашествие саранчи. В-третьих, южные хунну стали для китайцев не столько надежным буфером от набегов кочевников из-за Гоби, сколько опытным союзником в организации карательных рейдов на свою историческую родину. В-четвертых, внешнеполитическая обстановка сложилась исключительно против северного хуннского союза. В этот период территории Монголии подвергались постоянным нашествиям со всех сторон: «...южные кочевья (хунну. — Н.К.) нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения западного края с правой стороны»⁵⁵. В такой ситуации уцелеть было практически невозможно.

Первый удар нанесли сяньбийцы. В 87 г. они разгромили войска северных хунну, захватили в плен шаньюя, отрубили ему голову и с уже мертвого тела содрали кожу. По данным китайских хронистов, около 200 тыс. номадов капитулировало ханьцам поблизости от границы Китая. Через два года совместная ханьско-южнохуннская армия пересекла Гоби и разбила войска северного шаньюя на его собственной территории. Пленено было свыше 200 тыс. чел. Такого успеха на протяжении всей истории хунно-ханьских отношений китайцы самостоятельно не добивались никогда. В том же году южнохуннский левый лули-ван разгромил ставку северного шаньюя, захватил его яньчжи, несколько ближайших родственников и предмет особой гордости — государственную печать из яшмы. Еще через два года китайцы нанесли последнее поражение северным хунну, после которого шаньюй бежал в неизвестном направлении.

Еще Л.Н.Гумилев писал о четырех ветвях хуннского этноса, первая из которых подчинилась сяньби, другая южная — китаяцам, третьи — «неукротимые» — отступили в Европу, четвертые — «слабосильные» — укрепились в Тарбагатае, а потом

в Семиречье и Джунгарии⁵⁶. История наследников хунну выходит за рамки настоящего исследования⁵⁷. Однако «вплоть до тюркютов на берегах Окса и Яксарта сверкали зловеще алыми альмандинами геммы последних гуннов»⁵⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Публикации источников на русском языке: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, Т. I—II; *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 1. М., 1968. Вып. 2. М., 1973.
- ² Наиболее полная сводка: *Сухбаатар Г.* Хозяйство, общественный строй, культура, этническое происхождение хунну (IV в. до н.э. — II в. н.э.). Улан-Батор, 1980 (на монг. яз.). На русском языке история хунну по письменным источникам лучше всего систематизирована в работе: *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960 (см. также дискуссию по этой книге в «Вестнике древней истории». 1961 № 2, 1962 № 3).
- ³ Наиболее крупные публикации археологических источников: *Доржсүрэн Ц.* Северные хунну. У.Б., 1961 (на монг. яз.); *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976; *Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985; *Она же.* Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб., 1995. Т. II. Иволгинский могильник. СПб., 1996 и др.
- ⁴ Более подробно см.: *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье, гл. 1; *Она же.* Некоторые итоги и задачи изучения хунну // *Древние культуры Монголии*. Новосибирск, 1985.
- ⁵ 100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тез. докл. межд. конф. / Отв. ред. С.В.Данилов. Ч. 1—2. Улан-Удэ, 1996.
- ⁶ *Миняев С.С.* К проблеме происхождения сюнну // Бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985; *Она же.* «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // XXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1990. Ч. 2. С. 149—153; *Боровкова Л.А.* 1990. Где и когда сюнну вышли на историческую арену // Там же. С. 3—12 и др.
- ⁷ *Миняев С.С.* К проблеме происхождения сюнну; *Она же.* Исчезнувшие народы. Сюнну // *Природа*, 1986. №4; *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у дер. Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // *Китай в эпоху древности*. Новосибирск, 1990; *Коновалов П.Б.* О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. С. 58—63 и др.
- ⁸ *Цыбиктаров А.Д.* Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. канд. дис. М., 1989. С. 11—15.
- ⁹ *Тянь Гуанцинь.* 1983. Археология сюнну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // *Каогу сюебао*. 1983. №1. С.27—35 (на кит. яз.); *Унь.* О некоторых проблемах археологического изучения сюнну // *Каогу сюебао*.

1990. № 4 (на кит. яз.); *Коновалов П.Б.* О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. С. 60—62 и др.
- ¹⁰ *Варенов А.В.* Датировка оружия, изображенного на оленных камнях монгол-забайкальского типа и проблема археологических памятников ранних Сюнну // 100 лет гуннской археологии. С. 3—6.
- ¹¹ *Крадин Н.Н.* Легенда о Модэ и образование Хуннской империи // 100 лет гуннской археологии. С. 44—46; *Он же.* Империя хунну. Владивосток, 1996. С. 28—34.
- ¹² *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 96—97, 241—257.
- ¹³ Там же. С. 96.
- ¹⁴ Там же. С. 100.
- ¹⁵ *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960. С. 79.
- ¹⁶ *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 216.
- ¹⁷ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 40.
- ¹⁸ *Barfield T.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1992. P. 38.
- ¹⁹ *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992; *Он же.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995; *Он же.* Империя хунну.
- ²⁰ *Крадин Н.Н.* Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. М., 1993. С. 199—205.
- ²¹ *Barfield T.* The Perilous Frontier. P. 45—53.
- ²² Ibid. P. 47, 81 note 21.
- ²³ *Гумилев Л.Н.* Хунну. Гл. 7—10.
- ²⁴ Подробнее см.: *Крадин Н.Н.* Империя хунну. С. 50—51, 55, 58—63.
- ²⁵ *Yu Ying-shih.* The Hsiung-nu // The Cambridge History of Early Inner Asia. Ed. by D.Sinor. Cambridge, 1990. P. 122—125.
- ²⁶ Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 22.
- ²⁷ *Barfield T.* The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. // Journal of Asian Studies, Vol. XLI. 1981. No 1. С. 45—61.
- ²⁸ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 41.
- ²⁹ Там же. С. 42, 71—72.
- ³⁰ *Barfield T.* The Perilous Frontier. P. 47.
- ³¹ *Yu Ying-shih.* Trade and Expansion in Han China. Berkeley, 1967. P. 40—64.
- ³² *Крадин Н.Н.* Империя хунну. С. 64.
- ³³ Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 68.
- ³⁴ Там же. С. 66.
- ³⁵ Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 34—35, 45—46; Вып. 2. С. 66—67, 96—98 и др.
- ³⁶ *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. С. 21—22; *Цэвэндорж Д.* Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 51—53; *Он же.* Новые памятники хуннской знати // 100 лет гуннской археологии. С. 13—16;
- ³⁷ Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монгольско-Тибетской экспедицией П.К.Козлова. Л., 1925; *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- ³⁸ *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 37—38.
- ³⁹ *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье. С. 153—154.
- ⁴⁰ *Киселев С.В.* Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2;